

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ХРОНИКИ XXXIII МИРОВ

БОРИС ИВАНОВ

СКРИЖАЛЬ
ДУРНОЙ ВЕСТИ

Annotation

В романе Бориса Иванова из серии «Хроники Тридцати Трех Миров» переплетается судьба галактического шатуна-взломщика Шаленого — Шишела-Мышела, мистического Перстня, украшенного Камнем Сатаны, исследований в области физики вакуума и палеоконтакта и судьбы Вселенной — ни больше ни меньше. Дело происходит далеко от Земли, на одной из планет колоний Федерации Тридцати Трех Миров.

Книга примыкает к ранее опубликованным произведениям о федеральном следователе Кае Санди. Но хронологически ее действие предшествует другим повестям этой серии. Дмитрию Шаленому еще только предстоит встретиться с Каем.

Борис Иванов
Скрижаль Дурной Вести

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

БОРИС ИВАНОВ
СКРИЖАЛЬ
ДУРНОЙ ВЕСТИ

РОМАН

Е Москва, 1999
АРМАДА
&
«Издательство Альфа-кинг»

*Когда человек узнает, что движет звездами,
Сфинкс засмеется, и жизнь на Земле иссякнет.*

Иероглифы на каменной стеле Абу-Симбела

*Хаос — это тот порядок, который был уничтожен при
сотворении Вселенной.*

Одно из определений

*И вот теперь, после долгих поисков и размышлений, я, кажется,
могу продолжить историю Кольца Всевластья*

Гэндальф Серый

Глава 1

БОГ ПУТАНИЦЫ

Вот уж чего-чего, а того, что самые важные для затеянного им мероприятия события происходят в четырех с лишним километрах от него, в башне Департамента науки, Дмитрий Шаленый и подумать не мог, когда припарковывал свой потертый «горби» к замусоренной обочине Сурабайя-стрит, в полутора метрах от узкой щели извилистого прохода на Гранд-Театрал. Местечко это было не из самых живописных в Нижнем городе.

Ни одному бездельнику, из тех, кому случайно приспичило заглянуть в помянутую щель, не приходило в голову задуматься над тем, что он облегчает свой мочевой пузырь в двух шагах от мусоросбросных люков «Расмус билдинга» — вполне респектабельного, на Гранд-Театрал фасадом выходящего здания, в котором целый блок на первом этаже испокон веку арендовал филиал «Джевелри трэйдс» Мелканяна. Всем это было до лампочки.

Вылезать из своей пропахшей табаком тесноватой тачки Шишел-Мышел (Шаленого в узком кругу специалистов знали именно под этой кличкой) не спешил. Осмотрительность в своем деле он всегда считал залогом успеха. На то у него были самые серьезные основания. Правда, для человека его габаритов терпеливое ожидание за рулевой колонкой старенького «горби» — с ушами, практически зажатыми между коленками, — было немалым испытанием. Но выждать стоило: как назло прямо напротив вожделенной щели был припаркован патрульный «козел», за рулем которого покуривал, чего-то, видно, тоже ожидая, коп. Вдали, на расцвеченной рекламой башне Пугачевского центра, часы показывали без четверти восемь вечера. От скуки Шаленый стал обозревать место действия. С трудом повернув затекшую шею, он совершенно безразличным взглядом окинул громоздящиеся за рекой высотные корпуса Делового центра, среди которых башня Департамента науки не выделялась ровно ничем. В ущельях деловых корпусов уже зажигались огни. Как всегда, в летнее вечернее небо Малой Колонии торопливо загружались иссиня-черные тучи предстоящей ночной грозы. Шаленый зевнул. Наплевать ему было на сей урбанистический пейзаж. А на башню департамента — тем более. Взорвись она и провалится.

Из пиццерии Каштоянца вышел груженный парой фирменных пакетов напарник кемарившего за рулем копа, вслед за чем вывеска забегаловки погасла — на Сурабайя закрывали рано. Водила полицейской колымаги торопливо вышвырнул на мостовую окурков, и тот рубиновым огоньком запрыгал у самых колес «горби». Старший по чину погрузился в кабину, и патруль, снявшись с прикола, убыл восвояси. Из-за угла вывернул подозрительный придурак, прилепил к столбу объявление («Куплю подержанный трейлер в хор. состоянии») и уплыл по течению. Все. Сурабайя-стрит опустела часов на восемь-девять. Шаленый досчитал до ста сорока восьми, вылез на мостовую, оставив ключ в замке зажигания, и не торопясь, продолжая играть на несуществующую аудиторию, стал, поддергивая штаны, приближаться к проходу на Гранд-Театрал. Перед тем как войти в него, он еще раз обернулся на пейзаж вечернего города. Его ничуть не встревожило то, что один из освещенных корпусов Делового центра вдруг погас. Весь сразу. Этому, надо сказать, предшествовали некоторые события.

Представитель Президента с удовлетворением обозрел общество, собравшееся в

Овальном кабинете девяносто третьего, «поднебесного» этажа правительственного корпуса, приютившего опекающий науку Малой Колонии департамент. Никого лишнего. Заинтересованные лица были представлены расплывшимся в милостивой улыбке господином С. Апостопулосом и нетерпеливо потирающей ладошки командой профессора Р. Мак-Аллистера в составе четырех очкастых светил науки и самого профессора — лысого, как колено, хищно ослабившегося руководителя программы «Мессенджер».

Двое ничем не примечательных господ из Контрразведки Колонии терпеливо коротали время в кабинете за дверью слева, еще двое их, по всему судя, единоутробных близнецов из Федерального управления расследований занимались тем же делом в чуть более комфортабельном кабинете за дверью справа. Непосредственно на месте действия благополучное протекание предстоящего священнодействия обеспечивали адвокат проклятого мафиози (иные категории к почтенному Спиро Апостопулосу в неофициальных разговорах обычно не применялись), сам Представитель и декан факультета междисциплинарных проблем — преподобный Д. Лакост. Подобно богу Саваофу на старинных картинках, над собравшимися, казалось, парил дородный и благообразный член директората «Гэлэкси иншуранс» мистер Строк. Присутствовали полдюжины репортеров с аппаратурой и без, двенадцать вполне дееспособных охранников и четверо хануриков с телевидения. Последние подзамешкались, но наконец приспели к самому началу церемонии. Публика попивала кофе из пластиковых стаканчиков, жевала сэндвичи с филе болотного птицеяда — все было очень скромно и благопристойно. Сквозь панорамные окна открывался идиллический вид на раскинувшийся на холмах за излучиной реки Старый город. Над Гранд-Театрал уже полыхало холодное пламя голографических реклам, клоповник Нижнего города милостиво скрыла тьма. Видимые со всех концов Столицы часы немисливо вульгарного Пугачевского центра показывали без четверти восемь. Пора было начинать.

— Господа! — провозгласил Представитель, обращаясь главным образом к прессе. — Мы сочли возможным пригласить вас на скромную, но полную значения церемонию, которая, будем надеяться, послужит примером для построения отношений между предпринимательскими кругами нашей Колонии и ее научной общественностью. Наше начинание будет реализовано под эгидой Первого Лица государства и планеты. К сожалению, известные всем обстоятельства политического характера не позволяют господину Президенту лично присутствовать в этом кабинете, и представляет его особу ваш покорный слуга...

Выдержав паузу, разбавленную вежливыми аплодисментами, Представитель Первого Лица передал слово уже изготовившемуся к выступлению адвокату почтенного господина Апостопулоса.

Тот поведал собравшимся давно навязшую в зубах всем в Колонии и довольно плачевную саму по себе историю Первой Археологической, вслед за чем, умело миновав сколь-либо путное упоминание о кровавой сумятице эпохи Изоляции, вдруг бодро перешел к лихому панегирику новейшим временам. После чего наконец раскрыл средствам массовой информации всем давным-давно известную тайну местонахождения пресловутого Дьяволова Камня. Хотя со времен предпоследней гражданской войны самая таинственная в ближайших трех обитаемых мирах драгоценность официально считалась утерянной и не появлялась на свет божий, сведущий народ знал, что здоровенный черный бриллиант, вправленный в платиновый перстень, украшает коллекцию именно Картавого Спиро. Каким образом он

туда залетел, оставалось темой для упражнения фантазии любопытствующих лиц, равно как и происхождение состояния упомянутого джентльмена вообще. Не было на эти скользкие темы сказано ни слова и на этот раз. Собственно содержательная часть адвокатской речи сводилась к констатации того для всех приятного обстоятельства, что движимый исключительно помыслами о благе и приумножении наук в Малой Колонии господин Апостопулос временно передает для изучения в Отделе специальных исследований знаменитый реликт Изначальных Эпох, известный как Скрижаль Дурной Вести или Дьявол Камень.

— Интересно, за какое место спецслужбы зацепили Картавого, что он стал таким добреньким? — пробурчал себе под нос Уолт Новиков из «Дейли эдвенчер», томившийся от безделья в репортерском ряду.

Столь же явно скучавший сбоку от него Перес из «Полицейской хроники», которому, собственно, и было адресовано бурчание, нимало не стесняясь присутствием дам, охотно пояснил за какое.

— А вообще-то заявленьце-то довольно двусмысленное... — добавил он, пожевав неразожженную по причине строгого на то запрета сигару. — Получается, что правительство признает права Картавого на Чертов Камушек. А ведь до всех тех заварушек вещь за президентской казной числилась...

Смахивающий на кривоногого Пиноккио адвокат господина Апостопулоса бросил взгляд в сторону утробно рокочущего репортерского ряда и закончил свою тираду кратким упоминанием о том, что непременным условием происходящей передачи Дьяволова Камня в руки ученой братии является применение исключительно неразрушающих методов анализа. Сами же исследования не должны были при всем этом занять более четырех месяцев, после чего до конца года пресловутая драгоценность будет выставлена в Национальной галерее, а затем — возвращена законному владельцу.

— Законному? — с величайшим удивлением пророкотал из-за плеча Новикова Перес, переправляя недожеванную сигару из одного угла рта в другой. Никакой реакции на реплику не последовало, и действие продолжалось своим чередом.

Безмерное великодушие Картавого Спиро подразумевало, разумеется, определенную компенсацию, ввиду чего до сведения почтенной публики было доведено, что демонстрация Камня в Национальной галерее будет платной, и по этой причине только состоятельная часть населения и гостей Малой Колонии...

Последовали сдержанные чертыханья в аудитории вообще и уж вовсе не сдержанные высказывания представителей прессы в частности.

— Впрочем, — вежливо перекосившись, сообщил господин адвокат, — для инвалидов, умственно неполноценных лиц и представителей средств массовой информации будут предусмотрены определенные часы, когда тариф...

Заключительные пассажи адвокатского красноречия утонули в легком гвалте, связанном с тем, что двое дюжих сотрудников охранной фирмы воздвигли на полированный пьедестал внушительный титановый кейс и приготовились, судя по всему, по знаку председательствующего явить его содержимое нетерпеливым взглядам собравшихся. Однако Представитель Президента, дождавшись полного успокоения не слишком многочисленной, но настырной аудитории, с улыбкой профессионального садиста предложил присутствующим представителям прессы перейти к вопросам. Потерявшие терпение операторы ТВ стали активно работать локтями, пробираясь ближе к предмету всеобщего

интереса. В наступивших тишине и благолепии они напоминали тараканов, забравшихся в вазочку со взбитыми сливками.

— Не объяснит ли глубокоуважаемый господин Апостопулос, при каких обстоятельствах он сделался обладателем бесценной реликвии времен Первых Высадок? — опередив всех присутствующих, задал первый, совершенно естественный и чудовищно бестактный вопрос светский обозреватель «Голоса».

Только этот невероятно элегантный пижон мог, не поперхнувшись, выговорить кощунственную фразу, глядя в прикрытые драгоценными стеклами антикварных очков бесстрастные глаза Картавого Спино. Ответить, впрочем, не замедлил адвокат оного.

— Имеются юридически достоверные свидетельства, — уверенным голосом стал вещать он, — наследственной принадлежности так называемого Дьяволова Камня старшей ветви рода новоодесских Апостопулосов, единственным дееспособным представителем которой является...

— Но ведь еще шесть лет назад таможня Парагеи чуть было не конфисковала Дьяволов Камень в багаже небезызвестного Желтого Лоу?! — с легкой хрипотцой в голосе осведомилась Энни Чанг из «Галактического бюллетеня». Как аккредитованному репортеру федеральной прессы, ей было в высшей степени наплевать на необходимость соблюдения такта в отношении здешних авторитетов.

— В задачу нашей с вами встречи никак не входит комментирование всевозможных слухов о чуть было не случившихся событиях, распространяемых по неофициальным каналам... — парировал неожиданное нападение господин адвокат.

— Вы считаете информационный бюллетень Интерпола неофициальным каналом распространения информации? — Аристократическая физиономия Энни изобразила такой сарказм, что только крайний непрофессионализм людей с ТВ позволил им обойти вниманием этот феномен мимики. — И надо ли вас понимать так, что уже тогда Камень являлся собственностью господина Апостопулоса?

— Я уже пояснил, что умопостроения по поводу различных высказываний чинов инопланетных правоохранительных служб вряд ли украсят нашу беседу и уж никак не относятся к ее теме. — Господин адвокат лихорадочно искал глазами в публике хоть кого-нибудь, кто помог бы ему перевести ход пресс-конференции в иное — не столь дурацкое и щекотливое — русло. Такой спаситель нашелся.

— Скажите, — воздел в воздух золоченый электрокарандаш Уолт, — как относится господин Апостопулос к легенде о магической силе Дьяволова Камня? Не страшно ли чувствовать себя обладателем такой зловещей реликвии?

Не то чтобы Новикову так уж хотелось вытягивать стряпчего Картавого Спино из образовавшейся лужи — вовсе нет. Но ведь надо же было в конце концов снабдить читателей хоть несколькими строчками чего-то, не вызывающего непреодолимой зевоты. На пережевывании криминальной сущности упомянутого Спино сделать это было решительно невозможно. Всем он осточертел хуже горькой редьки.

Глаза господина Апостопулоса оживились, наполнились огоньком интереса к проблеме.

— Уважаемый господин... э-э... Новикофф, — низким и натурально картавым баритоном начал он, жестом отстранив рванувшегося в бой верного подручного Фемиды и потратив секунд восемь на считывание фамилии вопрошающего с монитора, — я с большим интересом отношусь к легендам, связанным с фамильной драгоценностью нашей семьи, и

могу считаться, — тут Картавый Спиро окинул рассеившуюся перед ним компанию жалких снобов орлиным взором, — лучшим специалистом по такого рода фольклору... Меня не страшат все эти леденящие кровь истории, хотя... — тут господин Апостопулос выдержал эффектную — в традициях классических театральных подмостков начала восемнадцатого века — паузу, — хотя я не назвал бы некоторые из них досужими выдумками...

— Значит, — встрял в его монолог какой-то магрибинец с Архипелага, — вы не отрицаете, что есть все-таки доля истины в...

— Есть, мой друг, есть... И немалая. Ну кто, к примеру, станет отрицать историю гибели экспедиции Ди Маури? Смерти Мураты? Или, если уж на то пошло, подлинность дневников адмирала Шайна? Между тем этот человек не был ни сумасшедшим, ни наркоманом...

— Но ведь это могло быть просто... э-э... формой разрешения его скрытых литературных амбиций... Проще говоря, не фантазировал ли часом почтенный адмирал на досуге? — неожиданно поддержала повернувшую в новое русло дискуссию Энни.

— В отличие от простых смертных, — господин Апостопулос вновь уподобился горному орлу, горделиво копошащемуся в своем гнезде, — я имею в своем распоряжении полный текст дневников Шайна. Не столь давно я получил возможность приобрести подлинник, — последовала всеобщая, преисполненная почти религиозного почтения пауза, — этого документа... И этой возможностью воспользовался. Да-да, — Картавый Спиро как бы свысока покивал пиущей братии, — я немного потратился на то, чтобы пополнить свою коллекцию... э-э... предметов, так или иначе связанных с этой реликвией нашей семьи... Так вот, адмирал Шайн литературными... х-хе... потугами не грешил. Наоборот... Наоборот, дорогие мои... Более двадцати лет подряд человек заносил в свой дневник странные и... э-э... страшные события своей жизни. Как правило, сухим, как это говорят... суконным языком... Дневник он скрывал от окружающих. Тщательно прятал. Скорее всего, даже собирался его уничтожить... Но вы знаете, какой оборот приняли дела... Нет, нет, дорогие мои, фантазером адмирал Шайн никак не был... На таких фантазиях иные — вы-то это, х-хе, хорошо знаете — неплохо могли бы и заработать... А адмиралу такая мысль и в голову не приходила. Потому что, когда что-нибудь написанное... э-э... измышлено, это всегда забавно, а вот когда то, что написано — правда, так это может быть очень даже страшно и постыдно...

Последовала короткая пауза.

— Так вот, я вовсе не считаю многое из того, что рассказывают о Дьяволовом Камне, пустыми выдумками... — отрешенно продолжил господин Апостопулос.

— И тем не менее вы не боитесь обладать предметом с такой жуткой репутацией? — вернула с небес на землю ход пресс-конференции белобрыся Марта Челленджер из «Кроникл».

— Нет, не боюсь. Ибо, — тут Картавый Спиро воздел к полированного камня панелям потолка смахивающий на сухую ветку палец, — все, кого Господь наказал за обладание Роковым Камнем, ПОКЛОНЯЛИСЬ ДИАВОЛУ...

— Господь с вами, никто и никогда не слышал о том, чтобы Ди Маури, Хольц, Нарский или тот же адмирал Шайн были сатанистами, — с нескрываемой иронией прервала уважаемого негоцианта Энни.

— Все они поклонялись ложному богу, — поучительно произнес Картавый Спиро, — а это все равно что исповедовать веру в Сатану и Антихриста. Ко мне же это не относится...

Последовала неловкая пауза: заполнявшие Овальный кабинет протестанты, католики, православные, иудаисты, мусульмане, лица, исповедующие еще бог весть какие религии и не верящие ни в Бога, ни в черта, а также лица, равнодушные ко всем вероисповеданиям, безуспешно пытались сообразить — какому, собственно, богу молится старый мошенник?

— И вы осмелились бы, вопреки легенде, надеть перстень с Камнем Сатаны, так сказать, на перст? — воспользовался моментом Уолт.

— Нет. На это я не решаюсь. Взять в руки — не более... И никому не посоветую совершать с ним дерзкие эксперименты. Ибо не люди владеют Камнем, но Камень пасет людей. Он ищет Предназначенных.

— Предназначенных к чему? — с интересом осведомился давешний магрибинец.

— К тому, что определил ТОТ или ТЕ, кто сотворил Камень. И послал его нам. Может быть, тысяча человек наденут и снимут этот роковой Перстень, не оставив никакого следа в своей судьбе. Но Камень и не прейдет к ним... Он из тысячи найдет одного. И этот один не снимет Камень со своего перста до того срока, когда он выполнит ПРЕДНАЗНАЧЕННОЕ...

Повторение вслух хорошо известной многим из присутствующих легенды несколько разрядило обстановку.

— Ну что же, — взял инициативу в свои руки Представитель Президента, — пора нам взглянуть на... э-э... виновника торжества...

Картавый Спиро, к счастью, не отнес эти слова на свой счет — чего вообще-то вполне можно было ожидать — и, слегка откинувшись в своем кресле, расслабленным жестом подал охранникам долгожданный знак.

Щелкнули замки, и взорам собравшихся предстало черное бархатное нутро бронированного кейса, в глубине которого, в специальном гнезде, покоился не слишком внешне привлекательный, только очень уж большой и черный, странной плоской огранки алмаз, вправленный в тусклый металл кольца. Публика вежливо, но вяло подалась вперед. Только операторы телевидения проявили недюжинную энергию, прорвавшись наконец в первый ряд.

— Обратите внимание на совершенно нехарактерную форму бриллианта, — вступил в дело один из членов команды профессора Мак-Аллистера. — Это результат не только весьма своеобразной, так сказать, «неземной» огранки, но, мы полагаем, тех крайне своеобразных условий, в которых происходила кристаллизация этого уникального...

— Разрешите... — Продвинулся вплотную к Камню конопатый оператор ТВ. Остальные трое развернулись к феномену спиной и бог весть зачем стали панорамировать камерами профессионально хмурые физиономии охранников.

— Пожалуйста, — расплылся в улыбке кривоносый адвокат и поудобнее развернул кейс к объективу. В тот же момент свет в зале погас.

Благополучно достигнув люков мусоропровода, Шишел-Мышел натянул защитные перчатки, извлек из наплечной сумки длинный суставчатый кабель-зонд и запустил его в третий слева люк. Осторожно, дециметр за дециметром, поглядывая на соединенный с кабелем датчик, он стал проталкивать свой инструмент вверх по мусорной шахте и на точно заданной высоте движением специальной рукоятки заставил металлическую змею свернуть в боковой ход.

Еще через секунду на датчике загорелся световой сигнал. Шаленый переключил на приборе пару ручек — огонек сигнала погас, другой — зажегся. Высокочастотная защита

шахты была перекинута.

Осенив себя крестным знаменем, он пустил в ход ломик и, сняв раму люка, сгорбившись, полез в открывшийся лаз. Спелеологом Шаленый был, вопреки природным габаритам, профессиональным, и шестиметровый подъем по шахте был для него левым делом. Вставленные в ноздри поглотители не то чтобы избавляли от царившего в шахте амбре, но делали его терпимым. Труднее было сориентироваться и найти нужный боковой туннель.

Отряхнувшись и осмотревшись в освещенном приглушенными светильниками коридоре, он достал на свет божий начерченный на тонком пластике план, колоду пластиковых карточек и электронную отмычку. Бесшумно, совершенно неожиданным для такой громады, как он, кошачьим шагом Шаленый стал стремительно пробираться сквозь нехитрый лабиринт конторских загоронок. Преодолев без особого труда хлипкую пластиковую стенку туалета, разделявшую совершенно изолированные, по мнению наивных арендаторов, блоки «Расмус билдинга», и спустившись по внутренней вентиляционной шахте, он, как и было намечено, оказался во владениях «Джевелри трэйд» — удивительно чистых и респектабельных. Теперь в ход пошли карточки-ключи. Проходя через оборудованную современными терминалами франтоватую канцелярию, Шаленый благодарно кивнул в пространство: днем за каким-то из столов, украшавших офис, занимал место парень, который за выездной документ и вполне приемлемую сумму наличными снабдил Шишела-Мышела подробным путеводителем по всему филиалу фирмы и подборкой электронных ключей к почти всем не слишком сложным дверям и основной системе сигнализации.

Войдя в следующую комнату, Шаленый на мгновение почувствовал себя в ловушке: широкие окна-витрины ярко освещенного торгового зала выходили прямо на залитую огнями Гранд-Театрал, и никакие жалюзи или шторы не защищали его от взглядов редковатой вечерней толпы и скучающих взглядов экипажа как раз выплывающей из-за поворота патрульной колымаги. Впрочем, Шаленый почти тут же взял себя в руки — все это было не более чем побочным эффектом чудес современной техники. Прохожие (и чертов патруль тоже) не могли видеть в витринах «Джевелри трэйдс» ровным счетом ничего, кроме красиво аранжированных голограмм сверхдорогой бижутерии и с большим вкусом исполненных подборок ювелирных изделий, подлинники которых покоились в надежных сейфах. Все это — на фоне благородного бархата. И бриллиантовая мишура, и подстилающий ее бархат выглядели отсюда, из помещения, лишь зыбкими тенями, однако хитроумная оптика окон делала совершенно невидимой для постороннего глаза внутренность торгового зала. Шишел-Мышел уже не первый раз сталкивался с такой системой. Сейчас она была ему только на руку. Поэтому он подавил недостойное солидного медвежатника желание показать язык патрульным, спокойно поставил на пол свою сумку, извлек из нее основной инструментарий и, поработав немного с сигнализацией, взялся за дверь кабинета директора.

Уолт так и не смог потом припомнить — до или после того, как погас свет, с дьявольским грохотом и звоном обрушилось стекло панорамных окон за спиной председательствующего. Последовало секунд сорок — пятьдесят кромешного ада — кто-то даже удосужился гвоздануть в потолок из ручного бластера, чем, натурально, порядка в происходящее не внес, — после чего освещение благополучно заработало вновь.

Публика ошалело озиралась и, обмениваясь бестолковыми репликами, стряхивала пыль

с ушей и недоуменно пересчитывала друг друга. Особых усилий подсчет не требовал. Все были на месте, кроме четверых людей с ТВ. Не было еще и Камня.

Не привлекая особо ничьего внимания, по стенкам оползли обработанные парализующими иглами дюжие охранники.

За то время, пока в Овальном кабинете — да, как потом выяснилось, и во всем здании — царил тьма, успели не только вылететь напрочь стекла панорамного окна. Успели еще настезь отвориться створки дверей справа и слева от председательствующего. Вся четверка джентльменов, призванных обеспечивать безопасность имевшего место действия, успела пулей вылететь из своих засадных кабинетов и теперь, цепляясь за слегка искореженную арматуру, таранилась вниз — вслед стремительно уходящей в глубину воздушной пропасти десантной платформе, груженной четверкой тех, кого завтрашняя пресса будет именовать не иначе как «дерзкими мистификаторами-похитителями», и самим объектом похищения — здоровенным черным алмазом странной огранки, известным знатокам как Скрижаль Дурной Вести, а простым смертным как Дьявол Камень, — Чертовым Камушком, короче говоря.

— Уолт, не хлопайте ушами, ради Всевышнего, — удивительно тихим, мелодичным голосом простонала Энни. — Смотрите: профессорская команда ломанула в боковой проход — эти типы явно себе на уме. Давайте за ними, пока полиция не заблокировала все ходы невыходы... Я приму здешнюю кашу на себя...

Чувствуя себя полным идиотом — это было постоянным побочным эффектом его разговоров с юной, но многоопытной мисс Чанг, — Уолт Новиков рассек начавшую приходиться в себя толпу с видом человека, который на то уполномочен, уверенно открыл дверь, за которой только что скрылась загорелая лысина профессора Мак-Аллистера, и с лихорадочной быстротой посыпался вниз по лестнице для технического персонала вниз — туда, где затихало энергичное стакатто бегущих по ступеням кованых подметок.

— Оммани-Падма-Хумм... — молитвенно сложив ладони и прикрыв глаза, произнесла вслед ему верная заветам предков-ламаистов Энни.

— Слава богу, — вынул из зубов сигару Толстяк Перес, — кажется, есть материал для репортажа.

Проклятая дверь отняла у Шаленого больше времени, чем он рассчитывал, и в самом кабинете господина Мелканяна ему не пришлось основательно приглядываться к деталям обстановки — тем более что свет включать было ему не с руки — окна кабинета, хоть и зашторенные, неплохо просматривались извне. Мерцающий сумрак царил в комнате. Что-то в углу у темного зеркала не давало тьме стать полной. Свеча-лампадка из цветного ароматизированного воска.

Шишел усмехнулся — как и большинство коренных обитателей Малой Колонии, хозяин «Джевелри трэйдс», кроме своего — армянского наверное — бога чтит еще, оказывается, и Пеструю Веру. В шутку, конечно. Пестрым Богам поклонялись только в шутку. Шишел наклонился к янтарной фигурке, украшавшей мини-алтарь. Винтари-дин-Зинвари — Строгий Бог Путаницы — сурово смотрел на него снизу вверх. В плоске алтаря тлел свежий пепел — старик Мелканян, уходя, принес Винтари жертву. Свету его лампада давала, однако, кот заплакал. Прикрывши и заперев за собой свежевскрытую дверь, Шишел пустил в дело карманный фонарик.

Нащупав лучом авторскую копию «Восшествия на престол» кисти Авакяна, он аккуратно сдвинул в сторону раму вместе с заключенным в ней шедевром и стал тщательно

исследовать открывшуюся за этим наивным прикрытием бронированную дверь главного сейфа столичного филиала «Джевелри трэйдс». Заниматься этим ему пришлось не так уж долго: даже не слухом — шестым, наверное, чувством он ощутил, что за его спиной, в торговом зале, что-то случилось. Там щелкнул замок.

— Да, — торопливо давал объяснения офицер контрразведки господину министру, — все четверо — наше звено и оба федеральных офицера — немедленно включили ранцевые движки и начали преследование платформы похитителей... Однако на уровне сорокового этажа мы вошли в облако слезоточивого газа, образованное преступниками на пути отступления.

— И ни у кого из вас не хватило ума натянуть на физиономию противогаз? — Лицо министра на мониторе выразило величайшее сомнение в умственных способностях собеседника. — Он у вас входит в штатный комплект, капитан Остин...

— К сожалению, мы не предусмотрели этого... («О каком преследовании противника на ранцевом реактивном приводе может идти речь, если на роже у тебя противогаз?») — имел в виду капитан Остин. Но не все же выдавать открытым текстом в разговоре с вышестоящим, хотя и явно безмозглым лицом.)

— Итак, пока вы и ваши коллеги как фейерверочные шутихи метались по воздуху...

— Федеральные офицеры также не успели прибегнуть к защите... Всего пострадали двое наших и четверо прохожих. Переломы и ушибы разной степени. Одно сотрясение мозга... Преступники ушли в сторону Старого города...

— Что вы предпринимаете сейчас?

— Я направил оперативных работников в наиболее вероятные точки перекупки... Однако мне еще неизвестно, кто...

— Дело будет курировать шеф полиции Столицы. Лично. Ваше дело — не пугаться у них под ногами. Технические вопросы они решат без вас. Вы же находитесь с сего момента в моем распоряжении. Вместе со всем вашим звеном. Не позднее пяти утра я жду вас с планом оперативных мероприятий. С учетом взаимодействия с полицией. Но не плетитесь у них в хвосте. Ваше дело — сработать на опережение. Вы поняли меня?

Да, конечно, капитан Остин понимал все.

Деваться было некуда. В буквальном смысле этого слова. Не-ку-да! Руки Шаленого машинально и бесшумно поставили на место чертову картину, колени полусогнулись, слух напрягся. В торговый зал через главный вход вошли не менее трех человек. Судя по всему, они и не думали от кого-либо скрываться. Шумно обсуждая что-то свое, они подошли к двери директорского кабинета.

Отработал сигнал выключения сигнализации. В замке зазвучал ключ.

Чисто автоматически, плохо соображая, что делает, Шаленый согнулся в три погибели и с для самого себя удивительным проворством юркнул в пространство под крышкой огромного письменного стола, который не столько видел, сколько ощущал у себя в тылу. Уже под звук открывающейся двери успел погасить фонарик. И тут же комнату залило мягкое сияние скрытых светильников — кто-то из вошедших коснулся сенсорного выключателя.

Вошедшие эти, как на грех, тут же сгрудились вокруг директорского стола. Шаленый узрел перед собой три пары обуви разного размера, покроя и степени изношенности. Еще

кто-то толкся по другую сторону стола.

— Ну что же, вы справились с делом блестяще, господа... — прозвучал над его головой голос с хорошо выраженным характерным акцентом. («Сам Бонифаций — вот так дела...» — констатировал про себя Шишел-Мышел.)

— Хвалите команду прикрытия, босс. — Голос отвечавшего на похвалу был моложе, грубее и не нес восточного привкуса.

Третий из собравшихся что-то сказал то ли по-армянски, то ли на каком-то незнакомом Шишелу галактическом диалекте и получил от босса ответ на том же, надо полагать, языке.

— Ты уверен в тех двух ребятах, что оставил на стреме? — снова переходя на человеческий язык, осведомился Бонифаций.

— Как в самом себе... — Отвечавший чуть иронически устало щелкнул каблуками, и Шаленый понял, что говорит обладатель потертых мокасин. — Но вы правильно сделали, босс, что не пригласили их сюда. Ребята слишком горячи.

— Тем более что один из этих ребят — девица, — с некоторой долей яда заметил босс. — Однако закончим дело...

Крокодиловой кожи штиблеты сделали шаг в сторону, и Шаленый по звуку догадался, что «Восшествие на престол» снова сдвинулось в сторону, открыв присутствующим давешний сейф. Затем последовала серия щелчков и шорохов, которые заставили Шишела-Мышела напрячься уже по чисто профессиональным причинам. Открывали секретный замок сейфа. Затем зашуршали купюры.

— По двести каждому, — благостно возгласил господин Бонифаций. — Как и договаривались, в банкнотах Федерального Кредитного...

Шаленый под столом неудачно попытался поскрести в затылке, но, будучи скован габаритами своего убежища, ограничился тем, что выпучил глаза и, озадаченно заломив бровь, предался беззвучному нашептыванию в полуоблезлую бороду. Там — наверху — делили или до смешного маленькие — но ведь кто же приглашает партнеров в обитый скок-дерева панелями кабинет, чтобы отмусолить им по две сотни кредиток? — или, если речь шла о тысячах — ведь не говорят же «по две сотни десятков» или тем более «сотен» — до смешного большие деньги. И раз делали это наличными, дело было явно темнее некуда...

Стоило господину Бонифацию или Потертым Мокасинам опустить взор, и они встретились бы глазами с недоуменным взором Шаленого. Но народ там, наверху, был слишком занят. Шуршал купюрами.

— Благодарю вас, ребята, — сурово молвили Мокасины, обращаясь к своим безмолвным подручным. — До четверга — ложитесь на дно. Если Глазастый за это время снова залетит по пьянке в околоток, то — клянусь — изуродую так, что родная мать не узнает... — Последнее относилось, судя по нервической реакции, к Новеньким Кроссовкам, что толклись под самым носом Шишела, то чуть не наступая ему на бороду, то напрочь исчезая из поля зрения.

— С богом, ребята, — слегка смягчили это напутствие Крокодиловые Штиблеты. — И постарайтесь нигде не отметиться...

В ответ прозвучало нестройное «Ну, мы погнались, босс...», завершившееся звуками прихлопнутой двери, после чего несколько изменившийся голос Крокодиловых Штиблет произнес:

— Ну что же, Клайд... Как и условлено было, помещаем Предмет в мой сейф. Делаем это вдвоем. Вдвоем его и вынем в присутствии... э-э... покупателя... Запомянай

комбинацию: восемь букв и восемь цифр...

Такого подарка судьбы Шаленый все-таки не ожидал. Он даже с легким хрустом вывернул шею, выставив левую — более надежную — ушную раковину поближе к месту действия, чтобы слышать каждый звук, буде такой испустит хозяин кабинета. Но — черта с два! Бонифаций Мелканян только молча набирал код замка.

«Вот и придется замочек-то все ж таки подпортить тебе, молчуну хренову...» — с досадой подумал Шишел-Мышел.

— Это что же за хреновина такая? — неожиданно пришли к нему на помощь Потертые Мокасины, в миру числившиеся Клайдом. — Хиливтер — это что? Цветок такой?

— Э-лев-тер, — с досадой произнес по слогам хозяин кабинета. — Первое «эйч» не читается. Это просто для того, чтобы было восемь букв. Это имя моего прадеда: Элевтер Мелканян был первым армянином, который ступил на эту планету. Вся диаспора с тех пор празднует годовщину этого события... Вот первые четыре цифры у нас и будут обозначать тот год. А следующие четыре — то же самое, только наоборот... Кладите Предмет в сейф. Вот так.

Легкое пощелкивание замка. Шорох задвигаемой на место картины. Штиблеты и Мокасины наконец убрались из-под носа Шишела. Раздался звук вновь отпираемой двери.

— Вы забыли сумку, Клайд.

Шаленого бросило в холодный пот.

Добротная, пещерного хряка кожи сумка, с мастерски — на заказ — сработанным комплектом инструментов его лихого промысла все это время как ни в чем не бывало покоилась на кресле, слева от клятого сейфа.

— По-моему, это — ваше хозяйство...

— Да нет. Верно, кто-то из ваших ребят позабыл на радостях...

— Это странно. Мы же прямо с дела. И я что-то не припомню, чтобы...

По широкой спине Шаленого прокатилась еще одна волна озноба.

— Так или иначе, забирайте это хозяйство с собой. Здесь у меня не камера хранения...

С последним утверждением можно было поспорить, однако свое дело оно сделало — раздалось позвякивание инструмента в подхваченной с кресла сумке, энергичные шаги двух пар ног, что-то в духе «Нет, только после вас», свет в кабинете погас, дверь закрылась и замок в ней щелкнул. Шаленый беззвучно обматерил судьбу в бога, душу и мать, сосчитал до двухсот тридцати девяти и полез, несколько ракообразным способом, из-под стола — на открытое пространство. Оказавшись на нем, он со скрипом расправил поджатые до поры многочисленные члены и членики своего организма. Со стороны это порядком напоминало эволюцию трансформера, преобразуемого из танка в робота.

Потом он проверил режим сигнализации, сдвинул в сторону шедевр Авакяна и с ненавистью уставился на мерцающий индикатор замка. Проклятые олухи заперли его в ловушке, лишили инструмента, хотя и доходчиво разъяснили, как пишется в здешней транскрипции слово «Элевтер», позабыли сообщить, в каком году прадедушка хозяина «Джевелри трэйдс» сподобился прибыть на Малую Колонию. Положение напоминало безвыходное.

— Подбросить вас до Терминала? — из вежливости осведомился Бонифаций Мелканян, поворачивая в замке главного входа «Джевелри трэйдс» хромированный, непростой формы ключ. В отличие от дверей других торговых домов, гнездящихся на Гранд-Театрал, врата

фамильной фирмы Мелканянов запирались не цифровым кодом и не магнитной карточкой, а, как и подобало такому сооружению из бронзы и полированного стекла, замком, выполненным из прочнейшего сплава и отпираемого ручной работы ключом. Этому предмету суждено было сейчас сыграть немаловажную роль.

Клайд ничего не ответил на явно не соответствовавшее нормам конспирации и вообще явно для проформы сделанное предложение. Обернувшись, Мелканян увидел, что ответить ему было и впрямь затруднительно: раскрыть рот Клайду мешал ствол «узи», который завел ему под подбородок тип, смахивающий на лысого крокодила. Другой субъект — на вид пожиже, со шкиперской-бородкой — целился Мелканяну в живот из «вальтера». Как обычно в таких случаях, ни души окрест не было.

— Гарик! — заорал в глубь затянутого табачным дымом зала Толстяк Финни. И, подождав немного, добавил погромче: — Эй, кто-нибудь, там!!! Найдите Аванесяна, Трюкача... И объясните ему, что Шишел будет очень...

Гарик — тот еще тип, хотя и из молодых — мгновенно материализовался у стойки и выхватил у Финни трубку. Физиономия его тут же вытянулась.

— Да, — сказал Гарик. — Нет. Нет. Да, разумеется... Сто три года тому назад... Нет, тьфу — сто четыре... Я... Да нет!.. Да что?! Да как дух свят — точно! К-какого? Которого? Ну, Шишел... — Он с недоумением посмотрел на разразившуюся гудками отбоя трубку, положил вещь на стойку и в прострации воззрелся на висевшие над лысиной Финни часы.

— У Шишела, кажется, неважное настроение... — заметил тот в пространство, продолжая меланхолично протирать кипенно-белой салфеткой совершенно не нуждавшийся в этом объемистый, литого стекла стакан. Больше для того, чтобы завязать разговор. Не то чтобы беседа с Трюкачом была самым приятным способом скоротать время — нет: просто нечто загадочное было в том, что самому Дмитрию Шаленому приспичило спешно перекинуться парой слов с такой мелкой сошкой, как Гарик-Трюкач.

— Станный он какой-то был... — недоуменно подтвердил тот, вертя в пальцах льготный жетон на пиво.

Финни молча забрал ненавязчиво предъявленную железку и поставил перед Гариком кружку.

— Понимаешь. — Гарик на просвет полюбовался темно-янтарным напитком и, машинально проделывая с кружкой какие-то сложные манипуляции, характерные для его профиля работы, продолжил: — Спрашивает, отмечал ли я День прибытия Элевтера последний раз или нет... Это у наших праздник такой...

— Ага... Это когда по всему городу вы с турками друг другу морду чистите... Как же, знаю... — ироническим басом поддакнул ему Финни, зачарованно глядя на без всякого, казалось бы, вмешательства Трюкача опустевшую кружку. К этому номеру пора бы было и привыкнуть, но каждый раз этот непритязательный фокус с неказистым антуражем оказывал на него магнетическое действие.

— Ну я, понятно, отвечаю — да, мол, отмечал... А Шишел ласково так, с подначкой, спрашивает: мол, как у меня с памятью, не шалит ли, мол... Потом насчет того, не принял ли я сегодня лишнего... — В руке у Гарика как-то незаметно появился второй жетон. Машинально совершенствуя профессиональное мастерство, он то, пропуская его по тыльной стороне ладони, заставляя нырять между пальцев, то принуждал таинственным образом исчезать и появляться. Финни это действовало на нервы, и он снова реквизирует жетон,

вознаградив раскулаченного второй кружкой пива.

— Так он, понимаешь, — продолжил Гарик, рассеянно сдувая пену с перемешаемой по стойке, словно конь по шахматной доске, нехитрой посуды, — снова начал, понимаешь, кишки тянуть... А не помнишь, говорит — ласково так — он умеет, ты знаешь... («Умеет... — с садистским удовольствием прогудел Финни. — Шишел это умеет...») А не помнишь, говорит, какую годовщину справляли?.. Сколько тому годиков — так он выразился, — сколько тому годиков минуло, как прадедушку Элевтера занесло в эти края? Ну, у меня от такого наезда, сам понимаешь, уже за разум зашел — я все сообразить не могу: с чего это Шишел пристегался к Аванесяну? Ну и спутал малость — потом поправился: стс три, говорю, нет сто четыре... Так он так взвился, что, знаешь, думал, так меня и убьет — через телефон, честное слово... Потом вроде успокоился — резко так — знаешь, как он делает...

— Да уж... — прогудел Финни, с тревогой наблюдая, как Гарик извлекает из-за уха уже третий пивной жетон. — Шишел так делает... Так уж делает... Ты их что — рожаешь, что ли?

— Да нет, — уклончиво ответил Гарик. — Так просто — обшгопал Крестовичка пару раз для разминки...

Оно конечно: ни одна психически нормальная особь из тех, что бывают в «Кентербери», регулярно не стала бы играть с Гариком-Трюкачом на что-нибудь более серьезное, чем льготные жетоны заведения Финни.

— Потом про Клайда спросил... — продолжил свою мрачную историю Гарик.

— Про которого Клайда? — поинтересовался Толстяк.

— А пес его знает про которого... Я вот тоже прояснить хотел, да он сразу разорался. Ну, мол, не знаешь! Или не хочешь, говорит, знать... Потом еще добавил, что звонит мне из Лукиных бань и чтоб я запомнил... Это и еще — время. — Гарик снова воззрился на украшавшие под старину сделанные полки бара такие же псевдоантикварные часы.

— Значит, это тебе и надо запомнить, Трюкач...

— Не пойму я, чего теперь от Шишела ждать... — озадаченно и в явной надежде на бесплатный совет протянул Гарик.

Телефон снова залился соловьиной трелью. Финни взял трубку и почти сразу молча отдал ее Гарик. Тот выслушал что-то довольно короткое и неприятное и растерянно вернул трубку хозяину стойки. Тот аккуратно положил ее на место, отобрал у Трюкача третий жетон и выставил ему третью кружку пива. Тот осушил ее залпом. Без всяких фокусов.

— Он сказал, — ответил Гарик на откровенно вопрошающий взгляд бармена, — что надеется, что у меня хватит ума не болтать с кем попало, о чем мы с ним толковали... Но ты-то ведь — не кто попало... Так ведь, Толстяк? — добавил он не очень уверенно.

— За меня будь спокоен... Я — могила!.. А вот насчет Шишела, так это тебе лучше знать, чего ждать от Дмитрия.

Гарик продолжал смотреть сквозь массивную фигуру Финни, поджав губы в силу охватившего его непреодолимого приступа скепсиса: да, могилой бессменный бармен «Кентербери», безусловно, был — по нему сразу было видно. Могилой бесчисленного количества ростбифов с кровью, галлонов эля и многих других предметов гастрономического ремесла. Но что до чужих секретов... Нет, Финни в болтунах не ходил. Но ведь бармену заведения на Семи Углах надо жить в мире и с полицией, и с людьми Папы Джанфранко, и с людьми Желтого Змея, и бог ведает с кем еще... И если кому-то из этого

народа приспичит Толстяку Финни о чем-то спросить, то Толстяку Финни приходится на этот вопрос ответить. А если ответа он не знает, может статься, что придется приложить все силы к тому, чтобы этот ответ найти...

— Вот я и не пойму — с чего это он? Пари у него, что ли? — недоуменно сказал наконец Гарик. И сотворил из воздуха четвертый жетон.

— Шишел почем зря ничего не творит, — поучительно промолвил Финни и, тяжело вздохнув, смахнул жетон в надлежащий ящик и утвердил перед Гариком очередную пенящуюся емкость.

Тот, потупясь, ковырнулся в вазочке с дармовыми солеными орешками.

— Так что про пари ты это брось, — продолжал гудеть Финни, внутренне наслаждаясь Гариковой кручиной. — Глупость чистой воды...

— Может, на что намекает, сатана? — предположил тот. — Почему сразу не говорит, я не понимаю. Может, у него зуб какой-то на армян вообще? Вот нехороший человек...

— Почему и отчего Шишел с тобой напрямую не разговаривает — это ваше с ним сугубо интимное дело, — с назидательной интонацией молвил Финни. — А вот насчет того, что намекает Дмитрий Евгеньевич, — умением правильно выговаривать славянские имена и отчества бармен «Кентербери» гордился особенно, — тебе на что-то, так вот это ты точно говоришь. Ежу понятно, что намекает... Вот припомни-ка: вы все, друзья, часом, дяде Диме ничем в борщ не насерили, вкупе с покойным прадедушкой-то Элевтером, а? Ты над этим призадумайся-ка, парень...

Гарик призадумался. Взгляд его стал отсутствующим, губы что-то шептали, пальцы машинально пытались запихнуть обратно в пустоту столь же машинально извлеченный из нее пивной жетон. Потом ужасная догадка осенила его, жетон брякнулся об пол, и Гарика перекосило.

Прежде чем ввести последнюю цифру кода, Шаленый осенил себя крестным знаменем и обещал Богу в дальнейшем подумать о своем поведении. Еще он попросил Бога вломить по первое число придурковатому шулеру Аванесяну, если тот чего намудрил с цифрами. После этого, зажмурившись, надавил клавишу. Трезвона сорвавшейся с цепи сигнализации не последовало. Выстрелов, электрошока, выделения ядовитых газов и аэрозолей — тоже. Приоткрыв один глаз, Шаленый узрел на дисплее надпись, извещавшую его о том, что доступ в сейф свободен.

— Ну, Гарик, шайтанов сын, выберусь отселе, по гроб жизни водкой поить буду. Вот те крест! — торжественно произнес Шишел-Мышел.

Проблема номер один была решена. Проблема же номер два, состоявшая в том, чтобы вместе с содержимым сейфа живым выбраться из запертого снаружи кабинета, будучи при этом в отрыве от олухами унесенного инструмента, решения принципиально не имела, так что Шишел-Мышел и не тратил время на то, чтобы над ней задумываться. Для себя, скорее подсознательно, он уже решил, что, на худой конец, перекемарит в чертовом кабинете до утра понедельника, а там оглоушит первого же барана, что отопрет кабинет, и внаглую, взяв по возможности еще пару заложников, проложит себе дорогу на свободу.

Глядя теперь уже в оба, он отворил пару тяжеловатых дверей и узрел порядком разочаровавшую его картину: несколько папок с деловыми бумагами — которая из них была тем предметом, который давешние олухи приволокли сюда на сохранение, он гадать не стал, совсем немного очень крупных купюр — слишком крупных: номера могли быть внесены в

компьютер, две полки с плоскими, бархатом выстланными поддонами, на которых покоились (не так густо, как хотелось бы ему) вправленные в серебро «камушки» — та самая партия товара, по следам которой он и пришел сюда, на двух стальных кюветах-противнях, заменявших полки, пониже — какая-то разносортница и в самом низу, отдельно — явная дешевка — огромный черный бриллиант, вправленный в тусклого металла кольцо. Явная имитация — по Гранд-Театрал такие «камушки» не пробегают. Изготовители даже не удосужились воспроизвести правильную огранку — так, какая-то фантазия на вольные темы, правда, геометрический рисунок чуть посверкивающих плоскостей кристалла как-то магически притягивал взгляд... Совершенно непонятно было, что этот наглый выскочка потерял здесь — среди своих скромных, но благородных товарищей по заточению. Впрочем, платиновая оправа смотрелась неплохо и могла сгодиться в дело.

Распихивать улов по карманам куртки было делом несложным и приятным. Единственное, о чем оставалось сожалеть (кроме запертой двери), так это о той довольно круглой сумме, что успели поделить и унести с собой олухи царя небесного, запершие Шишела на пару суток в роскошном кабинете без отхожего места. Некоторое время Шаленый постоял в задумчивости, держа перед собой чертову стекляшку и раздумывая, куда бы ее пристроить — уж слишком здорова, гадюка.

Он все еще находился в этих размышлениях, когда проблема выхода из кабинета неожиданно решилась сама собой: за его спиной вновь тихо щелкнул замок.

Ровно за восемь минут до этого владелец «Джевелри трэйдс» смог наконец открыть рот. — В чем дело, господа? — задал Мелканян совершенно естественный в сложившейся ситуации, равно как и совершенно бессмысленный вопрос типу с «вальтером». Тот не соизволил ответить.

— Заткнись, сволочь, отпирай дверь и проходи вперед, быстро!.. — тихо, но очень убедительно распорядился Лысый Крокодил.

Страх ледяной иглой пронзил сердце владельца «Джевелри трэйдс» и тысячей иголок поменьше прошелся по левой руке. Человеком Бонифаций Мелканян был решительным и не чуждым риска, но в канал настоящего ствола не заглядывал давно.

— Но вы же видите, что уже заперто, — как можно более веско привел он не самый блестящий при имевшемся раскладе аргумент. — И вы же видите — у меня нет ключей, — усугубил он идиотизм ситуации.

— Не принимай нас за олигофренов, старый козел! — прошипел Лысый Крокодил, поправляя стволом автомата сползающие с носа очки. — Ключ у тебя в правой руке! Чем быстрее ты избавишься от Камня, тем тебе же лучше!

Это было правдой. Две десятых секунды назад. Потому что, покуда Лысый Крокодил выдавливал из себя свою вполне справедливую саму по себе инвективу, Бонифаций Мелканян сделал то единственное, что мог еще сделать, — преодолев боль от ледяной иглы под левой лопаткой, он коротким движением послал сверкающий ключ над головами нападающих — в белый свет как в копеечку. Сначала ему показалось, что второй бандит разрядил свой пистолет в него. Но это было только сердце. Или что-то в этом роде.

Обладатель же «вальтера» — рыхловатый на вид, но, зная, шустрый, — вместо того чтобы давить на курок, попытался в чисто волейбольном прыжке перехватить летящий ключ, но получил на редкость своевременную подсечку от Клайда и вместе с ним с размаху полетел на полированный камень брусчатки Гранд-Театрал. Ствол, предназначенный для

усмирения обладателя потертых мокасин и неплохих навыков карате, все еще продолжал удерживать архаичные — в роговой оправе — очки на носу Лысого Крокодила. Мелканян не упустил и эту возможность, предоставленную стремительно меняющейся ситуацией, и вложил все оставшиеся у него силы в удар пониже пояса — скажем так: сильно пониже пояса — слегка обалдевшему держателю «узи».

«Но это все, — подумал он почти вслух. — Сейчас Бог возьмет меня...»

Сил у Бонифация оставалось, видно, немало: Лысый Крокодил сложился вдвое и на десяток секунд вышел из игры.

Среди редковатой — в преддверии грядущего ливня — публики, фланирующей по Гранд-Театрал, наконец означился некий интерес к происходящему у витрин «Джевелри трэйдс». Черный антикварный «роллс-ройс» с самым настоящим живым шофером за рулем — прогулочное такси для состоятельных туристов, — точно не разобравшись в ситуации, притормозил у места действия, но тут же неспешно продолжил свой путь — сидевший за баранкой китаец или казах явно пожелал остаться вне игры.

За это время Клайд, которому повезло очутиться при падении почти поверх образованной двумя участниками поединка кучи малы, гвозданул противника затылком оземь, добавив сверху удар набитой звякающим металлом сумкой, затем перевалился через его отчаянно сопротивляющуюся тушу, пинком дослал валявшийся поблизости ключ дальше, в решетку ливневого стока, и, ухватив вывалившийся из рук полуоглушенного носителя шкиперской бородки «вальтер», стал веером посылать пули по окнам контор второго этажа. Расчет был верен. Как и положено современному оружию, пистолет не слишком шумел при работе и большого фурора стрельба сама по себе не произвела, хотя еще пара зевак теперь, кажется, уже заметила, что у входа в «Джевелри трэйдс» происходит нечто не совсем обычное. Зато пробившие окна запертых на ночь и поставленных под охранные системы офисов пули привели в действие все силы ада. Во всех патрульных машинах и в околотке Гранд-Театрал-3 все копы встали на рога. «Расмус билдинг» превратился в место действия оперативной бригады полиции.

Поверженный, казалось, намертво обладатель шкиперской бородки воспрял, с неожиданной быстротой и прямо из положения «лежа» рывком преодолел расстояние до припаркованного рядом «гепарда», тронул машину с места и, задержавшись на долю секунды, втащил в салон вконец озверевшего Лысого Крокодила, который, так и не будучи в состоянии окончательно разогнуться, успел тем не менее приложить Мелканяна физиономией о бронзовую решетку дверей его собственного заведения. «Гепард» снова рванул с места и без особых сценических эффектов влился в стремившийся по центру проезжей части поток скоростного движения.

Клайду повезло чуть меньше. Выпалив вслед уходящему противнику пару зарядов, он подхватил давешнюю сумку, ласточкой сиганул через декоративный газон и ввалился через борт в чей-то открытый флайер, дремавший в тени зеленого ограждения пешеходной аллеи. Отчаливая, он нос к носу уперся в на редкость быстро возникший на месте действия кар полицейского патруля, из которого выскочила пара смахивающих на черепашек-ниндзя из древних комиксов офицеров. Флайер жуком развернулся вокруг собственной оси и, провожаемый очередями обоих полицейских стволов, нырнул в боковой, к набережной ведущий бульвар.

Один из полицейских тут же начал бубнить в рацию ориентировку дежурным постам о необходимости задержать «найтфлайт», «спортивную модель оливкового цвета, следующую

предположительно...», а второй принялся с профессиональной небрежностью обыскивать Мелканяна, бубня столь же невыразительно, как и первый, текст о том, что задержанный имеет право хранить молчание и что все сказанное им может быть использовано на суде против него. «Беретта» из заднего кармана держателя ювелирной торговли почти мгновенно оказалась в его руках. находка здорово воодушевила служителя закона.

— Вы спятили, — скривившись, вразумлял его Бонифаций. — Это на меня напали. Я жертва, черт побери! И вы пускаете погоню не по тому следу, чудаки! Немедленно остановите этот цирк...

— Оскорбляешь офицера полиции при исполнении им служебных обязанностей, козел, — со все тем же равнодушием констатировал флегматичный патрульный. — Ваши документы, будьте добры. И будьте добры объяснить, что вам понадобилось здесь и в такое время.

— На него действительно напали!.. А второй — тот, по которому вы стреляли, похоже, защищал его... Я не знаю, почему он... — К полицейскому, запыхавшись, подбегал плотно сложенный мужчина лет сорока.

— А ты не лезь не в свое дело, ослиная жопа, — все с той же невозмутимостью адресовался к нему полицейский. — Проходите, мистер.

— Я — пресса. Уолт Новиков. «Дейли эдвенчер». Это я вызвал полицию, когда... В общем, этот «найтфлайт» — моя машина... Я не знаю, почему этот тип пошел на угон...

Сержант, не спросив на то разрешения хозяина, взял из руки Уолта его довольно дорогой — в профессиональном исполнении — регистратор и выключил его. Хорошо, что оземь не грохнул. После чего определил:

— Тогда ты — свидетель. Не суетись. Пол, оформи с мистера протокол допроса. А по «найтфлайту» пиши пострадавшим, но отдельно... И не болтай лишнего сам — это писака.

— Вот мой идентификатор, — продолжая морщиться, заявил Мелканян. — Я — владелец этой торговли. — Он кивнул головой в сторону дверной решетки. — А те, что напали на нас... на меня... ушли на «гепарде». Темно-красном. В сторону Восточного парка...

— Пол, — распорядился офицер, — дополните ориентировку.

И Пол, вдумчиво фиксируя показания свидетеля Новикова, отвлекся на то, чтобы пробубнить в эфир, что в дополнение к оливковому «найтфлайту», номер такой-то, в поиск и задержание объявляется светло-коричневый «ягуар»...

Мелканян заскрипел зубами и испустил глухой стон, а свидетель Новиков стал терпеливо исправлять абсолютно непробиваемого Пола, чем порядочно усугубил назревавшую путаницу. Тем временем старший патруля соблаговолил-таки отрекомендоваться сержантом Харрисом и вернул инициативу в свои руки.

— Таким образом, внутрь помещения напавшие на вас лица не проникли? — спросил он, выслушав рассказ Мелканяна и еще более утвердившись в неясных подозрениях относительно проклятого «козла».

Делу изрядно помогло поступившее по радио сообщение о том, что при попытке задержания спортивный «найтфлайт» спровоцировал автодорожное происшествие и ушел, «двигаясь по глади залива», куда последовать за ним патруль не смог, так как располагал только получившим повреждение броневым автомобилем.

— Нет, я всего-навсего подвергся нападению на улице... — утомленно констатировал Мелканян.

Мысль о том, что Лысый Крокодил помянул Камень — а это мог быть только единственный Камень во Вселенной, — не выходила у него из головы. Явно произошла утечка информации. Но как? Где? Кто — сволочь? И к кому, дьявол побери?! Нет, пожалуй, не стоило натравливать полицию на столь осведомленного противника. Совсем не стоило. Как, впрочем, и оставаться с таким противником наедине в этом ужасном мире.

Все эти противоречивые соображения придавали речи ювелира исключительно фальшивый и двусмысленный оттенок. Как на грех, именно то обстоятельство, что как раз на оттенках и полутонах текстов, произносимых и правыми и виноватыми фигурантами разного рода уголовных эпизодов, съел — и давно уже съел — собаку сержант Харрис, не давало этому последнему вылететь из рядов столичной полиции как пробке из бутылки. «Именно как пробке», — говаривали те, кто знал его получше.

— В таком случае, — сказал сержант, бесстрастно разглядывая ставшего белым как мел Бонифация, — позвольте, с тем чтобы избежать повторного вызова и каких-либо претензий к полиции, пройти вместе с вами в помещение и убедиться, что пока двое бандитов блокировали вас у парадного входа, дюжина других не ломала задние двери. Ведь могло быть и так? Неплохо бы проверить — все ли в сейфах...

— Поверьте, в этом нет необходимости. И офисы, и торговый зал оборудованы вполне надежной сигнализацией. Не говоря уже о сейфах. Да кроме того — я же выбросил ключ... До утра понедельника мы просто не сможем... Да и нет, как я уже сказал, никакой необходимости, поверьте...

— Поверьте, такая необходимость есть! — Тон сержанта Харриса приобрел твердость сверлильного инструмента. — Надеюсь, вас не затруднит связаться с вашим персоналом и послать за дубликатом ключа.

— Да здесь он лежит, этот ключ, вот под этой решеткой, — отменно не вовремя встрял в разговор свидетель Новиков, не вызвав на сей раз недовольства стражей порядка.

— Пол... — вяло распорядился сержант. Оказалось, что номер второй патруля не лишен изобретательности. Он не стал сворачивать с места основательную — в четверть тонны — решетку ливневого стока, а ограничился несколькими манипуляциями со шнурком от ботинок и магнитным держателем, нашедшимися в бардачке кара.

Уже отпирая двери «Джевелри трэйдс», Бонифаций вспомнил наконец о своих конституционных правах и решительно повернулся к ступившему на порог сержанту.

— Вы все равно не войдете в помещение без ордера окружного прокурора, — неожиданно твердо отчеканил он. — Я принципиально против таких вещей. Верните мне мое оружие. Помещение я осмотрю сам. Вы можете...

— Мы подождем вас здесь. Только не заставляйте нас волноваться, — после недолгого размышления зло сказал сержант, бросил защитную каскетку на порог и присел рядом, вполголоса поминая подозрительное козлиное отродье вообще и всяких спецов по «камушкам» — в частности. Пистолет Мелканяну он, однако, отдал.

Пол двинулся на осмотр пострадавших от стрельбы офисов, а Уолт, отоварившись в ближайшем автомате банкой пива, устроился на парапете напротив находившегося при исполнении сержанта. Допить пиво и вообще соскучиться он не успел.

«Господи, это не кабинет, а просто проходной двор какой-то! — попенял Богу Шаленый, складываясь вчетверо и вновь ныряя под проклятый стол. — Кого же теперь черт принес?!»

Думать ему основательно мешала чертова стекляшка, которую он успел машинально сунуть в рот.

«Да не важно уж это теперь, — успокоил его внутренний голос. — Все равно через пару минут здесь будет половина полицейского управления. Ты же сейф забыл захлопнуть, дубина! Не под стол надо было лезть, а за дверь отскакивать и в темечко первого вошедшего уделать. И второго — тоже. Вообще — всех, кто ползет...»

Послав внутренний голос вместе с его запоздалыми советами в задницу и зажмурившись, Шишел приготовился с боевым кличем выскочить навстречу противнику. Но тот медлил. После того как дверь отворилась, наступила зловещая тишина. Только что-то тяжело брякнуло об обтянутый ковром пол.

«Хрена же он тянет, сучий потрох?!» — размышлял, скукожившись под столом, Шаленый. Поведение вошедшего явно не укладывалось в рамки реакций нормальной человеческой особи, вошедшей в кабинет, в котором только что побывали взломщики. Дурак с кудахтаньем кинулся бы к разверстому сейфу и тут же получил бы по маковке железной дланью Шаленого. Умный (или элементарно натасканный на работу с ценностями) тип отскочил бы назад, запер бы дверь и привел бы в действие сигнал тревоги. А вот этак торчать в дверях, ожидая неведомо чего, мог только полный остолоп или очень уж смелый садист.

«Ну ужо достоинься ты у меня, дожدهшься сейчас, голубь мой...» — решил наконец Шаленый и, не забыв опять-таки осенить себя крестным знаменем, рванул из своего убежища «вертолетом» навстречу неведомому врагу — молча и неожиданно. Но враг повел себя еще более неожиданно: мертвенно-бледный, с полузакатившимися глазами, Бонифаций Мелканян стоял, прислонясь спиной к дверному косяку. Выпавший из его руки пистолет без особой пользы валялся на полу. При виде Шишела, гигантским пауком метнувшегося к нему по-над ковром, ювелир заметно оживился, икнул и стал бесшумно сползать по косяку вниз.

Продолжая начатое движение, Шаленый захватил правое запястье противника, но, вместо того чтобы швырнуть его через себя темечком в торец стальной дверцы сейфа, он подхватил ставшее будто ватным тело Бонифация, как малое дитя, опустил врага в мягкое кресло и заботливой матерью наклонился над ним. От пережитого волнения Шишел чуть не проглотил проклятую стекляшку. К счастью, даже для его глотки изделие было великовато. Машинально, не спуская с Мелканяна недоуменного взора, он вынул перстень изо рта, обтер его о штаны и с усилием втиснул в задний карман, с досадой поименовав почтенного ювелира козлом. При виде возникшего из пасти разбойника Дьяволова Камня Мелканян снова икнул и, по всему судя, всерьез нацелился дать дуба.

Медицинских познаний Шаленого вполне хватило, чтобы по характерному перекосу физиономии и другим признакам смекнуть, что держателя ювелирной торговли накрыл не простой обморок. Медбраслета на запястье пострадавшего не было. Вряд ли наличествовал и вшитый сигнализатор — Шишел такие штучки угадывал по физиономии: не похож был Мелканян на человека, уж слишком озабоченного своим здоровьем. До сего времени.

«Ну вот, сейчас откинет правнучек Бонифаций свои крокодиловы штиблеты и отбудет к любимому прадедушке Элевтеру, — прикинул он. — А на мне, не ровен час, мокруха повиснет...»

К таким вот отягчающим обстоятельствам Шаленый относился с большим уважением, можно сказать, даже с трепетом. Этим, да еще, может быть, тем, что православный его Бог в благодарность за свечи, расставленные в церквах по самым неожиданным уголкам

Обитаемого Космоса, оберегал Шишела, видно, для каких-то одному ему (Богу) ведомых нужд, можно было объяснить то, что, несмотря на свирепый вид и лихой нрав, ни один, даже самый пристрастный, суд в Федерации не смог пришить Шаленому мокрухи. Поэтому и в этот раз Шишел поступил так, как ни в коем случае не поступил бы на его месте ни один нормальный взломщик: он в третий раз за последние четверть часа взял со стола господина директора телефонную трубку и стал набирать вызов. Только звонил он в этот раз не Гарику в «Кентербери», а в «Скорую помощь». Соединили его мгновенно.

— Слушаю вас, говорите... — обворожительным девичьим голосом пропел дежурный компьютер клиники.

— Я... У меня, кажется, удар... — изменив голос, прохрипел Шишел. — Я... не могу... пошевелиться...

— Сообщите номер вашего страхового полиса, пожалуйста, — потребовал полный скрытого очарования голос.

— О-о-о, пошли вы в задницу со своими полисами! — не меняя интонации, простонал Шаленый. — Нет, лучше приезжайте немедленно на Гранд-Театрал... «Расмус билдинг», «Джевелри трэйдс»... Кабинет директора... Здесь открыто...

— Не могли бы вы уточнить... — с глубочайшей заинтересованностью в голосе заверещал компьютер.

— Ничего я тебе уточнять не стану, сука... — замогильным голосом пообещал Шишел. — Загибаюсь я... Бонифаций я... Мелканян... Остальное найдете в своей долбаной базе данных... Поторопитесь... Проклятые копы...

Сообразив, что, увлекшись, он говорит лишнее — его отношение к городской полиции вряд ли интересовало службу «Скорой помощи», — Шаленый смахнул аппарат на пол, посмотрел на уже и вовсе бездыханного вроде Мелканяна и, обращаясь к почтенному ювелиру, произнес более чем соответствующую действительности сентенцию:

— Ну, отец, все, что мог, для тебя я сделал. Так что уж не обессудь...

Он вытянул из «пистона» своих джинсов пятибаксовую купюру, свернул бантиком и запалил над лампадкой Винтари-дин-Зинвари — принес жертву Строюму Богу Путаницы. После чего дал тягу.

— Издевается, сволочь! — с некоторой поспешностью констатировал сержант Харрис, выразительно постучав по индикатору часов. — В конце концов, — он поднялся и поправил амуницию, — все это вызывает у меня, как у представителя... э-э... городских властей, сильнейшие опасения.

Он надавил на начищенную кнопку дверного звонка, и где-то в недрах «Джевелри» зазвучал далекий, но отчетливо слышимый музыкальный сигнал. Последующие тридцать секунд ожидания не привели ни к какому результату.

— Пол... — отрешенно скомандовал сержант, и его приспевший с обхода пострадавших офисов флегматичный подчиненный начал застегивать свою расхристанную амуницию. Это ему стоило бы делать поскорее.

Потому что пару секунд спустя чуть ли не в живот неторопливого служаки уперся вывернувшийся с Маолейн скоростной флайер «амбуланс», из которого чертом из коробки выскочили массивный тип в белом халате с пришитой на нагрудном кармане опознавательной карточкой «Д-р Эдвард Т. Лири. НЕЙРОХИРУРГИЯ» и подтянутая китаянка в той же униформе.

— Где больной?! — с места в карьер начал доктор. — Черт возьми, не загораживайте мне дорогу, сержант! — Он решительно отодвинул Харриса с пути, намереваясь войти в открытые двери «Джевелри».

— Вам придется обождать, сэр, — сухо ответил тот, разворачивая служителя Эскулапа носом в стену. — Здесь проводится полицейская операция. Никто не вызывал «скорую».

Но не тут-то было: доктор Лири слишком хорошо знал, с кого в конечном счете сдерут три шкуры, чтобы хоть частично компенсировать страховку за ущерб, причиненный клиенту в результате несвоевременных действий службы «Скорой помощи», и поэтому даже огнедышащий дракон, буде таковой доставлен на место действия прямо из родного гнезда на Терранове, не помешал бы ему выполнить свой профессиональный долг — не то что какая-то полицейская бестолочь. Поэтому особого успеха усилия сержанта Харриса не имели, а высвободившийся из захвата кардиолог уверенно переступил порог вестибюля «Джевелри». И тут Пола, доселе бестолково взиравшего на происходящее, вдруг осенило.

— Да это такие же врачи, как я — архиепископ! — заорал он, заворачивая медсестре руку за спину. — Это те же суки, только в камуфляже! Решили пойти по второму заходу!

— Какова наглость! — поддержал гениальную догадку подчиненного сержант и в броске всей своей облаченной в спецбронекостюм тушей сшиб кардиолога с ног.

— Ки-я!!! — выдала боевой клич медсестра, с размаху всадив острый носок туфли меж ног незадачливому Полу, так и не успевшему как надо застегнуть защитную амуницию. Взятые в замок кисти рук она, не теряя времени, обрушила на оказавшийся незащищенным загривок сержанта Харриса.

— Второй раз за вечер об этом самом месте бьют мужика промеж промежности, — меланхолично констатировал давешний бурят или японец — водитель «роллса», по-прежнему без пассажиров следовавшего теперь обратным курсом. — Хотя каждый раз другого... Тенденция, однако... — и добавил, правда без всякой надежды обращаясь к заморожено сидевшему на парапете Уолту: — Так вам никуда не надо, сэр?

— Нет, — с сожалением констатировал тот. — Хотя, знаешь, подожди, если не торопишься. Вон там.

С этими словами он энергично поднялся, обошел пребывавшую в разгаре свалку в дверях и прошел прямо в святая святых «Джевелри трэйдс».

За мгновение до того, как Шишел-Мышел вышел из зловонного проулка на совершенно пустынную Сурабайя-стрит, последний луч сомнительного украшения ночного небосвода Малой Колонии — Большого Бельмеса — погас в нагромождении туч. Стало душно и темно, как под мышкой у коренного обитателя далекой Африки. Но все-таки не как в могиле: по всему горизонту уже всюю шла пляска молний — верный признак того, что до ливня остались считанные секунды. Рекламные зарева над Гранд-Театрал и далекое — над Деловым центром сошли почти на нет: видно, сказывалась сохранившаяся со времен Реколонизации привычка к светомаскировке. Только где-то у черта на куличках эхом отзывались словно с цепи сорвавшиеся сирены полицейских каров и то там, то тут по далеким стенам улиц-ущелий проскальзывал луч прожектора. «Нашли время для учений, заразы, — машинально подумал Шишел. — И так все нервы поиздергал из-за козла этого...»

Несмотря на полное безлюдье, прежде чем выйти на открытое пространство, Шишел привел себя в относительный порядок, постаравшись, насколько это возможно, свести на нет последствия двойного путешествия по шахте далеко не выбывшего из эксплуатации

мусоропровода. На сей предмет у него был припасен дезодорант, напрочь отшибающий даже последствия контакта со скунсовой струей, — да вот незадача: проклятый аэрозольный баллончик был глубоко погребен под туго наполненным все его карманы содержимым сейфа почтенного Мелканяна. Прокляв еще раз чертовых олухов, уволокших из-под самого его носа сумку с инструментами и вместительными отделениями для добычи, которую теперь вот пришлось транспортировать этак вот — словно наворованные на детском празднике конфеты, Шишел смирился с малоаппетитным душком, прочно прицепившимся к нему, пересек пустынную улицу и, возблагодарив Господа за то, что в выдавшем виды «горби» не заглох движок и шпана не увела колеса за то время, что машина стояла без присмотра, с размаху грохнулся на сиденье. То, что, проделав это, он ограничился всего лишь четырехэтажным, не слишком кучерявым выражением своих чувств, объяснялось только его исключительной профессиональной выдержкой: чертов перстень, заткнутый в задний карман, впился в его филейную часть прямо-таки что твой штык. Если бы проклятая безделушка не зацепилась за прочную ткань джинсов, она немедленно полетела бы в сточную канаву, но пока Шаленый боролся с сопротивлением этих двух вступивших в неожиданный сговор предметов, приступ его бешенства сошел на нет, — в конце концов, все происшедшее было достаточно забавным. Он подкинул перстень на ладони и примерил его на безымянный палец правой руки. Невероятно, но перстень сел на него, будто на заказ сделанный. Странное ощущение — нет, скорее уж тень ощущения скользнула в дальнем уголке сознания Шишела: ему почудилось, что перстень гусеницей обвился вокруг его пальца и тихонько стиснул его. Он с каким-то дружеским почти что удивлением посмотрел на вещицу, потер камень о штаны,дохнул на него и тронул «горби». Когда на Сурабайя, завывая сиренами, вылетела пара машин оцепления, они — Шишел, «горби» и Дьяволов Камень — были уже слишком далеко, чтобы услышать их.

Долго плутать по «Джевелри» Уолту не пришлось: распахнутая дверь в кабинет директора было первым, что бросалось в глаза в полузатемненном зале. На пороге Уолт на мгновение замер, а затем, обогнув валяющуюся посреди дороги «беретту» и присвистнув при виде явно выпотрошенного сейфа, склонился над распростертым в кресле Мелканяном. Попробовал нащупать пульс, оттянул нижнее веко, пытаясь обнаружить в теле держателя ювелирной торговли хоть какие-то признаки жизни. Кое-какой успех это возымело — лицо Мелканяна судорожно скривилось, и Уолт несколько испуганно отдернул руку. Мутный, словно прошедший сквозь воды Стикса взгляд ювелира побродил по крытому панелями скок-дерева потолку, а может, по незримым пространствам потустороннего мира и остановился наконец на физиономии Уолта. При этом во взгляде том отразился мистический ужас. Скрюченными пальцами непослушных рук Бонифаций попытался ухватить репортера за отвороты куртки не отрывая взора от его зрачков.

— А-ах-х-х-р... — Из горла Мелканяна с видимым трудом вырывалось смешанное с хрипом клетотание, напоминавшее звук забарахлившей кофеварки.

— Где же эти врачи, черт их дери?! — простонал Уолт, пытаясь освободиться и не в силах оторвать глаз от стекленеющего взора ювелира. Чисто профессиональный рефлекс заставил его снова включить привычно болтавшийся на поясе регистратор.

— Х-х-хрр... Отд... — Стали появляться из уст Бонифация полученораздельные звуки. — Отд-т... Вер-р-р-р... Вер-ни Скр... ж... Верни Камень... Все равно...

— К-какой камень? — остоленело спросил Уолт, чувствуя, что и его собственная речь

теряет членораздельность, а взгляд — стекленеет.

— Кр... Хр... Скрижаль Дур-рной Вести... Все... хр... От-д-т-дай Дьяволов Камень...

Уолт остолбенел. Мелканян протянул свою скрюченную руку ему прямо в физиономию, словно ожидая, что собеседник тут же в нее и положит Камень.

— Все равно... За ним пр... кр... хр... пр-ридут... Жр... Хр... Жрецы Янтарного... Кр... хр... кр... Храма... Янтар-рного Храма... У тб... У тебя нич-ч... У тебя ничег-го не п получ... Ничего не выйдет... Эт-то недоразумение... СБОЙ...

— Нет у меня Камня! — каким-то самому ему на удивление фальшивым голосом зашипел Уолт. — Нету, нету у меня никакого камня!!!..

Чертовщина, заварившаяся этим вечером вокруг тайны Скрижали Дурной Вести, никак не укладывалась у него в голове, а сейчас он стал в тупик окончательно.

— Значит... не хочешь... отдавать... — Взгляд старого армянина окончательно потух, зрачки стали закатываться под лоб.

— Эй! — заорал Уолт, окончательно теряя всякий контроль над собой. — Док! Сюда, быстрее вы, суки! Тут человек умирает!

Цепенеющая рука Мелканяна ухватила-таки его за ворот.

— Они... Они все равно... все равно возьмут твою душу... Вместе с Ним... — неожиданно членораздельно и убедительно сказал ювелир, устремив в пространство невидящий взгляд. — Но... не вздумай... все равно не вздумай... надеть его на перст...

Рука умирающего разжалась, отпустила наконец ворот Уолта и повисла плетью. Уолт заморожено смотрел тому в рот.

— Никто... — еле слышно сипел Бонифаций. — Никто не должен... не должен снова воздеть Камень на перст свой... Только тот, кто избран... От... отмечен... Ибо если не будет этого... Тогда... — Тут голос его окреп и преисполнился ужасом. — Ибо тогда вновь откроются врата Греховного Знания... И Дьявол снова войдет в мир сей через Двери Огня...

Голова Мелканяна запрокинулась, и лишь сипящее бульканье оглашало теперь кабинет. Уолт в полной растерянности стал ощупывать карманы отдающего концы чудака: он неожиданно сообразил, что у того в кармане или еще где могут оказаться таблетки или шприц-ампула — здоровые люди так запросто с приступом не валятся, а хроники имеют обыкновение повсюду с собой таскать разные снадобья. И впрямь — в часовом кармашке жилета он нащупал что-то типа угловатого плоского пузырька. Потянул его на свет божий.

И тут в спину ему уперся ствол.

В первом подвернувшемся ночном шопе Шаленый купил неброскую сумку и сложил в нее добычу — далеко не рекордную, но вполне соответствовавшую его дальнейшим планам. У Северного терминала он поставил «горби» на автопилот и отправил в гараж Гарпа. Из камеры хранения забрал упрятанный в одноразовый пакет свой повседневный костюм, на его место положил новую сумку с товаром, в душевой отмылся, переоделся, запихал рабочую одежду в освободившийся пакет и, отправив этот последний в утилизатор, выпил в автомате чашечку кофе и стал ждать монорельс до Центра, посмеиваясь в бороду происшествиям минувшего вечера.

Конечно, давешний козел мог его и запомнить, но алиби у Шаленого было железное, а козел был, можно сказать, на смертном одре. Не в себе, во всяком случае. К тому же полиции до Шишела надо еще добраться, а это будет нелегко — даже оставь он в том выпотрошенном сейфе свою визитную карточку. Жаль также олухами упертого инструмента.

Но за этой публикой, похоже, свои грешки числятся, так что в околоток они это добро не потянут. Да и чистый инструмент на след все равно не наведет. Тем и хорош был. Стоил целого состояния. Ну так, может, еще и вернется. Вещь хозяина помнит, а за Шишелом дело не станет... Эту проблему Шаленый решил обмозговать позже.

В остальном он нигде не наследил и не отметился: общаться ему пришлось только с сервисной автоматикой. Обоняния она была лишена напрочь, а кредитная карточка Шаленого была в полном порядке. Ночью Северный был пуст. За это и выбран был местом перелицовки. Так что ароматом, благоприобретенным в мусоропроводе «Расмус билдинга», он ничьего внимания не привлек — разве что пара негротянок-монахинь в кипенно-белых чепцах, с которыми он разминулся на входе, смерила его недоуменным взглядом — так ведь в полицию они не побежали, а если и так, то опять-таки любой законопослушный налогоплательщик имеет полное право разок вступить, ну, скажем, в кошачье дерьмо... В общем, считай, что провернул он сегодня не самое скверное в своей жизни дело. Про Камень он совсем забыл.

— Возьми свой аппарат. Он уже полчаса надрывается. В конце концов, это же твой номер, не мой — так почему я все время должна...

— Оставь меня в покое, золотце! — Самуэль нервически бросил карандаш на лист бумаги.

С утра на этом листе не появилось ни строчки. И только сейчас начала робко складываться удивительно изящная — Сэм Бирман ощущал это какими-то невероятно тонкими фибрами своей души — цепочка знаков сигма-логики, не больше семи членов — он уже предчувствовал это, хотя и не мог доказать кому-либо другому. Еще немного — и он уже ощутил бы себя полнейшим господином Вселенной — почти как в тот миг, когда решением Университетского совета его группа была расширена с двенадцати до четырнадцати человек. И вот в этот самый момент какой-то недоумок начинает наяривать ему по телефону, номер которого известен от силы полудюжине человек. А Сара не находит ничего лучшего, как закатывать истерики вместо того, чтобы снять трубку и послать проклятого осла подальше...

Видимо, весь этот сложный комплекс чувств и мыслей достаточно ясно отразился во взгляде, брошенном Самуэлем на верную супругу. Она, тяжело вздохнув, развернула экран терминала связи к себе и бросила в трубку:

— Сара Бирман к вашим услугам.

На том конце канала связи не потрудились включить подсветку. На фоне чего-то слабо мерцающего обрисовывался только угольно-черный силуэт неведомого собеседника в странноватом, чем-то напоминающем монашеский клобук убранстве.

— Мне, однако, нужен сам господин Бирман, — хрипловато и не без досады сказал он. — Лично и немедленно.

Удивляла не наглость неожиданного собеседника. Удивляло то, что он знал ЭТОТ НОМЕР. Сара постаралась разглядеть скрытые мерцающей тьмой черты этого типа — там, по ту сторону экрана, но бесполезно. Она откашлялась:

— Сожалею, но он не может подойти к аппарату. Будьте любезны сообщить, что...

— С ним... с ним что-то произошло?

— Произошло?

Сара надела очки и проверила.

— Нет, слава богу на небе, с ним все в порядке. Откуда вы это взяли?

— Вашему мужу угрожает огромная опасность... — Глухой, с неприятным акцентом голос собеседника выбивал госпожу Бирман из колеи.

Воистину — Голос Тьмы. Что-то было в этом от антуража фильма ужасов. Но только в слишком хорошей режиссуре... Похоже, что тень знала, что имела в виду. А вот Сара — нет. Она озадаченно поправила очки.

— Он должен немедленно поговорить со мной... — настырно, с нажимом в голосе гнул свою линию призрак с экрана.

— Я повторяю: он не может подойти к аппарату. Господин Бирман чрезвычайно занят. В конце концов, он не назначал вам...

Тот — на другом конце канала — застонал от досады. Тень даже вскинула в отчаянии руки, и Саре показалось, что что-то остро поблескивает в багровом мерцании на концах пальцев этих рук... Нет, только показалось — тень не пугала, она БЫЛА страшна.

— У меня нет времени... — глухо сказал ТОТ — с экрана. — За мной придут сейчас... Передайте господину Бирману, что он должен немедленно остановить... свою работу. Иначе все сложится наихудшим для него образом. И постарайтесь немедленно покинуть планету. Как можно скорее. Кольцо нашло свой перст.

— Какое кольцо? Послушайте, это смешно — то, что вы говорите... Вы что, собираетесь нам оплатить внеочередной отпуск? Или вы угрожаете нам? Я немедленно обращусь в полицию...

При упоминании о полиции Самуэль, погруженный доселе в свои размышления, поднял на супругу недоуменный взгляд.

— Ваши расходы мы скомпенсируем с лихвой... — Хриплый голос тени стал торопливым. — Мы найдем вас и, разумеется... Господи, просто передайте господину Бирману то что я сказал вам о Кольце... Это то Кольцо, что несет Камень... Скрижаль... Он все должен понять, если прочел Старые Книги... Он...

Терминал жалостливо пискнул и погасил экран. Воцарилась недоуменная тишина.

— В чем там все-таки дело, золотце? — спросил Самуэль, явно намереваясь возвратиться к своим выкладкам.

— Какие-то антисемитские штучки. Что-то про какие-то камни и... Одним словом, чтобы мы убирались вон...

— Дорогая, ты же знаешь, что в Малой Колонии нет никаких антисемитов.

— Твои слова, да Богу бы в уши, Сэм. Он... Этот тип сказал, что ты сам все знаешь... Мол, все поймешь из Ветхого Завета... Типичный намек...

— Ветхого Завета?

— Или, как он там сказал — из старой книги... Или что-то в этом роде...

Глаза Самуэля стали как-то особенно прозрачны.

— Из старой книги? Старой книги... — Самуэль задумчиво постучал карандашом по все еще девственному листу бумаги. — Книги... Может... может, этот чудака сказал: «Из Старых Книг»?

— Да, что-то в этом духе...

— Господи!

Карандаш полетел на стол, брошенный с необыкновенной для профессора теоретической физики энергией.

— Золотце, я всегда просил тебя называть вещи своими именами!..

— Но, Сэм... Ты же ведь не собираешься принимать этих хулиганов всерьез?

— Нет, — сухо ответил Сэм, проверяя, не обломился ли заботливо заостренный кончик карандаша. — Разумеется, я не принимаю это всерьез...

— Что ты с ним сделал, подонок? — зашипел, брызжа слюной в лицо растерянно воздевшему руки Уолту и дергая подбитым глазом, сержант Харрис. Сейчас он больше смахивал на взбешенного скорпиона.

Что бы такое ему ответить, Уолт так и не успел сообразить: сержанта просто смел в сторону настроенный решительнее, чем когда-либо, док Лири.

— Бэтси, фиксатор! — заорал он, расстегивая ворот рубашки злосчастного ювелира. — Убирайтесь к чертовой бабушке, недоумок!

Последнее относилось к Уолту. Повторного приглашения он ждать не стал и, перешагнув через силящегося встать с четверенок Харриса, удачно разминувшись с вошедшей в профессиональный раж Бэтси и обогнув все еще сложенного пополам у входа Пола, вышел под иссиня-черные грозовые небеса ночной Столицы. И тут же с небес этих обрушился ливень. Тонны и тонны ледяной воды.

Делая вид, что совершенно не замечает этого обстоятельства, Уолт подошел ко все-таки и впрямь ожидавшемуся его «роллсу» и секунд пять ждал, что сидящий за баранкой кореец или калмык заметит его и отворит дверь. Но не тут-то было. Держатель экзотического средства извоза твердо знал, что водитель «роллс-ройса» — величина в этом бренном мире намного большая, чем какой-нибудь лакей или официант, и выскакивать из-за руля, чтобы придержать дверцу перед клиентом, тем более выскакивать под жуткий ливень, ему непозволительно с точки зрения чисто профессиональной этики. Так что по части своей погрузки в салон проклятой колымаги Уолту пришлось проявить самостоятельность. Его немного утешило только то обстоятельство, что вместе с ним туда проникло чуть ли не ведро небесной влаги. Злорадно проигнорировав тяжкий вздох водителя, он распорядился в селектор:

— К редакции «Дейли эдвенчер». Чарли-стрит, восемнадцать.

Только сейчас он обратил внимание на то, что все еще сжимает в руке вынутый из жилетного «пистона» Мелканяна пузырек необычной формы, темного стекла, угловатый и плоский. Без каких-либо этикеток. Он сунул его во внутренний карман куртки.

— Однако будет стоить... — задумчиво молвил шофер. — Антикварное такси...

— Счет пришлете в редакцию. Они заплатят, — как можно более уверенно преувеличил возможности своих работодателей Уолт, откидываясь на кожаные подушки.

— Чукча не дурак, — веско заметил шофер. — Покажи удостоверение.

— Вот, смотрите. — Уолт поднес пластиковый прямоугольничек к пуленепробиваемому стеклу, отделявшему пассажирский салон от кабины водителя (пискнул сигнал фотоидентификатора). — И бога ради, трогайте поскорее!

«Недоразумение... — повторил он про себя. — СБОЙ...»

За время непродолжительного путешествия монорельсом Шишел заметил, что стекляшка на его кольце привлекла внимание шпаны, галдевшей на соседнем сиденье. Он сунул правую руку в карман и в дальнейшем часа полтора — пока мог попасться людям на глаза — обходился только левой.

Из вагона монорельса Шаленый вышел у Лукиных бань. Там он некоторое время — секунд пятнадцать, не более — подержал (левой, разумеется) старину Туркеша за жидкую

бороденку и минут двадцать разъяснял почтенному держателю заведения подробности показаний, которые тому следует давать, если, не приведи господь, люди из казенного дома пристанут с вопросами. После этого алиби его стало не просто железным — оно обрело прочность легированной стали. До выхода его проводил швейцар. Он же вызвал такси-автомат и почтительно придерживал над головой Шишела зонтик, пока тот дожидался кара.

Такси довезло его до Бирнамского парка. Там он решил провериться на предмет слежки — лишний раз не помешает. Пробираться по заливаемым дождем неосвещенным аллеям между вековыми соснами для кого-нибудь другого было бы делом жутковатым, но Шишелу-Мышелу такая прогулка пришлась даже по душе. Где-то в самой чащобе, срезая угол по дороге к тускло светящимся сквозь путаницу ветвей и потоки дождя громадам жилого массива, он почувствовал даже какой-то непривычный прилив сил — словно невидимый друг тронул его за плечо. Точнее, за безымянный палец правой руки. Он с некоторым недоумением посмотрел на плотно сидящий там перстень — громадная черная стекляшка назойливо лезла в глаза. Странно, что даже когда он под душем отмывался от ароматов мусоропровода «Расмус билдинга», у него не возникла мысль избавиться от идиотского украшения. Он как-то нехотя попробовал свинтить кольцо с покрытого неопределенного окраса жесткой щетиной пальца, но, пожалуй, только усугубил свое единение с клятвой побрякушкой. Отложив это дело до утра, он просто развернул камень внутрь своей громадной ладони — чтоб не мозолил глаза посторонним, и, выбравшись на Чартерлейн, сел в муниципальный автобус.

В своей до странности чистой, скромной и даже бедноватой квартире он первым делом поставил размашистый крест в разграфленном листке, прицепленном к стене кухни. На нем оставалось теперь только четыре пустые клетки. Еще четыре намеченных дела — и прощай идиотская Малая Колония с обоими своими Бельмесами — Большим и Малым. Потом он еще раз принял душ и еще раз попытался содрать с пальца чертов перстень. Первое удалось ему вполне, второе успеха не принесло, что его как-то не очень расстроило, хотя таскать на пальце готовую улику и было гусарством чистейшей воды. Гусарства Шишел обычно не одобрял.

Открыв холодильник, он посмотрел на кристально прозрачную бутылку «Смирновской», таившуюся в его глубине, потом — на часы. Вздохнул и захлопнул дверцу — до выхода на смену оставалось четыре часа, а лишиться занимаемого места из-за дурацкой, но обязательной проверки на алкоголь было не след. В миру Шишел-Мышел (не под этим, разумеется, именем и уж никак не под именем Дмитрия Шаленого) был старшим звена охраны «Межбанковских перевозок Роланда», для которых уик-энда, к сожалению, не существовало. Зато у Шишела была твердая гарантия того, что последняя клетка на листе, висящем над кухонным столом, не останется пустой. Шаленый вздохнул еще раз. Поставил будильник на полпятого, лег в по-солдатски заправленную кровать и провалился в глубокий и в общем-то спокойный сон.

Проснулся он в четыре двадцать, в холодном поту, давясь собственным криком. Ему привиделось, что на его койке в изножье по-турецки сидит — еле различимый в темноте — немислимый урод, и вместо глаз у него — Желтый Огонь.

Глава 2

БОГ ВСТРЕЧ

Судя по тому, как началось утро, день обещал быть для Ли Бандуры нелегким.

Кошмарным, прямо скажем, обещал выдаться денек: в двери в начале пятого стал долбить Гарик Аванесян.

Некоторое время Гарик ошарашенно созерцал черную, в завитках поросль на открывающейся в проеме не первой свежести майки груди хозяина хазы, затем поднял глаза на его скуластую физиономию. Потом облизнул пересохшие губы и выпалил:

— Есть товар!..

— А кто же тебе сказал, — Бандура тяжело сплюнул не то чтобы под ноги Гарику, но и не в сторону, — что Бандура берет товар посреди ночи? Я вот что тебе скажу: ты вообще плохо ведешь себя, Трюкач...

— Срочный товар, Банджи! Можно за дешево взять — но налом...

— Ах, налом, — безразлично прогудел Бандура, разворачивая Гарика лицом к двери. — Ну так я тебе скажу, что нал на хазе в наши дни держат только исключительно идиоты. И...

— Если нала нет, то можно ведь карту зачистить... — уперся у порога Гарик. — Ты ведь можешь, Банджи, а? Меня Толстяк послал...

Последнее несколько меняло дело. Бандура вытянул из горы сваленных на кресле одежек блок связи, набрал номер и, дождавшись, пока на том конце снимут трубку, основательно прочистил горло и спросил:

— Это ты, Финни? — Потом после ряда невнятных междометий добавил: — Да... Ты тут послал ко мне одного чудака... Да... Гм...

Наконец Корявый Банджи бросил трубку. Потом основательно уселся на постель и апатично процедил:

— Ну, вываливай барахло.

Гарик с готовностью стащил с плеча и поставил перед ним тяжеловатую объемистую, добротную сделанную сумку из кожи пещерного вепря. Сумка глухо звякнула.

Утро, как ему и подобало в Южном полушарии Малой Колонии, было серовато-серебряным, мокрым и отрочески оптимистичным. Уходящие с небосклона волнистые гряды подсвеченных восходящим светилом облаков просились на полотно художника. На очистившейся кромке горизонта пейзаж украшали обе местные луны. Город был еще только ночной тенью самого себя — молчаливой и полной тайны. Приглядевшись, можно было увидеть в причудливых контурах составлявших его зданий — смеси всех стилей периода звездной экспансии человечества — даже некое подобие архитектурного замысла.

Размышления Уолта над сложившейся ситуацией лишены были того элегического изящества, которое являл раскрывавшийся перед ним из окна кабинета редактора «Дейли эдвенчер» пейзаж. Он с отвращением посмотрел на плещущийся на дне чашки кофе и утопил в нем окурки. Не то чтобы сготовленный Энни кофе был плох или табак в Малой Колонии подкачал — просто за истекшие четыре часа Уолт сильно злоупотребил и тем и другим. Физиономия его была сера и помята. Не лучше смотрелись и лица двоих его собеседников — весьма консервативно одетых джентльменов среднего возраста малозапоминающейся наружности. На полу у кресла каждого из троих собеседников громоздились забытые

окурками разовые чашечки. За плотно закрытой дверью мерил шагами пространство комнаты дежурный редактор, и то сидела, то вскакивала и норовила заглянуть в кабинет Энни.

В оборот Уолта, как он и ожидал, взяли быстро — не успел он перешагнуть порог редакции. Взяли бы и быстрее, если бы он загодя — еще только покинув башню Департамента науки, не ткнул несколько раз карманным ножиком один из микрочипов в своем блоке связи — надежный способ вывести из строя свое «электронное эхо» — прекрасный инструмент поиска потерявшихся абонентов. Судя по тому, что поджидавшие его господа что ни на есть всерьез проявили интерес к его регистратору, Уолту приходилось благодарить Господа за то, что он успел сбросить сегодняшние записи через эфир на свой анонимный «почтовый ящик». Битый час ему удавалось разыгрывать из себя чистейшую бестолочь, не понимающую, чего, собственно, от него хотят. Однако расчет на то, что пребывающие, судя по всему, в довольно высоких рангах гости редакции пожалеют своего времени и отвяжутся от явного дебила, не оправдался.

Незваные гости, видно, не зря заработали свои простым смертным незримые погоны, да и дела у следствия, видно, шли из рук вон плохо, так что прицепились они к Уолту почище любых пиявок. Еще полтора часа ушло на тошнотворную демагогию о правах прессы и о непозволительном вмешательстве правоохранительных органов в дела оной. Еще какое-то время удалось продержаться, гордя ерунду о полном отказе давать показания в отсутствие своего адвоката. Теперь наступил полный кризис.

Подмоги оставалось ожидать только извне — и тут, кажется, на что-то можно было надеяться: Энни, прежде чем ее выперли из кабинета, всем своим видом дала ему понять, что какой-то план на этот счет у нее был.

— К вам посетитель, мистер Каттаруза. Он говорит, что это очень срочно.

Мистер Каттаруза приподнял левую бровь, выражая недоуменное недовольство. Шестеро строго одетых господ, занимавших места напротив него — вдоль огромного, под красное дерево сработанного стола совещаний, укоризненно воззрились на дюжего телохранителя, посмеявшего прервать срочное и сугубо конфиденциальное совещание столпов Семьи с ее главой. Впрочем, чего было ждать от новичка...

— Это Трюкач — Аванесян Гарик, — поспешил ответить на немой вопрос шефа смущенный боевик.

Недовольство Джанфранко Каттарузы — самого великого Папы Юго-Западного побережья перешло все границы: высочайший конфиданс пыталась нарушить не просто мелкая сошка, но к тому же еще и сошка из людей Григоряна. Это крупно пахло провокацией. Телохранитель все понял без слов и бесшумно ретировался, по всей видимости, разъяснить Гарику бестактность его поступка.

— Итак, — продолжил прерванный монолог шеф, — мне не надо, думаю, долго втолковывать вам, что этой ночью нас с вами поставили в чрезвычайные условия работы. Собственно, ни о какой нормальной работе и речи не будет, пока господа из банков и, извините за выражение, правительства не решат своей проблемы с Дьяволовым Камнем. Та сволочь, что увела Вещь, должна быть кончена, а Камень должен быть найден. Иначе копы вместе с федералами и военной разведкой не уберутся с транспорта и с узловых терминалов. Вся сеть наших перевозок практически блокирована с этой полуночи. Все сколько-нибудь солидные банковские операции взяты под контроль. Шестерых наших региональных

руководителей взяла на глубокое потрошение армейская контрразведка. А мы с ней сроду дела не имели со времен последней войны... Короче, вы поняли, чего я хочу от вас?

— Залетную сволоочь найти и кончить, — эхом отозвался Генри-Борода. — Вещь просто найти.

— Ты всегда правильно понимал меня, старина. — Каттаруза поднялся с места и стал неторопливо раскуривать сигару на свече из сала мышевидного гризли. — Но я жду конструктивных мыслей...

— Я хотел бы уяснить главное, шеф, — аккуратно, не отрывая взгляда от какого-то несовершенства в маникюрной отделке ногтей своей левой верхней конечности, осведомился Фай Адриатика. — Если Вещь будет найдена... Достаточно просто помочь копам с этим делом? Или Вещь нужна нам?

— Всегда ценил хорошие вопросы... — пыхнул ароматным дымом Капо ди Тутти Капи. — Предлагаю всем вам задуматься над тем, как старина Фай завернул проблему... А призадумавшись, сообразить, что никогда не было в Семье и не будет стукачей! Может, копы и получают Вещь... Но только вот с этого, — чугунный кулак Папы обрушился на имитацию драгоценной древесины, — стола! И заплатят ровно столько, сколько, — покрытый жесткой черной щетиной палец Каттарузы ткнул в его же сидящий висок, — сколько решит эта вот голова!

Последовала пауза, долженствовавшая способствовать усвоению руководителями основных ветвей Семьи генеральной линии руководства.

— Теперь — детали, — молвил шеф, украсив пространство над столом облаком табачного дыма. — Есть основания полагать, что поработала с Камушком какая-то темная лошадка, — это по твоей части, Карло. Пройдись с частой гребенкой по всем залетным, каких знаешь, а каких не знаешь — узнай. Теперь Лорд — у кого, как не у тебя, полная информация по транспорту. Дело, понятно, нелегкое: придется крутиться под носом у всех копов, какие только есть. Но эта публика может прошляпить массу щелей и щелочек... Тебе лучше знать...

Адриатика, сдерживая зевоту, дождался, пока все направления работы Семьи будут озадачены соответственно их возможностям в поисках идиотской драгоценности — от банковского дела (Димитриадис-Шахматист) до домов терпимости (Чичо — Большая Мама). Он выслушал и свою номинальную нагрузку — «...поставить на уши наших ребят, внедренных... Ты помнишь, Фай, у кого работают люди, готовые помочь нам?..» — и, поднявшись вместе со всеми, откланялся, как и все, и, как и все, двинулся к выходу.

— Действуйте, господа, — сухо и энергично напутствовал их Папа. — И если Вещь окажется в руках у кого-нибудь из вас — упаси его бог начинать свою игру... Хотя такой позыв обязательно будет... О Камне это рассказывают. И уж, во всяком случае, надеюсь, ни одному идиоту не придет в голову взгромоздить себе эту штуку на палец... А ты задержишься на минутку, Адриатика...

Оставшись с глазу на глаз, они минуты три созерцали струйку ароматного дыма, вытекавшую из положенной на край малахитовой пепельницы сигары, порядком потраченной зубами Папы. Затем Каттаруза откашлялся:

— Это не для всяких ушей, Фай. Короче говоря, я хотел бы, чтобы никаких недоразумений не осталось между нами относительно тех ребят, что ты сосватал весной старому Бонифацию. Это я к тому, что больно уж совпало — история с Камушком и инфаркт у нашего общего друга... Внешне, конечно, никакой взаимосвязи, но мы-то с тобой знаем,

какому богу молился старый жулик.

— Вам лучше знать, шеф. Я, скажу вам честно, не верю ни в Бога, ни в черта, а уж тем более не сую нос в дела Черной Церкви. Тогда вы не захотели путать никого из наших людей в Большую Затею — Бонифаций так это называл — Большая Затея. Ну и я — с вашей подачи — сосватал ему залетного. Конкретно про Камень никто никого не спрашивал... Просто я знаю, где лежат чьи интересы.

— А я, как видишь, знаю, что знаешь... А ты знаешь, что я знаю... — Каттаруза вновь взял сигару и пахнул дымом не то чтобы в лукаво-безразличную физиономию Адриатики, а так просто — в пространство между ними.

— Однако мне сдается, что вы все-таки еще чего-то от меня хотите, шеф, — наклонил Фай голову набок.

— Я хочу, разумеется, чтобы ты вышел на твоего залетного.

— Естественное желание, шеф. Но очень трудно исполнимое. Как вы понимаете, отметившись этак... Если это, конечно, их рук дело... Одним словом, вся эта компания легла на дно и не позаботилась оставить нам адресок.

— Однако другой адресок я тебе могу дать, Фай. — Каттаруза тоже наклонил голову набок, то ли заглядывая Адриатике в глаза, то ли поддразнивая. — Госпиталь Марии Магдалены, четырнадцатый этаж, палата сто восемь...

Фай кашлянул:

— Вы хотите, чтобы я навестил старину Мелканяна с букетом цветов?

— Да нет, Адриатика, с цветами в неврологическое отделение тебя, пожалуй, не пропустят. А вот «пушку» с собой прихвати — чтоб разговор вышел, что называется, по душам. И лучше, если разговор этот у вас выйдет без свидетелей.

Секунд пятнадцать Каттаруза помолчал, посасывая сигару, а потом добавил:

— Меня, знаешь ли, интуиция подводила редко... Так вот, она мне и говорит теперь — моя интуиция — что, может, Бонифаций сам пойдет в руки. Сдается мне, что у этих ребят вышла какая-то накладка.

— Хреновые бывают накладки с Камушком... — мрачно заметил Адриатика и, откланявшись, вышел в тяжелую, украшенную резьбой дверь.

Убедившись, что это антикварное изделие вновь прочно изолировало его от чересчур догадливого вассала, Каттаруза подошел к небольшому, еще более затейливой резьбы шкафчику, отпер потайной замок и некоторое время молча изучал его содержимое — черного дерева перевернутый крест, укрепленный на противоположной стенке, тяжелое серебряное блюдечко — чаша, которой надлежало бы быть заполненной свежей кровью, и еще пара малоаппетитных реликвий — свидетельства принадлежности их владельца к Серому Кругу Галактической Черной Церкви.

Ни сумасшедшим, ни тем более фанатиком Джанфранко Каттаруза не был и быть не собирался. Просто из чисто деловых соображений водил дружбу с адептами Ложного Учения, среди которых оказались и весьма полезные люди, поддерживавшие его восемь лет назад, когда решался вопрос о престолонаследии в Семье. Тогда он искренне считал, что «Париж стоит мессы». Теперь он частенько признавался себе, что черные мессы, оказывается, обходятся дороговато. Впрочем, полноценным грешником он себя не считал и, вопреки католическому воспитанию, к Богу относился скорее на протестантский манер — считал, что свои дела с Ним он всегда уладит без вмешательства посторонних и к обоюдному удовольствию. Он размышлял на подобные темы, когда во внутреннюю дверь вновь

постучал, вошел и замер на почтленном удалении за его спиной Паоло. Папа без лишней спешки прикрыл дверцы и вновь запер Черный Алтарь.

— Этот Аванесян все не унимается, — доложил телохранитель. — Очень хочет говорить с вами.

«Перебежчик или провокатор, — зло подумал Каттаруза. — Началось... Впрочем, не помешает прощупать. Вдруг через армянскую диаспору удастся сойтись с людишками, осведомленными о затее Мелканяна?»

— Обыщи и проводи сюда, — распорядился он.

Зуммер дешевенького блока связи наконец-то запел, и Клайд поспешил вытащить плоский коробок из кармана.

— Считай, что повезло тебе, — прогудел в динамике густой бас Толстяка Финни. — Тут мой человек сторговал твое добро одному чистоделу. Суй свою карту в ближайший терминал и загружай сумму. Как и договорились — счет в федеральных кредитках.

— Подо что зачистили баксы? — больше для порядка поинтересовался Клайд.

Торчать на законопослушной земле Малой Колонии ему оставалось часа четыре с небольшим, а там — за геостационаром — налоговая инспекция слабо разбиралась в источниках доходов граждан Федерации где-то у черта на куличках — в планетарных колониях.

— Проходишь по статье «Гонорар». Ладно, счастливого тебе пути, Дейл, и фартовый тебе билетик...

Это была не кличка и не псевдоним. Просто фамилия Клайда — Ван-Дейл — трансформировалась в этих краях во что-то вроде прозвища. Был он здесь залетным и к излишней известности не стремился. Клайдом он в Малой Колонии был только для участников Большой Затей.

Послав Толстяка к чертям собачьим, он подрулил к ближайшему бело-синему огоньку коммуникационного стационара и, обождав, пока освободится терминал, сунул в щель кредитную карточку.

Убедившись, что двадцать тысяч в твердой валюте теперь никуда не уйдут от него и на краю Обитаемого Космоса, он облегченно вздохнул. Одной морокой стало меньше. После того как ему сравнительно легко удалось оторваться от бестолково организованной погони, демон любопытства заставил его сунуть нос в давешнюю сумку, второпях прихваченную в «Джевелри трэйдс». Лучше бы уж он оставил ее во флайере, который благополучно утопил в одном из озер близ Кэмп-Парадиза.

Как профессионал Клайд сразу прекрасно понял, что тянут лежавшие в сумке игрушки тысяч на пятьдесят — не меньше. Инструмент был отличный, похоже, римейского изготовления, явно на заказ сработанный, — в другое время Клайд не преминул бы оставить находку при себе. Но, как назло, точно так же отлично он понимал, что явиться для таможенного досмотра в столичный Космотерминал с таким вот джентльменским набором на руках — затея дохлая. Лучше уж сразу снести добро в околоток. Как и полагалось залетному, ни надежных тайников, ни явок, где находку можно было бы пристроить до возвращения, Клайд в Малой Колонии не имел, а проклятые железки буквально жгли руки — дело слишком пахло жареным.

В сочетании с непредвиденным налетом вооруженных дурней на паперти «Джевелри трэйдс» дело начинало смахивать на элементарную подставку: уж не сочинил ли старый

пройдоха Бонифаций ситуацию так, что, не подвернись Клайду давешний флайер с брошенным в замке зажигания ключом, то он с гарантией был бы сейчас в руках полиции, имея на руках полный комплект профессиональных орудий взлома. Вот только зачем такой вариант сдался хитромудрому Мелканяну или тем, кто стоит за ним? Ведь не желали же они как можно скорее вернуть проклятый Камушек законным хозяевам, не успев еще толком его заполнить?

Темное это было дело.

Слава богу, что вовремя пришли на ум здешние координаты Француза Дидье — связь, о которой Клайд Мелканяна в известность не ставил. Француз, хотя и опустил порядком и подрастерял прежние контакты, вывел его, однако, на заведение Финни, ну а Толстяк, смекнув, что с горящего товара и навар будет погуще, живо отмусолил Дидье не слишком объемистую пачку купюр с профилем кого-то из местных отцов-основателей и на том закончил его участие в случившемся бизнесе.

Клайду были обещаны к утру пятнадцать тысяч федеральными кредитками — наличными или все двадцать по зачищенной кредитной карточке. Обещание свое Толстяк исполнил, и теперь, кабы не двусмысленные события у «Джевелри», Клайду всего и надо-то было, что перекемарить несколько часов в гостинице, добраться на загодя зарезервированном каре до Космотерминала и вовремя взойти на борт регулярного челнока до Орбитальной Пересадочной. А уж там — малой скоростью, на рейсовом лайнере, меньше чем за сутки добраться до Малого Бельмеса, а там — до следующего четверга, в приятном удалении от компетентных служб Малой Колонии, доделать кое-какие дела, попутно изображая из себя средней руки бизнесмена. В четверг должен был выйти на связь Мелканян.

Теперь карты легли по-новому. Все элементы простого и ясного плана действий становились рискованными. О том, чтобы отправиться в гостиницу досыпать не добранные за ночь часы, не могло быть и речи: вот уж где идеальное место для ловушки. Слава богу, что у Клайда хватило ума не называть Бонифацию время своей отправки и рейс, хотя толку от этой предосторожности явно было мало — скорее всего в Космотерминале его уже ждут. Клайд много дал бы тому, кто пролил бы хоть луч света на то, что, собственно, движет его то ли партнерами, то ли врагами, от лица которых полгода назад на него вышел старый жулик. Чисто интуитивно он чувствовал, что все обстоит намного сложнее любых его предположений.

Темное дело, темное...

В глубине души Клайд еще раз зарекся отныне связываться с типами, за которыми, как у старого Бонифация, числятся темные связи то ли с религиозными сектантами, то ли вообще с фанатиками какого-то мистического вероучения. Ладно, черт с ними, с пожитками, оставшимися в гостинице, — за номер сполна уплачено вперед, и шума в связи с убытием Клайда никто не поднимет. Другое дело — это как без сучка и без задоринки пройти Космотерминал. Это стоило обдумать в спокойной обстановке.

Вид у Гарика был неважный. Был он бледен и дергался как-то. Внятную же речь историк из себя вообще с видимым трудом.

— Г-господин К-каттаруза, — затараторил он, норовя в нарушение этикета приложиться к ручке Папочки — такое позволялось лишь членам Семьи. — Господин Каттаруза, мне н-нужна к-ксива... У м-меня есть бабки...

Нелепость такого требования просто парализовала Папу. Он так и остался стоять перед Трюкачом, хотя намеревался расположиться в кресле, не предлагая, разумеется, чертовой шантрапе присесть.

— Зачем же тебе нужна ксива, парень? — только и спросил он.

Ослабший в коленках, Гарик опустился на краешек оставшегося так кстати свободным кожаного сиденья и воздел умоляющий взор на хозяина кабинета.

— Для выезда. Смываться мне надо, г-господин Каттаруза. Я не п-прошу денег — бабки у меня есть...

— Так какого же черта ты приходишь ко мне, а не к своему дорогому Сапожнику? — резонно спросил все еще слегка не пришедший в себя Папа.

— Т-тогда мне — конец... — убежденно заявил Трюкач. — Шеф решит, что это я п-проболтался... И я решил, что лучше — к вам... Я х-хочу вас предупредить, г-господин Каттаруза, о большой опасности... Всем нам — конец...

— Это уж точно, парень, всем нам конец, — согласился не чуждый философского подхода к жизни Капо ди Тутти Капи. — Одним — раньше, другим — позже... Но ты уж будь поточнее...

— Без свидетелей, — громко прошептал Гарик. — Если можно, нам надо поговорить без свидетелей.

— Побудь в приемной, Паоло, — распорядился Папа, всем своим видом выражая безмерное недоумение таким нарушением субординации.

— В-вы припоминаете, — затараторил Трюкач, — в-вы припоминаете то дело, что наши — я про людей Сапожника говорю — работали в прошлую осень на пару с вами?

— Будь поточнее, парень, — еще раз недружелюбно посоветовал Папа, откровенно выпуская вонючую табачную струю в слегка зеленое от напряжения лицо собеседника.

— Я про то, как взяли весь товар Шиндлера... Это когда потом Рогатый чуть в петлю не полез... — закашлявшись, пояснил Гарик.

— Ничего я такого не помню, парень. И тебе советую позабыть накрепко.

Совет Папы был не лишен своего резона. Своих в Малой Колонии грабили редко — не принято такое здесь было — а узнай кто, что конвой с приготовленным к нелегальному вывозу отборным товаром, числившимся за одним из крупнейших финансистов всех криминальных группировок Сектора Рупертом Шиндлером, обобрали люди Каттарузы и Сапожника-Карнеги, дело бы не ограничилось несмываемым пятном на репутации обоих авторитетов. Далеко не ограничилось бы... И то, что по этому свету все еще болтается мелкая сошка, осведомленная о деталях этой истории, было для Джанфранко пренеприятнейшим сюрпризом.

— Я... да, конечно, — торопливо сглотнул набежавшую слюну Гарик. — Только дело-то важное. Похоже, что большая опасность навернулась.

— ? — поднял бровь Папа.

— Так вот: если вы помните, господин Каттаруза, на этом деле, кроме всех прочих, сильно погорел Шишел. Шишел-Мышел. Шаленый. У него все тогдашние денежки были вложены в этот товарец...

Желудок Джанфранко непроизвольно сжался. Во рту стало кисло.

— Говори, парень, говори... Не томи душу, — неприязненно молвил он.

— Т-так вот: Ш-шишел до этого дела докопался. Не знаю уж как, но докопался. И теперь такое будет... Т-такое... П-прошлым вечером — как раз перед дождем — он меня

вычислил... В «Кентербери».

— Так почему тогда ты еще жив, парень? — резонно удивился Папа.

— Он п-по телефону меня в-вычислил.

— Ах, по телефону... — с некоторой иронией выдавил из себя Каттаруза.

Хотя, похоже, было не до смеха. Мозги Папы перешли на полные обороты. Он задумчиво и брезгливо прихватил двумя пальцами воротник Гариковой куртки и, словно с улицы забредшую кошку, переместил его из кресла, в которое наконец опустился сам, на ковер перед свои ясные очи. Гарик тут же нагнулся над ним и лихорадочно зашептал, дыша прямо в лицо Папы чесноком и пивным перегаром:

— По телефону... И спрашивает: «Ты, мол, Трюкач, часом, не помнишь, в каком году прибыл на Малую Колонию старый Элевтер Мелкян?» Вы п-поняли, господин К-каттаруза?

— Что, собственно, должен я понимать? При чем тут еще ваш армянский Элевтер? — Нить Гарикова повествования снова ускользнула от Папы.

— Да к-как же вы не п-поняли?! Ведь у вас встреча была с Сапожником — где? Н-на нейтральной территории... У Г-григоряна... Он вас обоих якобы пригласил к себе в заведение, п-пропустить стаканчик в День Элевтера. Т-та-кой был предлог. А я тогда между вами крутился колбасой — н-на подхвате — п-помогал в-все организовать...

Теперь Папа вспомнил. И поразился. Оказывается, они с Сапожником проморгали, пс крайней мере, одного парня, который явно знал о деле чересчур много.

— Так, значит, ты думаешь, парень... — взвешивая каждое слово, процедил он...

Собственно, судьба Трюкача была решена. Оставалось только раскусить — с чьей подачи работает человек.

— Тут и думать нечего, господин К-каттаруза. Это он войну объявил... Ч-чтобы все знали... Н-не мне одному — меня Шишел прихлопнул бы и не заметил... Я тут — мелкая сошка... Он явно хотел, чтобы я вас предупредил. Он всегда так — любит припугнуть для начала... Ч-чтобы вам в-воз-можность дать...

— Какую такую возможность, парень? — Взгляд Папы стал буравящим.

— Я-ясно к-какую — откупиться. Т-теперь затребует вдвое.

— И ты, парень, как только обо всем догадался, так сразу и рассказал все Григоряну и Сапожнику. Так ведь? Ну, а они...

— Так ведь Сапожник мне шею свернет. Он как дважды два решит, что это я в-виноват. А Григорян за меня в таком деле не заступится.

Гарик машинально извлек из сигарного дыма четверку «пик» и вконец скис, не зная куда ее деть.

— А ты, конечно, этого не делал, Трюкач? Не сболтнул чего старине Шишелу? Ну, чтоб он тебе потом малость отстегнул с откупа-то?

— Н-нет! — уже почти совершенно придушенно взвизгнул Гарик. — Да я — никогда... Я же говорю — я смыться хочу, мне ксива нужна! За свои... Мне в ночь Толстяк Финни одно дельце сосватал, ну и сбереженьица свои я из заначек вынул — так что монета на кармане есть. А там — вербанусь на рейсовик в обслуживающий персонал и сюда носу не покажу лет пять...

— Вот что, ты поступай как знаешь, парень, — сурово прервал его Каттаруза, — но только, если кто тебя спросит — у меня от Сапожника в этом деле секретов нет, и раз уж Шишел до чего дознался, я этого тоже от Карнеги скрывать не собираюсь. Обмозгуем это

дело с ним на пару...

Папа обошел вокруг стола, уселся, приняв деловую позу, и пододвинул к себе солидный, тяжелый блок связи. Врубать его, однако, не стал, а буркнул сквозь сигарный дым:

— Доберись поскорее до Центрального терминала, парень, и дождись там нашего человечка. Он тебе подкинет подходящую карточку. О цене договоритесь на месте. И сразу двигай туда... — Каттаруза указал сигарой в потолок, над которым простирались слабонаселенные небеса Малой Колонии. — Не хочу быть неблагодарным, парень, но, если выяснится, что ты смухлевал...

Гарика как ветром сдуло.

— Паоло, пристрой в хвост этому фраеру человека поумнее, — распорядился Папа в переговорник. — И соедини меня с Фаем, придется ему подвесить еще одну канитель.

Со все еще не рассосавшимся после ночного морока ледяным комом на душе Шаленый, морщась, словно лекарство, проглотил кофе, засунул в рот сэндвич с ветчиной и, дожевывая на ходу сие подобие завтрака, поспешил в подземный гараж, где ждал его строгий и неприметный «ситроен», так же напоминающий потертый «горби», как типичный рядовой клерк — типичного рядового клошара.

Вопреки своей привычке, Шишел поставил машину на автопилот и, пока за стеклами кабины уплывали назад и назад плохо различимые в свете только еще начинающегося утра многоэтажные громады деловых кварталов, перемежающиеся с малоэтажной застройкой старых аристократических районов, вперился в экран притороченного к передней панели переносного телевизора. Ранний выпуск «Новостей» должен был, по его разумению, где-то на первых своих минутах коснуться «дерзкого ограбления на Гранд-Театрал» — как-нибудь в этом духе окрестят вчерашнее дельце скудоумные газетчики. Это, конечно, если какой-нибудь осел не ухлопал за это время министра или архиепископа. Или не отмочил еще чего-нибудь в этом роде. Тогда, натурально, это рядовое в общем-то ограбление крупного ювелирного магазина отойдет-таки на третий или четвертый план. Второй по местной традиции прочно зарезервирован за очередным наворотом всем осточертевшей склоки между парламентом и Президентом.

Не то чтобы Шишел был тщеславен — был он существом скромным, хотя очень крупным и буйным во хмелю — нет, просто надо было держать нос по ветру, а в этом отношении беспривязные газетчики и телерепортеры с их врожденным недержанием информации были, по мнению Шаленого, народом весьма полезным.

Однако то, что он увидел в голографическом окошке ТВ, на сей раз далеко превзошло то, на что он рассчитывал. Экран предъявил ему уже так хорошо им изученный черный, неправильной формы и странной огранки камень, вправленный в простой, но тоже какой-то своеобразной формы перстень. Перстень был напялен на чей-то волосатый палец. Камера дала общий план, и стало ясно, что палец (как и рука в целом) принадлежит невысокому человеку с широким, несколько напряженным лицом, с глубокими залысинами, отороченными курчавым коротким волосом. Судя по одежде, это был католический пастор. Человек (и перстень) были изображены на большом — в полный рост — портрете. Камера панорамировала полотно, диктор же бодро вешал, что столь точно изображенный на картине бриллиант как раз и является тем самым Дьяволовым Камнем, дерзкое похищение которого прошлым вечером вновь привлекло внимание общественности к этой мрачной и таинственной реликвии времен Первых Высадок. Собственно, Камень является одним из

немногих доказательств того, что за несколько тысяч лет до прихода на Планету людей ее населяли или посещали иные разумные создания.

К сожалению, с самого момента своего обнаружения Камень стал талисманом целого ряда сменявших друг друга сект сатанистского толка. Время от времени его, как своего рода отличительный знак, воздевали на перст того или иного из крупнейших адептов этих тайных религий, столь, к сожалению, распространенных в Мирах Периферии, и в Малой Колонии в частности. Авантюристы и фанатики самого разного рода вели постоянную кровавую междоусобицу за обладание этим правом. Счастья он, однако, никому не принес. Тьма легенд сохранила только весьма загадочные и довольно противоречивые обстоятельства жизни и неизменной гибели победивших в этой борьбе. Не менее трагична и загадочна, однако, и судьба немногих обладателей Камня, не причастных к Темной Вере, — таких, как адмирал Шайн или изображенный на портрете (работы самого Адриана Фарро) аббат Ди Маури.

Адмирал, кстати, и считался последним из известных миру хранителей Камня. Согласно его завещанию, Камень был передан в президентскую казну Малой Колонии, где и пребывал до первых смут эпохи Планетарной Изоляции. Затем местопребывание реликвии сделалось предметом бесчисленных легенд и догадок, и только лишь вчерашняя пресс-конференция известного предпринимателя Спиро Апостопулоса пролила свет на истинное ее местонахождение.

Впрочем, ненадолго. Полиция и спецслужбы Малой Колонии, во взаимодействии с Федеральным управлением расследований, вот уже более двенадцати часов работая в чрезвычайном режиме, не выявили еще сколько-нибудь ясного следа Дьяволова Камня. Слова диктора сопровождал выразительный видеоряд: пробки на контрольных постах на выездах из Столицы, очереди на спецпостах проверки на терминалах, еще где-то кран, вытягивающий из морской пучины у набережной Старого города затопленную там грабителями десантную платформу, на которой те по водам залива благополучно ушли от запоздалой погони. «Необыкновенное рвение, охватившее правоохранительные органы, — пояснил диктор, — объясняется колоссальной суммой страховки, оформленной господином Апостопулосом на злосчастную реликвию. Сумма эта сравнима ни больше ни меньше как с годовым бюджетом Малой Колонии. Представитель «Гэлэкси иншуранс», Аксель Строк, заявил, впрочем, что соответствующие средства будут заморожены на счетах впредь до получения недвусмысленных доказательств того, что Камень действительно утерян безвозвратно и действия господина Апостопулоса в этой связи являются юридически безупречными. Адвокат последнего, Сантамария Кастельмажоре, в этой связи внес решительный протест...»

Шаленый уставился на свой перстень как на гадюку. Потом прикрыл глаза и застонал от злобы. За неполные два года своего пребывания на Планете он многим интересовался и узнал многое. Но местный фольклор, касающийся всякой мистической ерунды, был далеко не в центре его внимания. Кто же мог знать, что судьба стукнет его именно с этого боку?

Когда он снова обратил взгляд на экран, сюжет слегка изменился — неполная дюжина непроспавшихся акул пера толклась в тесноватом зале со столиками перед импровизированным президиумом, в котором восседала безупречно элегантная молодая китаянка, что-то озабоченно вещавшая в микрофон.

Диктор пояснил, что известная представительница свободной прессы Энни Чанг на импровизированной пресс-конференции, которая сейчас происходит в известном

журналистском кафе «Слэндер», довела до сведения общественности, что вот уже четыре часа из дюжины, потраченной на поиски Камня, представители Федерального управления и Планетарной контрразведки допрашивают в помещении редакции «Дэйли эдвенчер» репортера Уолта Новикова, вся вина которого состоит лишь в том, что он предпринял самостоятельное расследование по свежим следам преступления века, каковым, без сомнения, является похищение Дьяволова Камня.

Видеоряд предъявил почтенной публике вполне трагический вид на темнеющий в ночи корпус «Юнайтэд медиа» — резиденцию полусотни агентств и редакций, где на одиннадцатом этаже воспаленным светом горели окна «ДЭ».

Свободе и жизни известного журналиста угрожает вполне реальная опасность. В этой связи профсоюз работников средств массовой информации и Клуб журналистов направили...

Шаленый гвозданул тяжелой ладонью по сенсорной панели ТВ, и машинка заткнулась. Затем он осторожно, словно гранату со сдернутой чекой, осмотрел проклятый перстень. Царапнул бриллиантом по стеклу часов на приборной панели и, убедившись, что и впрямь основательно влип, сосредоточил все усилия на том, чтобы освободить палец от проклятого изделия. Пальцу досталось основательно. Камню — хоть бы хны. Увлечшись борьбой с чертовой реликвией, Шишел не сразу и сообразил, что сравнительно давно уже доехал до заведения Роланда и торчит в своем «ситроене» посреди полупустой автостоянки на виду у всех, кому не лень. Он снова повернул перстень камнем в ладонь.

Стоя на ступенях Второго Кредитного, Клайд задумчиво прилаживал на плече только что забранную из абонентского ящика сумку-планшет с деньгами и документами. Ледяной бриз раннего утра пронизывал до костей. Следовало срочно найти какое-то пристанище. Прямо перед ним притормозил словно сошедший с древней фотографии из какого-нибудь «Мотор-Ревю» начала двадцать первого века, начищенный как новый ботинок автомобиль.

— Не желаете совершить обзорную экскурсию по Столице, сэр? — наивежливейшим тоном осведомился водитель. — «Тур ностальжик».

Так провокаций не устраивают. Уж что-что, а элементарное правило поведения преследуемого — не садись в первое подъехавшее такси — Клайд знал прекрасно, но интуиция никогда не подводила его. Так провокаций не устраивают. С минуту Клайд изучал пронизанную сознанием собственной сверхчеловеческой хитрости добродушную раскосую физиономию водителя. Потом решительно занял место на заднем сиденье и, вставляя кредитную карточку в щель терминала оплаты, осведомился:

— Обзорная экскурсия — это надолго?

— Сорок минут — малая программа, час тридцать — полная. А если, однако, предпочитаете Большой Круг, то за отдельную плату вы можете...

— Вот что, парень, тебе повезло: я, видишь ли, страшно охоч до достопримечательностей вашей совершенно замечательной Столицы. Катай меня полных четыре часа и в десять тридцать останови у Космотерминала.

— Это, однако, за городом, сэр. И будет стоить...

— Не важно... Еще остановись у бара поприличней и...

— Перед вами, однако, встроенный бар, сэр. Виски, водка, коньяк, джин... А также — сэндвичи. Справа — микроволновый подогрев, сэр. Включить в счет легкий завтрак?

— Включи. У тебя здесь, пожалуй, и казино с рулеткой найдется, — задумчиво

констатировал Клайд, наливая себе «Бурбон» и наслаждаясь теплом обшитого серебристым грабом и дорогой кожей салона. После промозглой утренней стужи продутой всеми ветрами Столицы.

— У чукчи все есть, — скромно подтвердил его оценку водитель и тронул машину.

— Но около магазина готового платья останови, однако, — попросил Клайд. — И у аптеки...

«Однако» оказалось явно заразительным.

Все четыре часа с небольшими перерывами водитель антикварного средства передвижения изливал в микрофон сведения о том, как чуть было не отдали богу души участники Первой Высадки на Планету, о том, как на полстолетия, однако, оказались отрезанными от земной цивилизации первые полтысячи колонистов, и о том, что из этого вышло, о нашествии на молодую Столицу Колонии полчищ скок-деревьев, о тех невообразимых коллизиях, что, однако, сопутствовали появлению на Планете второй волны колонистов, о первой, второй и третьей гражданских войнах между колонистами второй, третьей и четвертой волн, о героической борьбе за выход из Империи, увенчавшейся великой, однако, победой Независимости, и о последующей славной эпохе Реколонизации и Реинтеграции в Федерацию и о многом еще. Щедрому клиенту были продемонстрированы монументы дюжины местных великих людей, примерно столько же храмов различных вероисповеданий, процветающих в Малой Колонии, неопределенное количество архитектурных ансамблей разных эпох и периодов и лично архиепископ Южного полушария, произносящий субботнюю проповедь перед редковатой утренней толпой туристов с балкона Дворца Нунциев, знаменитый, однако, мост через залив Контрабандистов, парламент, магометанское кладбище, резиденция Президента, еврейское кладбище, монумент Пятидесяти Мученикам — место, где черти, однако, забрали адмирала Шайна, и другие достопримечательности стольного града Малой Колонии. Клайду все это не слишком мешало думать — салон был со звукоизоляцией, а коммутатор он выключил сразу после того, как определил задачу водителю, и включил его только пару раз — чтобы напомнить об остановках у платяного шопа и у аптеки.

Последние сорок минут экскурсии ему было не до досужей болтовни своего моторизованного Вергилия: Клайд тщательно работал со своими покупками — кое-чем из одежды, косметики и аптечного барахла.

Капитан Остин выслушал то, что пробубнил ему наушник блока связи, коротко и односложно ответил кому-то на том конце линии и выразительно посмотрел на следователя Клецки. Судя по этому его взгляду, господам, которых уполномочили вести следствие, было велено закругляться.

— Подведем итоги. — Капитан присел на краешек стола, возвысившись над сгорбившимся в кресле, порядком вымотанным Уолтом. — Вы утверждаете, что покинули Овальный кабинет департамента, потому что точно то же самое сделали несколько других присутствующих...

— Ей-богу, вы говорите это так, мистер, словно хотите упрекнуть меня в том, что я всего-то последовал дурному примеру.

— А вы хотели бы как-то иначе сформулировать эту мысль? Вы отдаете себе отчет в том, насколько подозрительным выглядит ваше поведение?

— Подозрительным выглядело поведение уважаемого профессора Мак-Аллистера и его

людей. Согласитесь, что кому-то не мешало бы присмотреть за этой командой, когда она ломанула из помещения сразу вслед за грабителями.

— И вам удалось это?

— Не до конца. Во всяком случае, я убедился, что преследовать преступников они не собирались.

— Вы утверждали, что эти люди сразу направились в Старый город?

— Почти сразу. Сначала они довольно бестолково поплутали по набережным... Но в Старом городе я потерял их... Там движение слишком сильно зарегулировано. Эти господа на своем флайере просто игнорировали светофор, а меня подвела привычка уважать дорожные правила.

— Где же светофор разлучил вас?

— При выезде с Маолейн. — Уолт сделан все возможное, чтобы голос его не дрогнул предательски...

— И все оставшееся время вы пытались выйти на след этой компании? Не имея никакого представления о том, куда они все-таки направились? Кстати, вы хотя бы запомнили марку флайера, на котором передвигались уважаемый профессор и его люди?

Какая-то закавыка почудилась Уолту в этом вопросе.

— «Г-гепард», кажется... Если вы хотите мне сказать, что это был не самый умный способ действий, то сейчас это для меня уже не секрет. Но в тот момент было слишком обидно вот так отказаться от расследования.

— Простите, — капитан Планетарной контрразведки иронически опустил уголок рта. — Вам не кажется, что расследование случаев ограбления — это сфера компетенции иных органов, нежели уважаемого издания, представляемого вами?

— Журналистика всегда была свободна в выборе тем для...

— Ладно. — На этот раз голос подал представитель Федерального управления. — Ограничимся джентльменской договоренностью: мы постараемся не создавать препятствий в вашей профессиональной деятельности — ну, например, не станем задерживать вас, хотя ваше поведение и дает повод для применения такой меры пресечения. А вы уж постарайтесь не затруднять нашу работу. У нас могут возникнуть к вам многие вопросы — постарайтесь впредь быть достаточно откровенны с органами следствия. Расписку о невыезде мы с вас все-таки берем. Вот, ознакомьтесь и поставьте автограф... И еще... — Контрразведчик встал с уголка стола, на котором он примостился, и нагнулся к лицу Уолта. — Я от всей души надеюсь, что вы не станете проявлять излишнего интереса к особе господина Мак-Аллистера. Это может сильно повредить вам. С ним побеседуют те, кому надо, и тогда, когда это будет надо.

Уолт молча подмахнул бумажку, обязывающую его не покидать территорию Малой Колонии в течение двух недель, и проводил задумчивым взглядом спины столь приятных собеседников, бесшумно исчезнувших в проеме двери.

— Мы боролись за тебя как звери! — сообщила Энни, деловито разминувшаяся с ними в проходе. — В «Новостях» пойдет отрывок из моей пресс-конференции. Включи ТВ... У тебя неважный вид...

— Пришлось дать подписку о невыезде. И кое-что наврать... А обе эти вещи здесь у нас чреватые. Но иначе дальше работать они нам не дали бы...

— Подписка — это не слишком хорошо, — комментировала Энни, поводя вокруг «клопобоем» — индикатором подслушивающих устройств и даже заглядывая под столы и

кресла — занятие далеко не бесполезное после визита гостей из казенного дома. — Ты поторопился...

— Побыла бы ты на моем месте, Энни...

— А вот то, что журналисту такого калибра, как ты, Уолт, приходится рисковать попасться на элементарном вранье на допросе, — это серьезный знак. — Энни отложила «клопобой» и, пододвинув кресло, села лицом к лицу с Уолтом. — Ты надыбал что-то серьезное, Новиков. Рассказывай.

— Тут к вам еще кое-кто просится, шеф, — опасливо сообщил телохранитель-секретарь. — Нэнси Клерибелл — Пташка. И тоже вроде страшно срочно. Как быть?

Каттаруза тяжело вздохнул:

— Ты сегодня решил пристроить ко мне на прием всех шулеров и карманниц с Побережья или только чокнувшихся за последние полгода? А, Паоло? Ведь когда-то ко мне заглядывали фрукты и покрупнее...

— У малышки вроде что-то серьезное...

Пока продолжался этот содержательный обмен мнениями, помянутая Нэнси, вообще-то удачно сочетавшая профессию наводчицы с тонким ремеслом транспортного воришки, деликатно протискивалась в резные двери кабинета под тяжелым неодобрительным взглядом Папы.

— Ты, кажется, немного зазевался, Паоло? — спросил Папа голосом без выражения. И, игнорируя раздавшийся в ответ нечленораздельный звук, отключил селектор.

— Простите меня, шеф, — голосом, воплощающим святую невинность, произнесла Клерибелл. Ее шоколадная физиономия стремилась выразить глубочайшее раскаяние в том, что она отрывает от дел мирового значения самого Папочку. — Тут Чичо только что с цепи сорвался и всем толкует про Дьяволов Камень. Так вот, мне этот Камушек не далее как вчера очень даже попадался на глаза, — застенчиво прошептала она.

Ни больше ни меньше...

Последовала пауза.

— Ты, разумеется, ему об этом сказала, Нэнси? — вкрадчиво, как обычно говорят с детьми или душевнобольными, спросил Папа. — Ну там — где, у кого, когда... Большая Мама считает, что тебе надо поговорить сразу со мной?

— Я к хозяйству Большой Мама ни-ка-ко-го отношения не имею, — с глубоким чувством произнесла Клерибелл. — И, простите, шеф, перед ним не отчитываюсь.

— Ты считаешь, что отчитываешься прямо передо мной, Нэнси? — задумчиво разжевывая сигару, осведомился Каттаруза.

Он был слегка озадачен такой постановкой вопроса о субординации. Строго говоря, Пташка с несколькими своими напарницами были скорее «вольными стрелками», но долю с дохода отдавали Чичо, за которым и числилась обязанность присматривать за этой шальной компанией, а заодно и обеспечивать контакты с заказчиками на наводку.

— Во всяком случае, в таком деле, шеф... Дьяволов Камень — это ведь очень серьезно. А Большая Мама все припишет себе, как будто нас и не было.

— Кого это «нас», Нэнси? — ласково осведомился Каттаруза, решив, что и в самом деле если речь идет о чем-то серьезном, относящемся к Камню, то лучше это знать ему самому и сразу.

— Меня и Рут Биллисю — Белоснежки. Дело было в начале десятого, на Северном...

— Продолжай, девочка. Кстати, а Рут где же?

— Она с утра законопатилась у дружка. После того как я ее предупредила... Она в таких делах не разбирается, а у меня бабка была в секте Буду... Она мне про Дурную Весть очень много всякого рассказала.

— Да ты и сама, говорят, балуешься такими делами, — наугад бросил камушек в кусты Папа. Как человек Серого Круга, он что-то смутно припоминал, связанное с девицей Клерибелл.

— Что вы! — Реакция Нэнси была чуть преувеличенной. — Я каждое воскресенье хожу в церковь.

— Это хорошо, девочка... Я — человек с широкими взглядами, но предпочитаю дело иметь с правоверными католиками.

— О, все мы это прекрасно знаем.

Что-то в интонации Нэнси заставило Папу второй раз в этот день задуматься об излишней догадливости своих подопечных.

— Вот и хорошо, что знаете, девочка, вот и хорошо. А теперь — давай про Камень...

— Дело очень простое, шеф... — Нэнси деловито нахмурилась. — Мы с Рут работали на маршрутах Северный — Кэмп-Парадиз... Там в вечер с пятницы на субботу — стабильный улов. В начале десятого, когда дождь начался, мы вышли на Северном, чтобы пересечь до Парковых Линий, и на проходе — в дверях общего зала — налетели на здорового такого бугая. Вы не поверите просто. Вот с тот шкаф размером. Но не в том дело — тут у нас народ разный... Но дух от парня шел... Я еще подумала — словно из могилы выкарабкался. Ну мы, естественно, на него глаза скосили, и я смотрю — ей-богу — у него на правой руке, на среднем пальце, — Дьявол Камень в полной оправе. Я толкнула Рут, и она тоже увидела... Но она про Камень только понаслышке знает. А «Новости» мы не слушали и про то, что Камень час с лишним назад у Картавого Спино свистнули, просто не знали... Но я все равно так и ошалела — вы же понимаете... Дьявол Камень — и на руке, НА ПАЛЬЦЕ...

— Ты уверена, что это тот самый Камушек.

— Да уж точно... У бабки с десяток голограмм его было. Да и...

— Да и у тебя есть, девочка. Просто так — на память, посмотреть. Правда?

— А что тут такого, шеф? И потом, я в камнях разбираюсь вообще. Не было случая, чтобы я фальшивку надыбала.

— Ну что же. У тебя в этом вопросе есть репутация, Пташка. Не буду спорить.

Каттаруза знал, что говорил.

— И вот я всю ночь думала — почему он... Почему они нам явились?.. Такое случайно не бывает...

— Кто «они», Пташка?

— Камень и Дьявол! Я теперь уверена, шеф, — Большая Беда пришла... Пророчество Старых Книг исполнилось — Дьявол пришел в этот мир и воздел Камень на перст. Недаром от него... могильный дух шел...

— По-твоему, от Люцифера должно нести как из сортира, Пташка?

— А как еще? Ландышами, что ли? Нет — могилой... Он на то и зовется — Нечистый... А может, это был Барон Суббота собственной персоной...

Каттаруза досадливо устроил останки вконец сжеванной сигары в пепельнице и прервал взволнованный монолог Нэнси:

— Вот что, девочка: пусть с Чертом, Дьяволом и Бароном Субботой разбирается егс

высокопреосвященство Архиепископ. А ты сейчас пройдешь на Сим-Сим-стрит, восемь, к Марку Чарутти, частному детективу. Не волнуйся, парень берет кое-какие наши заказы. Раньше работал в полиции и дело свое знает. Пусть он тебя покрутит на стимуляторе и сварганит фоторобот этого вашего встречного. Я ему позвоню, чтобы постарайся. И дай-ка мне адресок этой твоей подруги. Рут — я имею в виду. Мои люди ее доставят туда же, к Марку... И присмотрят, чтобы чего с ней не приключилось. И ты... Будь осторожна. А куда девался этот тип потом, когда вы разминулись?

— Он спустился на подземный уровень, и больше мы его не видели...

— Ну, с богом, Пташка...

Каттаруза начат набирать на блоке связи номер.

Нэнси вышла из ворот солидного особняка, служившего резиденцией Папы Джанфранко, и, облегченно вздохнув, пошла вдоль кованой ограды. До Сим-Сим-стрит было от силы десять минут пешком.

— Постой, сестра, — женщина в грязноватом бесформенном плаще, мимо которой она прошла, не обратив внимания, окликнула ее.

Нэнси обернулась, присмотревшись к странной фигуре. Лицо женщины, окликнувшей ее, было запрокинуто к небу, как у слепой, и по лицу этому ползали мухи — и по рукам тоже...

— Подозрительнейшие пентюхи водятся в этих водах... — задумчиво заметил сидевший за рулем кара следователь Федерального управления, энергично стараясь избежать очередной транспортной пробки.

— Это вы про нашу прессу? Этот Новиков не сказал нам и половины из того, что разнюхал. Придется занять его персоной пару оперативников — глаз с него спускать нельзя.

— Это — само собой... Но вообще-то я имел в виду господина профессора.

— Здесь я вам не помощник... — Капитан Остин откинулся на сиденье и неприязненно поморщился. — Программа «Мессенджер». Это здесь, в Малой Колонии, считается... э-э... священной коровой, что ли... Мак-Аллистер и его люди — это монополия на всю информацию о Палеоконтакте. После того как они выдали первые расшифровки технологий этих Первых Колонистов... Чужих... После этого на них сделаны большие ставки. Мне просто не дадут и на пушечный выстрел приблизиться к этой компании. Это мне ясно дали понять. Думаю, и вам — тоже.

— Ну что ж. Сотруднику Федерального управления расследований таких указаний никто дать не может. В пределах Планеты, конечно... Так что, полагаю, что намеки господина министра относились только к одному из нас. — Следователь старательно смотрел мимо глаз своего коллеги. — Я вправе оказаться непонятливым....

Натянутую паузу прервала трель блока связи.

— Есть дополнение к вашему запросу, капитан, — сообщил деловитый голос из динамика. — Мы сообщили вам, что Уолт Новиков, репортер, под судом и следствием не состоял и лишь четырежды фигурировал в качестве свидетеля по различным делам. Так вот, полчаса назад Центральный полицейский компьютер дал дополнение. На имя Уолта Новикова выписана повестка. Он должен дать показания по делу об ограблении «Джевелри трейдс». Прошлой ночью. В качестве свидетеля...

— Интересно, — пробормотал капитан Остин, не спеша вырубить переговорник. —

«Джевелри трэйдс» — это ведь на Гранд-Театрал? У перекрестка с Маолейн?

Он снова взялся за блок.

— Кто ведет следствие по этому делу? Кто составлял протокол? И еще — в деле фигурируют средства передвижения? Какой-нибудь флайер, например?

— В розыске по делу объявлены «найтфлайт» и «ягуар». Следствие поручено лейтенанту Фоксу из Криминального департамента. Протокол составлен... э-э-э... — Последовало секунд пять, заполненных попискиванием компьютера — там, на том конце линии. — Протокол составлен сержантом Харрисом, околоток Гранд-Театрал-3.

— Благодарю вас! — Остин выключил блок и призадумался.

— Это вы здорово прикинули — относительно места действия... — заметил в пространство Стивен. — И господин Новиков действительно оказался не до конца откровенен. Не знаю, на что он рассчитывал. Но само нападение, судя по всему, осуществили не те, кого он преследовал. Автомобиль Мак-Аллистера действительно «гепард». Я это знал с самого начала. Тут журналист не врал. «Гепард» — не «ягуар»...

— Вы плохо знакомы с местной полицейской флорой и фауной, следователь. Для той бестолочи, которая сидит на Гранд-Театрал-3, «гепард» — это, конечно, «ягуар»...

Сапожник потому и был Сапожником, что сам он, и дед его, и прадед славны были тем, что крышей для дела содержали обувной склад на Клик-вэй. И еще потому, что Господь не пожалел гуталина, когда определял цвет физиономии раба своего Маноло.

Был Маноло Карнеги на класс пожиже Папы Каттарузы, и был он большим демократом. Поэтому и накачку своим людям давал в антураже, разительно отличавшемся от обстановки кабинета Папы. Народ покруче — из тех, кто начинал еще с Пабло, папашей Маноло, — сподобились быть рассажеными в продавленные кресла. Выдвиженцы из молодых расположились по полкам, сдвинув товар в сторонку.

К тому моменту, когда все соображения по поводу того, кому что следует предпринять в сложившейся ситуации («Ройте землю, ребята, ройте, и что-нибудь да выплывет. Иначе жизни не будет...»), были высказаны, в помещение, стараясь не привлекать ничьего внимания, осторожно вошел де Лилл — Адвокат. Он подошел к Маноло и, наклонившись к нему, тихо сообщил, что Трюкач, бледный как с того света, просит его выслушать.

— Примите во внимание, шеф, — добавил он, — что не далее чем час назад Трюкач был у Папы Джанфранко. В его кабинете.

Сапожник удивленно поднял бровь. Фигурирующие в доносе величины были несопоставимы.

— Информация надежная, шеф. От Григоряна. Он за своими людьми присматривает неплохо. Да-да — наш маленький Трюкач беседовал тет-а-тет с самим Папочкой. Ни больше ни меньше. И привел «хвост». В «Таверне» ошивается Джо Вишневыски — поджидает, когда Трюкач выйдет.

— Это что-то новенькое... — под нос себе определил Маноло. — Помаринуйте мальчика с полчаса, общите и давайте ко мне — в заднюю комнату.

Тет-а-тет с Трюкачом занял заметно больше времени, чем предполагал Маноло. Гарик вышел из кабинета шефа отнюдь не успокоенный в своих худших подозрениях, но кланяюсь и благодаря, благодаря и кланяюсь. Сапожник проводил его тяжелым взглядом.

— Что, собственно, надо было парню? — осторожно поинтересовался Адвокат.

— Собрался в бега, — мрачно пояснил Карнеги. — Но не в этом дело. Кажется, они на

пару с Шишелом решили нас немного пощипать. И, сдается мне, с подачи Папочки Каттарузы...

— Он объяснил — о чем они с Папой толковали поутру?

— Он несет такую чушь, что у меня уши свернулись в трубочку! Так или иначе, найди Финнегана. Холеру, я имею в виду. И передай ему мою просьбу. Ты понимаешь какую? Трюкача он найдет на Космотерминале. Больше ему деваться некуда. Паренек, сдается мне, слишком уж задержался на этом свете. А с Шишелом я потолкую напрямую. Организуй это дело. Не позже чем послезавтра.

Приняв вторую банку «Будвайзера», Ли решил, что пора браться за дела. Он натянул майку попримичнее, сполоснул физиономию в ледяной воде, врубил программу «Новостей» и принялся шнуровать тяжелые армейские ботинки. К тому времени, когда он покончил с этим занятием, он уже понял, что дела плохи до крайности.

Первое, что он уяснил, так это то, что из-за давешнего Дьяволова Камня поднялась куда как более крутая буча, чем кто-либо мог бы подумать. В городе, наполненном поставленными на уши полицейскими, явно стоило отложить намеченное дня на три-четыре. Но заказчик не мог ждать. Врагу бы не пожелал Бандура такого заказчика...

Он накинул штормовку, спустился в подземный гараж и тронул свою «тойоту» к Северному терминалу. На улице он несколько раз проверился, резко меняя направление движения и проскакивая перекрестки за доли секунды до того, как вспыхивал красный свет.

Эти его маневры слегка рассмешили сержанта Харриса, наблюдавшего за ним на экране монитора.

— Ну, как насчет пари? — повернулся он к Полу. — Ставлю пять против одного, что Корявый Банджи пошел на дело. По мелочам он обычно не разменивается, а крупных дел за ночь в городе было только два...

Изображение на экране встроенного в панель управления монитора слегка плыло — высоко в медленно наливающимся дневной голубизной небе невидимый с земли дежурный гелиопланер-автомат — один из полусотни поднятых сегодня в воздух — закладывал очередную петлю. Объективы его камер позволяли при надобности даже прочитать текст газетной заметки в руках у прохожего. Беда состояла только в том, что никому из сотен занятых в операции людей не было известно, за кем, собственно, надо вести наблюдение. Поэтому сержанту Харрису не составляло труда выцыганить в свое распоряжение один активный канал наблюдения.

Нет, сержант не допускал идиотской мысли о том, что именно ему удастся вернуть человечеству Чертов Камушек — он не был настолько наивен и настолько честолюбив. Нет. Речь шла о той мелочевке, что выгребли вчера у него из-под носа в заведении Мелканяна. Мелочевки этой хватило бы, правда, чтобы оплатить все те годы тяжелой и относительно беспорочной службы, что еще предстояло прожить доблестному стражу порядка. И те, что он уже прожил. И осталось бы еще порядком.

На интуицию свою или на исключительные познания устройства преступного мира он не рассчитывал. В этом отношении сержант также не строил иллюзий. Просто у него была хорошая наводка. Нет, еще вчера никто не знал о предстоящем ограблении. Но еще позавчера человек, который никогда не подводил Харриса, обмолвился о том, что скоро Корявому Банджи обломится хороший товар.

Тогда Харрис не принял этого близко к сердцу. Бандура был фигурой известной, но

проходил по другому дистрикту. Сейчас ситуация рисовалась Харрису иначе. Пожалуй, его «источник» пожалел бы о том, что доверился своему покровителю из околотка. Может, Харрис и был тем, кем его считали большинство знакомых, — туповатой бестолочью. Но сегодня он был бестолочью, для которой наступил ее звездный час.

Человек, вышедший из «роллса» у Космотерминала, не более походил на Клайда Ван-Дейла, чем на Папу Римского. Он был сутул, облачен в мешковатое пальто, очкаст и одутловат лицом. На руках его — слегка не по сезону — были напялены кожаные перчатки. Походка этой в остальном не слишком примечательной особы говорила не столько о регулярных занятиях спортом, сколько о заботливом внимании к своему геморрою, с которым, по всему судя, господин в очках уж много лет как свел дружбу. Перевоплощался Клайд профессионально — в миру он регулярно и довольно неплохо подрабатывал в характерных ролях на периферийных студиях ТВ Федерации — в скетчах и сериалах. Если бы не пять лет, проведенных не совсем по своей воле в диверсионной группе наемных войск Бродячего Императора, он, пожалуй, далеко пошел бы на этом относительно честном поприще. Имел диплом и состоял в профсоюзе актеров и работников сцены.

Космотерминал был практически пуст. Только в верхнем зале ожидания ряженые под аборигенов ударники выдавали Древний гимн перед пустыми рядами кресел. Выдавали, кстати, неплохо.

Уже в первую минуту пребывания в почти безлюдном в этот час здании Космотерминала Клайд понял, что его безопасность здесь неожиданно и неплохо гарантирована, и что самое смешное — в результате его собственных усилий, предпринятых вчерашним вечером: Космотерминал работал в чрезвычайном режиме. Камушек сделал свое дело. Если не считать неполного десятка бездельников, кучковавшихся у игорных автоматов, почти все шатающиеся по нижнему этажу лица не скрывали своей принадлежности к полиции. Полицию дополняли патрули внутренних войск. Посты таможи были усилены. Шпики в штатском было, пожалуй, поболее, чем нормальных пассажиров. Шерстили круто — искали Камень. Камень присутствовал всюду: о нем бубнили дикторы с экранов, о нем вещали буквы в бегущих строках, о нем напоминали заголовки распечаток на стендах, в руках у немногочисленной публики и под ее ногами.

В хлопотах о собственной безопасности Клайд как-то упустил из виду фактор Камня. Для него Камень был уже законченной частью работы. За нее могли не заплатить, могли при неудачном раскладе и убить — за его долю навару или чтобы молчал. Но попасться на Камне он уже не мог.

Так или иначе, царивший в порту ажиотаж в сочетании с почти полным безлюдьем был ему весьма на руку. Только полный идиот или высочайшего класса профессионал мог позволить себе разыгрывать хоть какую-то комбинацию в такой обстановке. Если судить по действиям дурней у «Джевелри», против него играли какие-то дилетанты — то есть не то и не другое. А вот его собственный, отнюдь не на профессиональный досмотр рассчитанный камуфляж мог вызвать сильнейшие подозрения. Следовало от него немедленно избавиться. Собственно, и по первоначальному его плану это все равно предстояло сделать — перед самой посадкой.

Продолжая, однако, блюсти правила конспирации, Клайд выждал, пока к спуску в подземный уровень направился какой-то чернявый молодчик, пристроился ему в затылок и так и проследовал в сияющие царственной белизной недра ватерклозета. Чернявый посреди

спуска, полуобернувшись, подозрительно зыркнул на него антрацитовым глазом и втянул голову в плечи. Что-то ему не понравилось. Кое-что не понравилось и самому Клайду: рыжеватый моложавый жлоб, до сих пор исправно подкармливавший жетонами игровой автомат, почти не скрывая своих намерений, устремился за ним следом.

Тепло наконец стало пропитывать полуденный город. В квартале Вавилон это чувствовалось особенно. Может, виной тому были теплые желто-оранжевые и шафранные цвета стен зданий, добрая половина которых была выполнена не из кирпича или железобетона, а вырублена в громоздящихся над этой окраиной города скалах. Вавилон упирался в предгорья Желтых гор, взбирался на них. Здесь трудно было встретить европейское лицо. Разве что среди редких толп экскурсантов, понаехавших поглазеть на Пещерные Храмы. Доминировали по-детски гладкие, аккуратные физиономии выходцев из древнего Индокитая, луноподобные лики индусов, мелькали иссиня-черные, с искрой глаза и таинственные профили, словно пришедшие из далекого ассирийского прошлого Земли...

Самуэль ощутил в душе странную зыбкость. Когда-то он не был здесь чужим. Когда-то он знал почти каждого встречного на этих узких улочках. Когда-то. Давно. Где-то, буквально за углом, был дом, в котором прошло его детство. Только вот за каким? Вспомнить было нетрудно. Мешало сжимавшее его душу напряжение.

По стоптанной экскурсантами каменной лестнице он поднялся к не самому знаменитому из Храмов. Робот-гид как раз объяснял пестро наряженной стайке школьниц откуда-то из Речного города, что означают каменные горгульи слева и справа от заколоченных высоких ворот и кому поклонялись адепты Желтого Камня. Стараясь не привлекать к себе внимания, Бирман обогнул фасад здания и по несколько более крутой и не так стертой лестнице поднялся во внутренний дворик заброшенного, казалось бы, монастыря. Только внимательный наблюдатель заметил бы закутанного в песчаного цвета тунику служку, приютившегося на скрытой в тени разросшегося кустарника скамье у и вовсе не заметного прохода внутрь пещерного лабиринта. Со служкой он поздоровался тихо и жестом, который знали лишь посвященные.

Только в десятке метров под поверхностью земли после первого поворота подземного хода можно было заметить, что монастырь все же обитаем — в глубине туннеля, у следующего поворота, еле заметно теплился янтарный огонек. Второй служка неподвижно замер в нише стены. На приветствие Сэма он ответил еле заметным движением руки — можно было подумать, что просто язычок пламени над светильником качнулся от еле заметного сквозняка и тени шевельнулись.

Еще пара поворотов, еще пара крутых узких лестниц — и Бирман вошел в прохладный, скудно освещенный зал. Размеры его трудно было оценить — темнота, стущавшаяся по углам и над головой, скрадывала расстояния. Только эхо шагов и покашливания самого Сэма давали понять, что зал был не так уж и мал.

Сэм подошел к еще одной неподвижной фигуре в нише у светильника, сделал условный жест и почти шепотом спросил:

— Отец Малого Света сможет принять сегодня бывшего брата Самуэля?

Монах ничего не ответил, продолжая немигающим взглядом созерцать крошечный язычок пламени. Бирман, сдержав досадливый звук, зародившийся было в гортани, осторожно стал пересекать пространство пещерного зала.

— Отец Малого Света давно ждет тебя, того, кто был братом Самуэлем, — негромко

сказал ему в спину монах. — Жди у огня...

Бывший брат Самуэль послушно опустился на скамью у ближайшего светильника.

С четверть часа не происходило ровно ничего. Потом за спиной его раздалось традиционное здесь:

— Ясного света тебе, тот, кто был братом Самуэлем.

— Ясного света тебе, Отец, — ответил Бирман, склоняясь в поклоне и делая условленный жест.

— Рассказывай, Самуэль, — сказал сухопарый старик, как-то по-птичьи усаживаясь рядом с ним.

— Мне был знак... Думаю, с той стороны...

— Сон, морок? Или...

— Просто звонок по обычной линии связи.

— Тебе приказали немедленно остановить твои труды?

— Да. И напомнили про пророчества Старых Книг. Я знаю, что ты посоветуешь мне последовать приказанию. Но...

— Мы знаем это. Мы тоже получили знак. И попытались предотвратить зло. Но онс оказалось сильнее нас. Вместо того чтобы навек покончить с Перстнем Лукавого, мы снова воздели его на перст Избранника. И теперь цель, ради которой Перстень пришел в этот мир, как никогда, близка к исполнению.

— Моя работа тоже, как никогда, близка к своему завершению. И...

— И?..

— И я стал понимать, что в Старых Книгах, кажется, написана правда. Но дело зашло слишком далеко. Если работу не закончу я, ее теперь сможет завершить даже самый глупый из моих учеников.

— И ты думаешь, что я посоветую тебе теперь остановиться?

— Когда я обращался к тебе раньше... давно... ты именно это мне и советовал.

— Потому что тогда ты еще не сделан свой выбор. Теперь, когда выбор давно сделан, я могу посоветовать только одно — иди до конца. Ибо человек обречен знать! Этому мы учили тебя всегда. И не имеет никакого значения, что ценой знания может быть смерть.

— Если бы только моя смерть... Старые Книги предрекали нечто гораздо худшее, и я все более убеждаюсь в том, что это — Истина. Неужели Истина стоит Вселенной?

— Может быть... Может быть, Истина и стоит одной Вселенной — ЭТОЙ.

Они помолчали.

— Не стоит меня агитировать, Отец, — сказал наконец Бирман. — Я все равно не смогу остановиться. И пришел искать у Храма поддержки и защиты.

— Храм поддержит тебя, того, кто был братом Самуэлем, — глядя в огонь, сказал Отец Малого Света. — Но битва будет жестокой. Позаботься о том, чтобы ничего не случилось с результатами, которых ты уже достиг. И с людьми, которые работают с тобой... И еще — исчезни. Скройся на время. Ты помнишь, как надо поступать... Уже скоро Перстень поведет Избранника к тебе.

— Ну все. Парень забрал товар, — констатировал Пол, не отводя глаз от экранчика монитора, показывающего, как Бандура, вооруженный небольшой дорожной сумкой, с оглядкой спускается по ступеням Северного терминала. — Берем?

— Не будь дурнем, — наставительно пресек проявившего излишнюю инициативу

сообщника сержант Харрис. — Проводим клиента до покупателя. Там возьмем сразу и товар и деньги. Зачем терять половину навару?

— Вы, шеф, гений, — без лишней лести определил Пол.

«Однако, кажется, я сам себя загнал в ловушку, — с некоторым запозданием сообразил Клайд. — В сортире-то ни души!» Оно и верно — рубеж, который по мысли правоохранительных служб должны были попытаться преодолеть похитители вместе с Камнем, уж никак не пролегал через общественный туалет.

«О видеокамере наблюдения они могли бы и позаботиться, однако, — подумал Клайд. — Черт побери, когда прилепилось ко мне это «однако»?»

Не задерживаясь и на долю секунды, он пересек залитое светом бактерицидных ламп открытое пространство и стремительно запер за собой дверцу индивидуальной кабины. То же самое, только с запозданием секунды в три и, слава богу, в другой кабинке, проделал Чернявый. Еще через пару секунд в гулкой тишине зазвучали торопливые шаги их преследователя. Ни облегчать мочевой пузырь, ни заходить в кабинку вбежавший не стал. Он перешел с рыси на шаг и вообще остановился на мгновение. Еле слышный щелчок прозвучал в стерильном воздухе. Сняли предохранитель. Потом преследователь вздохнул и медленно пошел вдоль ряда кабинок, рывком открывая одну дверь за другой.

Клайд успел скинуть нелепое пальто и стоившие уйму денег очки-ретро. Выплюнул ватные прокладки и теперь застыл в бесшумном ожидании. Слева за перегородкой нервически сопел Чернявый. Его очередь была первой. Почему ему вздумалось пугаться этого, явно не за ним направившегося, ангела смерти, понять было трудновато. Анализом поведения дурака заниматься Клайду было просто некогда. У него, правда, оставалась возможность выйти из игры законным путем — надавить на красную кнопку блока связи. Принимая во внимание обстановку в Космотерминале, можно было ожидать мгновенного появления охранников. Но это здорово пахло провалом. Да и вообще, Клайд еще достаточно полагался на свои силы. Не надо только пассивно ждать пулю в затылок. Надо работать на опережение.

Шишел всегда высоко ценил краткость своего рабочего дня в «Межбанковских перевозках». Простые смертные, которым выпало пахать и в день субботний, еще только посматривали на часы в предвкушении скорого обеденного перерыва, а Дмитрий Шаленый, выполнив в составе группы сопровождения четыре рейса в бронированном вагончике, уже был свободен как птица. Жаль, конечно, что не каждый день выпадало такое.

Только вот, оставшись наедине с самим собой, Шаленый вновь ощутил накатывавшееся на него весь день чувство какой-то неустойчивости всего сущего. Какого-то невыполненного долга перед кем-то, кого он давно знает, вот только припомнить никак не мог. И еще. Он готов был поклясться, что ощущает чем-то в своей душе присутствие какого-то попутчика. Кого-то еще рядом. Незримого. Впрочем, почему же незримого? Вот обернись сейчас — и увидишь его на заднем сиденье, слева. Но обернуться Шишел побоялся. А боялся он в жизни мало чего. Чтобы не тронуться умом, он осенил себя крестным знаменем и обратился к вопросам сугубо практическим.

Свалившиеся на него несколько часов свободного времени он решил использовать с толком. Прежде всего надо было проверить, ушел ли товар по назначению. Шаленый тронул свой «ситроен» к Северному.

Вторым немаловажным делом был Камень. Пока Шишел ограничился тем, что наскоро, так, чтобы не мешало, перебинтовал ладонь и палец, украшенный проклятой реликвией, и загрузил свое подсознание поисками выхода из положения. От перстня желательнее было избавиться, не попортив вещь.

На паперти Северного его ждал еще один относительно приятный сюрприз — жовтно-блакитная «тойота» Корявого Банджи, припаркованная на полупустой в это время дня привокзальной стоянке. Шаленый подал «ситроен» назад, аккуратно заехал за корпус унылого контейнеровоза и затаился. Присмотреть за Бандурой не мешало. Если удастся вычислить покупателя — считай, звеном в цепочке станет меньше. В следующий раз.

«Тойоту» он аккуратно проводил аж до самой Оуклейн — относительно уважаемой и уютной в тени громадных деревьев. Ли слежки вроде не усмотрел и уже без особой конспирации, чувствуя себя увереннее, прошагал в свой подъезд.

«Неужто так на дому и примет покупателя? Или спать ляжет до вечера, а я здесь кукуй себе?» — с праведным гневом подумал Шишел. Очень не хотелось ему оставаться надолго одному в машине. Впрочем, в том-то и лихо, что как раз вроде не одному...

Куковать пришлось, однако, недолго. И получаса не прошло, как у противоположной обочины остановилось такси и выпустило из своих недр сухого, как кузнечик, джентльмена в белом. Исключительно аристократический нос мистера украшало древней работы золотое пенсне, в руке он энергично сжимал ручку коричневой кожи кейса.

«Бог ты мой, — ахнул про себя Шаленый, — Алессандро Канова... Мастер. Он же у меня на очереди означен, на следующее дельце... Бывают же совпадения... Ну что ж, подождем малость».

«Малость» оказалась даже короче, чем предполагал Шишел. Потому что не успел еще Мастер Канова нажать сенсор на двери Ли Бандуры, как встык «ситроену» Шаленого стал полицейский кар с двумя копами в нем. Шишел на миг остекленел. Но тут же понял, что это не по его душу.

Копы в кабине кара о чем-то потолковали, затем дружно вылезли наружу и, расстегивая на ходу кобуры бластеров, устремились к подъезду.

После секунды размышления Шишел сосчитал про себя до двадцати двух, вынул из «бардачка» свою «пушку» — надо было брать инициативу в свои руки.

Гарик понял, что пора молиться. И с ужасом обнаружил, что сделать этого не может. Его память, точнее, та ее часть, что заведовала словами и звуками, была парализована — только слово «мама» на разные лады прокручивала она в такт приближающимся шагам. Зато пальцы его жили своей собственной жизнью, норовя извлечь из воздуха хоть что-то, что могло бы пригодиться в сложившейся ситуации, но на свет божий выскакивали то лепесток жевательной резинки, то бубновый туз.

Рывком открылась дверца слева. Гарик попытался проглотить слюну, но не смог уже и этого. В горле у него стоял жесткий ком, глаза вылезли из орбит, в пальцах сама собой оказалась просроченная квитанция штрафа за неправильную парковку. К тому же на имя Ли Бандуры.

Хлоп — слетел к чертям хлипкий замок, дверь отворилась, и перед Гариком предстал во всей своей красе Холера-Финнеган. Он вскинул правую руку, и глушитель «томпсона» уперся в переносицу Трюкача. И тут случилось чудо.

Дверцу кабины справа словно вынесло взрывом, и тут же на маковку Холеры

обрушилось нечто, что, как он потом припомнил, было просто взятыми в замок кистями рук. Башка Финнегана свернулась набок, ноги разъехались, пистолет полетел к потолку.

У Гарика поехала крыша.

Золотых дел мастер Алессандро Какова положил на место последний из тонкой работы медальонов и удовлетворенно вздохнул.

— Да — полная коллекция. Именно то, о чем мы с вами договаривались. Считайте деньги, Банджи. Как и было условлено — наличными.

— А этот товар? — Бандура кивнул на несколько небрежно отодвинутые Мастером в сторону «камушки», к коллекционному комплекту явно не относившиеся.

— Возьму как мусор. Только потому, что имею при себе лишнюю «капусту». Мне долго придется с ними повозиться, чтобы обезличить...

— Можно и накинуть, Мастер. Как-никак мы чисто сработали. Полагаются премиальные. Да на стороне мне и дадут побольше — как-никак Мелканян в особом сейфе бижутерию не держит.

— То-то и оно, что это — не бижутерия, а предметы с историей. С ними не оберешься возни. Поэтому на сторону с ними соваться не советую. — Мастер поправил пенсне. — И сверху накидывать не стану. Хотя и сработали вы чисто.

Никогда Мастер Канова не заблуждался более, чем в эту секунду.

В удар Клайд вложил все, на что был способен, и достигнутым результатом остался доволен: чертов киллер тихонько лежал мордой в кафель. Чернявый сидел на затынутом девственной бумажной лентой унитаза, отвесив челюсть, и одной рукой цеплялся за рулон туалетной бумаги, а другой что-то машинально искал за ухом.

— Ты как, парень? — осведомился Клайд.

— М-ме-е-е, — с напряжением выдавил из себя Чернявый. Потом достал-таки из-за уха жестяной жетон на пиво — из тех, которыми премируют постоянных клиентов забегаловки с большими претензиями, — протянул его Клайду и добавил: — Бл-бл-ле-е-е-е...

«Наркоман, кажется», — констатировал Клайд, сунул жетон в нагрудный карман и осторожным ударом ребра ладони вырубил придурка. Чернявый облегченно ткнулся в угол кабинки и затих.

Клайд поднял с пола пистолет и сунул Чернявому за пояс — просто чтобы вещь не валялась под ногами, потом прикрыл кабинку, поднял тушу киллера, поместил на то место, которое минуту назад занимал сам, и тоже притворил двери кабины. Судя по всему, очнуться этому парню предстояло не скоро — здесь или в раю.

Он отправил в утилизатор остатки своего камуфляжа, стянул с рук и отправил вслед за ними перчатки и, нагнувшись над раковиной, энергично избавился от следов грима. Он еще не закончил этого дела, когда в зал с грохотом вошел здоровенный патрульный и с ходу с дьявольским шумом обрушил в писсуар средних размеров Ниагару, взявшую полчаса назад начало в симпатичных емкостях с надписью «Heiniken».

«Где ж тебя раньше носило?» — адресовал ему мысленный вопрос Клайд. После чего заторопился наверх.

Не доходя до таможенного барьера, он — больше для того, чтобы не выделяться из общей массы отбывающих, — купил пару распечаток первых попавшихся спецвыпусков, посвященных пропаже Камня.

В рейсовый челнок он погрузился без проблем. Отсутствие ярко выраженного багажа особенного внимания таможенников не привлекло. Теперь бизнесмены довольно часто порхали по Системе, вооружась только кредитной карточкой да еще разве что блоком связи. Вплоть до пересадки на следующую к Малому Бельмесу «Покахонтес» полистать прихваченное в дорогу чтиво ему не удалось. То ли поданная на обзорный экран традиционная панорама проваливающейся в бездну Планеты — месиво закрученных белоснежных облачных гряд над прозрачной иссиня-черной глубиной океанов и корявой корой материков — загипнотизировала его, то ли отличающийся на немногим более чем полчаса от стандартных суток период оборота Планеты вокруг оси, то ли дьявольски перекошенная ось здешнего магнитного поля накопили в организме Клайда за неполный год жизни на Малой Колонии страшную усталость, но все маневры челнока и занявшая почти час процедура пересадки прошли для него в полусонной дреме.

И, только расслабившись наконец в двухместном отсеке рейсового тихохода — напротив молчаливого и, видно, кол проглотившего капеллана Объединенного Космофлота, — развернул выпуск «Природы вещей» — местного академического еженедельника для широкой публики. «Скрижаль Дурной Вести как физико-информационный феномен» — гласил заголовок третьей по счету статьи. Текст украшала фотография ее автора — досточтимого профессора Р. Мак-Аллистера. Клайд остекленел.

— Дьявол побери! — сказал он сам себе вслух. — Дьявол побери! Лысый Крокодил собственной персоной!

— Так ты уверен, что не спятил и действительно своими глазами видел, как директор сектора Департамента науки самолично приставил автомат к носу Бонифацию Мелканяну? — все еще с недоверием переспросила Энни. — И это — меньше чем через час после того, как вышла вся эта заваруха с Чертовым Камушком?

— Это похоже на бред, но все это именно так, — констатировал Уолт.

Энни задумчиво покрутила в длинных пальцах тонкую, похоже и впрямь на самой Земле сработанную сигарету. Вдохнула ее аромат, но разжигать не сталаа, нервно скомкав, сунула в никелированную пепельницу.

— Тебе надо ложиться на дно, — сказала она решительно. — На три-четыре недели, не меньше. Делом займусь я. Тебя могут засадить. Или вообще угрохать. Мак-Аллистер — это большие деньги и большая политика.

— А у тебя, выходит, на такие вещи — иммунитет?

— У меня дядя — Тайный Советник. А это что-то да значит.

В отличие от других членов журналистского корпуса, Энни Чанг с чисто азиатской прямоотой называла вещи своими именами.

— Думаешь, тебе удастся подоить профессора?

— С твоей помощью, Уолли. Я же не предлагаю тебе на этот месячишко закатиться в запой. Оба будем работать как черти. И прежде всего тебе надо сработать липовое удостоверение. Есть у меня адресок... Сейчас двинешься по нему. Домой не вздумай заходить.

— Адресок и у меня найдется. Не одни вы — залетные — такие умные. Ну а насчет дома — так ты, Энни, переоцениваешь эту публику.

— Ни капли, дорогой Уолли. Ты отметился в полиции. Кой черт понес тебя заявлять себя свидетелем?

— Хватило ума...

— Первое, что сделают господа следователи, так это поставят тебя на контроль. И не позже утра будут знать о твоём интересном приключении, которым ты не захотел поделиться с ними. И захотят с тобой увидеться... Очень сильно захотят... И ещё — захотят поговорить с Мелканяном. Вот тут у тебя есть шанс дать им сто очков вперед.

Энни достала было на свет божий очередную сигарету, снова покрутила ее в пальцах, подошла к шутейному алтарю у зеркала в углу и спалила на язычке пламени, тянувшемся из лампадки, — воскурила жертву Тин-и-Аури, Бестолковому Богу Встреч.

— Нет. Никакая Нэнси не приходила ко мне и никаких поручений от вас не передавала, — уведомил Марк Чарутти Папу Джанфранко. И озабоченно добавил: — У вас с ней проблемы?

— Придется всерьез поискать одного типа, который Пташке повстречался вчера, — задумчиво произнес Каттаруза. — Впрочем, это не телефонный разговор. Я обедаю через час у Альдо. Если у тебя нет возражений против тамошней кухни, то у нас найдется о чем поговорить за бокалом красного... Я приглашаю.

Не слушая благодарного чирикания Чарутти, он тяжелой ладонью придавил клавишу отключения блока связи, некоторое время задумчиво рассматривал тихо гудящую трубку и наконец положил ее на место.

Оно, конечно, было бы неплохо, если бы оказалось, что чертова девка просто задурила и решила на время лечь на дно, но интуиция подсказывала Папе, что до такой благодати далеко.

Прежде чем он закончил свои размышления, в аппарате булькнул сигнал вызова. Звонил Адриатика. И похоже, не знал, с чего начать разговор.

— Слушаю тебя, Фай, — неприятным голосом прервал его Папа. — Похоже, тебе нечем меня порадовать?

— Вышел небольшой прокол. Я пристроил в хвост за Трюкачом Джо Вишневи. Он вообще-то дело знает... Так вот, Сапожник побеседовал с Трюкачом и тоже своего человечка пустил за ним. Холеру-Финнегана. Вы, шеф, лучше меня понимаете, что это означает...

— Ну что ж. Упокой Господь душу Трюкача-Аванесяна... Сапожник решил верно. Заодно и нас избавил от хлопот. Теперь надо прозондировать Шишела. Не снюхался ли он, часом, с нашим лучшим другом Маноло. Трюкач явно с их подачи приходил меня путать.

— Шишела не видно было! И с Халерой не все гладко вышло.

— Пояснее, Фай...

— В Космотерминале Джо их упустил. Минут на десять, не больше. Собственно, не хотел мешать Холере... Результат: Финнеган — в «амбулансе» с сотрясением, Трюкача — ну как корова языком... Никаких концов.

— Поздравляю, — ядовито сказал Папа. — Что еще?

— Пока ничего. К ночи ближе займусь Бонифацием.

— Так. Трюкач остается на тебе. К нему добавляю Пташку. Нэнси Клерибелл.

На том конце линии Фай Адриатика удивленно промолчал.

— Найти и доставить. И знать, что на уме у Шишела. Я не прочь с ним встретиться. О Камушке уже не говорю. Тебе не мало, Фай?

— В самый раз, шеф.

Шеф бросил трубку и молитвенно сложил кончики пальцев. Двое из тех, кто с утра побывал у него в кабинете, лихо выпали из обращения, не успев дожить до обеда. Это наводило на размышления. Никакой связи между этими двумя не было и быть не могло. Тем не менее...

Каттаруза откашлялся, с необыкновенной тщательностью привел себя в порядок перед старинным зеркалом, по селектору отпустил до вечера своего шофера-телохранителя и, сам спустившись в гараж, устроился за рулем скромного «пассата», которым обычно пользовались его семейные для непарадных выездов. Для той поездки, которую ему предстояло предпринять до обеда с Чарутти, ему не нужны были лишние свидетели.

Дверь квартиры Ли Бандуры отворилась, чуть не слетев с петель, — а неслабая была дверь...

Ли и Мастер Канова остолбенело воззрились в отверзшийся проем. В нем с бластерами наперевес стояли сержант Харрис и рядовой Пол.

— Руки — в стенку! Ноги от стенки подальше и расставить! — скомандовал последний.

— Какого черта? — зло осведомился Ли, торопливо принимая рекомендованную позу. — Где твой ордер, сержант?

— Перебьешься, — спокойно отозвался Харрис, сгребая деньги и разложенный на стеклянной столешнице товар в сумку, из которой менее чем четверть часа назад и извлек «камушки» Бандура. — Превентивный обыск. Разрешен законом в случае недвусмысленных обстоятельств.

— Это нарушение Конституции, черт побери! — гневно захрипел Мастер, пытаясь удержаться на разъезжающих ногах.

Пол двинул его прикладом в крестец, и Канова основательно приложился носом о плохо подметенный паркет.

— Так и лежи! — прикрикнул патрульный и стал обыскивать его карманы. Извлек бумажник с основательной пачкой крупных купюр и, с оглядкой на сержанта, тоже определил в давешнюю сумку.

— Ты, Банджи, конечно, можешь накатать на меня телегу. А заодно объяснить — чем это вы таким интересным занимались с Мастером в момент появления полиции? А можем кончить дело миром. Вот я стряпаю протокольчик, что, мол, застал вас двоих в состоянии наркотического опьянения и реквизировал... э-э-э... четыре упаковки «звездной пыли» и сумку, в которой находился наркотик. Решил обойтись устным внушением. Сумку получишь в околотке...

— Ну, гадюка! — только и выдавил из себя Бандура, получил по хребту и занял положение на полу рядом с Мастером.

— Если бы ты знал, сержант, на что нарываешься... — процедил последний.

— Сам нарываешься, сука! — флегматично заметил Пол, давая Канове пинок под ребра. — А мы в своем праве...

— Это как сказать, — прогудел за его спиной низкий хриловатый голос.

Обернувшись, Пол узрел мужика со шкаф размером, облаченного в униформу охранника «Межбанковских перевозок». В правой руке, украшенной наспех сделанной повязкой, тип держал здоровенный никелированный кольт, приставленный к затылку позеленевшего от нахлынувших эмоций сержанта Харриса. В левой — того же сержанта Харриса бластер, ствол которого упирался в поясницу самого Пола.

Пол молча бросил свой бластер под ноги.

Корячась и потирая ушибленную спину, Корявый Банджи торопливо поднялся и, не вдаваясь в детали своего чудесного избавления, крикнул:

— Вяжи этих сук, Шишел, и смываемся!

Мастер Какова — тоже мучительно морщась и не так быстро, как Бандура, принял вертикальное положение и, ухватив со стола угловатую каменную пепельницу, въехал ею в невозмутимую физиономию патрульного. Потом добавил правой под дых. Это в общем-то было ошибкой.

Согнувшись вдвое, Пол неожиданным движением ухватил свое оружие и, лягнув Шаленого в пах, ласточкой сиганул вперед, своротив в полете темечком массивный торшер.

Теперь сложился пополам Шишел-Мышел.

Это пошло ему на пользу — очередь, которую выдал бластер патрульного, прошла поверху. Ли и Канова снова в мгновение ока заняли горизонтальное положение. Сержант Харрис, не будь дураком, спиной вперед, крепко сжимая сумку с добычей, вылетел в дверь и загрохотал по лестнице — благо этаж был только четвертым. Верный Пол последовал за ним.

Немногочисленные прохожие на Оуклейн получили немалое удовольствие от не слишком обычного зрелища: из подъезда средней руки жилого дома кувыркком вывалились двое полицейских при полной амуниции, без оглядки ломанули к припаркованному тут же патрульному кару и, чуть не теряя колеса, рванули с места прямо по полосе встречного движения. Вслед им из окна четвертого этажа страшного вида мужик выпалил шесть раз из бластера, но все впустую. Только асфальт попортил.

Немного спустя все тот же громила в сопровождении двоих хмырей, одного — пожиже, другого — покруче, вышер на ставшую вновь образцово тихой Оуклейн, загрузился с ними вместе в скромный «ситроен» и дунул в неизвестном направлении. Соблюдая все правила.

— Ты редко стал навещать к нам, брат Джанфранко. Приходится напоминать тебе о нашем существовании. — Сухой, смахивающий на мумию негр внимательно глянул в глаза Каттарузы.

Очертания фигуры собеседника Папы скрадывала грязноватая серая ряса с клобуком. Воздух в полутемном зале был тяжел, и в нем стоял неровный гул. Разговор давался Каттарузе с трудом.

— Я всего лишь бакалавр Серого Круга, — напомнил он, — и не годится мне постоянно мозолить глаза вам, Магистр. Я пришел только для того, чтобы узнать о том, как...

— Ты немного опоздал, брат Джанфранко. Надо было обратиться к нам сразу, как только переломилась судьба Скрижали Дурной Вести.

— Я не имел такой возможности, Магистр. В ту же ночь меня вызвали к господину Апостопулосу. Он очень заинтересован в том, чтобы... Да и ситуация сложилась так, что я не мог предпринять ничего, кроме того, что предпринял.

— Ты совершил ошибку. Твои люди словно бешеные псы бросились искать Скрижаль. Они не остановят Судьбу, но могут сильно помешать... Камень снова на персте Избранника. Мы еще не знаем, кто он, но, может, нам и не следует того знать. Ни ты, ни твои люди не должны помешать Избраннику свершить то, что надлежит. Не надо искать Камень...

— Я не могу остановить это. Машина запущена, и никто не поймет...

— Сделай так, чтобы машина работала вхолостую, брат Джанфранко. И так, чтобы

машина полиции тоже работала вхолостую. Мы поможем тебе... — Магистр сделал шаг к Папе, и тому пришлось приложить определенные усилия, чтобы не податься назад. Гул многочисленных мух, роящихся кругом в полутьме, вызывал у него тошноту, а каждый раз, когда очередное насекомое опускалось на его руку или лицо, брат Джанфранко нервно дергался.

— Твоим людям следует искать нечто совсем другое... Одного человека вам следует искать...

— Кого? — растерянно осведомился Каттаруза.

— Солнце не успеет еще взойти, когда имя его станет мне ведомо... Не Камень ищи — ищи Человека...

— Я сделаю все, что от меня зависит... — Голос Папы чуть дрогнул.

— Не ищи Камень, — еще раз, с нажимом в голосе, произнес Магистр и положил сухую, твердую, как деревяшка, руку на плечо Каттарузы. — И сестру Нэнси тоже не ищи...

— Боже, — стонал Мастер-Канова, сжимая обеими руками виски и не обращая внимания на выставленную перед ним запотевшую кружку пива. — Великий Боже, я пойду под колокольню... Эти сволочи забрали и товар и деньги... Всю сумму аванса!.. Мне надо смыться... Но куда? Куда?! Куда?!!

— Возьми себя в руки, — загудел над разверзшейся бездной его отчаяния хрипловатый бас Шаленого. — Ну, штук пятьдесят... Ну, нагрели нас легавые... Ну что — вешаться прикажете, мистер?..

— Пятьдесят... Дебил какой-то!.. Все семьсот, идиот вы этакий!..

— Какие семьсот? Ты, мой друг, сбрендил... — осторожно предположил Бандура. — Я с тобой на такую сумму не подписывался.

— При чем здесь вы, Банджи? Ну при чем здесь вы?! Вам обламывался хороший куш, и для вас все эти вправленные в металл «камушки» неотличимы друг от друга, как жители провинции Синцзян, что на Земле-матушке... А вы, Дмитрий, могли бы и сообразить, что такой человек, как Мелканян, не для того имеет отдельный сейф в своем кабинете, чтобы содержать в нем грошовые бранзулетки... То, что вы забрали оттуда, — не что иное, как вторая половина знаменитого Симметричного Набора. Работа, выполненная в Метрополии еще до Первой Смуты... Вторая половина выставляется в Галерее Джеймса — по великим праздникам.

— И будь я проклят, — неожиданно прозрел Шишел-Мышел, — если аванс под это дело вам заплатил не клан Старых Джеймсов...

Мастер-Канова резко заткнулся и сгорбился над так и не тронутой кружкой пива. А Шаленого вновь посетило зыбкое чувство того, что их не трое тут — за столиком придорожного паба. Кто-то еще был с ними...

Шишел поднялся и, не обращая внимания на озадаченно притихших собеседников, с кружкой пива в руке пробрел через пустой зал, вышел под начавшее закипать первыми тучами грядущего ночного дождя небо Малой Колонии и присел на крутой порожек. Кто-то сидел рядом с ним. Кто-то, на кого он боялся обернуться.

— Есть идея, Шишел, — сказал тот, ненаблюдаемый. Или сам он сказал себе это. — Есть идея...

Несколько минут Бандура с тревогой наблюдал впавшего в протрацию Шишела. Состояние это для Шишела было чем-то совершенно ему несвойственным. Наконец с явной

тревогой он приблизился к своему партнеру и осторожно похлопал того по спине. Шишел вроде слегка опомнился, отхлебнул из кружки, но по-прежнему не обернулся, боясь встретить взглядом Желтый Огонь.

— Есть идея, ребята... — задумчиво и отрешенно выговорил он. — Есть идея...

Глава 3

БОГ СТРАНСТВИЙ

Крыша одного из лучших в Малой Колонии госпиталей — госпиталя Марии Магдалены — была далеко не самым доступным местом в Столице. Но и Шишел-Мышел не лыком шит был. Ночная гроза, в этот раз особо беспощадная — с жестоким ливнем, молниями и ураганными порывами ветра, пожалуй, только облегчила его задачу: ни охране, ни досужим зевакам и в голову не приходило разглядывать скрытую во мраке вершину многоэтажного корпуса и тем более интересоваться тем, что творится на залитой потоками ливня вертолетной площадке, венчавшей это старой постройки здание.

Умудрившись не поломать ноги, Шишел спрыгнул на скользкий бетон, махнул рукой нанятому на полчаса работы за полный месячный оклад пареньку за штурвалом десантного аэроботика (и тот тут же провалился в пучину грозы) и короткой перебежкой добрался до блока выходов, ведущих в недра технических служб госпиталя. С замками того класса которому соответствовали запоры дверей этих ходов, Шишел находился в приятельских отношениях. Специального инструментария ему не потребовалось. Спустившись на пару этажей по залитым фиолетовым светом ночного освещения лестницам и не встретив на своем пути ни души, Шишел отыскал укромный закуток, в котором скинул с себя мокрый плащ и натянул вынутую из пластикового пакета униформу, сильно смахивающую на ту, что носил младший медперсонал госпиталя Марии Магдалены. Потом сосчитал про себя до ста одного, принял деловой, озабоченный вид и через дверь для персонала вышел в лабиринт коридоров, соединяющих уйму палат, кабинетов, операционных залов и бог весть еще каких служб громадного госпиталя.

Народу кругом было до смешного мало, да и из тех, кто попадался на пути, никто не обращал на него никакого внимания.

Попутчик Клайду достался вполне подходящий: за весь период стартового разгона и после — до того момента, когда подали обед, — он не произнес больше полудюжины слов. Заправив за отворот мундира белоснежную салфетку, он добавил еще два — пожелал Клайду приятного аппетита. Все это время Клайд, стараясь не слишком выдавать этого своим видом, напряженно дожидался очередной сводки планетарных «Новостей». «Новости» начались одновременно с обедом, которому по логике вещей надлежало быть скорее поздним ужином, но в полете на борту лайнера действовало Универсальное Время, и плевать было экипажу на то, рассвет там или закат состоялся только что на поверхности очередного из сменяющих друг друга вечно иллюзорных миров. Реальна была только Траектория. Клайда интересовали даже не свежие новости о поисках Камня — нет, тут он был достаточно уверен в том, что сработал чисто, — его интересовали в основном две другие стороны сложившейся ситуации: во-первых — что же за чертовщина приключилась все-таки вчера с ним и Мелканяном, а во-вторых — не подставили ли, часом, еще кого из задействованных в операции ребят. За все хлопотное утро он так и не имел возможности выслушать новости в подробностях. Ответ на первый свой вопрос он получил после десятка минут терпеливого выслушивания уже порядком опостылевших дикторам сведений о пропавшей достопримечательности и разных политических бредней. Он — ответ этот — его добил. Выпотрошенный сейф «Джевелри трейдс» означал крах всех его финансовых планов. А еще он означал, вкупе с попыткой

подставить его там, на Гранд-Театрал, и прикончить здесь — прямо в здании Космотерминала, что охота на него идет всерьез. Проклятый жулик ловко разыграл их всех.

В случае обычного ограбления это просто означало бы, что надо смыться. И Клайд смылся бы. Нет, он не был человеком робкого десятка. Он просто реально оценивал соотношение сил. В конце концов, ребята получили неплохой гонорар. Но он-то работал за долю в добыче. И знал, что идет на риск гораздо выше среднего. И Большая Затея была для него единственным способом выйти из замкнутого круга, по которому Клайду приходилось двигаться с тех пор, как он помнил себя. Из которого он поклялся выйти, чего бы это ни стоило.

Ему или другим.

За той клятвой, которую он как-то раз дал себе, сидя на узких нарах десантного транспортника, уносившего его к стылым, сочащимся радиацией степям Таунсенда-3, - никогда больше не работать ни на Жестянщика, ни на правительство и вообще ни на кого, кроме себя самого, — стояла, собственно говоря, вся его жизнь: долгая и такая короткая дорожка, протянувшаяся от детства в Приюте Спасения на Френч-Пойнт и полукриминальной юности — учеба в Колледже Трех Искусств стоила недешево, а он всерьез полагал, что из него выйдет неплохой артист и продюсер, — через нищенские заработки в трех или четырех окраинных мирах рухнувшей Империи, через жестокую школу «империи» Жестянщика, через отсидку на Бета-Флоре-6 — тоже неплохой школе, переведшей его в ранг «своих» среди нужного круга людей Периферии, туда — на нары десантного судна класса АТ-22, тянущего груз пушечного мяса для чего-то там не поделивших друг с другом поселенцев далекого, дьявольски холодного мира... За той клятвой стояла еще смерть друзей и потеря единственной женщины, которую он любил. В общем-то и потеря себя самого.

И вот сейчас Бонифаций — хотел он того или не хотел — запрещенным приемом ударил его в самое больное место. Это должно было дорого обойтись старому джентльмену.

Привычно орудуя типовым разовым наборчиком ложек-вилочек-зубочисток, Клайд даже не запомнил, что проглотил на обед, — то ли куриное филе под бульон из здешних летучих червей, то ли шашлык из синтетической баранины с салатом из мутантной спаржи. Голова его была занята другим.

Ясно было, что надо возвращаться немедленно, тут же, не выходя из бельмесовского Космотерминала. И тут же он понял, что ход этот — проигрышный. Собственно, все это время он играл проигрышную партию — только чудо спасло его дважды в течение менее чем одних суток. Глупо было бы рассчитывать, что оно случится и в третий раз. Надо было играть на опережение.

Надо было быть просто слепым, чтобы не сообразить, что на месте прибытия его уже ждут. Космотерминал, да и все жизненное пространство безатмосферной колонии были идеальной ловушкой, в которую он полез по собственной воле. Точнее, заключительной частью этой ловушки. Местом приведения приговора в исполнение. А «Покахонтес», неумолимо несущая его к уготованной участи, была клеткой, из которой выскочить было делом безнадежным. И он сам взошел на борт чертовой посуды. Он вообще все это время по своей воле делал все то, чего от него ждали. Надо было предпринять что-то, что пошло бы вразрез с ожиданиями неведомого противника. Чего не ждут от него?

Того, что он вернется с полдороги. Так не бывает.

— С богом, — сказала Энни Уолту и махнула вслед. Сквозь пелену дождя.

Уолт уверенным шагом вошел в вестибюль госпиталя и направился к панели дежурного компьютера.

— Мне назначено к доктору Франку, — твердым голосом произнес он. — Вызов шестьсот четырнадцать.

— Седьмой этаж, двадцать второй кабинет, мистер, — невозмутимо ответил робот и выкинул в стальной подносик карточку пропуска.

Энни постаралась на славу — и информацию о местопребывании недужного держателя ювелирной торговли, и вызов, обеспечивающий проникновение в госпиталь, она раздобыла за несколько часов.

Уолт послушно вышел на седьмом этаже, но тревожить совершенно неизвестного ему доктора Франка в его двадцать втором кабинете не стал. Он зашел в украшенную изображением элегантного джентльмена дверь и через несколько минут вышел из нее, являясь уже доктором Эваристом Бугги из отделения нейрохирургии. Так, по крайней мере, гласила карточка-пропуск, укрепленная на нагрудном кармане его халата. Еще раз — спасибо Энни.

Ночные коридоры госпиталя были безлюдны, светлы и чуть жутковаты. Лифт бесшумно вознес новоиспеченного нейрохирурга на четырнадцатый этаж. Никто и не подумал остановить доктора Бугги по пути в палату сто восемь.

Другое дело, что в палате сто восемь не все было в порядке. Вместо того чтобы мирно предаваться объятиям сна, Бонифаций Мелканян полусидел на своем ложе. Глаза его остекленело смотрели перед собой, а губы бурobili какую-то околесицу.

Дежурная сиделка — такому пациенту она полагалась — тоже, видно, была занята не своим делом. Ее просто нигде не было — дежурной сиделки этой. На ее законном месте за специальным столиком у изголовья — сидел и так же остекленело смотрел перед собой совершенно незнакомый Уолту человек в наброшенном на плечи халате. В коридоре, за плечами Уолта, раздались осторожные шаги.

К тому моменту, когда пластиковые тарелочки и пакетики, содержавшие полчаса назад идеально сбалансированный по калориям и витаминам дорожный обед пассажиров «Покахонтес», отправились в мусоропровод, план Клайда был уже готов. Конечно, это была авантюра. Но авантюра, опирающаяся на годы службы в «хитром» подразделении Легиона и участие в без малого дюжине прекрасно организованных ограблений. Кроме того, план этот имел определенные преимущества с точки зрения Уголовного кодекса. То, что пришло ему на ум, было, по большому счету, хулиганством. Но за такое хулиганство на борту космического судна полагалось лет десять сомнительного отдыха в плохих местах. Вполне обоснованно, надо заметить. При особо неудачном раскладе его могли просто пристрелить. А уж в совсем глупом случае он и вправду стал бы виной гибели полутора сотен человек, находящихся на борту. Если не больше.

Пускать в ход оружие он не собирался. Собственно, никакого оружия у Клайда и не было. В кармане его болтался универсальный офицерский нож — немного прекрасной стали и чуть-чуть неплохой электроники, но оружием его не назовешь. Еще были носовой платок, удостоверение личности, оно же — электронная кредитная карточка. Планшетка с бумагами — Клайд быстро пересмотрел их, нужные засунул подальше во внутренний карман, ненужные отправил в утилизатор. И наконец, стандартный блок связи. Им пришлось

пожертвовать.

Прихватив аппаратик и непринужденно посвистывая, Клайд направился в блок их двухместного отсека, означенный кратким символом «ОО».

Закончивший прием пищи его сосед по неумолимо набирающей скорости в межпланетном вакууме стальной скорлупке не обращал на Клайда ни малейшего внимания, погрузившись в изучение «Избранных комментариев к четырем Евангелиям». Спустя некоторое время излишне долгое пребывание соседа в месте интимного уединения все же обеспокоило его. Поднявшись с амортизирующей лежанки, он приблизился к гермодвери и деликатно постучал в нее. Собственно, он не собирался быть бестактным — им двигали вполне естественные намерения. Когда дверь блока отворилась, намерения его изменились как нельзя более радикально.

Шишел опустил ствол. Тип, бестолково таращащий глаза в пространство со стула сиделки, не проявлял никакой агрессии. Старик Бонифаций — тоже. Оба были явно в ауте.

Шаленый шагнул в палату. Наклонился к лицу того типа, что сидел на стуле. Тот слабо икнул.

— Надо же... — пробормотал Шишел. — Фай... Адриатика...

За тумбой блока мониторинга клиента Уолт, скрючившийся в три погибели, мучительно сморщил лоб, вспоминая, где и в связи с чем ему приходилось слышать эту кличку.

— Вроде жив... — угрюмо констатировал Шишел. — Ну ладно — сиди как сидишь...

Он подошел к Бонифацию и потряс того за плечо.

Закрывшиеся было глаза негоцианта уставились на кошмарную рожу, представшую перед ним.

— Т-ты... — сказал Бонифаций.

— Я, дорогой, я... — согласился Шишел. — Ты как, в себе еще? Тебя кондратий-то сызнова не хватит, а?

— Т-ты опоздал, — сказал Бонифаций, не в силах сфокусировать взгляд на лице Шишела. — ТОТ пришел раньше... Прости...

— Прощаю, — тупо сказал Шишел. — Кто пришел-то?

— Ч-черный... Черный адепт...

Взгляд Бонифация снова остекленел.

— Т-теперь они знают... имя...

— Какое такое имя? — досадливо поинтересовался Шаленый.

Во взгляде Бонифация появилось какое-то осмысленное выражение.

— Н-ну, ИМЯ... ИМЯ ЦЕЛИ... Я не смог...

— Какое имя — назови...

Снова взгляд Бонифация изменил оттенок.

— Т-ты... Т-ты КТО?

Шишел молча выкинул перед собой правую руку и поднес ее к глазам Бонифация.

— Ну, УЗНАЕШЬ?

Бонифаций дернулся.

— Т-ты все равно не сможешь...

— Еще как смогу, козел проклятый... Как мне от этой сволочи избавиться?!

Он потряс Камнем перед физиономией Мелканяна. Камень угрюмо полыхнул в полумраке.

— Не смо... Не сможешь... Без активатора... Если ты меня еще... еще один раз назовешь козлом...

— Ладно — не козлом. Бараном... Как мне эту хреновину напрочь сбagrить? И кто тот черт, что за мной увязался? Что за плечом моим так и...

— Г-где он? — В голосе старого Бонифация было столько ужаса, что Шаленый запнулся. Наступило тягостное молчание.

— Б-будь оно все проклято, — уже совсем человеческим голосом сказал Мелканян. — У т-тебя один путь... Сделать то, что тебе НАДЛЕЖИТ.

— Что надлежит-то, ко... Что мне надлежит, баран ты чертов?!

— Т-ты сам должен понять... ОН тебе скажет... Но ты не поймешь... БЕЗ АКТИВАТОРА... Надо выпить активатор... Будь я проклят... Я п-предал...

— Так где твой активатор? Где, у кого, черт его раздери?

— Его взял... взял человек, который пришел после... Флакон... Во внутреннем кармане... Флакон...

— Полиция забрала, что ли?

— К-какая там полиция...

Обессиленный Мелканян откинулся на подушки.

Вдали по коридору зацокали каблуки. Огромное количество каблуков.

Шишел чертыхнулся и ломанул в дверь. В коридоре раздалось: «Это он... Держите!..» Загрохотало что-то упавшее на пол. Что-то разлетелось вдребезги. Загомонило с полдюжины голосов.

Уолт поднялся с четверенек.

Пирамида диагностической аппаратуры, громоздившаяся вдоль стены, сыграла-таки свою роль. Прикрытия.

Появляться в заполненном бестолковой суетой коридоре не имело ни малейшего смысла. Уолт опустился на корточки у постели ювелира. Взял его за руку, стараясь нащупать пульс.

— Теперь — снова ты... — несколько равнодушно констатировал Мелканян. — Ты всегда приходишь... приходишь последним.

— Вы сказали, что выдали кому-то имя... — Уолт спросил о первом, что пришло на ум.

— Да. Я отдал ИМ имя... ИМЯ ЦЕЛИ. Он теперь обречен.

— Кто? Кто обречен?

В палате вспыхнул свет. Пара запыхавшихся санитаров и охранник влетели в дверь.

— Что с ним? Жив? — спросил один из санитаров, явно принимая Уолта за кого-то из своих.

— Что это за тип? Он что — в ауте? — Охранник нагнулся над начавшим сползать со стула Фаем.

— Он жив, но в плохом состоянии, — веско сказал Уолт. — Примите меры. Я должен доложить...

Он отодвинул второго санитаря, еще каких-то типов, замешкавшихся в дверях, и по коридору поспешил к лифту.

— Сэм... Самуэль Бирман... — выдавил из себя Мелканян.

Происходящее явно не трогало его. Взгляд его слепо искал Уолта. Но того не было уже здесь и в помине.

— Он знал Старые Книги... — прохрипел Мелканян. — Янтарный Храм за ним...

Может... может, еще не поздно... Ему суждено открыть Врата...

На этом старик иссяк. Похоже, надолго.

— Пациент бредит, — констатировал подоспевший врач.

Джанфранко Каттаруза имел все основания для того, чтобы не спать этой ночью. Но он благополучно спал.

Бессонница была уделом уймы людей, чей путь пересекался с траекторией, которую прочертил в пространстве и времени Чертов Камушек. Не спал, кружа вокруг столика с телефонами, Картавый Спино, не гас свет в кабинете для частных бесед члена директората «Гэлэкси иншуранс» distinguished Акселя Строка, не гас он и в лаборатории, где над переплетениями световодов и клавишами компьютеров бдела команда профессора Мак-Аллистера, шарил в своем верном «горби» по залитым ливнем ущельям улиц Шишел-Мышел, в сотне тысяч километров над поверхностью Планеты бодрствовали все, кому случилось оказаться в этом рейсе на борту рейсового лайнера «Покахонтес», теплились свечи — черные и янтарные в храмах двух совершенно разных вер, и Великие адепты — от Света и от Тьмы — не смыкали глаз над ними. Ну и черт с ними со всеми — гори оно все синим пламенем! Джанфранко Каттаруза спал.

Пусть все идет, как и шло. Если одним господам угодно искать Камушек — люди Джанфранко его ищут. Если другим господам угодно, чтобы Камушек не был найден, — так ведь, скорее всего, его и не найдут. Если черти унесли Нэнси, то, значит, так на роду было написано девице Клерибелл — быть чертями унесенной, а если Марку Чарутти за обедом у Альдо показалось, что Папа Джанфранко не прочь уточнить местонахождение маленькой воровки и личность громалы, ей повстречавшегося, то он предупрежден — строго-настрого — языком об этом не болтать. Если Магистру угодно поручить Папе искать неведомо кого, неведомо где — то пусть он в своем мухам засранном святилище и дожидается от Дьявола подсказки, пока вконец не очумеет. А Папа Джанфранко будет на кипенно-белых льняных простынях, под атласной попоной досматривать седьмой сон. Этого ему, однако, не дали.

— Какого черта? — осведомился Каттаруза у трубки отчаянно проверещавшего сигнал вызова блока связи.

Трубка сообщила ему голосом старого надежного Джанни Лареды, что тому только что пришлось вытаскивать из околотка не кого иного, как их общего знакомого Фая. Того сцапали в лечебнице Марии Магдалены, у какой-то важной птицы в палате с «пушкой» в кармане.

— Совсем сдурел Адриатика, — констатировал Папа. — Давай его ко мне. И постарайся, чтобы никакая пресса...

— Будь уверен, — заверил его Лареда. — Погоны не зря носим. Только Фай... того... в дурном каком-то состоянии...

— То-то я и чувствую... — вздохнул Каттаруза. — Давай поторопись.

— Я тебя не спрашиваю, где тебя черти носили полночи, — спросил Шишела через дверцу ванной Ли Бандура. — Я тебя спрашиваю, что вы там удумали с Мастером-Кановой такое, что весь вечер прошущукались? Если хочешь иметь меня в деле — уж будь добр за мешок меня не держать.

Ответом ему послужило нечленораздельное, но весьма убедительное бульканье: Шишел с головой ушел в заполненную чуть ли не крутым кипятком, замешенным на уйме целебных

экстрактов и шампуней, ванну. Борьбе с возможной простудой он явно придавал куда большее значение, чем амбициям своего партнера. Совсем окошел он под проливным дождем этой ночи — там, на крыше госпиталя. И после.

— Не слышу я ни хрена, шо ты там буробишь, — с раздражением прокомментировал ответ Шишела Корявый Банджи. — Чего заперся-то, словно красна девица? У тебя там шо — квадратный трехчлен отрос, что ли?

— Кубический! — рявкнул Шишел, выныривая из недр разноцветной пены.

Он с досадой разглядывал Перстень. Тот по-прежнему сумеречно посверкивал сложенными в странный узор гранями Дьяволова Камня и по-прежнему не думал покидать свое место на безымянном пальце правой верхней конечности Шишела.

— Ты вот что, — веско продолжил он, с сожалением покидая обжигающие воды и становясь под ионный душ. — Ты брат Бандура, давай не завихрайся, а делай все, как я скажу... Как любит говаривать Большой Кир — обеспечь свой участок работы...

— Не знал, что ты и с Киrom дела имел. Рисковый ты мужик, однако...

— Имел, — мрачно признался Шишел. — И агромадные, скажу тебе. Как вспомним, так обоим — в отрыжку...

Тут их прервали. Во входную дверь начали долбить со злой силой отчаяния. Бандура пошел в спальню за наганом.

— Да не полиция это, — успокаивающе загудел Шаленый, появляясь из ванной.

Его украшали расшитый сказочными птицами халат и свеженаложенная повязка на пальце.

— Полиция звонком пользоваться умеет. Аль аккурат безо всякого звона створки с петель вышибает, — пояснил он, рывком отворил дверь и левой принял захват мухой влетевшего в нее Гарика Аванесеяна.

Был Гарик мокр, решителен и невменяем.

— Я с-сдаваться пришел, Шишел, — с трудом выговорил он.

— Сдавайся, коль хошь, зараза, — с неудовольствием заметил Шишел, — а двери ломать не стоит. На сенсор жать надо: вишь — штука такая под носом у тебя на косяк присобачена?

— Б-банджи... — с удивлением комментировал Гарик появление в прихожей Бандуры, оснащенного двумя стволами.

— А-а... Это ты, Трюкач... — с досадой молвил тот, засовывая наган за пояс и кидая обрез через дверь спальни обратно на койку. — Спасения нет от тебя, дурака, ни с рассвета раннего, ни в ночь, за полночь. Чего надо, малахольный?

— М-мне, — Гарик мотнул головой на Шишела, — с глазу на глаз...

— Секретов у тебя развелось дюже богато, — угрюмо зыркнул на Шаленого Корявый Банджи, — что блох на кобеле...

Сплюнул и пошел глядеть ТВ.

Шишел поместил Гарика на табурет у кухонного стола, припер дверь, себе же отмерил в чарку на три пальца «огненной воды».

— Ну, говорить будем или, обратно, будем глаза таращить? — осведомился он, закусывая огурчиком. — Э-э... да тебе, друг, видно, без ста грамм языком не провернуть. Глотни-ка вот...

Гарик глотнул и слегка ожил.

— Я т-тогда со страху чуть не усерился, Ш-шишел... Когда ты мне в бар п-позвонил. К

Финни... У тебя п-пиво есть?..

Нормальные привычки постепенно возвращались к нему. Он машинально достал из воздуха проездной талон, сунул его на место и заменил сигаретой. Которую тут же нервно раскрошил в пальцах...

— Мочу в доме не держим. На вот — глотни еще и излагай по делу, — приказал Шишел.

— Я же говорю — я и не знал, что ты догадаешься про Элевтера... — продолжил Гарик. Шаленый испытал легкое замешательство в мыслях.

— Так ты что... ты про сейф этот знал? — Он вперился в зрачки Гарика, пытаясь постичь совершенно невероятную раскладку, которая вытанцовывалась из всей имеющей место ахинеи.

— Я — ни сном ни духом...

— Ну-ка, ну-ка... Ты давай закусывай...

Любопытная мысль посетила Шишела. Он начал потихоньку разматывать свою повязку.

— Ну, я как только понял, — Гарик судорожно сглотнул слюну, — что ты все просек... так я сразу в Терминал было намылился. А тут Финни видит, что вибрирую я, ну и работенку подкинул. С утра вещь одну Бандуре загнать.

— Ты не темни. — Шишел, не сводя тяжелого взгляда с Гариковых зрачков, бросил бинты на стол. — Ты по делу давай...

— А п-потом я к Папе подался... И к Сапожнику тоже...

— У тебя, друг, бзик какой-то — людям об этот день покою не давать... — наставительно умозаклучил Шаленый.

— А они на меня — Х-холеру натравили... Финнегана...

Шишел молча и неодобрительно смотрел на Гарика. Ему не нравилась такая манера излагать суть дела.

— А п-потом — вообще все пошло через эту... как ее... Тип этот выскочил как черт из бутылки... Симпатичный такой... А меня чуть копы не замели — с «пушкой» этой дурацкой.

— С какой такой «пушкой»? — поинтересовался еще не лишившийся надежды хоть что-то понять Шишел.

— Да вот с этой, из которой Холера мне в башке лишнюю дырочку сделать хотел... — Трюкач выложил перед Шишелом давешний «томпсон», и тот двумя пальцами отложил его подальше.

— Ну с копами я легко разобрался. Сначала под придурка скосил — это у меня здорово выходит... — В голосе Гарика прозвучала гордость.

— Да, — признал факты Шишел.

— А с «пушкой» я им «блуждающую почку» разыграл... — продолжал делиться профессиональными знаниями Гарик. — Это когда, покуда у тебя в правом кармане шарят, ты...

Шишел понял, что этак вот он от Гарика толку не добьется.

— Словом, ты их обстегал и ушел...

— Запросто. Через слив...

— И ничего лучше не удумал, как к старому доброму Шишелу-Мышелу на дом податься? Ты ж теперь в розыске, Дурень...

— Они под камеру меня поставить не успели. Все больше Холерой занимались. Тот симпатяга ему без малого мозги чуть не вышиб. Но это положения не меняет... — Гарик

безнадежно вздохнул. — Копы — черт с ними, а вот если Сапожник меня засечет... или Папа Джанфранко — без разницы... Замочат за милую душу. Да и тебе, Шишел, светиться не стоит. Я ж им все выложил — про Элевтера-то.

— Так... — Понимания ситуации все сказанное Трюкачом Шишелу не добавило, и он пошел напролом: — А это вот ты им тоже выложил? — Он раскрыл перед физиономией Гарика широченную ладонь, и Трюкач узрел перед собой мрачное сияние Скрижали Дурной Вести.

Челюсть у него отвалилась.

Капитан пассажирского лайнера планетарного класса «Покахонтес», Эрнст Барри, не слишком жаловал традиции, считавшиеся священными на более серьезных космических посудинах, например на «дальнобойниках» класса «Белый знак», и поэтому считал вполне возможным за четверть часа до перехода на режим торможения удалиться из рубки, чтобы успеть принять чашечку отменно сваренного кофе, прежде чем наступят полчаса невесомости, бывшей не столько навигационной необходимостью, сколько набившим оскомину экипажам всех каботажных посудин аттракционом для пассажиров. Рейс выдался, как всегда, скучноватый, и кэп позволил себе несколько расслабиться.

Именно так — с чашечкой кофе в руке и крошками крекера на коленках расшнурованного гермокостюма — и застал его сигнал тревоги, возникший на дисплее. Ситуация не успела слишком измениться, когда вслед за сигналом на экране возникла озабоченная физиономия сэконда.

— Что там у вас? — раздраженно нахмурил кустистые брови кэп.

— Сигнал присутствия на борту плазменного заряда, — коротко доложил помощник.

Наклонив голову вбок, он одновременно слушал что-то, что говорили ему там, в рубке.

— Где локализован сигнал? — с раздражением спросил кэп. — Вы уверены, что это не шуточки аппаратуры? Разложение спектра провели? Что там у вас вообще происходит, Хайновски?

— Сигнал локализован в районе второго десятка кают пассажирского корпуса, — с некоторой растерянностью ответил оксид. — Основные параметры сигнала дают девяносто шесть процентов вероятности. Здесь... я думаю, это именно в этой связи, сэр... один из пассажиров просит немедленной встречи с капитаном... С вами, сэр!

— Пусть пройдет в тамбур рубки. Я буду немедленно.

Путь до рубки из встык с ней расположенного личного блока капитана занял пятнадцать секунд. В рубке кэп задержался секунд на сорок, вникая в показания приборов. Затем кивком головы приказал Хайновски следовать за ним.

В тамбуре рубки кэпа Барри ждал уже пожилой — года три до пенсии, — строго одетый в свою униформу капеллан Объединенного Космофлота. В его сухой руке был зажат листок бумаги, на котором были торопливо, но четко написаны всего несколько размашистых строчек.

— Капеллан космокрейсера «Глория» Анхело Сэндс, — отрекомендовался неожиданный посетитель. — Мой, гм, сосед по каюте — не имею чести знать его точного имени — утверждает, что располагает неким... э-э... зарядом, который может уничтожить... э-э... вверенное вам судно вместе со всеми нами, естественно... И что он намерен привести его в действие, если не будут выполнены требования, которые он мне продиктовал... э-э... которые он вынудил передать вам...

— Что значит продиктовал, вынудил? — несколько не по существу спросил кэп. — У него что — оружие?

— Я не заметил никакого оружия... — с некоторым затруднением ответил преподобный Сэндс. — Но он действовал весьма... э-э... убедительно. Он выразился, гм, в том смысле, что если вы не верите ему, то взгляните на индикатор, гм, активированной плазмы... Он... э-э... просил экипаж воздержаться от попыток вскрыть каюту... Он в ней заперся и... Он утверждает, что в противном случае приведет свою бомбу в действие.

— Он просил вас еще о чем-нибудь?

— Еще он просил напомнить вам о так называемом принципе мертвой руки...

Наличие на борту «Покахонтес» небольшого термоядерного заряда — возможное, правда, наличие — не привело в восторг ни капитана Барри, ни сэконда.

— Хайновски, — распорядился капитан. — Определите капеллана... э-э... куда-либо в свободную каюту и приставьте к нему свободного вахтенного. И теперь, — он бросил взгляд на листок с инструкциями своего жутковатого пассажира, который держал так, словно это и была та самая бомба, — немедленно после окончания разгона выполните исполнение полетной программы и примите контроль над режимом полета. И врубайте сигнал «Майский день» — террорист на борту.

— Вы уверены, капитан? Если мы обмишуримся, то нас здорово штрафанут за отклонение от курса. А адвокаты пассажиров...

— Я не уверен, Ганс... Я ни в чем не уверен. Но с этого момента, по уставу, вся ответственность лежит на мне. Вы хорошо помните «Инструкцию по действиям в условиях террористических акций»?

— Так точно, сэр!

— И вы своими глазами видели показания индикатора?

— Да, сэр.

— Так вот, Ганс, тогда вы понимаете, что обсуждать мое решение не приходится. У меня нет ни малейшего желания предстать перед Навигационным трибуналом. И тем более, до срока, — перед Всевышним. Надеюсь, вам знакома сентенция: «Лучше, чтобы тебя считали дураком, чем покойником»?

— Так точно, сэр!

— Тогда действуйте.

Сэм так и не смог заснуть в эту ночь. Он вообще с трудом привыкал к перемене мест. Теперь же, когда как в страшном сне ему приходилось скрываться от некоей опасности, не имеющей ни лица, ни точного имени, от чего-то НЕНАЗЫВАЕМОГО, сон и вовсе не шел к нему. Все было нелепо в этом дне. И бестолковые причины, которые ему пришлось измыслить, чтобы объяснить Саре, почему, не заходя домой, он должен прямо вот так — в воскресный-то день — отправляться в служебную командировку к черту на кулички, в Галлсити, и срочное обращение — в разгар уик-энда опять-таки — к руководству сектора с просьбой о внеочередном отпуске, и этот заброшенный коттедж в полупустом в эту пору Кэмп-Парадизе, в котором ему предстояло скоротать ночь. И может быть — не одну...

Насчет точного срока его добровольного заточения брат по Храму, что привез его сюда, выразился довольно неопределенно. Точно так же, как и насчет того, когда же он или кто другой из людей Храма посетит бывшего брата Самуэля в этом отключенном от сервисных линий домике. Слава богу, что он запасся достаточным количеством еды и питья. А также не

забыл прихватить из кабинета свой «ноутбук». И бумагу и карандаш.

От всех тревог и треволнений Самуэль знал один рецепт.

Проверив, что жалюзи закрыты, а шторы опущены, Бирман осторожно включил «вечный» переносной фонарик, раскрыл блокнот и решительно перечеркнул с великими мучениями рожденную за прошлые сутки строку символов. Ему пришло в голову совсем другое решение. Вдалеке — за стеной дождя, в комнате многоэтажного дома у Бирнамского парка, Чертов Камушек полыхнул злым сполохом.

— Уверяю вас, господа, нет никакой необходимости сокращать количество вылетов... — Главный диспетчер Космотерминала уже не удерживал нервическую дробь, которую выбивали его довольно музыкального вида пальцы по полированному столу, за которым происходила явно затянувшаяся беседа. — Если мы не сможем засечь попытку вывезти ваш объект, работая в том режиме, в котором работаем сейчас, то не сможем сделать этого, даже раздевая пассажиров и... э-э... разбирая их на части... Фигурально выражаясь...

— Ну что же, — чувствуя, что отработал свою роль до конца, резюмировал совещание капитан Остин. — Если дирекция таможни... — Он бросил выразительный взгляд на человека в форме и продолжил: — Однако не далее как шесть часов назад, когда уже вся контрольно-пропускная система порта была развернута, на его территории...

— Я должен заметить, что ватерклозеты для провожающих относятся к системе муниципальной собственности и лежат далеко за пределами первой контрольно-пропускной линии, — уточнил комендант Терминала. — В конце концов, уже сам тот факт, что этих двух малахольных нашли даже там...

— Еще бы не найти, если оба находились в невменяемом состоянии, — с раздражением заметил сидящий несколько в стороне следователь Федерального управления. — Причем одного упустили, не успев опознать, кажется, даже с оружием, а второй не удрал только потому, что у него был проломлен череп. И одному Богу известно, какое отношение эти типы имеют к Камню. Однако, если вы заверяете нас, господин комендант...

— Мы предприняли все, что смогли. И должен вас предупредить, что если мы вынуждены будем работать в таком режиме более недели, то только правительственная субсидия...

— Правительственные субсидии распределяем не мы... — Капитан Остин поднялся с места. — Наша задача — найти Камень.

Они уже откланялись друг другу, уже охранник начал открывать перед суровыми гостями дверь директорского кабинета, когда на столе перед чуть расслабившейся компанией высокопоставленных чинов взвыл переговорник. Остин машинально замер.

И верно поступил.

— Господин офицер, — уперся ему в спину проникнутый досадой голос коменданта. — Кажется, сложилась ситуация, когда присутствие здесь кого-либо из вашей службы необходимо. И вы, господин федеральный следователь, будете очень кстати здесь и сейчас. Не откажитесь задержаться немного.

— Вы находитесь на девятом уровне пассажирского отсека? — Голос капитана Барри из динамика принудительного вещания звучал поистине как глас Божий. — У шахты лифта?

— Именно так, капитан, — напряженным голосом отозвался Клайд.

Руки из кармана он не вынимал. Хотя, похоже, капитан и впрямь не мог наблюдать за ним впрямую. Возможно, старый лис хитрил и откуда-то из хорошо замаскированной ниши на него пялились камеры голографической регистрации. Собственно, наверняка это было так... Так что надо было продолжать выдерживать свою роль...

— Справа по ходу коридора вы должны увидеть надпись «Челнок».

— Вижу, — констатировал Клайд.

— Я отключаю блокировку, — четко выговаривая слова, произнес капитан. — Теперь судно переведено в аварийный режим. Еще раз повторяю для всех пассажиров и членов экипажа: все, кроме аварийной бригады, должны находиться в амортизирующих креслах и лежанках и быть пристегнуты контрольными ремнями. — И снова обратился к Клайду: — Теперь вам достаточно сорвать пломбы... Их четыре — вы их видите?

— Да, — подтвердил Клайд, справляясь с этой задачей.

— Теперь отожмите центральную рукоять...

Гермодверь отодвинулась вглубь и вбок. Из темного нутра челнока пахнуло холодом. И сразу же там, в глубине, вспыхнул синеватый, медицинский какой-то свет и зашумели, включаясь, калориферы. Клайд сделал глубокий вдох и шагнул в тамбур.

— Его загрузили в челнок. Через четверть часа «Покахонтес» выйдет на критическую высоту. И будет на ней находиться двадцать минут. Если за это время он не отстрелит челнок, маневр придется повторить. — Диспетчер констатировал происходящее спокойно, словно шли табельные учения личного состава Центра управления. Возможно, ему и впрямь так казалось.

— Что будет предпринято, если он не выполнит условий? Или не сможет выполнить? — Голос федерального следователя был точно так же спокоен, только несколько более сух.

— Это гораздо более вероятная ситуация, чем вы думаете, — заметил главный диспетчер. — Челноки на «Покахонтес» ниже всякой критики. Старье, по дешевке купленное у армии на распродаже при списании... Вполне допускаю возникновение аварийной ситуации.

— Если ситуация получит такую оценку, будет предпринята попытка немедленной аварийной эвакуации лайнера, — сказал диспетчер.

— Силами одного оставшегося челнока?

— Нет. На стыковку уже выходят два спасательных бота. Оба — пилотируемые. Добровольцы...

«Господи, — подумал Остин. — Ну всюду и везде и все время мы на пару с этим федералом, как Гога и Магога. Боимся, что Камушек друг у друга перехватим. Или честь находки такового... Хороший он парень, конечно, но не смыслит в здешней жизни ни...»

Ему не удалось довести мысль до конца — на громадный главный экран Центра управления, нависший над полутемным лабиринтом диспетчерских пультов, подали чисто полицейскую информацию — наконец-то полученное с борта «Покахонтес» изображение террориста. Тут же на экране высветились и паспортные данные Клайда.

Остин забарабанил пальцами по клавиатуре расположенного перед ним терминала, отправляя информацию на прокрутку в центральный компьютер своей конторы, дубль — федералам, дубль — Планетарному полицейскому управлению. Пусть прокачают по своим каналам — парень наверняка чем-то сильно отметился, если решился на такое. Вежливо склоняясь через его плечо, комендант сообщил, что из города уже прибыли полковник

Гарднер и с ним кто-то из этих... Сухо кашлянув, он кивнул в сторону федерального следователя.

— Они вас заменят, как только возникнет возможность, но пока оставляют руководство операцией за вами — обстановка меняется каждую секунду.

Остин понимающе кивнул и в глубине души покрыл трусоватого полковника Гарднера последними словами. Впрочем, на то он и полковник.

— Похоже, это не фальшивка, — задумчиво заметил следователь Клецки. — Похоже, я припоминаю данные по этому типу... Просматривал досье на потенциальных клиентов, когда меня направили к вам.

— Он в розыске?

— Нет. Но подозревается в авторстве нескольких весьма дерзких ограблений... И в других художествах... Но, как всегда, недостает доказательств.

— Ни хрена от него не добиться, — констатировал Шишел. — Парень, видно, зарок дал такой — ни слова в простоте не молвить. Али крышей поехал... Но отпускать дурня нельзя ни в коем разе. Чует мое сердце — под колокольню нас всех подведет. Как миленьких.

— Тогда мочить надо малахольного, — мрачно определил участь Гарика Бандура.

— Сроду грех на душу не брал. — Шишел поправил повязку. — И ко всему — знает он чивой-то. А вот что — не врублюсь никак. Еще сгодится в деле, мыслю...

«Правильно, Шишел, правильно...» — одобрил его решение ТОТ, на которого Шаленый не хотел оглянуться... Мороз продрал его по спине.

— Теперь вот что... Тут такое дело вышло... Без инструмента я остался, друг Бандура. А сейчас — позарез нужен будет.

— Эк ты оплошал. Хороший наборчик-то был?

— Да, неплохой. Ну, да что с воза упало, то, как говорится... Достать сможешь — хотя бы простой наборчик? Джентльменский, как говорится. Вскорости понадобится.

— Сегодня получить на руки смог бы. Тут сторговали мне неплохую вещь... Ободрали как липку, правда. Ну, тебе я скидочку бы сделал. Только я ж ее на хазе оставил — дома у себя. А туда соваться боязно. Может, друг наш, что с полицейскими лычками, вернутся надумает...

— Да я ж и говорю — эту ночь у меня ночуешь, а там — другие дела пойдут...

Шишел почесал в затылке и крикнул.

— Ну-ка давай сюда, паря... — крикнул он в дверь кухни. Трюкач немедленно предстал перед парой паханов.

— Бери ключ, друг мой, — распорядился Шишел. — Ключик-то от хазы дай ему, Корявый.

— А не начудит он? — осведомился Бандура.

— Нет, не будет парень чудить, — глядя в глаза Гарика, сказал Шишел. — Ведь не будешь, Трюкач?

Гарик преданно шмыгнул носом.

— Проинструктируй его, Корявый, — кивнул Шишел Бандуре. — И про засаду не забудь предупредить. А нет засады — так за полчаса управится. И чтоб здесь был — как из пушки.

Выслушав наставления Банджи и усвоив, что речь идет о том самом товаре, с которым он прибыл на ту же самую хазу с утра, Гарик нервно вытащил из-за уха бубновый туз, удивленно посмотрел на него и убыл.

— Теперь о деле. — Шишел тяжело опустился на диван рядом с Бандурой. — Ящик-то вырубил: мешает балаболка эта...

«Балаболка» из ящика спешила сообщить зрителям свежую новость о захвате террористом-одиночкой рейсового лайнера на полпути к Малому Бельмесу.

— Пусть себе играет, — нервно отозвался Ли. — Терпеть не могу тишины.

— Так вот, я этого копа, что нас обул здорово так, по той методе вычислить мысль...

— А тут и вычислять нечего — Дубина-Харрис из Гранд-Театрал-3... Звать — Генри. А холуй при нем — Мочалка-Родмен. Полом суку кличут.

— Эт-то прекрасно... Шишел задумался на минуту.

— Ты не сочиняй лучше ничего, — посоветовал Бандура. — Копов мочить — последнее дело.

— Я те говорю — сроду грех на душу не брал. Ты сюда слушай...

Свои объяснения Шишел время от времени прерывал вопросом: «Доходит?», подаваемым в нижнем регистре, на басах.

К тому моменту, когда благополучно справившийся со своей миссией Гарик надавил на сенсор дверного звонка, до Бандуры дошло немного.

Врач встретил взгляд наконец проснувшегося Бонифация почти отеческой улыбкой. Что касается самого злосчастного держателя ювелирной торговли, то, по мере того как он узнавал лицо склонившегося над ним лекаря, его собственная физиономия последовательно изобразила целую гамму чувств. Док воспринял это с пониманием.

— Я думаю, что эта ночь все же не так повредила вам, — ласково сказал он. — Показатели ваши заметно улучшаются. Я, однако, пока не дал согласия полиции на...

— Господи, где же вы раньше-то были, брат? — простонал старый Бонифаций. — Почему ЭТО пришло ко мне? Сюда?

Глаза держателя ювелирной торговли были полны слез. То, что Храм смог-таки прислать к нему надежного человека, и успокаивало и настораживало его одновременно.

Эмиссар Храма наклонился к самому лицу старого торговца.

— Ты назвал им имя Знающего Книги? — еле слышно спросил он. — Имя бывшего брата нашего Самуэля?

Бонифаций еле заметно прикрыл глаза в знак согласия.

— Я п-предал Храм, — выдавил он из себя. — Моя в-вина безмерна... Однако вы сами знаете — состояние, в которое способны ввергнуть человеческое существо эти исчадия... Не представляю, кто дал им след...

Док покачат головой. Ласково и понимающе.

— Дознанию Нечистого не может противостоять никто. Но нам кажется, брат... Нам кажется, что никто не потревожил бы тебя, брат Бонифаций, никто, кроме твоей совести, если бы ты с самого начала был честен с нами. Не сам ли ты дал тот след, о котором говоришь... Согласись, что не так уж и странна нам кажется мысль о том, что ты предал нас не этой ночью, когда к тебе пришли. Ты предал нас гораздо раньше — когда вступил в деловые — он так это называет — деловые отношения с братом казначеем... И потом — когда ты стал наводить мосты к ТОЙ СТОРОНЕ... Признайся — тебя ведь смущала мысль о том, что на какое-то время ты становишься единственным из тех, кто знает, где находится Скрижаль? О том, что в такой ситуации не грех и поторговаться?..

— Клянусь Малым и Большим Светом, брат... — Выражение глубоко оскорбленного

достоинства на физиономии одного из последних отпрысков рода Мелканянов было настолько хорошо — поколениями — отрепетировано, что секунд на тридцать брат смешался. — Клянусь Малым и Большим Светом, что ваши подозрения оскорбляют старого честного армянина... — Он помедлил и продолжил тоном, преисполненным глубокого отчаяния: — Никогда... Если и пришлось мне соприкасаться с некими лицами, относящимися к Темной Вере, — с Джанфранко Каттарузой, что входит в Серый Круг, или с Черным братом Микеле, например... так это только потому, что четвертая часть ювелирной торговли в этом благословенном городе проходит вот через эти руки. — Он воздел над белоснежными простынями свои сухие смуглые ладони. — А злату не чужд никто ни святой, ни праведник. И свои дела с братом казначеем мы решали только как простые граждане, не касаясь дел Храма.

— Оставим это, — неприязненно молвил брат. — Нами сейчас движет не желание изблечить вас — клянусь своей верой, я жажду, чтобы все подозрения, задевающие вас, рассеялись как дым. Не на месть и не на поиски виновных, как таковых, следует направить наши помыслы, а на установление истины. Истина же, известная нам, состоит в том...

— Меня оболгали! — с глубоким отчаянием произнес Бонифаций и, болезненно прикрыв веки ладонью, вознес к белоснежному потолку палаты свою все еще антрацитово-черную, с редкой проседью бородку.

— Все, что я собираюсь вам сказать, следует из ваших же слов, — сурово произнес брат во Храме. — Не из чьих больше...

Он выдержал строгую паузу. Бонифаций тоже ее выдержал.

— Поймите, — продолжил док, — ведь до крайности странным обстоятельством выглядит то, что информация о местонахождении Скрижали сразу же, — собственно, в момент ее изъятия у нечестивого Апостопулоса — стала достоянием, по крайней мере, одной разбойной шайки — той, что накинута на вас у ваших же собственных дверей. Неизвестно, кем был тот, кто проник в ваш сейф в то же практически время. Возможно, их сообщник... А может, кто-то третий. Вы сами так изложили факты в вашей записке, которую направили нам вчера. И то же самое — слава Великому Свету, без упоминания о Скрижали — вы сказали и следствию. Подумайте: ну как могли какие-то темные грабители, не посвященные ни в одну из Великих Тайн, так точно найти Камень, если не получили заранее НАМЕКА? Они или тот, кто их послал?

Некоторое время уязвленный в самое сердце держатель ювелирной торговли горделиво собирался с силами. Затем повернул голову в сторону собеседника и пронзил его взглядом. Одновременно и гневным и задумчивым.

— Если и есть в этом деле моя вина, то она может состоять только в том, что я доверился недостойным. Лишь один человек мог разгласить наш план... Сделать тот НАМЕК, о котором вы говорите, брат...

— Ты говоришь о том человеке, которого ищут? О том ничтожном клерке, что уволился в день ограбления? Как там его?..

И тут вдруг словно молния поразила старика Мелканяна.

— К-кто? Кто уволился накануне?

— Разве вы не в курсе дел вашего собственного офиса? — Док удивленно поднял бровь. — Хотя вполне возможно... Джон Рэкер из отдела оценок... На него пали крупные подозрения. Не в связи с похищением Скрижали, разумеется... Слава Свету — Большому и Малому — никто не связывает ограбления вашего почтенного заведения с акцией в

отношении...

— О иуда! — с чувством воскликнул Мелканян, садясь на постели. — О моя наивность!!

О моя вечная вера в людей!

Вслед за этим он снова откинулся на подушки и предался то ли квохчущему истерическому смеху, то ли безумным рыданиям. Брат во Храме впал в некое недоумение.

— Как вы не поняли... — молвил наконец старый Бонифаций ослабшим голосом. — Как вы не поняли того, что ТЕ пришли не за Камнем?

— А за чем же? За чем они пришли тогда к вам, брат?

— О моя глупость!.. — продолжал без особой пользы для дела стонать Бонифаций. — Рэкер... — наконец выдавил он из себя. — Джонни принимал коллекцию из Симметричного Набора... Накануне... За этой коллекцией, а не за Камнем вовсе пришел грабитель... Он, верно, и не знал, что он берет в руки, этот тупой громила. Но я и мысли не допускал, что Джонни...

— А кого же вы тогда имели в виду, когда говорили, что лишь один человек мог разгласить ваши... намерения относительно изъятия Скрижали? Этот Рэкер не был информирован о...

— Да при чем тут Джонни? Я не могу назвать вам имена тех, кого нанял...

— Послушайте, брат. — Взгляд доктора стал холоден. — До тех пор пока шла честная игра, мы были не против того, чтобы оставить за вами право... м-м... воздерживаться от отчета за свои действия перед Храмом. Но теперь — когда ситуация превзошла самые мрачные ожидания... Короче, я должен напомнить тебе, брат, что у тебя нет и не было права ни на какие секреты с того самого мгновения, когда ты прошел Обряд...

Секунд десять Бонифаций молча лежал, смежив веки. Потом наконец, не раскрывая глаз, произнес сквозь стиснутые зубы:

— Человека, которого я нанял, зовут Клайд Ван-Дейл.

Брат лекарь остолбенел.

Капитан Барри с тихой ненавистью созерцал закрывавший большую часть экрана затылок Клайда Ван-Дейла.

— Вы проверили гермокостюм? — осведомился он. — Закрепили ремни?

— Да, капитан, — как можно спокойнее ответил Клайд. Он старался расслабиться, зная, что, как только сработает система расстыковки, многократное ускорение может превратить любую ошибку в принятой им позе в серьезную травму. Но не получалось — его тело, независимо от того, что ему приказывал мозг, сохраняло постоянную готовность к выстрелу в затылок, к струе газа в лицо или еще к чему-то в этом роде. Заставить себя поверить в то, что его шарлатанский розыгрыш прошел, он не мог.

— Перед вами, — продолжат капитан, — красная рукоять на пломбе. Пломбу можете сорвать сейчас. Через сорок секунд мы выходим на критический участок орбиты. Ниже «Покахонтес» продолжать полет не сможет. Там уже начинается аэродинамика... В течение двадцати минут вы должны отчалить. Для этого отожмете рукоять до щелчка. Зажгутся два табло: «Программа прошла» и «Автомат». Меньше чем через час будете на поверхности. Комфорта не гарантирую. Когда решитесь на расстыковку — предупредите. Лучше, если вы это сделаете по моей команде. Мы прем на Северное полушарие.

— Нет, команды не надо.

— Дело ваше. Не забудьте сообщить код сенсоров вашего заряда. Как условились —

перед входом в атмосферу.

Клайд все еще не мог заставить себя поверить, что никто из уймы людей, уже втянутых в водоворот этого дела, не раскусил его трюк. «Ну уж нет, козлы проклятые, вы же меня на траектории спуска ухлопаете самой паршивой противоракетой. Только тянуть время, только тянуть до самой поверхности. Пока вы там, облившись семью потоками, не обнаружите, что это не сверхвысокая частота сочтется из «магнитной бутылки» с пульсирующей в ней дейтериевой плазмой, а орет перемонтированная схемка блока связи, засунутого за панель декоративной обшивки санузла каюты первого класса. Только тянуть время...»

— Не забуду, — пообещал он.

— Имен тех, кого нанял он, Ван-Дейл, я имею в виду, — пояснил Мелканян, — я не знаю. Настоящих имен. Таковы обычно условия в такого рода делах.

Последовала затянувшаяся пауза.

— Вы здесь не смотрите ТВ? — откашлявшись, осведомился брат лекарь у Бонифация. И тут же спохватился: — Ну да, конечно... Вам же не разрешено...

— Что-нибудь случилось с этим человеком?

— Еще как случилось. Он захватил рейсовый лайнер. В космосе. Сейчас, пока мы с вами беседуем, по трем каналам идет прямой репортаж.

— Боже мой! Что его заставило? — Бонифаций сосредоточенно впери́л взгляд в пространство перед собой.

— Так или иначе — постарайтесь вспомнить о нем все, — сухим, как пески пустыни, голосом приказал ему брат во Храме. — Кто вам его сосватал?

Глаза Мелканяна вылезли из орбит. Щеки — посинели и раздулись. Взгляд стал совершенно бессмысленным. Так досаждавшее ему сходство с неким козлом он утратил. Сейчас старый Бонифаций походил больше на глубоководную рыбу, исторгнутую злыми силами из родной стихии. Глаза брата лекаря стали стальными.

— К-каттаруза... Этого ч-человека мне сосватал Папа — Джанфранко Каттаруза... — с трудом выговорил Мелканян. Он прекрасно понимал, в ЧЕМ сознается...

Второй раз остолбенение постигло брата лекаря.

— Так, выходит, с самого начала в нашем... м-м... предприятии принимали участие люди Черной Церкви? Адепты Лукавого? — Голос брата перешел в громовой регистр: — Слов... Я не нахожу слов!..

— Джанфранко — самый обычный мафиози, поверьте мне. И Клайда он мне сосватал в порядке чисто деловых отношений. Такие профессионалы на дороге не валяются. И поймите... Все это не имеет смысла. Все это не имеет ни малейшего смысла — теперь... Все это ваше дознание.

Брат лекарь уже взял себя в руки и лишь без особого успеха пытался пробуровать брата негоцианта взглядом, исполненным праведного гнева.

— Что ты, собственно, хочешь сказать мне, брат Бонифаций? Почему ты находишь наше дознание лишенным смысла?

— Да потому, что Роковое Кольцо уже воздето на перст!

— Мы знаем это — был знак...

— И воздел его на свой палец, всего скорее, тот самый громила, что выпотрошил мой сейф. Он... он сам ищет нас... меня. Он тщится спастись... избавиться... Он был здесь этой ночью. Это он пришел... последним. Разминулся... Он снова придет... Если же нет, ищите

вторую половину Симметричного Набора — и вы найдете его...

И снова брат лекарь оцепенел почти на десяток секунд.

— Ты уверен, что это не была галлюцинация, брат?

— От галлюцинаций не разит луком с водкой пополам. Вам бы такую галлюцинацию, брат. С лесного кабана размером. Жуткая рожа...

— Если все и обстоит так, как это говоришь ты, — подумав, молвил брат лекарь, — то грех нам дожидаться, пока Избранник сам придет к нам в руки... Расскажи мне, как он выглядел.

И брат негоциант стал терпеливо припоминать и излагать брату лекарю приметы Дмитрия Шаленого — взломщика по кличке Шишел-Мышел. Совершенно ему неизвестного.

Бандура тяжело вздохнул, поднялся, отпер дверь и перехватил у Трюкача тяжелую, пещерного хряка кожи сумку.

— Нету там никакой засады, — сообщил Гарик, проходя в комнату. — И вообще все тихо. Промок я снова как сволочь... Ух ты!

Последнее относилось к всплывшему на экране ТВ сюжету. Показывали физиономию наконец вычисленного угонщика «Покахонтес».

— Это ж он и есть! — с восторгом сообщил Гарик. — Симпатыга мой... Что Холере черепок набок свернул...

Оба пахана с недоумением смотрели на него. Потом Шишел перевел взгляд на звякнувшую металлом сумку, которую Бандура поставил перед ним на пол. Потом — снова на Гарика.

— Откуда ты это взял, сука? — спросил он.

— Напрасно он тянет, — заметил главный диспетчер. — Их выносит на Северный бугор.

— Это вы про Северное полушарие, что ли? — недоуменно спросил следователь Клецки. — Оно, правда, необитаемо, но думаю, что тип не уйдет. Только что прошла информация о том, что подняли на барражировку поисковую авиацию.

— Поисковой авиации на Северном делать нечего, — не отрывая взгляда от экрана, пояснил Остин. — Туда народу еще до Первой Высадки путь закрыт.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался не слишком сведущий в здешней истории Клецки.

— Видите ли, каждый, кто родился в Малой Колонии или хотя бы достаточно долго жил в ней, знает, что до Первой Высадки была еще Самая Первая... На Северном бугре. После чего первопроходцы долго носа не совали на поверхность, а кружили на орбитальных стационарах и ломали голову, с какого боку подобраться к такой привлекательной и такой негостеприимной планетке. Можно сказать, что природа Северного полушария лет этак на сорок затормозила освоение Планеты. Оно так и осталось terra incognita до сих пор. Правда, во времена Империи туда благополучно ссылали всякую уголовную шваль и из Колонии, и со всей космической окрестности. Да и политических — тоже... Потом это прикрыли как исключительно бесчеловечный вид казни. И только через много лет обнаружилось, что многие из сосланных выжили. Тогда осваивать Северное стало почти совсем невозможно.

— Почему, собственно? Вы же говорите — они все-таки выжили...

— А именно потому, что выжили... Эти выжившие и оказались самым страшным

аттракционом в этой «пещере ужасов»... Тот еще народ... Это уж потом, в наше время, появилось понятие о туземцах... Черта... Трапперы... Ряженные под туземцев, Древний гимн по ТВ...

— Готово! — заорали внизу. — Он двинул! — На экран выдали слегка подрагивающее изображение с заатмосферного телескопа: взбудораженная толчком взрывболтов «Покахонтес» норовила нелепо развернуться, гася макровибрации корпуса, а дюзы еще находящегося в кадре шаттла извергали уже короткое, злое пламя. Камера повела челнок, но он уходил за откуда-то сверху надвинувшийся — жемчужно-серой, не в фокусе, массой — горизонт.

— Расчет траектории на общий дисплей! — скомандовал диспетчер.

Клецки отчаянно пытался разобраться в лихорадочно сменяющихся друг друга цифрах и схемах.

Остин устало прикрыл глаза. «Самое время вам заступать, полковник Гарднер, — подумал он. — Игра, похоже, сыграна... Камушек заждался меня...»

— Вхождение в атмосферу началось, — доложил диспетчер.

— Капитан Барри зол как тысяча чертей, — сообщили из группы связи с «Покахонтес». — Этот тип не предупредил о старте, и их развернуло. И не подумал сообщать код. Впрочем... Он вышел на связь.

Там, в небе противоположного полушария, слегка затуманенную перегрузкой голову Клайда посетила мысль о том, что одураченный экипаж может начать эвакуацию, и он представил сцены, разворачивающиеся на охваченном паникой лайнере...

— Черт с вами... — пробормотал он, с трудом ворочая языком. — Черт с вами... — И потянул к себе невероятно тяжелый микрофон...

— Дьявол! — крикнул снизу человек из группы связи. — Он передал, что это — имитатор. Капитан мечет икру литровыми банками. Так, говорит, я и думал...

— И я тоже так думал... Пусть все равно ничего не предпринимает до прибытия на борт специалистов, — распорядился Остин. — Теперь все внимание — на шаттл. Кстати, у него есть название?

— Есть, — вяло отозвался комендант: им тоже овладела нервная реакция. — «Парамелла».

— А второй, надо полагать, называется «Чебурелла»?.. — предположил догадливый Клецки.

— Как это вы догадались? — все так же вяло удивился комендант.

Остин с трудом отвел взгляд от экрана — на нем уже перехваченный полем наблюдения другого орбитального телескопа плыл над рябью облаков постепенно обрастающий огненной «шубой» челнок — и перевел его на зал операторов. Только сейчас до него дошло, что десятки людей, работавших там, были заняты не слишком-то относящимся к угону лайнера делом: они отслеживали, корректировали, согласовывали сотни орбит траекторий больших и малых кораблей и аппаратов, бороздивших довольно, оказывается, населенный ближний космос Малой Колонии — занимались повседневным делом. И злосчастная «Покахонтес» и вся с ней связанная кутерьма были для них всего лишь еще одной досадной помехой в этом и без того, нелегком и нервном деле.

— Он уже прошел огонь, — доложил диспетчер. — Визуальный контроль теряется... — И, помолчав, добавил: — И его закручивает...

Последовала довольно долгая пауза.

— Да, он теряет управление... — Диспетчер кашлянул, потом сказал в микрофон — туда, вниз: — Вы можете дать мне борт шаттла?

Он с некоторым смущением оглянулся на Остина, но тот не выдал никакой реакции.

— Эй, парень!.. Эй!.. Вызываю борт шаттла S-11... Ага, до него дошло... Эй, вы, Ван Дейл, вы слышите меня? Наконец-то... Выслушайте меня внимательно. Ваш шаттл теряет ориентацию. Если до высоты десять... Да, десять километров... Если ориентация не восстановится, катапультируйтесь. Не позже... Тогда уже вас закрутит...

Все заворуженно следили за экраном. Пауза тянулась и тянулась... Еле заметно тлел в углу огонек перед обычным на космотерминалах алтарьком Дильин-Луану — Бессонному Богу Странствий. Кто-то недавно принес ему жертву — льготный талон на разовый проезд монорельсом.

Диспетчер сел и нервно вытащил сигарету из пачки. Глянул на запретительный транспарант, сломал и бросил в корзину. Поднял глаза на Остина.

— В конце концов, я диспетчер, а не убийца...

Остин не успел открыть рта. Из-за его спины в освещенное настольными светильниками пространство вышел человек, украшенный гордыми сединами, за его спиной серой тенью стоял другой — тоже в штатском и тоже с военной выправкой, только помоложе. Этот кивнул Клецки.

— Вы совершенно правы, диспетчер. Именно так вы и должны были поступить, — сказал Седой.

Он повернулся к Остину. Этих двоих тоже не надо было представлять друг другу.

— Вы можете вздохнуть свободно, Генри, — сказал он. — В том смысле, что ваши непосредственные дела ждут вас. Очень удачно, что вы оказались здесь... Следователь Райкин сменит следователя Клецки...

— Очень хорошо, полковник, — устало сказал Остин. — Потом вы мне расскажете, чем закончилось это шоу...

Кое-что он к этим словам добавил. Но не вслух.

— Данные телеметрии, — доложил диспетчер. — Есть катапультирование. Шаттл закрутило... Пикирует...

— Куда несет парашют? — осведомился полковник Гарднер.

Пауза. Диспетчер выслушал по наушнику доклад наблюдателя, глянул на экран и криво усмехнулся:

— Я вроде зря старался, господа...

Полковник поморщился.

— Что вы имеете в виду? Парашют не сработал?..

— Сработал. Но парня несет на Капо-Квача.

Полковник похлопал себя по карманам, бросил взгляд на запрещающий курить транспарант, отказался от своей затеи и констатировал:

— Ну что же — упокой Господь его душу...

Клецки откашлялся:

— Что вы все имеете в виду?

— Вы точно — не отсюда, сэр... — сочувственно взглянул на него диспетчер. — Вот ваш коллега полчаса назад объяснил вам, что Северный бугор — это, так сказать, тыльная часть этого мира. Его зад, так скажем... Так вот если вы это поняли, то примите к сведению, что Капо-Квача в этом заду — главная дыра.

Часть II
КАПО-КВАЧА

Глава 4

БОГ ПЕРВОЙ КРОВИ

— Повторяю: все шло нормальным ходом, — зло сказал Адриатика. — Дежурным Джок заплатил столько, сколько нужно, чтобы нам с Бонифацием не мешали полчаса беседовать по душам. Да и сам старик сперва был не против перебраться со мной парой слов. Но только вот, оказывается, я не один к нему наведалься.

— Ты должен был подстраховаться, Фай, — строго заметил присевший на край своего президентских размеров стола Папа Джанфранко.

— Не ребенок я, — не без обиды в голосе отозвался Адриатика. — В коридоре Джок на стреме болтался. Как найду — шею сверну дурню. Хотя против гипнополя Джок, конечно, не защита...

— Думаешь, гипноиндуктором вас накрыли?

— Очень похоже. Только странным был гипноз... В общем, только я у старика Бонифация о здоровье справился, как смотрю — он меня и не слушает вовсе, а куда-то мне за спину таращится. Ну я, естественно, оборачиваюсь, и с того момента — в голове все едет. Помню только, что толковали они долго. Я же сижу — пень пнем. А ТОТ — за спиной у меня — талдычит и талдычит... А чего ему надо было — убейте, не помню. Потом только у Джанни в машине соображать что-то начал...

— Ладно. — Папа тяжело вздохнул. — Я знаю, что обшгопать тебя, Фай, — дело не из легких. Сдается мне, что пока не стоит нам соваться в эти дела... В каком состоянии старик-то теперь?

Этот вопрос он адресовал своему секретарю, только что осторожно появившемуся в дверях.

— Чарутти полчаса назад докладывал — все в норме. Но пока к нему никого не пускают.

— Джок объявился? Грибник?

— Сидит у Волынски в околотке. Его вместе с Фаем и сгребли, когда шум весь этот поднялся. Чарутти говорит, что из-за него все и вышло. Его там за покойника приняли — на полу сидел в закутке каком-то. Ну, дежурный сразу про палату господина Мелканяна и вспомнил. Такая деталь: там еще один деятель был — в палате... Громадных размеров тип. Одет под санитаря. Он смылся. С ним связываться побоялись.

— Громадных, говоришь, размеров?

— Чарутти говорит. Точнее, ему так сказали. Еще он говорит, что это характерно. И еще, — громила секретарь наконец мотивировал свое появление в кабинете шефа, — здесь бич какой-то приходил. Как с помойки выбрался. И тощий весь как щепка. Просил передать вам это вот...

Каттаруза, неприязненно поморщившись, взял сработанный из плотной фольги конверт, вскрыл его и прочитал несколько строчек, от руки нацарапанных на листке желтоватой бумаги. Ни имя Самуэля Бирмана, ни его должность, ни отношения Самуэля с людьми Янтарного Храма не вызвали у него никаких эмоций. Важен был только знак, стоящий вместо подписи. Знак менял цвет. Выцветал на глазах. Совсем исчез.

Папа задумался.

— Ладно... Ты в форме? — осведомился он у Фая.

— Я как-никак не барышня, чтобы месяц приходить в себя после того, как меня поимели...

Папа протянул ему записку.

— Этого человека достанешь живым. Запрещь в надежном месте. Лучше на «русской даче».

— Ясно, — торопливо сказал Фай, с недоумением разглядывая листок.

— Шкурку, смотри, не попорть... И вот еще что... — Каттаруза переменял позу. Почесал нос. — ТОТ... что стоял за тобой... там — в палате... Это и был тот громила, что косил под санитаров?

Адриатика передернул плечами.

— Да нет... Мне, сам видишь, не очень-то все это запомнилось... Но ЭТО — та... тень Я, собственно, только тень и видел... Странная такая. Не совсем человеческая. Урод страшный. И вместо глаз у него — Желтый Огонь...

Клайд не сразу понял, что то, что он видит перед собой, — просто-напросто небо. Небо Северного полушария. Голова его работала с некоторым трудом. Удивительно, что обошлось только этим. Зеленая, в кружевном орнаменте то ли леса, то ли кустарника, бескрайняя гладь болот раскинулась под ним после долгого, похожего на дурной сон полета под ядовито-желтым куполом давно устаревшей конструкции парашюта, и он только-только стал что-то различать с той головокружительной высоты, на которой находился. И только когда в его поле зрения всплыла скалистая, поросшая черным лесом громада берега, он понял, что высота эта не так уж велика — совсем не так уж... Это было последнее, что он запомнил.

Только поднявшись сначала на колени, а затем — осторожно — в полный рост, он сориентировался в окружавшем его пространстве — душном и огромном. То, что громоздилось из-за горизонта, наводя на мысль то ли о гигантской горной гряде, то ли о дыре в четвертое измерение, было просто грядой грозных облаков. Как раз когда Клайд окончательно пришел в себя, ее прорезала молния. Потом он понял, что эти молнии — чудовищно яркие, слепящие — бьют здесь непрерывно по всему горизонту. Это делало мир вокруг странно зыбким. То и дело из-под ног вырывались призрачные тени, трепеща, устремлялись вдаль и тут же исчезали, сменяясь новыми и новыми. Терпкие, не слишком приятные ароматы забирались в ноздри. Еще немного позже до него дошло, что в уши ему мягким, но постоянным давящим потоком входит гром, непрерывными раскатами бродящий по затянутым мглой сумрачным далям.

Он сделал пару шагов по странно пружинящей поверхности почвы и понял еще одну вещь — он был все еще жив только потому, что находился на превратившемся в надувной плот парашюте, разостлавшемся по вздрагивающей от каждого его движения трясине. Он совершенно не помнил, когда успел выбраться на этот островок безопасности. Видимо, он отделался относительно легким сотрясением мозга, вышибившим у него из памяти момент приземления.

Осторожно приблизившись к краю плотика, он оценил расстояние до выпиравших из недр болота скал: не так уж и много — с треть километра примерно. Дальше, примерно на километр, простиралась покрытая скудной растительностью равнина, а там дальше — ближе к предгорьям — стеной вставал черный и — даже с такого расстояния было заметно — пропитанный влагой лес.

Избавившись от гермокостюма, в котором недолго было и испечься, Клайд некоторое

время решал проблему обуви. Он прекрасно понимал, что чисто городская обувь, оставленная им в кабине канувшего в недра болот челнока, ему мало согодилась бы в дальнем пути — а путь предстоял дальний, — но толку от бахил гермокостюма предвиделось не больше. Все-таки это было лучше, чем ничего: он не без труда раскроил комбинезон на несколько частей, некоторые зашвырнул в топь, а другие напялил на сохранившийся на нем комплект сугубо партикулярной одежды. Распечатав рюкзак со спасательным комплектом, Клайд слегка воспрянул духом, — по крайней мере, там был парализатор с запасом игл, медикаменты, запас суперконцентрата, устройство для очистки воды и, главное, достаточно подробный набор карт и инструкций для передвижения по необитаемой части Планеты. Нашлась даже удочка с набором синтетических наживок. От двух предметов, содержащихся в комплекте, правда, видимой пользы не было: от компаса, стрелка которого лишь бестолково вертелась (в Северном полушарии стоял период магнитных бурь), и от одноволнового радиопередатчика, настроенного на волну орбитальной спасательной системы. Привести его в действие — означало немедленно отдаться в руки полиции. Правда, и этой последней пришлось бы попотеть, чтобы выковырнуть отсюда незадачливого хайджекера, но уж она бы постаралась, в этом можно было не сомневаться. Так что этот вариант можно было оставить напоследок. Подумав немного, Клайд сжег мосты — зашвырнул передатчик подальше в топь. Принимая во внимание возможности «радиоэха», вмонтированного в игрушку, поступок был не самый глупый.

Сориентироваться по Звезде удалось весьма приблизительно — Клайд нечетко представлял, в каком часовом поясе находится. Во всяком случае, кроме как на берег и дальше — к западу дороги пока не предвиделось. Если снежные вершины гор — там вдали — принадлежали одному из двух горных массивов, указанных на карте, то, разглядев их получше, можно будет наконец точно узнать свое местоположение. В любом случае в инструкции было отмечено (да Клайд и сам помнил кое-что из читанного им о Малой Колонии), что в предгорьях могли встретиться туземцы. Правда, трудно сказать, чем это может закончиться. Еще раз окинул он взглядом бесконечную, казалось, зловонную гладь болота. Мороз пробрал по коже, несмотря на душную жару, царившую вокруг.

— Капо-Квача, — произнес он прочитанное на карте название. — Капо-Квача...

— Поверните руку еще раз... Вот так... — Мастер-Канова щелкнул кнопкой голографического регистратора. Еще раз и еще.

— Теперь можете надеть повязку. Чем меньше эта штука будет торчать на виду, тем лучше.

Шаленый начал заново укутывать украшенный Перстнем палец бинтом. Конечно, такой камуфляж выглядел архаично — заплатка до репарирующего геля не привлекала бы такого внимания, но гель не стал бы долго держаться на совершенно здоровом пальце.

— Вокруг пальца, гад, вертится, — в сердцах рывкнул он. — Туда-сюда вроде ходит. Но с натугой. А как стаскивать начинаю — так, ядрена вошь, ни в какую. И при этом... слабею я, что ли... И что-то на душе не так становится... — посетовал он, скребя ту часть своего мощного торса, в которой, по его мнению, должна была находиться упомянутая субстанция.

— Вы, конечно, можете распилить кольцо. Только я вам этого не советую. И сам за это, конечно, не возьмусь. Вы знаете историю Мураты?

— Мне здесь недосуг было сказки-то слушать...

Словно в подтверждение этих слов, блок связи в кармане его куртки, висевшей на

спинке стула, заверещал ласковым сверчком.

— Это — не совсем сказки... Вам надо хорошо ознакомиться с... м-м... предысторией вопроса, если вы хотите работать с ПРЕДМЕТОМ...

— Вот этим-то я и займусь... Уж как бог свят — займусь.

Откашлявшись, Шишел взял наконец блок и врубил прием.

— Вы как, в форме, Димитри? — осведомился звенящий голосок Роми — диспетчера заведения Роланда.

— Ну? — подтвердил содержавшееся в вопросе утверждение Шишел.

— Тут нам подкинули один заказ... Записать на вас?

— По воскресному тарифу, разумеется?..

— Хорошо. Запишите — Кэмп-Парадиз, Северная Роща, аллея Гри-Гри, две тысячи сто один. Фургон уже там. За рулем — Роббинс. Отгоните груз в Саут-Бэй.

Тащиться на Восточное побережье вовсе не улыбалось Шишелу, но, возможно, оно и к лучшему — день-другой не стоило торчать в городе, у всех на глазах. Неожиданный заказ вполне вписывался в его планы.

— Принял, — сказал Шаленый.

Пробубнил в микрофон адрес заказчика и вырубил блок.

Какова аккуратно кашлянул.

— Осталось обсудить немного. Сколько копий Предмета необходимо нам? Работа непростая...

Это «нам» Шаленому понравилось.

— Полдюжины — осилишь?

— Это почти месяц работы. Я же не могу делать ЭТО на глазах своих сотрудников. Но не люблю числа «шесть». Часть «Числа Зверя»...

— Даю три недели, — отрезал Шишел.

— Итак, главная примета — габариты? — Энни приняла «позу лотоса» на довольно узком диване и сосредоточила взгляд на переносице Уолта.

Бездонно-черные раскосые глаза Энни никогда не оставляли Уолта равнодушным, а сейчас так просто сбивали репортера с толку. Он безрезультатно покрутил верньер дешифратора.

— Да, пожалуй, только это. Там было довольно темно. А высунуть регистратор подальше я не решился. У типа в руках, как видишь, — здоровенная «пушка».

— Да. Она-то хорошо получилась. — Энни снова перевела взгляд на экран. — Прибавь яркости... Да... Не то чтобы лысый, но какой-то... Облезлый, скажем... Морда не тупая... Даже в чем-то — добрая. Хотя и страшная. Насколько можно разобрать... Довольно редкая особь, одним словом. Должен быть известен в криминальных кругах. Опять придется приглашать на коктейль всякую шваль.

— А главная его примета — Дьяволов Камень на пальце... — мрачно подытожил Уолт. — У меня вытанцовывается определенная картина того, что приключилось в тот вечер.

— Картина — проще некуда. Покуда Мак-Аллистер и еще какие-то идиоты с тобой вместе толклись у парадного входа конторы Мелканяна, этот тип потрошил сейф старого козла. Залез через мусоропровод — полиция это уже установила. По дурости напялил перстенок. Вот теперь с ним и мается.

— А от него действительно нельзя избавиться? Ну хотя бы вместе с пальцем?

— Только вместе с жизнью. Да и это проблематично... Уже пробовали в прошлом. — Энни хлопнула по папке с распечатками — набежавшая за пару суток информация о предыстории Похищения.

— Мурата. И какой-то еще тип из адептов Воду... Жуткие вещи происходили с ними. Так что этот тип... Он очень опасен сейчас... Каждый раз, когда появлялся новый Избранник, черт его знает что происходило в Малой Колонии. И не только в ней...

— Так что — любой, надевший Перстень, не может уже от него избавиться? И неизбежно превращается в монстра?

— Перстень дается только Избраннику. Всякому постороннему он просто безразличен, посторонний как наденет, так и снимет. Но мало кому представлялась возможность попробовать. А из них — из тех, кому она представлялась, — мало кто решился на это.

Энни хлопнула по клавише и убрала с экрана расшифровку записи регистратора Уолта. Монитор привычно переключился на восьмой канал ТВ. Повторяли материал по угону «Покахонтес». На Уолта устало смотрел заснятый камерами внутреннего слежения лайнера Клайд Ван-Дейл. И кого-то ужасно ему напоминал.

Человек, одетый в униформу служителя операционной, опустив глаза, шел по коридору госпиталя. У ниши с мониторами он остановился и, убедившись, что вокруг никого нет профессионально, незаметным движением достал из кармана шприц-ампулу. Снял с иглы защитный колпачок и определил в утилизатор. Саму ампулу зажал в ладони так, что грязные ногти впились в мякоть, а руку сунул в карман. Конечно, не дело обращаться этак вот со стерильным оборудованием, но тому, кому предназначалась инъекция, уже не страшно было бы заражение крови. Потом.

У двери палаты сто восемь фронт работы для человека с опущенными глазами был подготовлен. Дежурного охранника, выставленного в коридоре после ночных событий, вполне убедил звонок от имени заведующего отделением. Он считал, что хорошо знает голос доктора Пинейру.

Человек со шприцем в кармане вошел в палату. Свет в ней был погашен, жалюзи — закрыты. Чтобы сориентироваться, ему пришлось остановиться на секунду-другую. На плечо ему легла легкая рука.

— Что надо вам здесь? — спросил его вкрадчивый, шелестящий голос.

Человек со шприцем резко обернулся, встретился глазами с затянутыми золотой поволокой зрачками сжавшегося в углу человека, как и он сам наряженного в медицинскую униформу, и выбросил руку вперед. И тут же ощутил обжигающий удар стали в солнечное сплетение. Его противник, так же как и он сам, бесшумно согнулся в три погибели.

— Мы... — выдавил он из себя вполголоса, — мы опоздали... — И ткнулся лицом в стерильный пластик пола.

Человек со шприцем — теперь уже пустым — с трудом вытащил из-за пояса пистолет и выпустил всю обойму по постели больного. Для себя он оставил только последний заряд. Когда он засовывал ствол в рот, раскаленный металл сильно обжег его губы.

Спохватившийся наконец охранник вбежал в палату — на подозрительный шум. Некоторое время он остолбенело смотрел на диковатый узор, который написали на стене кровь и мозг одного из двух скорчившихся на полу людей. Потом перевел взгляд на изрешеченную пулями кровать. Она была пуста.

— Вы хорошо подумали, сержант? — лейтенант Руцки поднял голубые выцветшие глаза на такие же — голубые и выцветшие гляделки сержанта Харриса. — Вам далеко еще до полной выслуги лет. На полную пенсию вы не можете рассчитывать...

Он неопределенно повертел в руках листок с прошением об отставке. Душа его ликовала, но соблюсти все формальности было долгом лейтенанта.

— Поверьте мне, я никогда бы не решился покинуть ряды полиции, если бы не плачевная необходимость позаботиться о делах семьи. Мой отец призывает меня возглавить вместо него наше семейное дело. Сам он уже не в силах...

— Солидное дело? — стараясь не выдать полного безразличия к причинам, по которым Господь наконец сподобил столичную полицию избавиться от Дубины-Харриса, осведомился Руцки.

— Какое-никакое, а кормит, — поднапыжившись, отвечивал Харрис. — Без хорошего руководства всему семейному бизнесу — труба...

— Вообще-то ваши мотивировки не выглядят... э-э... абсолютно убедительными. — Лейтенант поморщился. — Но я передам ваш рапорт по инстанции, и, я думаю, для ВАШЕГО, — он не удержался от кривоватой улыбки, — для вашего случая будет принято вполне удовлетворяющее вас решение. Однако раньше чем через две недели вы не сможете оставить выполнение своих обязанностей.

Выходя из кабинета начальника, сержант встретился глазами с патрульным Родменом и пожал плечами, — мол, не удалось ускорить процесс. Пол понимающе пожал плечами в ответ.

— Вам удалось выспаться, капитан?

— А вам, следователь?

— Знаете, всю ночь... все утро, точнее, ломал голову... Мотивы поступка этого... камикадзе... угонщика...

— Выкиньте из головы. Пусть она болит у этого вашего коллеги... Скажите-ка мне лучше, как вы оцениваете то, что приключилось в госпитале? С господином Мелканяном.

— Ночью?

— И днем. Вы еще не в курсе? Проклятый хитрец исчез. А нам на память оставил пару трупов. Правда, похоже, ребята прикончили друг друга. Так сказать, не вовремя встретились. В обоих случаях — сильный яд. У одного — в шприц-ампуле, у другого — на клинке. Тот, кому досталось с клинка, еще и вышиб себе мозги. Из «кобры». По всей вероятности для пущей надежности...

— Кто занимается этим делом? — спросил следователь. — Надо запросить материалы...

— Делом занимается, разумеется, все тот же лейтенант Фоке. Из Криминального департамента. Как на нем повисло ограбление «Джевелри трэйдс», так оно и висит... А материалы я уже переключил на наш терминал. Существенно то, что оба покойничка — члены сект. Судя по знакам на теле. Личности пока не установлены.

Капитан бросил на стол снимок.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— У этого на спине — сломанный крест вверх ногами. Послушник Ложного Учения. Официально не существующего. Некоторое время Чертов Камень переходил из рук в руки —

от одного адепта этой секты к другому...

— Ого, — сказал федеральный следователь.

— А у этого на запястье слабая такая татуировка в виде браслета... Кто-то из младших чинов Янтарного Храма. Вполне законопослушная, зарегистрированная церковь. Только весьма замкнутая... Предвижу ваш вопрос — нет, к Камню Храм имеет не больше отношения, чем любой другой культ. Хотя известно, что иерархи Храма систематически призывают утопить Камень в океане или замуровать его в скалах.

— Так что отношение к нему этот Храм все-таки имеет — негативное... — уточнил Клецки.

— Так или иначе, эта веревочка, считайте, оборвана. От сект мы ничего не добьемся. Мелканяна, конечно, будем искать, но...

Капитан Остин окинул унылым взглядом разложенные на столе бумаги. Молитвенно свел вместе кончики пальцев.

— Я, — задумчиво продолжил он, — тоже не много спал в остаток этой ночи... И пришел к выводу, что должен просить вас о некоей услуге.

— Всегда в вашем распоряжении...

— Не сомневаюсь... Дело деликатное. Включите свою глушилку. На свою я не надеюсь.

Клецки молча щелкнул клавишей. В воздухе повисло тихое, возмущенное попискивание регистраторов обоих офицеров, мирно беседующих в кабинете с тройной защитой от средств подслушивания.

— Мне не простят... — Капитан контрразведки внимательно глянул в глаза федерального следователя. — Мне не простят, если я осмелюсь хотя бы щепочкой потрогать профессора Рональда Мак-Аллистера. Но ведь Федеральному управлению этого запретит никто не может? На этой планете.

— Вы уверены, капитан, — федеральный следователь начал переставлять канцелярскую мелочь на своем столе па манер шахматных фигур, — что все остальные, рассмотренные нами направления следствия ведут в тупик?

— Тупика не будет, следователь. Будет катастрофа. Вы, видимо, плохо представляете себе, что означает Чертов Камушек в чьих-то — неизвестно чьих — руках... Комплекс недаром им интересуется...

— Что вы имеете в виду?

— Считается, что Камень в определенных условиях может радикально повлиять на ход событий во Вселенной. Изменить ее судьбу. И это, похоже, не блеф. Цивилизация, в руинах которой его нашли, сгинула. И может, и нас ждет что-то в этом духе...

Оба собеседника помолчали.

— Итак, — возобновил разговор федеральный следователь, — профессор Рональд Мак-Аллистер...

— Либо был соучастником похищения Камня, что было бы совершенно бессмысленно, либо имеет в своем распоряжении способ определения — очень точного определения местонахождения этого... предмета. Именно благодаря этому он устремился в некий определенный пункт города сразу после похищения. Это первое.

— Ну, об этом я уже думал. Однако тогда ограбление номер два — я имею в виду то, что произошло в «Джевелри трэйдс»...

— ...было продолжением ограбления номер один — того, при котором нас с вами надушили слезоточивым газом.

— В таком случае... В таком случае — или профессор завладел Камнем, или утратил возможность определить его местонахождение. Но и в том и в другом случае он будет нем как могила.

— Да, на задушевную беседу с ним вы можете не рассчитывать. Нам остается одно. Вы понимаете меня?

— Я прекрасно понимаю вас. Нам остается одно — хорошо продуманная провокация.

Хорошо поразмыслив и заодно еще немного придя в себя, Клайд проглотил профилактический набор лекарственных средств, вновь упаковал рюкзак и, повесив парализатор на грудь, осторожно шагнул на одну из ближних кочек — ту, что казалась ненадежнее. Дурацкое удилище он использовал в качестве щупа. Кочка просела, но не провалилась. С лихорадочной быстротой Клайд перепрыгнул на вторую возвышенность, с нее — дальше. Через четверть часа он основательно выдохся и, обернувшись, понял, что вернуться на плотик уже, пожалуй, не сможет — потревоженная его прыжками поверхность болота расползлась гладью черных вод. А до берега вроде не стало ближе — слишком сложным зигзагом приходилось ему двигаться. Передышки болото ему тоже не давало — каждая очередная, с виду надежная кочка, повременив немного, вновь и вновь тихо уходила из-под ног. К тому же и тучи надвинулись, закрыв уже куда больше чем полнеба: вот-вот должен был грянуть дождь. Проклиная на чем свет стоит всю Малую Колонию и гнусное Северное полушарие, Клайд удвоил свои старания и еще четверть часа спустя слегка преуспел в целенаправленных скачках.

Где-то уже в полусотне метров от тускло поблескивающих камней берега он приземлился на поросший мхом участок суши, явно более плотный и надежный по сравнению с той зыбкой субстанцией, по которой прокладывал себе дорогу до сих пор. Испустив судорожный вздох, он стал пристраиваться поудобнее, чтобы слегка отдохнуть перед последним броском. То ли от проглоченных препаратов, то ли после того удара при приземлении — его мутило. Поэтому он не сразу понял, что чертова кочка движется. Все быстрее и быстрее — волнами. Поняв это, он сделал единственное, на что был способен, — замер.

Он уже знал, во что вляпался, — его угодило оседлать Карросу Гнедича. О Карросе слышали даже те, кто сроду не бывал на Малой Колонии.

Собственно, двигалась не только кочка — полз, точнее, колышась, плыл к берегу целый ковер — в сотню квадратных метров — огромное, выстилавшее дно болота создание, не приходившееся родней ничему из того, что населяло Землю. Вот уже края живого ковра выхлестнули на берег и стали стремительно набегать на черный камень пляжа, вот уже весь «ковер» оказался на суше и устремился дальше — к лесу. Тут-то Клайд припомнил, что Карроса всегда поглощает свою добычу на суше, как можно дальше уйдя от берега...

Однако в любом случае он, Клайд Ван-Дейл, надо полагать, оставался единственным землянином, кроме, быть может, покойного Рудольфа-Александра Гнедича, проехавшимся верхом на Карросе. Принимая во внимание последующую судьбу Рудольфа-Александра, оптимизма это не вызывало. Клайд взялся за приклад парализатора.

Очередь стоп-игл, пронзившая левое крыло живого ковра, большого впечатления на этот последний не произвела. Зато края стремительно бегущего живого ковра начали мучительно-медленно, изящно изгибаться, готовясь принять в свои объятия новую и, судя по всему, довольно аппетитную жертву... Озираясь вокруг ошалевшим взглядом, Клайд принял

совершенно безумное, но, как выяснилось через пару секунд, единственно верное решение: в прыжке ухватился за иссохшие сучья дерева, Склоненного над каменистым грунтом. Сноп искр ослепил его, руку и все тело свело мгновенным ударом тока.

Понять сразу, что произошло, он не смог — пришел в себя, уже сидя на камнях и тупо глядя на происходящее с «ковром» Карросы. А происходило с ним нечто весьма занятное — «ковер» корчился, словно пытаясь сделаться чем-то вроде огромного гриба, потом резко распрямился и, словно пригвожденная острогой камбала, завертелся на месте, расширяя, впрочем, раз за разом выписываемые над землей круги. Изморозь стлалась по земле следом за ним. Не вдаваясь в суть происшедшего, преодолев сковавший его паралич и ругаясь худшими словами, Клайд поднялся на ноги и припустил к лесу. Уже на бегу он понял, что им с Карросой достался разряд электрического скат-дерева. Причем «ковру» перепало явно больше, чем ему, Клайду.

До леса он добежал вовремя: «ковер» Карросы справился с последствиями шока и стремительными волнами пошел следом за потерянной жертвой. Клайд не успел и на сотню метров углубиться в зловещего вида заросли, когда Карроса снесла первые пять или шесть стволов на своем пути. Дальше продвинуться «ковру» не удалось — слишком густа была чащоба, слишком крепки вставшие перед ним сплетения пропитанной кремнием древесины.

И тогда Клайд услышал крик Карросы. Это напоминаю звуки, что издавал бы Сатана, которому Всевышний защемил дверью хвост. Хвост — скажем так. Во всяком случае, так подумал Клайд за секунду до того, как, споткнувшись, с размаху загремел в заросший черной крапивой овраг. Из оврага он выбрался с относительно небольшими потерями и еще с полчаса, двигаясь по неведомо кем проложенной вдоль ручья тропинке в ту сторону, где, по его разумению, располагались предгорья, он слышал за спиной леденящие душу завывания проклятой твари.

Потом стало относительно тихо. Только гром перекатывался уже прямо над ним, в небесах, скрытых черно-фиолетовыми ветвями. Стало совсем темно. И хлынул дождь.

— Это все оказалось легче, чем я думал. — Фай откинулся в кресле. — Они его прячут в Кэмп-Парадизе... Собираются перебросить на восток. Думаю, сейчас уже послали за ним машину. Они наняли броневургон у Роланда.

— Тебя, часом, за нос не водят, Фай?

— Не думаю. Я как посмотрел, что человечка Янтарный Храм бережет, так и перекрестился — у меня там надежный человек есть. Правда, поломался он здорово.

— Не знал, что мы с этими чудаками путаемся.

Для Джанфранко Каттарузы это и впрямь было сюрпризом. Не слишком приятным.

— У них — хорошая конспирация. Удобно через них качать информацию по наркотикам.

— Я не знал, Фай, что Желтая Вера на отраве подрабатывает.

— Я не сказал «наркотики». Я сказал — «информация по наркотикам». Я у Лорда хлеб не отбиваю, я с информацией работаю, Папа.

— Спасибо, уяснил. Так что за человек там у тебя — в Храме?

— Я источники не выдаю. Извините, мистер Каггаруза, даже своим... Иначе со мною никто работать не станет.

Папа вздохнул — оправившийся после ночного фиаско в госпитале, Фай снова взялся за свои штучки. Но придется терпеть — у крутых специалистов крутые странности.

— Одно могу сказать, — Адриатика закинул ногу на ногу, — поймал его на мухлевке с деньгами Храма. Они там не бедненькие, в Храме своем. И за такие вещи доносом и полицию не ограничатся. Могут и с живого шкуру содрать. Так что источник мой прочно на крючке сидит. На трассе все готово, — перешел он к делу. — Думаю, что часа три форы мы имеем. Требуется твое слово, Папа. Сам знаешь — Роланд нам неплохие бабки отстегивает.

— Часа три, говоришь? — Папа на минуту задумался. — Убери наших людей с трассы. Пусть человечка берет сам заказчик.

Он молитвенно свел вместе кончики пальцев.

— Второе. — Фай снова неприятно поморщился. — Вы просили доставить Руу Биллисю к Марку. Мои люди побывали на квартире ее дружка. Той, что заложила вам Пташка. И вернулись — волосы дыбом... Там уже побывали... И явно не полиция... Я думаю, мы с вами одного мнения на этот счет... И я думаю, что то, что осталось от Белоснежки, Марку уже ни к чему.

Папа Джанфранко продолжал созерцать молитвенно сведенные кончики пальцев. Потом перевел тяжелый взгляд на физиономию Фая.

— Ну что ж... Господь, похоже, прибрал обеих подружек. На то его воля. Считайте вопрос закрытым. Меня гораздо больше интересует Шишел. Достань его из-под земли.

— Ты должен достать его из-под земли! — Маноло постарался — и голосом, и зверским выражением лица, — чтобы смысл этого его пожелания проник до самой печенки де Лилла. — Что значит «не выходит на связь»? Что значит «подвизается где-то на банковской службе»? Почему, вообще, мы про эту фигуру ничего не знаем, кроме того, что он сам соизволит сообщить?

Он подошел к окну офиса и демонстративно повернулся к собеседнику спиной.

— Он только без малого год здесь сшивается. Но человек в кругах, — Адвокат сделал косое движение подбородком вверх, — известный... Подолгу нигде не засиживается. И когда хочет — сам кого надо находит. Когда хочет — появляется, когда хочет — исчезает. А сейчас он нам просто нервы мотает. Через Трюкача пугнул и сидит теперь лапы потирает, кьянти на пару с Папой сосет.

— Ты предлагаешь подождать, пока его нам не покажут по телевизору? — ядовито осведомился Маноло. — Неужели у него нет здесь, скажем, постоянной бабы? Или...

— Насчет бабы — вопрос темный, — задумчиво наклонит голову набок Адвокат. — Но среди голубых Шишел не числится. И вообще — лучше подойти к нему с другого боку... С чисто экономического...

— А какой же бок у него экономический? — недоуменно осведомился Маноло.

— Сбыт. Сбыт товара... — Де Лилл немного прикинул в уме и сам себе кивнул с выражением глубочайшего согласия во взгляде. — Да, пожалуй. Все сходится на том, что по меньшей мере половину товара он спускает через Корявого Банджи...

— Это называется — облегчил дело. — Жестящик раздраженно раздавил окурок о гранитный подоконник. — Вчера Банджи брать приходили. Со стрельбой и всеми прочими аксельбантами...

— Я в курсе... Корявый смылся, говорят. По ТВ — ноль информации.

— Ну и где прикажешь искать нашего милого, Ли?

— Никуда он не денется... Он Штайну задолжал крупно, а когда Штайн включает счетчик — сами знаете... Так что не позже среды Банджи как миленький появится на Корн-

роуд с баксами в клювике... Тут его и возьмем в оборот...

— Ты уже брал в оборот Трюкача. Как ты думаешь — пробитая башка Финнегана сама заживет? Я уже выложил денежки копам, а когда еще и чертовы медики нарисовали свой счет, так на меня лично икота напала. Интересно — это его Шишел этак приголубил?

Адвокат пожал плечами.

Как ни странно, хотя ливень к вечеру не только не затих, но даже усилился, Клайду не удалось промокнуть до костей — полог леса спасал его. Надежды на то, что небо просветлеет, не было никакой — лишь многочисленные гнилушки и грозди светящихся грибов были ориентирами для Клайда, да еще часто прорывающийся сквозь листву зыбкий магниевый свет молний. Заблудиться теперь было проще простого. Собственно, уверенность в том, что он все еще продолжает двигаться к предгорьям, Клайд утратил уже давно. Постепенно наваливалась тупая усталость и уходили в песок остатки надежды. Чтобы хоть как-то отвлечься от хреновых мыслей и боли во все еще сведенной после «поцелуя» скат-дерева руке, он стал присматриваться к тому, что росло под ногами и висело на ветвях над головой, хотя разглядеть что-либо в зыбком мраке было трудновато. Главным образом его волновала возможность напороться на какую-нибудь агрессивную тварь или наделенное дурным нравом растение. Если уж говорить о представителях флоры, то не мешало, конечно, выискать хоть что-нибудь съедобное из того, что было перечислено в инструкции по выживанию. Суперконцентрат он решил вскрывать уж в самом крайнем случае.

Съестное он отыскал только на второй день своего пути после судорожного, какого-то припадочного забытья. Крупно отравился — и третьи сутки двигался, с трудом волоча ноги, не в состоянии ни крошки взять в рот. К ночи под кожей щиколотки дала себя знать развивающаяся личинка неведомой твари. К счастью, случай был предусмотрен инструкцией и обеспечен разовым шприцем и скальпелем. Личинке пришел конец, а Клайд охромел. Бахилы гермо-костюма хотя и не пропускали воду, но идеальной обувью для хождения по здешним буеракам не были, и ноги он сбил вконец. На третьи сутки его покусала смахивавшая на черепаху тварь. Покусав, смылась. После довольно кошмарной ночи на неудачно выбранном клочке суши, где его всю ночь одолевали невидимые в темноте летучие паразиты, ему как-то полегчало и зашагалось чуть легче. Каждый вечер по лесу регулярно молотила гроза. Разок Клайда загнали на дерево какие-то в изобилии напоззшие змеи. Вполне возможно, неядовитые. Судя по карте, он уже вошел в «потенциально населенную местность». Аборигены, впрочем, явно не отличались излишней общительностью.

Заросли вокруг временами расступались, уходя во мрак тусклыми анфиладами, а то вдруг смыкались в какое-то подобие пронизанных потайными лазами пещерных лабиринтов. Одна из неведомо кем проложенных троп, которую выбрал Клайд, привела его к дереву, украшенному плодами, от вида которых у него снова мороз пошел по коже.

Это были уже вконец истлевшие трупы — он их насчитал семнадцать. Собственно, уже скелеты, все еще державшиеся в проволочных петлях, накинутых им на шеи, свисали с иссохших ветвей. Некоторые петли уже опустели, но ни костей, ни остатков одежды под деревом не было. Здесь похозяничала какая-то не гнушающаяся падалью живность. Невозможно было сказать, кто из казненных был мужчиной, а кто — женщиной. Двое повешенных были при жизни детьми лет пятнадцати, не больше. Клайда передернуло: не только голод и лесное зверье угрожали ему — здесь еще и просто убивали.

Он постарался припомнить то, что рассказывали ему о туземцах и их непростых

отношениях с трапперами — странной местной породой авантюристов, промышлявших на Северном полушарии какой-то смесью контрабанды и кладоискательства. Кто и за каким дьяволом зарывал клады в этих местах, он так и не понял — дело каким-то боком задевало туманную раннюю эпоху освоения Планеты, и даже астроархеологию. Намерение присоединиться к занятию трапперством, бывшее у него еще до того, как его и вправду занесло на Малую Колонию пропало довольно быстро. Он заметил, что люди, привыкшие иметь дело с этой категорией лиц, упоминают о своих клиентах всегда и только с исключительным презрением и, как правило, в прошедшем времени. Скорее всего, в сожженной деревне побывали именно такие ребята.

Клайд так и не стал подходить к видневшимся за деревьями развалинам сожженных срубов. На сегодня с него было достаточно — нервы не выдерживали больше. Он почти окончательно потерял дорогу, пытаясь как можно дальше уйти от смрадной поляны. Об утопленном передатчике он уже основательно жалел.

Отыскав относительно сухое место у подножия исполинского ствола какого-то гиганта местной флоры, он вытащил из рюкзака спальный мешок, обработал дезинфицирующей и обезболивающей мазью свои раны и ссадины, избавился от нескольких десятков каких-то тварей, забравшихся в одежду, и, расположив парализатор под рукой, устроился на очередной ночлег.

Сон пришел молниеносно. И с таким трудом покинул его. А то он слишком долго не мог понять, что разбудило его.

Разговор.

Скромный, не бросающийся в глаза фургончик «Межбанковских перевозок Роланда» был незаметно припаркован у кустов, позади аккуратенького, явно не обжитого коттеджа.

— С большими чудачками имеем дело сегодня, — сообщил Шаленому Роббинс, кемаривший на прогретой солнцем каменной лавочке поодаль.

Иссиня-черная его физиономия подозрительно теснилась.

— Темнят?

— В лучших традициях. Господа в простынях каких-то рыжих — на манер монахов буддийских. Дали купюру, — мол, пройдишь до кафе, а нам фургон отопри. В смысле — нечего глядеть, что мы там загружаем...

Он поднялся и, не торопясь, начал устраиваться за рулем.

— Ну я минут тридцать погулял, — продолжал он, — кофейком побаловался, потом вернулся. «Закрывай, — говорят. — Только в фургон не заглядывай».

— Расписался за груз вслепую? — с досадой спросил Шишел, устраиваясь на своем месте и расстегивая кобуру табельного бластера.

— Пришлось.

— Не люблю я таких фокусов...

Шоссе летело под колеса архаичного кара. Лес темным туннелем обступил их. Пусто было на трассе в середине воскресного дня.

Роббинс поддержал Шишела насчет того, что вслепую груз забирать — тоже, конечно, не дело. После чего перешел к изложению многочисленных случаев, когда такая вот порнография до добра не доводила. Случаев он помнил настолько много, что Шишелу пришлось толкнуть напарника в плечо, чтобы отвлечь от размышлений вслух о том, как два года назад тропической гадюке, которую зоологи из Харрисвиля пересылали в столичную

академию, удалось пробраться в кабину шофера — покойного ныне — всеми уважаемого Абдуллы Хабуза. Отвлечь Роббинса было просто необходимо — в сотне метров впереди перекресток перегородила громадным контейнеровозом какая-то дубина, умудрившаяся на ровном месте не справиться с управлением.

Роббинс притормозил и начал объезжать идиотскую тушу по кривой. Как только кар снизил скорость до заданной величины и оказался в нужном положении, по кабине сработали из ручного миномета. Не очень, впрочем, точно.

Дождавшись, когда кар твердо станет на борт, полуоглушенный Роббинс сделал следующую свою ошибку, — оперевшись о гудящий после оглушительного разрыва череп Шишела, он, словно танкист крышку люка, откинул тяжелую дверь кабины и вылез под пули нападавших.

— Ты жив? — осведомился Шишел, когда он снова приложил его лбом о панель управления, на этот раз рухнув на него с потоками мало понятных местных ругательств. — Куда тебя?

— Бросайте оружие на дорогу! — крикнули сверху. — И выбирайтесь по одному. Без глупостей!

Роббинс отключился.

Шаленый, убедившись, что радиосигнал тревоги врублен, взгромоздился на рулевую колонку, матерясь, выкинул наружу свой табельный бластер и вместо белого флага помахал содранным с руки бинтом. Потом перевалил через нелепо задранный порожек и грохнулся на асфальт. Руки ему тут же скрутили за спиной, а самого поволокли вокруг кара. Тащили его двое — оба худые как щепки метисы. Третий — на обочине, с армейским разрядником — контролировал ситуацию. Четвертый присобачивал к задней двери сейфа-фургона взрывчатку. Этот явно был посторонним в этой компании, — должно быть, нанятый специалист по бронедверям. Он неприятно поморщился, когда один из конвоиров отодвинул его в сторону и ткнул Шишела носом в замок.

— Открой, — коротко приказал он.

— Чем? Носом? — зло осведомился Шишел.

Он блефовал — код замка был ему неизвестен, точно так же, как и Роббинсу. Им это не полагалось. Поэтому, когда его руки освободились от железного захвата — и кто бы мог заподозрить в худосочном типе, державшем его, такую силу, Шаленый стал руки растирать, стараясь выиграть время. Камень, доселе повернутый внутрь ладони, совершенно неожиданно для Шишела оказался развернут в белый свет. Полыхнул черным, злым пламенем. Воцарилась тишина.

Шишел недоуменно воззрился и на проклятую штуковину, и на своих конвоиров, которые остолбенело смотрели на странное украшение. Потом тот, что постарше, стал перед Шаленым на колени, а второй начал пятиться к обочине. Тот, что держал наготове разрядник, тоже начал пятиться — в лес. Только угрюмый взрывник снова занялся дверью.

Шишел не стал упускать момента, приложил коленопреклоненного гада кулаком в темя и подхватил его обрез. Оба метиса бросились бежать. Взрывник потянул из-за пояса «пушку».

Шишел выпустил вслед бегущим заряд картечи. Он пришелся пониже пояса зайцем несущемуся в чащобу бандиту — тому, что помладше, и придал ему ускорение, превысившее расчетное. Парень скакнул вперед лихим скоком, сшиб лбом здоровенный пенёк и сам прилег рядом.

Прикладом Шишел въехал ничего не понимающему и потому не слишком шустрому взрывнику в лоб, забрал его «пушку» и секунд пять созерцал поле боя, украшенное бесчувственными телами троих из пяти нападавших. Потом он повернулся к кару, посмотрел на красненькие цифры на индикаторе коробочки, притороченной к его задней двери, и, за шиворот рванув разлегшегося перед делом рук своих специалиста по дверям и взрывчатке, швырнул его вправо, сам же ласточкой — насколько его можно было сравнить с этой, в Малой Колонии не виданной, птицей — сиганул влево.

Секунды три над шоссе царила проникнутая жужжанием лесных насекомых тишина. В этой тишине Шишел неожиданно разобрал, что внутри фургончика кто-то отчаянно скребется и, кажется, взывает к помощи.

— Прячься, дурень!.. Ложись!.. — заорал он, и тут заряд на двери сработал.

Шишел снова оглох.

Потом поднялся на ноги и, шатаясь, подошел к развороченному тылу фургона. Оттуда ему навстречу, сжимая руками почти совершенно лысую голову, вывалился смахивающий — и в фас и в профиль — на попугая, побывавшего в пасти волкодава, по-дорожному одетый человек.

Прежде чем Шишел подхватил его, обитатель сейфа на колесах стал на четвереньки и, глядя на него снизу вверх, спросил его о чем-то, чего расслышать Шаленый никак не мог по причине вяло утихающего звона в ушах. Вместо ответа он помахал перед носом у пострадавшего своим служебным жетоном и попытался взгромоздиться на кабину кара: как-никак надо было оказать помощь проклятой бестолочи Роббинсу. Незнакомец из сейфа вцепился сзади в полы его куртки, пытаясь довести до его сознания что-то для него очень важное.

— Свяжи их, — проорал ему, словно глухонемому, Шишел, переваливаясь через порожек. — На вот, займись делом.... — Он сунул в цепляющиеся за него конечности только что реквизируемый у взломщика пистолет. — И не бойся стрелять. Лучше будет, если ты сядешь, чем ляжешь...

Из кабины он кинул чудика срезанный ремень безопасности и ремень от бластера Роббинса. Потом вытащил и самого Роббинса, привалил в тени под корпусом все еще устойчиво стоящего на боку кара и стал обрабатывать его пробитое в двух местах плечо. Перстень он залепил какой-то бактерицидной дрянью из того же пакета-аптечки, из которой вытащил ампулы с фиксатором и прочий инвентарь, потребный для починки или хотя бы удержания на плаву раненого напарника.

Слух медленно, но все-таки возвращался к нему.

— В-вот... Вот я — сделал это, — надрываясь, втолковывал ему лысый чудик.

Шишел на минуту оторвался от своего занятия и проверил, в каком состоянии пребывают выведенные им из строя нападавшие.

Как ни странно, чудик со своим заданием справился. Все еще пребывающие в нирване пленные были неумело, но надежно повязаны подручными средствами. Этаких узлов, что понакрутил им на щиколотках и сведенных за спиной локтях и запястьях тип из сейфа, Шаленый отродясь не видел. Топология не была сильной стороной полученного им образования.

— Эх ма! — с досадой крикнул Шишел, разглядывая лазоревые небеса. — Не торопятся суки эти — ни полиция, ни Роландов народец, ни «скорая» ихняя...

— Вы должны спасти меня, — довел до его сведения и без того уже один раз спасшийся

чудик. — Мы не можем дожидаться полиции... Как только ОНИ поймут... Вы должны...

— Эт когда ж задолжать-то успел? — цыкнул на него Шишел и засунул руки в карманы. Бластер торчал у него из-под мышки на манер банного веника.

— Я тебе не бог-господь, чтоб за пазуху упрятать. Коль хошь — беги спасайся сам куда глаза глядят, а у меня — служба. Я здесь ждать должен как пришитый... Да и друг у меня — вишь, медпомощи требует...

— Вам заплатят... — не унимался лысый. — Если вы поможете мне скрыться, вам очень много заплатят! Вы никогда не видели таких денег, какие вам за это заплатят!

— Ты мне истерику тут не гоняй! — сурово остановил его Шаленый. — А что до денег, так мы такие суммы видали и такие пропивали, которых тебе, лопух, в жизни не пропить!

В этом Шишел был, безусловно, прав — Самуэль Бирман алкоголя вообще не употреблял.

— Есть новости, — сообщил Остин, входя в кабинет. В одной руке он держал порядком помятую распечатку, в другой — пакет с бутербродами.

— Судя по вашему виду — не слишком радостные, — вздохнул федеральный следователь и с досадой бросил электрокарандаш поверх вороха бумаг, сваленных перед ним.

— В двадцать девятый околоток заявился некий Сол Митчелл, — Остин скопился на распечатку, — двадцати трех лет, имел приводы, замечен в употреблении наркотиков. Заработок случайный. За квартиру платят родители. Числится на третьем курсе Университета Полонски. Характеризуется как тип со странностями.

Клецки слушал, наклонив голову набок.

— Так вот, этот Митчелл сообщил, что его... э-э... подруга — Рут Биллисю — рассказала ему, что не далее как через примерно два — два с половиной часа после известных событий в башне Департамента науки на Северном терминале повстречала человека с Перстнем Сатаны на пальце. Из околотка связались с нами — меня не было, сообщение принял Донахью. Он заехал за парнем и с ним отправился за девицей — она у того дома отсиживалась и, видно, опасалась чего-то... Ну, на квартире Митчелла — это у Мэри-парка — не нашли сначала никого. До черта выпивки и окурков и — никаких девиц... Уже решили было, что Рут эта смылась, но Донахью — человек дотошный, стал заглядывать в шкафы..

— Труп? — осведомился Клецки. — У парня надежное алиби?

— Есть и алиби, есть и труп. Восемнадцать колотых ран. Донахью считает, что это напоминает... м-м... ритуальное убийство. Куда-то делась кровь — там должно было быть до черта крови... По времени получается, что Рут Биллисю кончали как раз, когда друг ее, Сол, делал заявление в околотке...

— Эта Рут...

— Гражданка Колонии. Афро-азиатского происхождения. Восемнадцать с небольшим. Имеет... имела срок условно за воровство в транспорте. Ее дружок, кстати, назвал ее напарницу, которая, собственно, первой и заметила Камушек. Того же поля ягодка — девица Клерибелл, кличка Пташка. Донахью отправился по ее душу.

— Если в этом хоть что-то есть... — Клецки поднялся из-за стола и уставился в пространство перед собой.

— ...то ничего хорошего в этом нет, — мрачно уточнил Остин. — Перстень Сатаны

снова на персте — к большой крови. Это вам каждый в Малой Колонии скажет. Фигуры с доски уже начали снимать...

Он подошел к пыльному алтарю-сувениру, снабженному тусклым зеркалом, похлопал по карманам, потом из ящика стола достал фляжку-флакон и налил жертвенные тринадцать капель виски в плошку перед Кан-дан-Кайном — Слепым Богом Первой Крови.

— Вы молитесь Пестрым Богам? — с любопытством осведомился у него Стивен.

— Не всерьез, конечно... — усмехнулся капитан, задумчиво закручивая фляжку. — Вот приметы этого типа — с Северного...

— Похоже на какие-то фантазии. Габариты... рожа... Только рогов не хватает.

— Тем не менее надо прозвонить и эту линию... — Остин, нахохлившись, присел на край стола. — Как, кстати, идет подготовка к выходу на профессора?

Клецки криво улыбнулся:

— Тут у нас завелись конкуренты. Госпожа Чанг, кажется, солидно готовится к тому, чтобы взять господина Мак-Аллистера измором. Кстати сказать, наш бесследно испарившийся друг Уолт сидит сейчас в ее кабинете на Чарли-стрит. Обнаглел вконец. К сожалению, не удастся наладить прослушивание.

— Надеюсь, вы не собираетесь немедленно заграбастать чудака? — осторожно спросил контрразведчик.

— Упаси Господь! — возмутился федеральный следователь. — Мистер Новиков выведет нас на Камушек, как пойнтер на дичь. И стойку еще сделает. Главное — молитесь, чтобы ему повезло.

Собственно, если бы голоса, что-то бубнившие в зарослях метрах в сорока от него, не норовили перейти на хриплый шепот, Клайд не проснулся бы так молниеносно. Но шепот — это знак опасности. Некоторое время он прислушивался к косноязычной ахинее, произносимой к тому же на дичайшем местном жаргоне, потом ухватил рюкзак и, взяв парализатор на изготовку, стал осторожно пробираться по направлению к говорившим.

Те — было их двое, — как назло окончив короткий привал, двинулись куда-то по невидимой тропе, изредка подсвечивая дорогу фонарями, которые держали низко над землей.

Клайд не спешил окликать их. Если перед ним по тропе шли туземцы, то его могли запросто принять за траппера. И, не разобравшись, прикончили. Окажись эти люди трапперами, ситуация была бы полностью симметричной. Да нет, пожалуй, еще похуже — трапперам от него понадобилось бы только лишь барахлишко. Но и бродить по здешним местам в одиночку было уж совсем не с руки. Правда, оказалось, что Северное полушарие куда плотнее населено, чем это могло показаться. Но случай мог не повториться еще неделю. Или год. Поэтому Клайд пытался уловить в скупых фразах, доносившихся до него, хоть что-то, что позволило бы принять окончательное решение. Довольно скоро он понял, что эти двое уж никак не туземцы. Слишком много он узнал оборотов речи, до боли знакомых по службе в Десантном легионе. Значит, судьба свела его с трапперами. Понять их тарабарщину в целом было, однако, трудновато.

Тропа меж тем круто пошла вниз, туда, где в полумраке поблескивала и всплескивала вода то ли речки, то ли озерца. Клайд не смог удержаться на глинистом склоне и с дьявольским треском стал сползать прямо сквозь заросли вслед своим более осторожным попутчикам. В тот же момент в глаза ему ударил свет сразу двух фонарей. Бросившись вбок,

он избежал выстрела, произведенного почти в упор тем из трапперов, что шел позади. Вместо того чтобы бить очередями, этот чудак стал шарить лучом по кустам. А из кустов раздалось короткое и очень твердое «Зум-м!» — и в лоб траппера вошел короткий металлический дротик. Клайд обалдел.

Но ненадолго, потому что второй траппер молниеносно вскинул перед собой тяжелый армейский бластер. И ничего не оставалось делать, как давить на спуск парализатора, широким веером посылая перед собой последние иглы из боевого комплекта. Две или три из них опередили движение ствола проклятой «пушки», но заставили рефлекторно сработать лежащий на спусковом крючке палец противника. Траппер навзничь рухнул вниз, в темную воду плеса, а заряд бластера прошел где-то слева и выше головы Клайда, дохнув ему в затылок жаром ушедшего в склон теплового удара. И тут же на него обрушился сверху невероятно тяжелый и вонючий мужик и стал буквально вдавливать физиономией в сочащуюся гнилой влагой почву. Еще пару дней назад Клайд довольно квалифицированно справился бы с такой атакой. Но теперь Капо-Квача доконало его.

Бирман с отчаянием смотрел на высящегося перед ним бородатого детину. Шаленый представлялся ему непреодолимой стеной, о которую предстояло расплющиться его далеко не заслуживающей этого голове. Громадный, на шатуна-гризли смахивающий тип уже стал разворачиваться к нему спиной, намереваясь заняться пребывающим в отключке здоровенным негром-напарником, когда Самуэля осенило.

— Послушайте, вы! — закричал он срывающимся голосом. — Постарайтесь понять, что я — единственный человек, который может найти Дьяволов Камень! Он сам ко мне придет — Камушек этот!.. Вам останется только взять его! Вы понимаете, сколько вам за него заплатят?

Реакция Шишела несколько превзошла его ожидания. Шаленый втянул голову в плечи, слегка ее скособочил и хмуро, но с большим проворством повернулся к Сэму:

— Чертов, говоришь, Камушек?.. Аль знаешь что про штучку эту?..

— Я про эту, как вы говорите, штучку знаю побольше, может, чем сам профессор Мак-Аллистер и вся его околонуучная братия! — Самуэль напыжился, чувствуя, что наживка заглочена.

Возможности посмотреть на себя со стороны у него не было.

Шаленый замешкался, дернул было руку из кармана, затем — другую, затем оперся о колесо контейнеровоза и на извлеченном из заднего кармана вдрызг смятом клочке бумаги нацарапал адрес — свой, который обычно не давал никому.

Потом рванул дверцу кабины грузовика и запустил движок.

— Садись, друг, и пили отсюда до девяностого километра. За рулем-то был когда? Автопилот врубишь? Остановить, где надо, сможешь?

— М-м-м... — озадаченно протянул Самуэль.

— Справишься. Значит, выскакивай на девяностом — и ходу через лес вправо. Там городская подземка начинается — последняя станция — «Брошенный квартал». И подземкой — вот по этому адресу. Я предупрежу кого надо. Приютят тебя и напоят-накормят. А там и я подспею. Только уж — уговор дороже денег. До моего прихода — никуда ни-ни...

Сэм прочитал записку и вернул Шишелу со словами: «Я запомнил. Лучше, если у меня не будет при себе ничего такого, что могло бы повредить вам».

— Забудешь ведь, сатана гороховая, али перепутаешь, — досадливо остерег его Шаленый.

— Я никогда еще не жаловаться на память! — с гордостью ответил Сэм и, срываясь на крутых ступеньках, полез в кабину электромастодонта, а Шишел по блоку поспешно связался с Бандурой. Дал очередной раз ничего не понимающему подручному ценные указания.

— Я не понимаю, — спросил Корявый Банджи, — ты приют открываешь на дому, что ли? Или просто приемник для придурков?

Шишел покрыл Ли матом и еле успел отомкнуть контейнер от модуля кабины. Модуль, освобожденный от влекомого им груза и двинутый неумелой рукой специалиста по структуре вакуума, скакнул вперед, свалил вековую, первыми колонистами, видно, посаженную сосну у обочины, развернулся, чуть не своротив на боку стоящий сейф-кар, и умчался по дороге, слава богу, в нужном направлении.

Шаленый снова присел на корточки перед Роббинсом. Достал из индивидуального пакета разовый шприц, заряженный зельем, рассчитанным на самый крайний случай. Сосчитат про себя до тридцати трех и вколол «биоэлеватор» норовящему «уйти» напарнику. Глаза того наконец приоткрылись. Взгляд их был мутен.

— Ну, ты как? — участливо спросил Шишел. — Ты не бойсь — сейчас здесь народу будет до этой матери. Пропасть не дадут. Слышь, — он указал в небо, — скворчит. «Скорая» торопится... Или Роландова команда...

— Ч-черта с два, — выплевывая кровь изо рта, сказал Роббинс. — Дождешься ты тут этих сволочей... Похоронная тут будет скорее... А стервятники — и того раньше...

Он был по-своему прав — с неба на них, сверкая эмблемой студии, опускался вертолет телехроники.

Клайду на несколько секунд показалось, что мир поплыл куда-то наискосок и оставил его наедине со звенящей пустотой, а потом он понял, что лежит крепко, хотя и неумело связанный чем-то типа ремня и, свернув шею набок, с тупым удивлением смотрит, как здоровенный, в какие-то лохмотья одетый рыжебородый детина, закинув за плечо металлический то ли лук, то ли арбалет, орудует над лежащим в воде траппером, отсаживая тому громадным тесаком голову. У того из трапперов, что получил стрелу в лоб, голова уже отсутствовала — ее, не забыв извлечь дротик, укладывал в котомку второй детина — на вид постарше. Одновременно он косил налитым кровью глазом на пленника. Некоторым облегчением для Клайда было то, что кто-то успел стащить с него проклятые бахилы.

— Кончай своего придурка и пошли отсюда! — закончив свое дело, окликнул его рыжебородый.

— Ты не командуй, Донни, — отозвался старший. — Парень не из этой банды...

— У него на лбу не написано... — заметил Донни, обтирая тесак пучком травы. — Он ведь с ними шел... У тебя, Уилли, вечно проблемы...

И принялся стаскивать с покойников сапоги.

— Так ведь он же в них и палил... — резонно заметил Уилли. — Как раз, кстати, пока ты возился со стрелой. Если бы не он, нам всем троим быть бы покойниками. У той сволочи бластер на противотанковую мощность выставлен. А у этого пентюха и пукалка слабовата, — он подкинул в руке типовой парализатор, отнятый у Клайда, — и вообще, он здесь чужой. Обувка — смех один, — ноги-то вдрызг расквасил... Посмотри-ка на его барахлишко... Кстати, о барахле...

Клайд предпочитал хранить молчание. Уилли наклонился над ним и, бесцеремонно переворачивая с боку на бок, стал обыскивать его карманы.

— Вот, — продолжил он. — Удостоверение... Без терминала из него, конечно, ни хрена не высосешь, но вот тут вот фамилия... Ван-Дейл какой-то... Х-хе — артист... И о военной службе — четыре года в Легионе... Гм, гм... Два ранения...

— Я же говорил, что он из этих сволочей, — уверенно бросил Донни.

— Легион — это дело двусмысленное... У нас в нем многие оттрубили... Если парень не траппер, то надо действовать по Указу — отведешь его в строевую, а там старшина разберется после выяснения личности: может, в охрану поставит, может, на Котлован определит. А может, его за Чертой на что путевое поменяют...

— Хорошие у тебя идейки, Уилли. У нас до хрена указов-то, а в строевую мне этого чудилу аж до утра гнать. А у меня и так ноги отваливаются...

Глаза Уилли еще больше налились кровью, и тон его перешел в иной регистр:

— Ты что-то очень много рассуждать стал за последнее время, Донни, — может, на запчасти тебя пора?

Донни скис.

— Вот что. Сейчас распутаешь чудачу ноги и живым-здоровым доставишь в строевую, что на Белом озере. Под расписку. И чтобы никаких разговоров о попытках к бегству. За неисполнение Указа пойдешь... Только заживо и только под расписку... Сапоги наденешь трофейные — вот те, как раз по тебе будут, они и поновее — свои напялишь на чудача. Временно. Иначе его ногам — кранты. А то и вообще подцепит гангрену и загнется — смотри, взыщу...

Уилли откашлялся и добавил уже не так круто:

— За перевалом можешь перекемарить до утра. И чудача этого покорми. В расположение отряда можешь до полудня не возвращаться. Разрешаю.

— Ну ты меня просто осчастливил, Уилли, — досадливо заметил рыжебородый Донни.

Затем склонился над Клайдом, размотал накрученный вокруг его ноги ремень и лениво пнул пленника:

— Поднимайся, чудик. Пошли. Как там тебя зовут-то?

— Итак, Мак-Аллистера с компанией ты твердо решила взять на себя, Энни? — спросил Уолт.

— Считаю, что уже взяла. Таймер включен. Никуда господин профессор от нас не денется...

— Но ты сама говорила, что рыться в делах этих господ — дело небезопасное...

— Когда вы ловите этих людей за фалды у подъезда и вымаливаете у них пару слов для своего листка, это дело и впрямь глупое и вредное — так подставляются только полные идиоты. Но господину профессору придется отвечать на очень неприятные вопросы на заседании парламентской комиссии...

— Ого! Как это тебе удалось, Энни?

— Просто ты крутишься среди народа, который снаряжает экспедиции на Северный бугор, мне же приходится гробить свою молодость на коктейлях, которые старые перечницы из Сената устраивают для прессы. И если бы только молодость, печень — тоже. Так вот: среди этого народа созрели весьма людоедские настроения в связи с предстоящими выборами. Кого-то им надо съесть. Я — и не одна я — сейчас расхваливаю перед

полудюжиной таких питекантропов кулинарные качества руководителя программы «Мессенджер» — нашего с вами друга Ронни.

— Так господина профессора зовут Рональдом?

— Пора бы было знать... А вечером я и еще двое, сподобившихся благодати, в студии девятого канала беседуем с самим их светлостью Апостопулосом. Этот тип всерьез надеется вытряхнуть из «Гэлэкси иншуранс» страховку за Камушек. И безусловно, подкинет хорошего хворосту в тот костер, на котором их вместе с уважаемым профессором будет поджаривать парламентская комиссия. Вот, кстати, полюбуйся...

Она кивнула на экран одного из мониторов, громоздившихся по углам ее кабинета. С экрана Картавий Спиро вещал нечто о гарантиях, которых честный финансист вправе ожидать от региональных и федеральных структур.

— Разумеется, — рассеянно прислушиваясь к пассажирам речи интервьюируемого, заметила Энни, — доказать, что Камень — это попросту элементарная краденая вещица, не удастся. Но каждый получит свое: мы — информацию, Спиро — рекламу, Мак-Аллистер — известность, пусть скандальную...

— Смотри-ка, — Уолт кивнул на монитор, на экране которого сменился сюжет. Глаза его округлились.

— Туман окружает происшедшее сегодня в шестнадцать часов на перекрестке третьей окружной и двадцать восьмого национального шоссе. Компания «Межбанковских перевозок Роланда» хранит молчание как о своем клиенте, так и том грузе, который этот клиент поручил перевезти в подвергшемся разбойному нападению бронированном фургоне, — сообщил зрителям старина Перес голосом из-за кадра. — С уверенностью можно утверждать только одно — к моменту прибытия нашей репортерской группы к месту происшествия этот сейф о шести колесах был пуст, как гнилой орех. О судьбе содержимого этой стальной коробки в четыре кубических метра объемом, замок которой был взорван зарядом направленного действия, остается только догадываться. По крайней мере, один из преступников покинул место происшествия на двигательном модуле контейнеровоза, которым нападавшие неожиданно преградили путь кару «Межбанковских перевозок». Модуль найден в окрестностях города, в районе «Брошенного квартала», взорванным и сожженным. Однако троим его сообщникам повезло меньше. Несмотря на то что в первые же секунды нападения один из сопровождавших фургон сотрудников фирмы Роланда получил тяжелое ранение, второй охранник — Димитри Шмонов — героически принял на себя нападение пяти или шести бандитов, трое из которых остались на поле боя и пришли в сознание только тогда, когда по их душу, с опозданием не менее чем в четверть часа, явились доблестные чины полиции, а остальные предпочли спастись бегством.

Энни наконец сориентировалась и впиалась глазами в экран.

— Скажите, господин Шмонов... — сунулся к свирепого вида мужику, прижатому тремя репортерами и полудюжиной детективов к колесам стоящего на боку фургона, репортер с микрофоном-удилищем.

— Ничего я тебе не скажу, зараза, — Шаленый (это для Роланда и компании был он Шмоновым) зло зыркнул на приставшего к нему Фицроя из «Горячей линии».

И добавил нечто, что автокорректор заменил мелодичным попискиванием.

— Ты прав, — сказала Энни, хотя Уолт хранил молчание. — Это он.

— Кажется, я знаю, на какой козе к нему можно подъехать... — задумчиво молвил Уолт.

Глава 5

БОГ НЕУДАЧ

— Не понял я ни... К чему нам отсюда на ночь глядя к чертям на кулички устегивать?! Ты, Шишел, часом не горячку порешь?

Бандура отнял от уха трубку, из которой доносились перекаты многоэтажной лексики его старшего партнера, и с удивлением посмотрел на нее. Потом снова попробовал добиться от Шишела хоть какой-то ясности.

— Сначала ты нас всех собираешь у себя под крышей, — сказал он, — и жизнь превращается в настоящий дурдом... Потом ты хочешь, чтобы дурдом этот мигом до загороду подался... Дык... Да, да, явился твой друг не запылится — только в копоти весь и подранный... Нет, не говорит ничего — сидит да пишет чего-то... Да. Я все понял... Да, найду, где записан адрес... Добре, добре...

Совсем не будучи уверен, что все будет «добре», Шишел посоветовал Бандуре смотреть хоть изредка телевизор и погнал машину уже не к привычному Бирнамскому парку, о котором теперь следовало позабыть надолго, а к резервному своему убежищу — купленному на чужое имя дому в лесах, к северу от Столицы, — почти без удобств, но зато ужасно древнему — еще в период Первых Высадок построенному и, похоже, с тех пор ни разу не ремонтировавшемуся.

Он не сразу обратил внимание на огонек светодиода у надписи «Полученные сообщения» на блоке связи, который уже собрался запихивать в бардачок. Когда же он вывел на дисплей текст, пришедший из эфира десять минут назад, ему пришлось остановить «ситроен» тут же, у обочины.

«ЕСТЬ О ЧЕМ ПОГОВОРИТЬ, — гласило сообщение. — КАМЕН АКТИВАТОР. «ДЖЕВЕЛРИ ТРЭЙДС». С 20.00 ДО 23.00 ЖДУ ВАС Н СУРАБАЙЯ, ВЫ ЗНАЕТЕ ГДЕ. УОЛТ НОВИКОВ»

«Началось», — зло подумал Шаленый.

Он успел заехать в гараж Гарпа — за старым, верным «горби», хотя, судя по всему, в конспирацию играть уже не стоило. Не то чтобы имя и портрет Шишела стали предметом особо скандальной известности — нет, однако — он был в этом уверен — все заинтересованные лица уже сподобились узнать его в коротком сюжете телехроники. Тому, кто не видел сам, холуи доложили — нет сомнений. Узнать вслед за этим его адрес и номер абонента в информационной сети было делом несложным.

С другой стороны, вряд ли ему успели привесить «хвост», и нарываться на приключения не стоило.

На Сурабайя Шишел приехал загодя и, выполняя условия пэйджерной записки, поставил кар точно на то место, где он стоял в ТОТ вечер. Тому, что место это стало кому-то известно, он не удивлялся: обстоятельства ограбления «Джевелри трэйдс» относительно оживленно обсуждались на третьих-четвертых страницах изданий, любящих покопаться в полицейской хронике, да и остатки желтой ленты полицейского ограждения еще болтались по краям щели, ведущей к мусоропроводам «Расмус билдинга». Этот вполне остывший след

и полиция и пресса взяли шустро и без малейшего толку. Другое дело, как кто-то вышел на него — Шишела... Впрочем, чего гадать — скоро само собой прояснится...

А если не считать ключев желтой ленты, ничего не изменилось на Сурабайя-стрит...

Все повторялось. И патрульный «козел» как назло торчал у поребрика — наискосок через улицу. И унылый коп кемарил за его рулевой колонкой. И с неизбежностью появления кукушки из нутра ходиков из пиццерии Каштоянца вышел второй коп, груженный пакетами со снедью, и своим выходом погасил вывеску забегаловки — на Сурабайя закрывали рано. И окурок, вылетевший из окна полицейского кара, рубиновым огоньком запрыгал у самых колес Шишелова «горби»... Выполнив уготованную ему судьбой последовательность действий, патруль убыл восвояси. Как и ТОГДА. Оставалось ждать придурка с самодельным объявлением. Но тут сценарий заклинило.

Вместо давешнего дурня на место действия прибыл второй участник переговоров.

Уолт остановил свой, взятый напрокат, кар напротив ведущего к Гранд-Театрал ущелья и стал обозревать театр военных действий. Потертый «горби» у противоположной обочины не сразу привлек его внимание. И только когда в кабине кара-недоноска зажглась еле заметная подсветка приборной доски, inferнальным, снизу направленным рубиновым мерцанием означив бородатую физиономию громилы за рулем, Новиков понял: встреча состоялась.

Он осторожно двинул свой «форд», разворачивая его к противоположной стороне узкой Сурабайя-стрит.

— Ей-богу, не ожидал такого альянса — пробормотал достаточно отчетливо себе под нос капитан Остин, не спуская глаз с таинственно мерцающего монитора.

— Благодарите за такой быстрый результат здешнее ТВ, — сухо прокомментировал изображение федеральный следователь. — Без этого один наш персонаж искал бы другого до...

— Увы, боюсь, что мы должны благодарить за это не одно только ТВ. — Капитан Остин откинулся в кресле. — События, знаете ли, утратили свою случайность. Коль скоро дело касается Дьяволова Камня, ничего случайного не бывает.

— Вы уверены, что дело заключается именно в... — спросил Клецки.

И прервался. Экран не врал: из окошка «горби» Дмитрий Шаленый показывал своему партнеру волосатый безымянный палец правой руки. Это вовсе не было символическим жестом. Палец украшал Чертов Камушек.

Звука на мониторе по-прежнему не было.

— Зафиксируйте изображение получше, — попросил федеральный следователь. — Я не вижу, что ему показывает партнер. И ничего не слышу, черт бы побрал вашу технику...

Но его партнер молчал как громом пораженный.

— Теперь вы выкладываете ваше дело, мистер, — не повышая голоса, продолжил Шишел.

— Вы должны были помнить то, что вам сказал господин Мелканян... Однажды ночью, в госпитале. С глазу на глаз.

— А вы, мистер, видать, под койкой об ту пору сидели, что так все про то знаете?

— Если быть точным — я находился за стендом с мониторами и прочей машинерией, подключенной к нашему клиенту... Не знаете, кстати, как он теперь поживает?

— Если на что намекаете, мистер, так я того не понял, — с раздражением прогудел Шишел. — Говорят, в бегах состоит, коз-з-зел проклятый... Давайте лучше по делу...

— Прежде всего, как вы поняли, наверное, из того, что старик лепетал тогда, вам нужен активатор. Чтобы избавиться от этого вашего приобретения... Во флаконе...

— Вот этого старик не говорил. Сказал только, что чего-то такого не смогу я без активатора этого... А про флакон говорил — это точно.

— Я думаю, что флакон-то этот у меня. Так вам он, выходит, не нужен? — Уолт с чуть наигранным интересом воззрился на собеседника.

Последовала длительная и тяжелая пауза. Потом Шаленый с большим ядом в голосе осведомился:

— Это вы думаете, мистер, или знаете? Или просто мне хурду-бурду какую сбагрить желаете? И денежки загребете, да еще и траванете к хренам собачьим — это как получается, а?

— Ну прежде всего о деньгах. — Уолт старался говорить как можно убедительнее. — От вас лично мне не нужно и цента... Нет, и о самом Камне речь не идет. Мне он вовсе не нужен...

— Вот и мне не больно-то он сдался, — признал Шаленый. — Какое, мистер, совпадение вышло... Итак, не нужно тебе, мистер, от меня ни Камушка, ни денег... Так и хрена же тебе тогда от меня надо?

— Поясняю, — кротко сказал Уолт. — Вы, я вижу, обо мне справок навести не успели...

— Да сподобился кое-что из общей сети выковырять...

Шаленый вытащил на свет божий в восемь раз сложенную распечатку и, помусолив палец, не без труда нашел нужное место.

— Берем их сразу и без фокусов. — Федеральный следователь потянулся к клавише коммутатора.

— Я бы не советовал так торопиться... — Капитан Остин нервно побарабанил пальцами по полированной крышке стола. — Резкие движения в делах с Камнем противопоказаны... Тем более если за этим стоит Мак-Аллистер... Теперь они у нас под колпаком, и я бы предложил хоть сутки проследить за действиями этого типа с бородой. Может быть, придется отпасовать дело наверх — им там виднее, когда пускать в дело спецназ, а когда лучше и поторговаться. Кстати — вот данные идентификации того бородача из «горби».

Некоторое время Стивен изучал протянутый ему сошедший с принтера листок.

— Здесь означены двое... — задумчиво констатировал он. — Личики похожие... Думаю...

— Если вы думаете, что эти двое — одно и то же лицо, так, по-моему, вы не ошибаетесь, следователь, — заметил капитан, не сводя глаз с экрана. — Димитри Шмонов и Димитрий Шаленый... Этому...э-э... чучелу удалось здорово обвести вокруг пальца контору Роланда...

— Ну что ж, я лично ввожу в действие всю свою опер-группу... — жестко сказал Стивен. — Насчет связи этого уголовника с группой дорогого профессора — вы правильно заметили. Надо доказать контакт между этими... м-м... фигурами. Тогда...

— Тогда мы сможем узнать, что же такое настоящие неприятности, следователь. Если

не будем достаточно аккуратны... Вообще, если вы и раскрутите что-то в этом направлении, пусть это останется вашей лично заслугой. Вас в худшем случае переведут с понижением в другой конец Галактики, а мне еще жить здесь... Своих людей я, естественно, тоже ввожу в дело...

— Теперь вы поняли, что я — журналист и тем и зарабатываю на жизнь, что раскручиваю такие вот истории вроде вашей...

— И много их у вас приходится на квартал — таких вот историй? Вроде моей...

— Таких, как ваша, если и случится одна за всю жизнь, так считайте это необыкновенным везением... На это я и бью...

— Так вы что — мемуары мои получить хотите или как?..

Вид Шаленого явно свидетельствовал о его полном незнании способов заработать на жизнь литературным трудом.

— Это тоже. Вы со мной подпишете договор. На эксклюзивные права издания ваших интервью и воспоминаний...

— Это после того, как меня за решетку вопрут, или как?

— На любой случай жизни. Кстати, если вы умело повернете дело, то за решетку вас сажать никто не станет... А если станут — то не вас... Однако слушайте меня дальше: ваша задача сейчас — избавиться от Камня. Неужели вам мешает человек вроде меня — такой, который, находясь на легальном вполне положении, вам поможет — и с людьми нужными сойтись, и информацию нужную найти?..

— Вы, мистер, или полиции меня сдать желаете, или сами против закона идете... — нахмурился Шишел.

— А за что я должен сдать вас полиции? — искренне поразился Уолт. — Я же ведь при том не присутствовал, когда вы Дьявол Камень нашли. Сейчас я вам просто помогаю в вашем искреннем стремлении Камень вернуть его законному владельцу. А уж как он к вам попал — я думаю, у вас ума хватит, чтобы... э-э... вспомнить вполне законную версию... Я думаю, у господина Мелканяна не будет к вам претензий...

— Гладко стелете, мистер... Да только чего же это я сразу не снес проклятую побрякушку куда надо, а таскаюсь с ней как с писаной торбой по всему городу?

— К тем, кто, как говорится, воздел Скрижаль Дурной Вести на перст, подход будет особый, поверьте... Сыграйте на этом — а я уж, как смогу, подыграю. Ну не знали вы, с чем столкнулись, — не обязаны были знать... Человек вы в Колонии новый, сказками не интересуетесь... Почему бы вам и не нацепить было колечко — вот так, для пробы? Давайте берите меня в дело — деньги я сам на этой истории заработаю, а вам без помощников не обойтись — поверьте... Теперь о том, что я вам в качестве активатора даю... Пузырек у меня — от Мелканяна. Только он — не в курсе... За последние сутки я навел об этой штуке кое-какие справки... У вас есть возможность убедиться в подлинности этого состава...

— Вот что, мистер... — прервал его Шишел. — Хотите в деле побыть — пересаживайтесь ко мне в тачку. Только из себя святого не корчите — раз у старого армяшки пузыречек стибрили, значит, у самого пальчики в дерьме, рыльце — в пушку. Скажете, где ваше зелье припрятано, посидите у меня — в гостях, так сказать, — а я тем временем и разберусь, что за отраву вы мне даете и как дальше будем быть. Хочешь на этом деле заработать — придется рисковать. Только имей в виду: мокрухи за мной сроду не было, и не приведи Господи, если ты меня в такое дело втравишь... Говори, куда ехать...

— Имейте в виду: я все данные по делу — куда и зачем подался — оставил у надежных людей, — уведомил его Уолт, с трудом уместаясь в кабинке «горби». — Так что...

Потом, несколько неожиданно для самого себя, вытащил из внутреннего кармана флакон и протянул его Шишелу.

— Ну вы и даете, мистер!.. — покрутив головой, сказал тот.

— Зовите меня Уолт, — несколько раздраженно посоветовал Новиков.

— Боже, куда они двинулись? — спросил сам, себя, верно, капитан Остин. — Не нравится мне это...

— Вы сами настояли на том, чтобы повременить с арестом, — упрекнул его Стивен. — Но уйти от нас они в городе не смогут. Главное, чтобы не перебили друг друга...

— Они дуют на Северное, — доложили по селектору. — В направлении от Центра.

— Ну а там им и вообще от наблюдения деться некуда, — уверенно заметил Стивен.

— На шоссе, — уточнил капитан Остин. — Только на шоссе. Там за городом пойдет чащоба — лес он и есть лес...

— Иди за мной и не отставай, — за без малого час пути Шишел перешел-таки в разговоре с Уолтом на «ты». — Путевого подъезда здесь нет...

За сотню метров от своего утонувшего в буреломе «шато» Шишел достал свой блок и вызвал Банджи. Ответа не последовало. Ему это здорово не понравилось. Все-таки никогда его не обманывало «шестое чувство» — даже в кромешной тьме окружавшие их буераки были вовсе не теми буераками, к которым он привык. Кто-то побывал здесь.

Помянув черта и велев Уолту ждать, пока он ему не просигналит из окна фонарем, Шаленый сосчитал про себя до двадцати трех, нырнул в овражек, чуть подсвечивая себе охотничьим фонарем, — благо догадался взять, вылезая из кара, — с трудом отыскал в зарослях перекошенные створки люка угольного погреба. Когда-то в «шато» топили каминны...

Уолт остался в кромешной тьме и полном недоумении. К тому же небеса Малой Колонии, словно вспомнив свой позабытый было долг, разразились дождем. Ночным, проливным...

К тому моменту, когда Уолт уже проклял себя — дурака, которого просто провели вокруг пальца, в окне первого этажа наконец вспыхнул долгожданный фонарь: та — та — та-та-та...

Гарика они нашли на чердаке. Живого, но избитого, как бывает избит только профессиональный шулер, что было в общем-то характерно для него, но не слишком характерно для ситуации. Шишел решил первоначально, что толку от Гарика уже никакого, — парень окончательно сбрендил со страху. И в самом деле, первые пять-шесть минут тот был совершенно невменяем и только шарахался ото всех, стремясь сгруппироваться где-нибудь в углу. Однако, когда Шаленый преуспел в оказании ему срочной психиатрической помощи — разжал рукояткой ложки зубы и влил в рот полстакана бренди, Трюкач оклемался и довольно связно объяснил, что на закате — в каком часу именно, он не может сказать точно — через окна второго этажа внезапно в дом вломились человек шесть типов вида довольно странного.

— У меня чувство такое было, что наркота какая-то или, ну, словом, как чего нанюхавшийся народ. — Тут он испуганно посмотрел на Шаленого, словно хотел добавить

что-то еще, но сглотнул слюну и продолжил по делу: его — Гарика — отрезали от остальных — здесь вот, на чердаке этом, и отделали, сами видите как, а Банджи с чудачком этим, которого Шишел прислал, — они, наоборот, в гараже забаррикадировались... — И Банджи из шпалера сперва отстреливался, двух, по-моему, положил... А потом — гляжу: тащат их к дороге куда-то. Чудик твой своим ходом шел, а тех двоих и Бандуру волоком волокли, — может, тоже готового уже... А я... Вот свело всего и дрожь бьет... И встать не могу — до телефона дошкандыбать... Вот такие вот дела... — Гарик как воду допил оставшееся во фляжке бренди, пощелкал в воздухе пальцами, выразительно глядя на Уолта, и извлек таким образом из воздуха сначала его, Уолта Новикова, просроченный охотничий билет, потом, естественно, льготный жетон на пиво, под конец зажигалку — тоже Уолта, пробормотал: «Извините, я воспользуюсь... мою — вдребезги...» — и заковылял куда-то в угол, в темноту. Там со стуком зашуршал чем-то и зачем-то затеплил еле заметный огонек. Снова испуганно зыркнул на Шаленого.

Тот подошел к нему.

Не без удивления Шишел понял, что Трюкач стоял на коленях перед уродливым, на черта похожим, исцарапанным камнем, в который был вставлен кусочек потрескавшегося зеркала. В руке он держал зажженную с одного конца, в жгут скрученную бумажку в сотню баксов. Этим огоньком он коптил рожу каменного дьяволенка.

Трюкач приносил жертву Туу-тин-Тии — Верному Богу Неудач...

Шишел тихо кашлянул.

Гарик бросил на пол догорающие остатки купюры и ухватился за отвороты его куртки словно черт за грешную душу.

— Т-ты д-должен... знать, — зашипел он. — Т-только — ни-ко-му... Ни-ко-му — что от меня...

— Не томи душу... — не очень ласково посоветовал ему Шишел.

— Эти, что п-пришли з-за твоим чудачком... Чтобы т-тебе на них выйти... Надо п-потрогать Папу... К-каттарузу... Они — от Ч-черной Церкви... Ты — человек нездешний, а я сразу п-понял. Я, когда они меня мутузить пошли — сразу бух на колени и начал молитву лопотать — ихнюю... Здесь многие знают... Здесь этой молитвой д-детей пугают... Ну — они меня и не стали... добивать... Они же как зомби наполовину... Постояли, послушали и ушли...

— Ну а Папа Джанфранко здесь при чем? — резонно спросил Шишел.

— Да при том — ты не здешний, таких вещей не знаешь — он у них там, в Сером Круге... Хвосты заносит, одним словом... Так он про это все — могила. Но ты — можешь... Папа тебя боится. Как черт л-ладана. Он что-нибудь про это з-знает. Или узнает, если ты, Шишел, его п-потрога-ешь... за я-я...

— Я знаю, за что надо трогать Папу Джанфранко, — мрачно остановил его Шишел. — Вот что, забираем монетки — и ходу отседа!

Проводка была оборвана, и при свете фонарей они пошвыряли в сумки кое-что из того, что могло сгодиться в дороге. В последний момент Шишел передумал использовать свой «горби» — да и не влезли бы они в него втроем с багажом. Конспирация вообще была его пунктиком. Опять спустились в подвал и специально для таких вот историй открытой траншеей отошли к реке, где у запасливого Шишела в окопчике под брезентом и лесным спадом захоронена была байдарка.

— У тебя, журналист, как, «запасной аэродром» есть? — осведомился Шаленый, когда

течение тихо повлекло заливаемую дождем лодчонку, почти до борта уходящую в воду под грузом троих пассажиров, вдоль темной громады берега — к городу.

Уолт призадумался.

— Я не хочу открещиваться от ответственности. — Следователь Клецки взял капитана Остина под руку и отвел его немного в сторону от компании орудующих видеокамерами и причиндалами для снятия отпечатков экспертов-криминалистов. — Но идея с затяжной слежкой за этой компанией была не самой удачной. То, как мы их прошляпили в этом домике, — просто хрестоматийный случай.

В гараже все еще кисло пахло порохом, но запах дождя и мокрой хвои, ползущий снаружи — из пропавшего в дожде леса, уже почти вытеснил его. Остин поддел ногой валяющуюся на полу гильзу.

— Зато имеем хорошо выраженный след преступления. Если бы эти двое нас сюда не привели — черта с два мы бы узнали, что в этом, как вы говорите, домике кого-то пристукнули и кого-то похитили... — несколько вяло парировал он. — Ясно только одно — все это произошло гораздо раньше, чем сюда прибыли наши подопечные.

— Раскладка примерно такова, — прикинул Стивен, присаживаясь на, кажется, уже обработанный экспертами подоконник. — Раненых или убитых — четверо. Нападавших было не менее пяти человек. Подвергшихся нападению — не менее двух.

— Это, как я понимаю, — по следам, отпечаткам и группам крови... Кстати, о крови — ничего специфического? — контрразведчик внимательно взглянул на Стивена.

— Пока не знаю... Детальная экспертиза раньше завтрашнего, нет, извините, раньше сегодняшнего уже полудня не поспеет...

Фай разбудил Папу Джанфранко явно очень рано. Во всяком случае, ночной дождь еще и не думал стихать за окнами.

— Насколько я помню, — парировал он малоприятное рычание, которым Каттаруза заменил «алло», — вы, шеф, желали видеть Шишела в любое время дня и ночи? Так вот...

— Где и когда? — резко перешел Папа к делу.

То, что Шишел появится (если соизволит это сделать) в самое неудобное время и в самом неудобном месте, он уже давно чуял печенкой.

— У вашего подъезда. В машине. Подниматься отказывается. Говорит, что вам стоит спуститься к нему... Прокатиться.

Папа помолчал. Приходилось идти на унижение. Сам виноват — допустил прокол, не подчистил пару людишек вроде Трюкача, — теперь изволь хлебать дерьмо галошей...

— Я спущусь минут этак через десять. Пусть подождет, остынет. Сам будь там. И людей подготовь — только без глупостей. И без ненужной инициативы.

Он задумчиво покрутил телефонную трубку, извергающую заверения Адриатики в том, что подстраховка будет осуществлена в лучшем виде и, не дослушав до конца, положил ее на рычажок. Вытащил из тумбочки у изголовья плоский пистолет, точно так же задумчиво покрутил перед носом и положил на место.

— Садитесь! — Шаленый изнутри открыл дверцу тяжелой антикварной машины.

Нахальный азиат за рулем и не подумал выскакивать под дождь — водитель «роллса» не лакей, — но улыбнулся крайне дружелюбно. Фай услужливо придерживал над Папой зонтик,

молчаливый громила держал зонт над Фаем.

— Мы прокатимся с господином Шишелом, — величественно произнес Папа. — Не мешайте нам. Я думаю, не более чем через час... — ведь наш разговор не затянется дольше, Шишел? — не более чем через час ожидайте меня на этом же месте...

«Роллс» бесшумно отчалил в темноту.

— Вы уверены, что этот японец... — начал разговор Каттаруза, кивнув на видневшуюся за толстым стеклом отсека водителя черную как смоль макушку.

— Чукча это, — поправил его Шаленый. — В чужие дела носа не сует. Давненько знакомы... Селектор я вырубил. Ты мне лучше вот что скажи — нервишки-то у тебя как?

— Послушайте, Шишел, если у вас есть претензии ко мне в связи с этой историей с товаром Шиндлера...

На секунду Шишел онемел.

«Вот уж и вправду электрон, ядрена вошь, так же неисчерпаем, как атом... — подумал Шишел. — Что ни день, так что-нибудь новенькое о человеке узнаешь...» Довольно неприятный момент своей жизни в Малой Колонии, связанный с потерей чуть ли не всей его личности, Шишел никак не связывал с делами Папы Джанфранко.

— В этом случае вам было бы полезно проявить интерес к той роли, которую сыграл в этом деле небезызвестный вам Маноло Карнеги...

На сей раз реакция Шаленого была молниеносной.

— Так это ты с Сапожником на пару меня оставил на ветру с голой задницей?! — с яростью в голосе, достойной греческой трагедии, осведомился он.

— Давайте не будем разыгрывать спектакль с первого действия, Шишел... Перейдем сразу к аплодисментам. Согласен — с вами обошлись не лучшим образом. Есть о чем поторговаться. Давайте ваши условия...

Снова наступила минутная пауза.

— Так я спрашиваю — нервишки-то как у тебя, Папочка?.. Сердечко?.. Не шалят?

— Ближе к делу, прошу вас.

— Ну так вот, смотрите сюда. — Шишел взглядом показал на свои колени, на которых были, словно ладошки примерного ученика, сложены его громадные лапищи. Потом осторожно, чтобы только собеседник видел, повернул одну из них ладонью вверх. Мозги Папы Джанфранко словно ложечкой взболтали.

— Ну, берем товар, Папаша? — осведомился Шишел, искоса глядя на сделавшийся абсолютно неподвижным медальный профиль Каподи Тутти Капи. — Для вас скидка. Принимая во внимание необыкновенные заслуги...

— Вы понимаете, что ЭТО значит? — ставшим бесцветным голосом спросил Каттаруза. — Зачем вы...

— Долго рассказывать... — мрачно прервал его Шишел. — Сам понимаешь, что чем быстрее от штуkenции этой я избавлюсь, тем всем нам лучше будет. Как она, окаянная, с пальца моего слезет — продаю тебе и возьму недорого. Если подсобишь мне в этом деле чуток...

Каттаруза посмотрел на него как на сумасшедшего, помолчал и потом спросил слегка охрипшим голосом:

— Какая вам нужна помощь и какая будет цена?

— Помощь мне такая нужна, что придется тебе, друг мой, про то вспомнить, какому ты

богу молишься.

— При чем тут...

В глазах Каттарузы мелькнуло нечто тревожное...

— Везет тебе, папаша: нравы у вас тут на Малой Колонии мягкие. А то вот на Сендерелле где-нибудь за бесовщину-то могут и голову набок свернуть.

— Ну что же, вижу, вы и в этом вопросе осведомлены, — Каттаруза поморщился, — выше среднего... Но какое отношение имеет это к вашим... проблемам? Вы рассчитываете на помощь Черной Церкви?

— Да уж помогла она мне. Так уж помогла, что чуть ноги на макушке узелком не завязались. Налетик этим вечером твои друзья устроили. На мой домик. На мой, заметь, хитрый домик. Который никому ровным счетом не мешал.

А не далее как вчера поутру, сдается мне, они же еще и на шоссе похулиганили.

— Это нехорошо, что у вас возникли проблемы с этими джентльменами... Как я понимаю, вы хотели бы, чтобы я устроил вам разговор на нейтральной территории?..

— Не хрена мне с ними особые разговоры разговаривать... Так вот, гостей они моих с собой забрали... Двоих... Одного ты хорошо знаешь — Корявый Банджи вы его тут называете...

— О боже, зачем им сдался Бандура?

— Это уж ты, Папа, не меня спрашивай. А второго я еще и сам толком не просек, но, по всему видно — нужный для этих вот дел, — Шишел пошевелил окольцованным пальцем, — человек. Так вот, мне, понимаешь, желательно, чтобы ничего плохого с гостями моими не приключилось — это во-первых. И чтоб сегодня же знать, где мне этих людишек найти, — это во-вторых.

— По-вашему, адепты Ложного Учения отчитываются передо мной?

— Это тебе виднее. И еще один человек мне позарез нужен... Один разговор мы с ним не договорили...

— Уж не в прошлую ли ночь? В госпитале...

Они обменялись оценивающими взглядами.

— Точно. С господином Меледняном мне конфиденс необходим. Просто позарез...

— Тут наши желания совпадают. Хотел бы я знать, в какую щель забился старый хитрец. На сегодня это все, что вы от меня хотите?

— Ну еще желательно и цену за Камушек сразу означить...

— Говорите, — без особого энтузиазма протянул Каттаруза.

«Гос-с-споди, — подумал он, — большая разборка надвигается. Вижу кровь на Луне — как говорили в старину. Кровь на Луне... Шишел и раньше-то не сахар был, а теперь, с Камушком... Сам сгинет и нас всех за собой утянет...»

— Должок вернешь. По шиндлеровским делам... Только и всего. — Шишел внимательно приглядывался к отрешенному лику Каттарузы. — Только уж, прости — в пятикратном размере... Картой на предъявителя. И ксиву чистую на меня сделаешь. Ко ксиве — билет «люксом» до Земли-матушки...

— И еще — чашечку кофе, я полагаю... — криво усмехнулся Папа Джанфранко.

— Хочешь — кофию, хочешь — чего покрепче. — Шишел толкнул серебряную панель. — За кофий и за езду нашу — плачу: не жлоб как-никак... Только уговор — про это дело ты и я знаем. Никто больше...

Недра мини-бара отверзлись перед ними. Папа призадумался. Потом, плюнув на

приличия, налил себе на три пальца «Бурбону» и, не глядя, навалил льда в хрустальный стакан. Шишел со знанием дела нацедил себе «Старки» — хозяин машины хорошо знал его вкусы — и стал аккуратно бинтовать украшенный Скрижалью Дурной Вести палец.

— Вот что... — Каттаруза задумчиво посмотрел свой стакан на просвет. — Мне действительно приходится выполнять кое-какие... э-э... дела с подачи тех господ, что вас так интересуют. Тех, что перевернутому кресту молятся... Но если они узнают, что вы на них выходите с моей подачи, меня ждут, мягко выражаясь, неприятности. Поэтому... я даю вам ориентир, который вам пригодится, и дальше вы уж действуйте на свой страх и риск. Эта вещь, — он кивнул на перстень, — вам должна сильно помочь — если вы ее с умом используете... Что касается господина Бонифация, то мои люди уже ищут его. И от вас мы скрывать результаты этих поисков не станем.

— Так давай хоть ориентирчик свой...

Они опорожнили свои стаканы.

— Приходилось время от времени доставлять разных людишек... с которыми хотели побеседовать господа из Черной Церкви. Всегда в одно и то же место... Заброшенная кирха, что за Малым Парковым массивом...

— Знаю такую...

— Так вот — она вовсе не заброшена. Помещение официально арендуют некие не слишком известные лица. Там у них подвальчик хитрый... Так что, если кого из пропавших желаете поискать — начинайте оттуда. Но будьте предельно осторожны.

Папа внимательно, наклонив голову набок, посмотрел на Шишела.

— Впрочем, вы знаете, на что пошли... — добавил он. — Примите только во внимание, что из Воздевших Дьяволов Камень никто еще хорошо не кончил. Скажите, вы решили работать на Янтарный Храм?

— Я, друг ты мой, на себя одного только работаю и в храмы ваши наниматься не спешу... А чем дело кончится — так это еще бабушка надвое сказала... — угрюмо информировал его Шишел. Потом достал из заднего кармана в восьмеро сложенную бумажку — заранее, видать, приготовленную — и потертый электрокарандаш. — Рисуи схему: ходы-выходы и все такое...

Минуту-другую в салоне царила тишина. Потом Папа Джанфранко протянул листок Шаленому.

— Связь со мной поддерживайте через Фая, — вздохнул он. — Если срочно потребуюсь...

— Знаю я, где искать и на кого выходить, — оборвал его Шишел. — Глядишь — и приехали уже... Прикатили...

Каттаруза протер глаза. Водитель тоже ошарашенно крутил головой... «Никогда не ездил такой дорогой, однако», — сказал он себе. Не сворачивая ни разу назад, «роллс» выкатился из темного лабиринта окраинных улиц прямо к подъезду особняка Папы Джанфранко.

— Камушек шутит, — мрачно пояснил Шаленый. — Привыкайте...

Очередной вызов застал сержанта Харриса в процессе тягостных размышлений. Пол впервые такое видел — шеф даже не ругал начальство последними словами, а просто нервно прожевывал гамбургер за гамбургером, капая майонезом на причинные места своих форменных брюк.

Подумав, Пол решил не приставать к руководству с дурацкими вопросами и половину дежурства только тупо созерцал проплывающие мимо двигавшегося в режиме автопилота кара архитектурные сооружения Гранд-Театрал и двух примыкающих кварталов. Порядком ему осточертевшие...

Прорвало сержанта только минуты за две до того, как прозвучал тот самый вызов. Монолог его был краток.

— Зар-р-разы! — прокомментировал он тот факт, что на главную часть добычи, с такими приключениями взятую на хазе у Корявого Банджи, покупателей практически не нашлось.

Довольно легко избавившись от того, что он поименовал про себя «бижутерией», сержант обрел немногим больше своего двухгодичного оклада. Ну кто, кто, черт его раздери, мог знать, что большая и лучшая часть добытого товара — это половинка того самого Симметричного Набора, про который народ, приторговывающий всяческим ювелирным мусором подозрительного происхождения, конечно, понаслышан был, да вот в руки брать не хотел ни под каким видом. Кусок был слишком велик, а круг знакомств сержанта, оказывается, слишком узок. Таких акул, что заглотили бы такую вещь, которую в Малой Колонии продать попросту невозможно, как объявленную в розыске еще с позапрошлого года, Харрис просто не знал. Теоретически и обворованный Мелканян, и Галерея Джеймса за вещь заплатили бы, да на какой козе к таким покупателям подъехать, — сержанту было совершенно неясно. «Мону Лизу» загнать было бы куда как проще. В глубине души он подозревал, что Банджи и мастер Алессандро провели дополнительную работу среди скупщиков, чтобы оставить ненавистного вымогателя с носом. Видит Бог, они этим не ограничатся, если только дать им время.

Так что сигнал вызова даже к месту пришелся, прервав кружение сержантской мысли по замкнутой траектории.

— Разворачивай! — приказал он Полу. — Это лавчонка Адамсона, знаешь — в подвале «Тоггл-хауса», встык с баром Зельдовича. Кому-то вроде шею свернули.

Мальчишка-китаец, поджидавший их у входа и назвавший Харриса «мсье», шустро повел их вниз — внутрь закрытой, видимо по случаю чрезвычайного происшествя, лавки. Пол с облегчением отметил отсутствие зевак.

— Где пострадавший? — раздраженно осведомился сержант, вглядываясь в полутьму совершенно пустой лавки.

— А вот он, — толкнул его в спину стволом ожидавший его за дверью Шишел. — Я и есть пострадавший — али не помнишь?

По другую сторону от двери со спецназовским чулком на голове обливался холодным потом, но не выпускал из рук бластера Уолт Новиков. В уголке имел место снабженный шпалером Трюкач. Китайчонок своевременно и абсолютно незаметно смылся.

Успевший войти следом Пол сообразил, что ни за пистолет, ни за рацию хвататься не стоит.

— Да ты охренел?! — заорал Харрис, тоже, однако, не делая резких движений. — Знаешь, что за такое схлопочешь?..

— Не вибрируй, голубь, — успокаивающе прогудел Шаленый. — Не будешь глупостей творить — оба с наваром разойдемся, а если дураком будешь — уж извини... Ты сюда-ко глянь...

Как и было условлено, Уолт щелкнул выключателем, и лавку залил мягкий, но

достаточно яркий свет. Продолжавший объяснять Шишелу все катастрофические последствия его покушения на представителя закона в его лице, сержант Харрис мгновенно заткнулся.

Вид черным пламенем полыхнувшего Камня, а может, и еще что-то произвели на него гораздо большее действие, чем зрачок ствола. В наступившей тишине патрульный Пол довольно громко свистнул от удивления и смутился, словно прилюдно испортил воздух.

— Ну как, сержант, покупаем? — осведомился Шишел. — Ты садись, садись — в ногах, голубь, правды нет...

Они опустились на заранее приготовленные для переговоров стулья. Друг к другу лицом, но на достаточном расстоянии. Пистолеты вернулись на свои табельные места: полицейские — в набедренные кобуры, все прочие — в наплечные.

— А что — продаете? — наконец нашел что сказать бравый сержант. — И почему именно мне?

— Заслужил, сержант, — с большой долей яда ответил Шишел. — Сдашь по назначению — не иначе как в полковниках ходить будешь. А мне, как сам понимаешь, от вещицы этой избавиться во как необходимо... Так что я с тебя мало возьму...

— Так, говорят, — тщательно подбирая слова, возразил ему Харрис, — что кто эту штуку на палец нацепил, тому уж не снять. До тех пор, пока того не совершит, что ему Камушек нашепчет. Или это ты стекляшку нацепил?.. И...

Шишел, молча глядя ему в глаза, снова вытянул руку перед собой. Камень полыхнул недобрым всполохом.

Харрис поднес руки к вискам. Что-то поплыло в его сознании. Он слегка потряс головой.

— Есть желание проверить? — осведомился Шаленый. — Или так, на слово примете, господин сержант?

Господин сержант попробовал поймать какую-то мысль, тонкой осенней паутинкой прошедшую через его сознание, и вновь сосредоточил внимание на кусочке ночи, вправленном в тусклый металл, украшавшем руку собеседника. Потом попробовал поднять взгляд на его лицо — сам не зная почему, он боялся чего-то, о чем если и знал, так только из пьяного трепя, — боялся увидеть на этом лице вместо глаз Желтый Огонь...

— Что тебе от меня надо? — осторожно, словно ступая по битому стеклу, спросил Харрис.

Ему казалось теперь, что вечность назад задал он свой несуразный вопрос про стекляшку. Краем глаза он видел, как рядовой Пол Роумен ожесточенно трясет головой, тоже стараясь скинуть странное наваждение.

— А немного, голубь ты мой. В деле одном поможешь. И за бранзулетки денежки вернешь. Да только не за половинку, что у тебя в заначке, а за полный набор.

— А-а как?.. — недоуменно спросил сержант. — А как я Камень получу? Вы же не можете...

Шаленый подвинулся к нему поближе и разъяснил:

— А все одно к одному, голубь: здесь уж весь знающий народ мне голову продолбил, что, мол, до той поры от Камушка мне житья не будет, пока мне Предназначенное какое-то не сотворю... А Димка Шаленый — человек такой — резину тянуть не любит: раз предназначено ему чего-то там, так он это чего-то просекет да и сварганит по-скорому — не век же с этой побрякушкой мучиться. А как слезет зараза эта с пальца моего — забирай ее, к

ядрене фене, и неси начальству. Только дырочку на пупе прокрутить не забудь — под орденюк-то... Все в ажуре будет. Только вот с людишками знающими сойтись надо... Кто секреты эти просекает... В том и подмога твоя пригодится. Но об том — после...

Сержант не знал — плакать ему или смеяться. Но самое странное состояло в том, что он интуитивно верил, что этот дурной мужик, с которым свела его бестолковая судьба, что задумал, то и сделает.

— Никто хорошо не кончал... — промямлил он. — Из тех, кто...

— Ты, голубь, не каркай — не ворона, чай... А слушай сюда...

— И потом... — прервал его Харрис, ошалевая все больше и больше. — Как это вы себе мыслите — денежки за полный Симметричный Набор получить? Здесь и половинку сбить не получается — вещь засвечена... А вторая половинка вообще в музее находится...

— В Галерее Джеймса, — уточнил Шишел. — Оттуда и возмешь. А купца на товар тебе сыщу, не волнуйся. Только тебе здорово поторговаться придется.

Харрис окончательно убедился в том, что собеседник спятил. Но Камень уже вел его своей жутковатой дорогой.

— Так, — сказал он. — Это мы обговорим в деталях. А какое дело вы имели в виду, когда говорили, что вам потребуется моя помощь?

— Вот об деле сейчас и поговорим... — многообещающе произнес Шишел.

Человек в бесформенном балахоне, застывший словно пыльное изваяние у портала заколоченной кирпичи, будто бы и не заметил подрулившую к разоренной ограде патрульную машину и продолжал, задрав лицо к небу, вслушиваться в доносящийся в этот оазис пустоты и разрухи шум совсем близких кварталов большого города. Этот шум был чем-то сродни другому — еле слышному гулу, стоявшему там — внутри облупившегося здания.

— Откройте вход, — потребовал вышедший из машины сержант. — Обыск. Наркоту ищем...

Это не возымело решительно никаких последствий. Сержанту пришлось повысить тон и сделать еще шаг к проклятому пентюху. Далось ему это не без труда — тот порядком смердил. Второй полицейский, не задавая лишних вопросов, принялся трясти входные двери заброшенного святилища.

После еще минуты-другой бесплодных усилий оборванец наконец выдал более или менее вразумительную информацию, состоявшую в том, что «Дом Бога» заперт, а ключи держит у себя дома госпожа Уншлихт. Впрочем, тревожить госпожу Уншлихт не пришлось — дверь поддавалась упорным и достаточно умелым домогательствам второго патрульного, и, ухватив придурюшного собеседника за ворот, сержант поспешил к отворившемуся входу в объект обыска. Навстречу вломившимся мерзким органом грянул хор мух, заполнявших полутемное помещение и поднявшихся рваными тучами в ответ на неожиданное вторжение.

На обыск, впрочем, действия прибывших походили мало. Оба засветили в потолок по заряду из своих хлопушек и с довольно бессмысленными криками типа «Выходи по одному!» устремились к люкам, ведущим вниз — в подвалы «Дома Бога»...

Реакция на пальбу и шум наверху в подвалах этих была быстра. Шесть теней стремительно покидали подземелье «Дома». Четыре тени гнали перед собой две другие, тыча их в спину стволами неплохого калибра. Исчезнуть с проваленной «точки» они были готовы в любой момент. Сделать это было несложно — камнем выложенная кишка подземного хода напрямую выводила их к вполне цивильного вида подвальчику в тихих

Будейовицах, что на Небе. Только вот ждали их в конце той кишки, за импровизированной баррикадой из сваленного в подвале товара, трое совсем им незнакомых типов. У типов был довольно крутой вид. И демонстрировали они целый арсенал, вполне готовый к употреблению. Но не это было главным.

Уолт уже привычно, как «мастер по свету», врубил переносной софит, и трое предстали перед четырьмя. Потому что еще двое были вроде не в счет. Точнее, годились только на роль живого щита. Они — эти двое — не были даже связаны как следует — бежать они и не помышляли. Ни помышлять, ни мыслить они были не в состоянии. Эту привилегию сохраняли за собой их конвойные. Думать им было о чем — четыре «узи» против двух пистолетных стволов и двух разрядников. Отступить было некуда: провал люка, из которого по очереди вылезали беглецы, затянула угрожающе потрескивающая точка даокового поля.

Шаленый весьма убедительным голосом рекомендовал противнику бросить оружие и поднять руки. Автоматы полетели на пол. Но дело решили не стволы и даже не быстрота реакции. Дело решил Камень, посверкивающий на руке Шишела.

Тот из конвойных, что был, видно, за старшего, повел себя примерно так же, как и тот чудак на шоссе, — бросился на колени перед Камнем — не перед Шишелом, нет, перед Камнем — и затараторил, ломая слова:

— Это... Это Воздевший сам пришел навстречу Тому, кто Предназначен... Он сам явился тогда, когда...

И тут ситуация резко изменилась. Один из пленников — черная девушка, настолько осунувшаяся и сгорбленная, что истинный ее возраст теперь и не «читался», — неожиданно с пронзительным криком, в котором смешались боль, ярость и какое-то злорадное торжество, коршуном кинулась на брошенный на землю автомат, схватила его и направила на стоявших на коленях конвоиров. Под низкими сводами подвала загрохотала очередь.

— Ты что делаешь, дурная?! — заорал Шаленый, кидаясь к ней.

Но даже с помощью Уолта и Трюкача вырвать автомат из рук Нэнси удалось только тогда, когда обойма его была пуста. После этого Пташка, мгновенно обессилев, повисла на руках Новикова. То, что продолжавшего стоять столбом Бирмана не скосило рикошетом, было, надо думать, проявлением заботы высших сил о не слишком усердном посетителе синагоги и заблудшем ученике Янтарного Храма.

— Дела... — растерянно прогудел Шишел. — Мокруху на нас повесила бабенка чертова... Четыре жмурика...

Уолт, которому вовсе не улыбалось стать в один и тот же день соучастником не только шантажа, но еще и убийств, не сразу разглядел повисшую на его руках Нэнси, а разглядев, охнул:

— Господи, да она в крови вся... И смотрите... Господи, что с ней такое делали?..

Шаленый тем временем развернул лицом к себе пребывающего в полубморочном состоянии (только, в отличие от Нэнси, в положении «стоя») Самуэля и потряс его словно грушу.

— Очухайся, отец, будь добр! — зарокотал он. — Еще один мужик нам требуется — тот, что тебя принимал... Ли Бандура. Он-то где?

Сэм наконец выпал из комы и простонал, прислоняясь к стене:

— В-вашего друга нет... Его сюда привезли уже неживого... И своих убитых они забрали тоже... Он сражался до последнего. Тут у них внизу... Точнее, там, в том месте, где они... где они содержали нас... Там у них плазменная печь... Нечто вроде крематория...

— Так... — с горькой досадой выговорил Шишел. — Значит, не свидимся уже на этом свете с Корявым Банджи... Ни за хрен собачий погиб человек — а ведь не самый дурной из здешней публики... А с девкой этой бешеной что ж делать прикажешь? Она-то сюда каким боком залипла?

— Они... Насколько я понял, они хотели получить от нее какие-то показания... относительно человека с Камнем... Господи! Да это же ПРО ВАС они расспрашивали...

— Сроду с этой шалавой дела не имел... — растерянно поскреб в затылке Шишел.

— У них очень убедительные методы расспросов, — заметил Уолт. — Ее пытали, и очень жестоко — видите это?.. Слушайте, эту пальбу могли слышать полквартала. Сейчас здесь будет полиция.

— Ну что ж... — обреченно сказал Сэм, опускаясь на корточки и не спуская глаз с Камня. — Теперь вам остается только довести ваше дело до конца и прикончить старого врея... Жаль, что я не успел...

— Ты чего буробишь, отец? — ошарашенно спросил Шишел.

Но тот, на кого он боялся обернуться, уже положил ему руку на плечо. «БУДЬ ВНИМАТЕЛЕН... — сказал ему ТОТ, с Желтым Огнем вместо глаз. — ТЕПЛО, ТЕПЛЕ ГОРЯЧО, ОЧЕНЬ ГОРЯЧО...» Пересиливая жуткое наваждение, Шишел стряхнул с плеч эту невидимую руку (ох, руку ли?) и продолжал бестолково парировать странное заявление Сэма.

— Ты, отец, прекрати эти антисемитские разговорчики!.. Ты мне что сказал тогда, на шоссе? Что большой ты дока по части Камушка этого... Тогда уж, будь добр, порасскажи об ем малость... Как-никак второй раз тебя из дерьма вытаскиваю... А то совсем заела меня хреновина эта...

На лице Сэма безмерное отчаяние и покорность судьбе дополнились безмерным же удивлением.

— Как?.. — спросил он, глядя в пространство перед собой. — Так вы даже не...

— П-потом разберетесь, — вошел в разговор молчавший дотоле Гарик. — Н-на п-проклятых «шмайсерах» не было глушителей! Сейчас п-половина городских легавых будет здесь! Х-ходу отсюда!

В день двадцать шестой своего пребывания на преславном своей мерзостью плато Северного полушария Капо-Квача Клайд, помирая от жары, стоял навтыжку перед старшим по инструктажу Тори-Вори и со злобной тоской ожидал, когда же наконец закончится торжественная церемония возведения его в чин комотделения. Само отделение, назначенное в его подчинение, неполная дюжина золотушных дебилов переминались на кривых нижних конечностях, вертели башками, норовили словить мух, вытянуть из носа соплю позабавнее, просто кемарили стоя и всеми другими известными способами использовали то обстоятельство, что руководство расположилось к ним спиной.

Старший хриловато, но вполне членораздельно огласил Клайда достойным носить оружие во славу Деда Всех Дедов и привел его к присяге, велел совершить обряд целования Белоснежного Знамени. Посапывавший наготове за его плечом знаменосец вовремя выдвинул вперед древко, и Клайд, выбрав на застиранном полотнище место почище, приложился к святыне Свободного Лесного Народа. В полном соответствии с уставом старший обнял его, выдохнув в лицо облако перегара, и сверх устава шепнул, чтоб не тянул, а шагал в корпус расписываться за чин и присягу, там, мол, и отметим...

Затем Клайд был оглашен комотделения и к рубашке его была присобачена белая кисточка с хвоста ночного древесного яйцекрада.

После этого Тори-Вори круто повернулся к отделению и застал всех одиннадцать уже вытянувшимися во фронт и пожирающими глазами брэнное воплощение вечного бога в чине старшего по инструктажу.

Отделению было доведено до сведения, что перед собой они видят — по правую, нет, тьфу, по левую руку от старшего — своего отныне отца родного — звать Клайдом, на приказы и распоряжения которого если кто наплевать вздумает, так сразу в расход пойдет — на запчасти и который, хотя еще и ни хрена на Квача не знает, зато Легион прошел и приструнить их, оболтусов, сумеет. Одним словом, просьба нового командира любить и жаловать. Сегодня в обед забрать на кухне двойной паек, пожрав — отсыпаться: в ночь — выход на задание. Все ли всем понятно?

Все было понятно всем. Оставшись один на один со вверенными ему оболтусами, Клайд откашлялся и провел переключку. То, что здешней братве спуску давать нельзя, он уже усвоил достаточно твердо. Так же, как и то, что без подачек, вовремя брошенных, в узде эту публику тоже не удержать. Возведению в чин предшествовав неделя «условного» командирства с тем же слегка дебильным — а где взять другой? — рядовым составом. Поэтому, дав строю олигофренов ставшую уже привычной команду, гениально совмещающую в одной формулировке проблематику пространства и времени — рыть траншею от забора до обеда — а в обед, пообещав поставить от себя двойную в честь такого случая и чтоб дрыхлось лучше перед ночным выходом, он уверенным шагом направился через вытоптаный двор форта к офицерскому бараку. По дороге завернул в свою землянку и вытянул из загашника одну и двух канистр с самогоном — полагалось поставить еще и начальству. Что-что, а субординация на Капо-Квача при Дede Всех Дедов соблюдалась жестко. «Не то что до того как разобрались...» — так говорили здесь. Еще говорили: «Теперь, когда Котлован...»

Когда, собственно, «разобрались», кто такой Дед и уж особенно в том, что за штука такая Котлован, Клайда спрашивать отучили быстро. В лучшем случае дело ограничивалось верчением пальцев у виска и нечленораздельными: «Дык, ты... Ну, так ведь то... Ты, давай, не того, не умничай...» В лучшем — повторимся — случае.

Формально на форт полагались два толкователя. Более того, оба наличествовали и по мере сил искренне стремились донести до своей паствы, и особо до новообращенною Клайда, извечно мудрое Дедово слово, но, даже будучи относительно трезвы, не были достаточно вразумительны в датах и цифрах. И вообще в изложении точных фактов и концепций истории Свободного Лесного Народа. Про менее образованный здешний люд и говорить было нечего.

Ясно было одно — была где-то недавно, еще на памяти этого поколения Лесного Народа, Великая Разборка, был Дед и его идеи — путаные в части философии, но до предела ясные в области казарменной дисциплины. Еще был где-то в совсем уж диких чащобах Котлован, работы на котором близились к победоносному концу и вкалывать на рытье которого было высочайшим счастьем. Еще было очень мало еды и много самогона. Вот, собственно, и все.

Хотя, впрочем, были еще деревни, в которые к бабам выбирался на побывку и в самоволку служилый народ из фортов, были потайные города, по которым прятались колдуны и откуда поисковики тащили товар, были монастыри, где детей — не слишком

здесь многочисленных — учили грамоте и всячески готовили к воплощению в жизнь идей Деда. Еще там, в монастырях, исполняли волю Деда в тех случаях, когда для строевого и деревенского народа она оказывалась не по уму. Ну и были многочисленные форты, вроде того, куда определили на обучение Клайда. Они стерегли тропы и охраняли скопища в разной степени нищих деревень, разбросанных по лесу или ютившихся в горах. Ну, что там еще? Ну да, конечно, был еще враг — Лесной Человек, в разговорах сугубо иронически — Лесной Друг (за эти слова пороли), и целый сонм его присных — от них помогали заговор и амулеты. И были трапперы. Последних следовало уничтожать при любых обстоятельствах. Лесной Человек жизнь отнимал редко — чаще душу, все больше норовил сбить с пути истинного, свести с ума, который не так уж на Капо-Квача и в цене был, трапперы же сжигали деревни вместе с женщинами, детьми и стариками, вырезали форты и, главное, отбирали товар. О товаре Клайд решил поразмыслить особо.

В комнатухе писарей его уже заждались. Самих писарей, как таковых, выперли прогуляться, а поверх в спешке побросанных бумаг была разложена скупая закуска и поставлены уже налитые всклянь кружки. Кроме потиравшего лапы Тори-Вори собрались еще замкомфорта по хозчасти — Лютц, ординарец самого генерала Холли — Андрей и старик Дуперон. Как ни странно, Клайда в форте почти что любили. Во всяком случае, друзьями он здесь оброс, хотя там, на Большой земле, слыл человеком довольно нелюдимым. Должно быть, сказывалась актерская закваска.

Собственно, замыслы его были просты: то, что в одиночку он из леса не выйдет, даже если не будет погони, он уже усвоил. Помощи от олухов царя небесного, именовавших себя Свободным Лесным Народом, ждать не приходилось: единственное, что могло заставить здешних командиров задуматься о возможности возвращения пленника на Большую землю, — так это только солидный выкуп. Платить за Клайда было явно некому. Разве что полиция раскошелилась бы, чтобы заполучить проклятого угонщика. Этот вариант и вовсе не улыбался Клайду. Так что он без особых раздумий принял Лесную Присягу и вступил в Силы Самообороны.

Собственно, человек с опытом легионера был подарком для местного воинства, и только на этих рельсах Клайд мог рассчитывать на хорошую карьеру. А карьеру делать было надо — чтобы прорваться к сколь-либо сносному средству транспорта, на котором можно было бы добраться до Южного бугра. Уж там-то Клайд знал бы, что делать. В конце концов, город был его стихией. Не важно какой — все города Звездной Федерации годились. Только бы добраться туда, где по рукам ходят деньги и где вам за шиворот не лезут муравьи или что похуже... Вопрос состоял только в том, где он, этот транспорт? Аэроплан, флайер, танк — все, что способно вытащить его из проклятых джунглей.

В том, что транспорт у Лесного Народа есть, Клайд не сомневался — даже здесь, в отгороженном от всего мира форте, были заметны следы вяло, но постоянно протекающего обмена с Большой землей. Оружие господ офицеров вовсе не было только трофейным старьем. Егерский корпус, гвардия леса, — эта двойка егерей наткнулась на Клайда той ночью — предпочитал, правда, арбалеты собственного изготовления, но это была уже порядочная бравада. У Клайда за спиной болтался ионный разрядник предпоследней модели, а в подсумке — зарядное к нему устройство. В лечебнице были в наличии, хотя и в минимальном наборе, снадобья с неистекшим сроком пользования. Люди, посланные в монастыри или на Котлован, перемещались явно не пешком. Был в лесу транспорт. Был. Надо было только вытерпеть все причуды этих дьявольски хитрых простаков, что населили,

всем козням неукротимой природы вопреки, дикое плато Капо-Квача и не собирались ни сами возвращаться в лоно выпихнувшей их на верную смерть, на Северный бугор, цивилизации, ни возвращать туда даром ни одной заблудшей души. Надо было им понравиться. Заслужить доверие.

Одно только сбивало Клайда с толку. Чем дольше торчал он здесь, среди этого дремучего люда, тем меньше понимал — прикидывается ли он таким уж рубахой-парнем или постепенно им становится. Тихая ненависть его к тому же Тори как-то незаметно ушла, и мысль о том, что придется ему рано или поздно крупно подвести этого (или другого такого же) лопуха, стала в последнее время как-то неприятна ему.

Клайд поставил на стол свою канистру, сподобился одобрительного взгляда командира и скромно занял свое место.

— Ну, поехали! — благословил начало попойки старый Дуперон. Ему как толкователю это полагалось по чину.

Тори-Вори вытащил на свет божий офицерский жетон и бросил в кружку Клайда. Чокнулись — и выглушили проклятый самогонище. Со дна осушенной кружки Клайд достал жетон и приделал его себе куда положено. Лютц врубил дешевый проигрыватель — чтобы посторонние не прислушивались к разговорам начальников. Андрей разлил по второй.

Спиртного в форте всегда хватало. Иногда им выдавали паек, когда возникали трудности с провиантом (то бишь почти всегда). Если трапперы не вырезали в одну прекрасную ночь все перепившееся воинство преславной крепости, так это потому только, что чутье на опасность уже сидело в генах Лесного Народа и никакая алкогольная интоксикация не могла вовсе уж вывести из строя того же, скажем, Тори. Вообще, до полного выхода из игры здесь напивались редко. Таких похмеляли. А вот накурившихся «белого мху» или наевшихся «веселыми грибами» сажали на кол. Причем разницу между типами обалдения различали безошибочно. В чем состояла причина столь радикальных различий в отношении к разным видам опьянения, понять было трудно. Тем более что «белый мох» с высочайшего Дедова благословения толкователи использовали для допросов. Клайд испытал его действие на себе: когда его «раскручивали» по обязательной программе — сразу по прибытии в форт на обучение и еще раз — перед Присягой. Допрашивал в последний раз его сам Дуперон — дьявольски хитрый дед. «Мох» был, безусловно, мощным психотропным снадобьем. Клайд мало, что запомнил из той чуши, которую совершенно сознательно городил в задушевной беседе с толкователем. Осталось только неприятное ощущение того, что наговорил лишнего. Но это пока что ничем не давало о себе знать.

Как и следовало ожидать, после второй Лютц начал излагать поистине бесконечную историю о том, как в молодости залетел в им же самим поставленный капкан на рагируса и что из этого вышло. Андрей с живым интересом комментировал сей рассказ, а старый Дуперон блаженствовал, затягиваясь настоящей — с Большой земли — сигаретой. Тори нагнулся через стол и потянул Клайда за грудки к себе.

— Ты слушай, — понизив голос, сказал он. — В ночь пойдете в сопровождении... Б-будешь, так сказать, в свите... Важ-жная персона направляется. На Котлован. Кто-то из Дедовых людей. Здесь никто — ничего... Тс-с-с! Вот так. Возьмешь запечатанный пакет и только на тропе вскрыешь. Там, где указано, встретишь конвой. Из речного форта.

Примешь двоих и доведешь до Горного монастыря. К братцам — иерихонцам... При этом... при Дедовом человеке проводник будет. В ранге Наставника... Т-ты понял? Не до горных фортов, а в обход — в монастырь. Там у них гость сейчас. К нему Дедова человека и

сведешь, ему и сдашь с рук на руки. Но страшный мужик, говорят. Может, сам, — Тори воздел над своими нечесаными лохмами корявый перст, — может, сам Советник. — Он многозначительно икнул. — В монастыре... В обители... Это, считай, полпути до Котлована... Но опас-ное дело... Опас-с-ное... Слышал п-последний Дедов указ? Вот то-то!.. П-последние сроки настают... Завершение раб-бот на Котловане...

Последовала глубокомысленная пауза.

— Ох-х, — продолжил старший по инструктажу, поводя грязным пальцем перед носом у свежеиспеченного командира. — Вопретесь вы в засаду... Если трапперы пронюхали, то не-пре-мен-но... Им такой заложник — во как нужен!.. А у нас все трепаться здоровы... Ладно, разливай по третьей — и давай к своим, а то солдатикам отсыпаться нужно.

Клайд раскупорил канистру.

— Думаете, у трапперов здесь есть свои уши? — спросил он под мелодичное бульканье.

— Это вы там, городские, ДУМАЕТЕ, — с неожиданной обидой прогудел Тори. — А ; так точно знаю: считай, в каждом форту кто-нибудь да стучит трапперам. Вот кто — не знаю... Но уз-знаю...

Осушив третью, он положил голову на руки и погрузился в мрачное самосозерцание. Андрей с Лютцем, отбивая ритм по столу, каждый во что горазд исполняли Древний гимн, а Дуперон вдохновенно дирижировал ими. В комотделения Ван-Дейле нужды более не ощущалось.

— Я займусь своими орлами, — сообщил он Тори для порядка. И, вспомнив что-то теперь страшно далекое, добавил: — Однако.

— М-молодец, — одарил его мутным взглядом начальник. — Одобряю. — С этими словами он вновь прервал контакт с окружающими.

Клайд браво попрощался с остальным — совершенно индифферентным — обществом и, стараясь преодолеть ставшее дьявольски заметным вращение Планеты под ногами, потопал к своим оболтусам. По дороге вытащил из землянки вторую канистру.

Получив команду, рядовой состав живо побежал за пайком и в считанные минуты был на месте — в своей крытой траншее. Клайд водрузил перед ними выпивку, предупредил, что ночной выход будет тяжелым, и, наконец добравшись до своей лежанки, не раздеваясь, заснул мертвым сном. Ему приснился Лесной Человек, и вместо глаз у него был Желтый Огонь.

Душная ночная тьма лишь поначалу казалась непроницаемой. Сначала стал заметен призрачный свет гнилушек, затем глаз начал различать разноцветные, теплящиеся хоть и еле различимым, но живым огнем грозди фосфоресцирующих грибов, затем — голубоватые нити Гномьей Паутины. Постепенно лес начинал напоминать лабиринт улиц большого города, украшенного огнями к Рождеству. Только огни эти были в сотни раз слабее того, к чему Клайд привык на Большой земле. Это была редкая ночь без дождя.

Ночь эта изменила не только лес. Совсем иными были теперь и его люди. Там, в форте, превращенные казарменной дисциплиной в идиотские манекены, они гляделись воплощенной нелепостью, а теперь — в зыбком мраке вдоль тропы скользили жутковато хищные, еле заметные даже в упор и абсолютно бесшумные тени. Это были дети леса, плоть от плоти его. Они и переговаривались между собой звуками леса — какими-то скрипами и тресками. Иногда — голосом ночных зверей. В сравнении с ними Клайд чувствовал себя чудовищно неуклюжим и шумным роботом, угловато продирающимся сквозь до предела

чуждый ему мир.

В помощники себе он выбрал малого постарше — Луку. Точнее, если уж говорить правду, Лука сам взял шефство над чудаком, который хоть и знает оружие лучше других и реакцию имеет неплохую, но в лесу — младенец младенцем. Сейчас Лука был порядком озабочен. И становился все мрачнее с каждым часом. Когда отряд вышел к Гнилому ручью, он стал как вкопанный.

— Дальше идти не надо, начальник, — глухо сообщил он. — Здесь трапперы проши. Запах металла.

Клайд даже не стал уточнять, что тот имеет в виду. Сам он не заметил бы здесь с десяти шагов и тяжелого танка.

— Задание идет под срыв, — коротко сказал он. — Там — впереди, в километре — район встречи.

— Ну ты даешь, начальник, — мрачно хмыкнул Лука. — Считай, что трапперы твоих встречных раньше тебя вычислили. И того... Но мы их еще можем и ущучить... Их — человек пять, не больше...

— И как ущучивать будем? — с интересом осведомился Клайд.

— А так, что пойдут они оттуда к речке. Там у них катер.

— Они что, тебе докладывали? Или как?

— Да тархтел катерок-то их с час назад. Если пойдём наперерез — точно встретим этих голубчиков. А там...

— Отлично. Поведешь.

Клайд свистнул условным свистом и вполголоса объяснил бесшумно появившимся из мрака подопечным новую задачу.

Все произошло гораздо быстрее, чем ожидал Клайд. Они налетели на отряд трапперов лоб в лоб, не успев даже развернуть засаду. Лука успел предупредить отряд условным скрипом, и одиннадцать человек словно растворились в пространстве. Клайд, еще ничего не понимая, грохнулся за кряжистый пенёк и привел в готовность разрядник. Прислушался. И, к своему удивлению, услышал звук, которого не слышал давно, с детства, — стук конских копыт.

Конь и трое трапперов появились на тропе метрах в двадцати от него, вынырнув из ведьминой травы. Всадника на коне не было — только что-то, напоминающее мешок, было перевалено через седло. Чем-то Клайд себя все-таки выдал, потому что раздался крик «Засада!», дикое ржание коня, и почти сразу затрещали выстрелы. Тихие и смертоносные. Собственно, только двое из трапперов успели пустить в ход оружие. Одного Клайд снял первым же разрядом. Двое других были «готовы» в ту же секунду — как-никак по ним палила почти дюжина стволов. И почти сразу внизу — там, где ощущалась водная гладь реки, — взвыл движок катера. И звук этот растаял вдали.

— Сука какая, — посетовал, выходя на тропу, Лука. — Удрал, не стал своих дожидаться...

Отряд потерял одного бойца. Парень неудачно подставился под выстрел кого-то из своих. Кого — поди разбери теперь... Его товарищи кучей присели вокруг и тихо затараторили, обсуждая приключившееся несчастье. Трое — те, что были поопытнее, — занялись обыском убитых трапперов. В отличие от Егерского корпуса, строевые солдатики, слава богу, не увлекались коллекционированием голов противника. Клайд занялся

взваленным на коня мешком. Тем более что «мешок» хрипло ругался последними словами.

Клайд разрезал ремни, которыми был связан пленник трапперов, не успел подхватить его — и тот грохнулся оземь. Потом поднялся, энергично растирая затекшие руки, стройный, даже хрупкий какой-то парень с тонкими, резко очерченными чертами очень молодого лица. На здешний корявый народ он походил не более, чем на осьминогов.

— Там, на тропе... — все еще хрипло отплеываясь и кашляя, сказал он, — там Роско... Наставник... Он... может, еще жив.

— Так, — озадаченно молвил Клайд, обернувшись к Луке. — Как ты? Еще трапперов в округе не чувствуешь?

Лука стоял, раскорячившись и отвесив челюсть, и как баран на новые ворота пялился на освобожденного пленника, из чего Клайд заключил, что его отряд вызволил какую-то важную птицу.

— Нет, не чую, — наконец выдавил из себя Лука, и Клайд махнул ему и еще троим и двинулся в сторону, указанную свежесвобожденным.

Тот, в свою очередь, вставил ногу в стремя и чуть было лихо не вскочил в седло, но, натерпевшийся, видно, за эту ночь всякого жеребец снова дико заржал и вскинулся на дыбы. Клайд за штаны подхватил всадника, предотвратив еще одно его падение, и несколько неумело усадил его на успокоившегося коня. По непонятной для него причине эти его действия вызвали полнейшее остолбенение Луки и всех остальных его подчиненных. Всадник же одарил его таким гневным взглядом, который не могла скрыть даже ночная тьма.

В полном молчании они проделали пару сотен метров по тропе и на небольшой прогалине наткнулись на еще одного убитого траппера, двух солдатиков — тоже уже окоченевших, и того, кто был поименован как Роско. Сухопарый старик сидел, прислонясь к стволу дерева, и без особого успеха пытался сделать себе повязку — у него был задет бок и в кровь разбит левый висок. В общем-то ничего страшного.

— Может быть, нам пора обменяться паролями? — осведомился Клайд, помогая пожилому джентльмену управиться с биогелевым пластырем и шприцем с регенератором.

— Вы, как я понимаю, — те, кому я должен был сказать, что «рассвет сегодня будет ранним»?

— А вы — тот, кому я должен ответить: «Да, если тучи не закроют Звезду»? Меня, кстати, зовут Ван-Дейл. Клайд Ван-Дейл, комотделения, к вашим услугам.

— Филипп Роско — к вашим. Я думаю, нет необходимости представлять... э-э... — Роско сделал жест в сторону всадника.

— Феста, — хрипло, но уже позвонче, чем раньше, небрежно отрекомендовался тот, соскакивая на землю. — Можете без церемоний — просто Феста.

— Нам придется задержаться — надо зарыть убитых. Через час — тронемся. — Клайд внимательно присмотрелся к лицу Роско. — Мне кажется, что вас лучше доставить в форт. Там вам окажут...

— До большого новолуния мы должны быть на Котловане, — резко отрубил старик. — И никаких фортов! Пусть ваши люди соорудят... э-э... портшез...

— Я уступаю тебе своего коня. Ты можешь держаться в седле? — Это было скорее распоряжение, нежели любезное предложение: свежесвобожденный пленник явно был главным из этих двоих.

«Дедов человек», — заключил про себя Клайд.

— Да. Так, пожалуй, будет лучше, — как-то несколько торопливо согласился Роско. — Отрядите тройку солдат, чтобы решить эту проблему с покойниками. Пусть они потом догонят нас. Солдаты, я имею в виду. Мы не можем медлить.

Клайд не стал спорить. Позже, когда он занял место в арьергарде маленькой колонны — один перекособоченный всадник и восьмерка пеших, — Лука, тихо похихатывая, прогудел ему на ухо:

— Ну ты даешь, начальник... Дедову Внучку за жопу ухватил...

— Какую внучку? — озадаченно воззрился на него Клайд.

— Как какую? Вон ту. Принцесса Феста... Деда Всех Дедов Внучка. Она, понимаешь, с коня полетела, а ты ее за жо...

— Заткнись, — огрызнулся Клайд.

Глава 6

БОГ ТАЙН

Профессор Рональд Мак-Аллистер — академик трех академий и самый засекреченный из всех знаменитостей Малой Колонии, впрочем, может быть, просто самый знаменитый из всех засекреченных — взял с подноса сервисного автомата небольшой голубой, в полоску, бумаги конверт. Суетливый робот только что получил его у испрашивающего приема лица, ждущего в вестибюле института.

Профессор вскрыл (вообще-то говоря, просто открыл — запечатано послание не было) конверт и воззрился на то, что в нем было. А был там листок с распечатанными видеокадрами — три или четыре эпизода из того, что в начале месяца происходило перед «Джевелри трэйдс». Сняты они были не слишком хорошо — ручным регистратором, но достоверны были несомненно. К листку была подколота визитная карточка Энни Чанг — собственного корреспондента «Галактического бюллетеня», с короткой запиской, предлагающей указать время, в которое ему было бы удобно встретиться с ней, Энни Чанг, для разговора, который относится к статье, которую упомянутая Энни готовит для «Обозрения Пангеи». Лицо профессора нервически дернулось. Он снова перевел взгляд на распечатку видеокадров. Она заметно поблекла.

— Даррен! — заорал профессор в селектор. — Даррен, где вас черти носят?

Он снова перевел взгляд на листок распечатки. Изображение стало еле заметным. Носимый где-то чертями доктор Даррен возник на пороге. Руки — по швам, борода — скобкой.

Листок стал девственно чистым.

Профессор Мак-Аллистер — человек из ниоткуда — протянул доктору Даррену эту бумажку и коротко распорядился:

— На анализ. Хоть какие-то следы изображения. Зафиксируйте. Строго конфиденциально... Если бы вы успели на пять секунд раньше и имели при себе регистратор...

— Профессор, ваш собственный регистратор находится во втором сверху ящике вашего стола.

Профессор проверил. Большого удовлетворения от вида инструмента он не испытал, но, будучи человеком объективным, заметил:

— Вам следовало напомнить об этом раньше. Ступайте и разберитесь с этой бумагой. И распорядитесь пропустить ко мне мисс Чанг.

Потрясенный логикой полученного замечания, доктор Даррен отправился исполнять приказанное, и секунд через сорок пред относительно светлые очи Лысого Крокодила явились бездонные черные озера непроницаемых раскосых глаз и черный же короткий ежик прически Энни Чанг.

С самого начала они поняли друг друга — секретная знаменитость и одна из самых влиятельных особ здешних СМИ. Никакого разговора о самоликвидировавшихся изображениях не было. Вообще не было белого листочка. А если и был, то, верно, случайно попал он в голубой, в полоску, конверт. Вопрос не обсуждался. Мисс Чанг интересовала, естественно, та верхушка айсберга, именуемого программой «Мессенджер», которая стала

известна широкой публике в связи с появлением на белый свет из долгого небытия Скрижали Дурной Вести.

— Вряд ли смогу сообщить вам нечто новое, мисс, — начал партию Лысый Крокодил. — Разве что вы найдете нечто, что вас заинтересует, вот в этих публикациях... — Профессор перекинул через стол заранее подколотые в папочку распечатки научно-популярных статей последнего года.

Энни осторожно отстранилась от них.

— Благодарю вас, я уже ознакомилась с этой... э-э... литературой. — На лице Энни отразилась тень уважительного презрения. — Но, если бы вы могли резюмировать написанное вами и вашими коллегами, это вышло бы гораздо лучше, чем в моем пересказе. Не все читают ту же «Природу вещей» от корки до корки, а у «Галактического бюллетеня» насчитывается в общей сложности до четырех миллиардов постоянных читателей. С этой точки зрения именно мнение самого лучшего знатока проблемы относительно того, во что может вылиться новое попадание Скрижали в руки безответственных лиц...

— Ну что же, — профессор утонул в глубоком кресле и задумчиво взял со стола изготовленную из капа мраморной нимфеи трубку и, за неимением возможности раскурить ее в присутствии дамы, принялся прочищать ее миниатюрным ершиком, — еще и еще раз могу повторить, что, с точки зрения генеральной теории Палеоконтакта, сама природа Камня представляет собой немалую опасность. Большинство населения Малой Колонии и подавляющая часть населения Обитаемого Космоса — из тех, кто вообще знает о существовании Дьяволова Камня, искренне воображают, что это — всего-навсего необычная форма кристаллической решетки углерода... обладающая необычными свойствами, включающая некие примеси, которые сближают ее по свойствам с некоей молекулярной микросхемой... Но не в этом состоит главное...

Тут профессор словно и позабыл про непростые обстоятельства, сведшие их с мисс Чанг, и впал в профессионально-благостный, поучающий тон.

— Видите ли, — продолжил он, — с точки зрения современной физики, Дьяволов Камень, по всей видимости, не менее опасен, чем термоядерный заряд: дело в том, что его основой, причиной его существования является локальное и весьма стабильное, устойчивое искривление пространственно-временной структуры Вселенной.

— Простите, но, насколько я знаю элементарную физику, такие искривления должны быть связаны с наличием огромных масс и энергий...

— Точнее, их громадных градиентов. Правильно, они, по всей видимости, и существуют — но как бы спрятаны в небольшом объеме, имеющем вид Дьяволова Камня...

— Но такую вещь, как масса, не спрячешь — так мне всегда казалось... — робко, но с вызовом заметила Энни.

— Если допустить, что поле гравитации всегда имеет только положительный знак... — Профессор стал рассматривать свою трубку с таким видом, словно именно в ее конструкции он черпал свое вдохновение. — Кроме того, я ведь уточнил, что речь идет о градиентах. При достижении достаточно большой плотности даже малая масса может создать весьма крутой градиент гравитационного поля. Существует весьма убедительная математическая модель...

— Значит, Дьяволов Камень состоит вовсе не из углерода и примесей?..

— В нем есть достаточно и углерода, и некоторых других атомов, которые вписаны в картину силовых полей, существующих в этой искаженной микрообласти пространства. Они образуют при этом весьма своеобразную кристаллическую структуру. И она, видимо,

действительно обладает многими свойствами молекулярного преобразователя информации. Вместе с организмом носителя Камня она составляет единую систему. Звено, связывающее поведение этого носителя с состоянием этого локального искажения пространства и времени...

— То есть своим поведением тот, кто надел Кольцо, может как-то изменять величину этого искажения?

— Точнее, его структуру. И притом только как элемент петли обратной связи. Состояние локального искажения скорее само влияет на поведение носителя, Воздевшего. А сама структура искажения зависит неким образом ни больше ни меньше как от состояния общего информационного поля Вселенной.

— Значит, Дьявол Камня собирает информацию о состоянии Вселенной и каким-то образом заставляет того, кого называют Воздевшим, что-то предпринимать для того, чтобы... Чтобы — что?

— Вопрос задан верный, мисс, хотя посылка ваша неверна. Не совсем верна, точнее. Камня не собирает информацию. Просто на его состояние влияет некий параметр общего информационного поля Вселенной... Скорее всего, его стабильность. Идет не передача сигналов, а некое взаимодействие, по механизму напоминающее то, с чем наука столкнулась, изучая, скажем, так называемое неравенство Белла. Впрочем, я отвлекся. Вы спросили — с какой целью изменяет поведение Воздевшего Камня? Отвечу так: цель существования Камня состоит, скорее всего, в том, чтобы предотвратить информационную гибель Вселенной. Ее превращение в хаос. Это, конечно, только одна из гипотез... Но есть много аргументов в ее пользу...

— Простите, но один человек или даже все человечество — это же так мало в сравнении с Вселенной... — не удержалась от реплики Энни.

— Да, — веско возразил профессор, — один случайно взятый человек и одна случайно взятая цивилизация... Но в том-то и дело, что все, что связано с активностью Камня, видимо, далеко не случайно. Камня перемещается в пространстве и во времени по градиенту вероятности некоего рокового для информационного поля Вселенной события. И сам локально изменяет вероятность различных событий вокруг себя... Не спрашивайте меня, как он это делает. Это просто логический вывод из анализа событий, связанных с историей Камня.

— Как у Толкиена? — с почти детским удивлением спросила Энни. — Как Кольцо Саурона?

Профессор усмехнулся:

— Не читаю сказок. Но, наверное, это что-то похожее... Кстати, Камня, по крайней мере на несколько тысяч лет — если не на миллионы и миллиарды, — старше Кольца. Кольцо создали Предтечи — цивилизация, населявшая Планету за пять-шесть тысяч лет до того, как первые зонды Первой Империи обнаружили ее. Скорее всего, Предтечи изучили Камня гораздо глубже, чем мы, и, для того чтобы использовать его в каких-то своих, не известных нам целях, создали Кольцо — инструмент взаимодействия Искращения с организмом Предтечей. Не людей — Предтечей. От этого — много недоразумений... Камня сам находит тот — извините за каламбур — камушек, который может породить обвал... лавину, сметающую все. А Кольцо помогает ему найти человека... существо... которое под этот камень подложит щепочку... Если бы события, угрожающие бытию Вселенной, происходили на Земле, то Камня был бы там. Но он — здесь, на Малой

Колонии... Впрочем, может быть, подобные объекты существуют и на Земле... В некоей иной форме...

— А кто же создал сам Камень? — встрепенулась загипнотизированная нарисованной картиной Энни.

— А почему его кто-то должен был создавать? — несколько агрессивно возразил Лысый Крокодил. — Вполне возможно, что существование таких вот Локальных Искажений — просто необходимое условие существования Вселенной... Впрочем, мы заговорились на чересчур общие темы... Считайте, что я резюмировал сейчас все, что мог поведать средствам массовой информации. У вас, наверное, есть более конкретные вопросы ко мне?

Профессор Мак-Аллистер — человек Комплекса и Энни Чанг — человек Прессь вернулись с небес на землю. Землю Малой Колонии.

— Да, разумеется, — сказала Энни. — Я хотела бы узнать у вас одну довольно деликатную вещь...

— Я и не ожидаю легкой светской беседы, мисс. — Профессор стал набивать трубку смесью табака и трав с Северного полушария, означив этим начало конца беседы. — Вырубите, пожалуйста, ваш регистратор, мисс...

— А вы — свой, мистер... — Энни и не пыталась соблюсти видимость респекта.

Она вынула из сумочки и, щелкнув переключателем, положила на стол свой аппарат. Выразительно кивнула на горящий рубиновым огоньком индикатор. Профессор, крикнув, достал из стола и положил рядом свой. Надавил на клавишу. Индикаторы обоих аппаратов замигали: «Блок, блок, блок...»

— Я слушаю вас, мисс, — индифферентным тоном произнес Лысый Крокодил, продолжая снаряжать свою трубку.

— Видите ли, — Энни выпрямилась в кресле и посмотрела профессору в глаза, — пресса имеет некоторые специфические возможности, которые иногда позволяют нам — людям пера — достичь того, чего люди науки и люди закона добиться в той же ситуации не могут... Однако при этом всегда должны выполняться некоторые специфические, я бы сказала, условия... Не все их принимают... Так вот, нечто подобное может иметь место и в случае с Дьяволовым Камнем...

— Охотно этому верю, — профессор попытался отвести глаза в сторону, но не слишком удачно.

— Что бы вы сказали, профессор, если бы того, кто сейчас завладел той реликвией, о которой вы рассказали сейчас так много интересного, обнаружили бы не органы сыска, а кто-то из нас — пишущей братии? И что бы вы сказали на то, что кто-то из нас предложил вам организовать контакт с нынешним владельцем Камня?

Последовало секунд двадцать молчания и тщательного уминания набитого в трубку табака. Потом профессор сказал:

— Париж стоит мессы...

— Но вы помните, что у нашего дела — своя специфика...

— Вот номер моего кодированного канала. Он не может быть прослушан. — Профессор извлек из запирающегося ящика своего необъятного стола маленькую белую карточку и протянул ее собеседнице. — Если у вас возникнет желание продолжить со мной разговор на эту тему...

Карточка исчезла в сумочке Энни. Энни поднялась и забрала со стола свой регистратор.

— Я весьма благодарна вам за содержательную беседу, профессор. Думаю, что я скоро

воспользуюсь вашей любезностью...

— И чем раньше, тем лучше. — Профессор проводил Энни до дверей. — Риск возрастает со временем...

Оставшись один, профессор рывкнул в пространство:

— Даррен!

Даррен возник на пороге, словно материализовавшись сразу при произнесении его имени.

— Изображение наносили на бумагу способом Ярроу, — доложил он. — Восстановить такие вещи невозможно...

— Чего и следовало ожидать, — морщась как от зубной боли, заметил профессор. — А вот чего ожидать не следовало... Закройте дверь. Так... Вот чего ожидать не следовало, так это того, что на тех кадрах, что были на этой бумажонке, отражены некоторые наши с вами подвиги, что имели место на Гранд-Театрал...

— Черт возьми... Как это было возможно? Это...

— Это очень похоже на подставку... Хотя для нас представлялось совершенным экспромтом... — Профессор принялся мерить свой кабинет шагами.

— Эта китаянка шантажирует нас? Мы всегда можем...

— Пока что рано предпринимать тут резкие движения. Кажется, мадам Чанг сможет вывести нас на Камень... Если, конечно, не блефует. Теперь мне в голову закрадывается подозрение, что и вторая наша акция сработана... не совсем чисто...

— В любом случае, старика надо было захватить первыми. Вы же знаете, что не прошло и часа после того, как мы его... э-э... изъяли из госпиталя...

— В каком он состоянии?

— Мы стараемся как можем. Он скоро созреет для беседы с вами. Но, сами понимаете, инсульт — это вам не рак желудка...

— Действуйте. Время не ждет...

Тяжело вздохнув, — сказывались последствия последней пары недель, исключительно нервных, — Спиро Апостопулос распорядился в селектор касательно того, что сегодня он не примет даже Черта и Дьявола, если они вдвоем явятся по его душу. Тяжело ступая, он поднялся в библиотеку, располагавшуюся этажом выше в старинном, имитирующем какой-то из архитектурных шедевров древней Метрополии «шато», скрытом в глубине огромного парка, усаженного сплошь вывезенными с Земли диковинками дендрофлоры.

Библиотека эта была, надо сказать, любимым местом отдохновения почтенного финансиста вовсе не потому, что, как утверждали злые языки, она была единственным местом, где вдали от бдительного взгляда супруги он мог пропустить лишнюю рюмочку «Метаксы» и вздремнуть над страницами очередного эзотерического трактата. Отнюдь нет. К фольклору Малой Колонии, проблемам Палеовизита и эзотерическим изысканиям, посвященным предметам экзокосмоархеологии, Спиро относился трепетно и исключительно серьезно. Библиотека его особняка представляла неплохой музей, в котором (кроме собственно старинных инкунабул и новейших сочинений по вышеназванным и связанным с ними темам) были представлены и довольно дорогостоящие археологические находки с обоих полушарий Планеты, и даже кое-что из того, что в свое время было найдено в пещерах и развалинах баз Древних Пришельцев на Малом и Большом Бельмесах

Специалисты его собрание ценили и за возможность поработать здесь бывали благодарны по гроб жизни.

Подождав, пока бесшумно скользнет на свое место тяжелая резная дверь из каменного дерева, Спиро в благословенной, пропитанной одним только книжным местам свойственным еле заметным ароматом векового тлена полутьме проследовал к низкому, покрытому еле различимой янтарной мозаикой столику, на котором со вчерашнего вечера покоились разложенные в одном, только ему известном порядке записи и предметы — пара масок, «космические раковины», знаменитый «платиновый еж» и сочинения странника Арники в оригинале. Сейчас порядок этот был чуть нарушен. Господин Апостопулос нахмурился и задумчиво опустил в кресло.

И тут же вскочил как ужаленный.

Другое точно такое же кресло, развернутое спинкой к мозаичному столику — лицом к широкому экрану терминала, темнеющему в глубине комнаты, — бесшумно повернулось, и громадного роста фигура, уместившаяся в нем, так же бесшумно подняла палец к губам.

Спиро стал ошалело лупить себя по заднице, забыв, что носит газовый пистолет в заднем кармане совсем других штанов, пучить глаза и трясти членами, изображая всем своим видом безмерное возмущение.

— Не пугайся, Картавий, — посоветовал ему Шишел. — Ты лучше сюда посмотри...

Он развернул перед хозяином дома специально для этого случая чисто помытую здоровенную ладонь, увенчанную пятеркой соответствующего калибра пальцев, на одном из которых уверенно располагался так хорошо знакомый господину Апостопулосу черный бриллиант. Камень полыхнул темным, злым пламенем.

Спиро онемел.

Потом он убрал руку от свисавшего с резной потолочной балки шнурка сигнализации, за который уже было ухватился, и, продолжая стоять на полусогнутых, озадаченно почесал то место, в котором так предательски не обнаружилось его верное средство индивидуальной защиты.

— Кто вы? — спросил он.

— Не о том спрашиваешь, отец, — с досадой оценил его вопрос Шишел. — Ты садись — в ногах правды нет, а разговор у нас долгий будет...

— Кто пустил вас сюда? — все еще с гневом в голосе продолжил Спиро, опускаясь, однако, на сиденье, — попытка возвышаться над незванным гостем, обрушивая на его голову гневные инвективы, явно провалилась — не в тех весовых категориях были противники.

— Сам и пустил, считай, — успокаивающе прогудел Шишел. — Старье у тебя, отец, а не сигнализация.

— Вы, надеюсь, не затем сюда пришли, чтобы предложить мне более совершенную систему по сходной цене? — Чувство юмора стало возвращаться к Спиро. Он жестом попросил собеседника снова предьявить ему «товар» и впился в Перстень колючим взглядом.

— Вот это — верно, — согласился с ним Шишел. — Не для этого. Поговорить зашел. Сам понимаешь о чем. Если не будем дергаться — оба останемся с наваром. А дурака сваем...

— Вы и не представляете, милейший, что будет с нами... и со всеми, если мы, как вы изволили выразиться, сваем дурака... — Спиро окончательно взял себя в руки. — Итак, как я понимаю, вы здорово влипли, друг мой?

Он поднялся и, сделав успокаивающий жест в сторону сразу подтянувшегося в кресле Шишела, мелкими шажками направился к шкафчику, сработанному из капа гранитной березы. На свет божий появилась удлинённая, натурального стекла бутылка и пара изысканной формы коньячных бокалов.

— Угощайтесь, милейший, — вкрадчиво продолжал он. — Вы, надеюсь, понимаете, что у вашего покорного слуги хватит ума не причинять вреда Воздевшему Скрижалю? Так что — главное, чтобы глупостей не наделали вы... Или вы их уже успели наделать?

Шалёный игнорировал брошенный на него проницательный взгляд хозяина, задумчиво наблюдая, как янтарная влага наполняет предназначенные для неё затейливые вместилища, и прикидывал, стоит ли все-таки идти ва-банк, доверившись простому суеверию чокнутых на поклонении Камушку господ.

— Ведь, как я понимаю, вы пришли не просто затем, чтобы вернуть перстенок его законному владельцу? — несколько вынужденно продолжил партию Спиро. — За умеренное вознаграждение?

— Дьявол и Сатана этому Камушку законные хозяева! — рявкнул Шишел. — Кабы мог я от этой игрушки отцепиться, я бы даром её первому встречному сбаврил! Я к вам пришел узнать — что от меня ТОМУ надо?.. Что мне такое сотворить надо, чтобы от всей этой чертовни избавиться?

— Ага, — с удовлетворением констатировал Спиро и приветственно приподнял свой бокал, приглашая незваного гостя угоститься отменным напитком. — Значит, Камень взялся за вас. И это вам не нравится. Вы уже мечтаете избавиться от своего приобретения. Сколько же вы готовы уплатить вашему покорному слуге за добрый совет в отношении того, как это сделать?

Шишел чуть поперхнулся и впрямь замечательным коньяком, но сохранил полнейшую индифферентность во взоре, которым смерил хозяина дома.

— Тут интерес ясный, — доходчиво объяснил он зарвавшемуся партнеру. — Вы Камушек получаете — с рук на руки. Как только... Ну и комиссионные — мне. За возвращение вещи, так сказать. Много не возьму — пять процентов от суммы страховки — не больше...

На этот раз поперхнуться следовало Спиро, но тот просто рассыпался мелким смехом.

— Вы просто не представляете, о какой сумме говорите... Даже если мне удастся освободить такую массу свободных денег, то мне просто никогда не удастся её восстановить... Откуда?..

— Да как день божий ясно — откуда. Из страховки той же... Тебя ведь никто за язык тянуть не станет, что Камушек-то, мол, своим ходом домой пришел...

— Это верно, не станет... — Спиро, смакуя глоточек коньяка, откинулся в кресле и задумчиво воззрился в потолок. — Но все равно — вы запрашиваете совершенно нереальную сумму... Два миллиона федеральных — не больше. И только после того, как...

Он очень хорошо представлял себе, что после того, как Воздевший исполнит Предназначенное, некому, может статься, будет платить, а может — и не за что...

— Ну уж нет, — строго определил Шишел. — Тут ты мелочевкой не отделаешься...

— Вы, по-моему, не в том положении, чтобы много торговаться, милейший. — Спиро поднялся и стал с назидательным видом расхаживать по чуть светящемуся ковру. — Не на том конце ствола, как принято говорить у людей вашей профессии...

— Эт как сказать, — веско пресек попытку вновь нахамить ему Шалёный. — Сейчас

дело со стволом так обстоит, что из вашей шатии-братии ко мне никто и подступиться не смеет, пока Камушек на мне. А я, глядишь, и осерчать на кого могу запросто. И с проблемами своими без вас подразберусь... Тогда и на Камушек другие купцы найдутся...

— Да вы просто не знаете, о чем говорите... — презрительно прокомментировал этот демарш Картавый Спиро. — Поразительная наивность для человека, осмелившегося воздеть на перст такое... Как это у вас вышло, если не секрет?..

— Уж как вышло, так и вышло... В принципе бумажек мне не нужно. Возьму ювелирными изделиями. И антиквариатом. Короче — отоваришь этот вот список. — Шишел перекинул хозяину через стол распечатку, подготовленную Мастером-Кановой. — Сможешь достать дешевле — твое дело. Половина предметов — сверху от черты — до. Половина — после.

Некоторое время Спиро изучал листок.

— Губа у вас не дура, — констатировал он. — Хотя это — уже информация к размышлению... А то загнули — пять процентов...

— Ну так и размышляй поскорее.

Минут пятнадцать в библиотеке царила торжественная тишина, прерываемая лишь причмокиванием и пошлепыванием, которые издавали сложенные бантиком губы хозяина дома. Наконец Спиро, пошарив на столе, нашел свое золотое перо и, вычеркнув несколько пунктов, перекинул листок назад — Шаленному. Тот, крякнув, вписал что-то от себя и снова перекинул листок через стол.

— И еще, — добавил он вслед, — мне нужно прочитать дневники Шайна. Умные люди посоветовали...

— Правильно посоветовали, — подумав, согласился Спиро. — Получите обезличенные копии — со сканера, чтобы вас не одолел соблазн продать текст какому-нибудь сомнительному издательству.

— Если дадите мне часок-другой, чтобы свериться с оригиналом...

— Что ж, это не проблема. Вычеркните из вашего списка вот это, замените на что угодно другое — и по рукам.

Шишел молча посопел, думая, что бы там позаковыристее вписать в проклятый листок. Потом прикрыл глаза, сосчитал про себя до тридцати одного, криво усмехнулся и нацарапал нечто весьма его позабавившее. Спиро молча ознакомился с внесенным изменением и, вопреки всем своим стараниям, не усмотрел в нем никакого подвоха. Ударили по рукам.

Спиро налил по второй.

Магистр в этот раз был еще более сумеречен и суров, чем в прошлую их встречу. Каттаруза, впрочем, и сам понимал, что события не благоприятствовали улучшению его взаимоотношений с Черной Церковью. Поэтому был готов к худшему.

— Ты беспокоишь меня, брат Джайфранко... — Магистр цедил слова сквозь зубы. — Поэтому откройся мне, если у тебя есть что сказать.

Разговор происходил в «линкольне» Папы Джанфранко, медленно — на автопилоте — скользящем по безлюдным в этот час бульварам. И одет Магистр был в мирское. Но это не прибавляло Папе уверенности в своей безопасности.

— Мне не в чем открываться вам... — вяло сообщил он и, сделав над собой усилие, посмотрел в глаза собеседнику. Они были мутны и безумны. — Я ни в чем не грешен перед Учением. То, что вы поручили мне, я сделал...

— Все, связанное с тем, что ты сделал для нас, постигла неудача... — Теперь Магистр не цедил слова, а скорее выплевывал их. — Ты не поспешил поведать нам о том, что сестре Нэнси довелось встретить Воздевшего Кольцо, и, если бы не ее болтливая подруга, мы бы и не знали, что настало время исполнить Долг. Человек, которого для нас нашел ты, ушел из наших рук, а трое братьев, которым было поручено это дело — умелых братьев, — находятся в узилище. К вящей славе Хозяина мира сего, мы сумели-таки заполучить его в свои руки, с тем чтобы он предстал перед Воздевшим. В страхе он покинул то место на дороге... Он покинул его на нашей машине... На той, что была использована, чтобы остановить...

Остальное Папа Джанфранко представлял достаточно хорошо: ну конечно, выше и ниже места перехвата по шоссе стояли на стреме Черные братья. И, неслыханно удивившись совершенно неожиданному проходу ими же чуть раньше угнанной машины, кто-то из них счел необходимым проследить маршрут этого неожиданно выбившегося из плана элементика. И сел на хвост спасаемому было человечку... Ничего сверхъестественного... Представлял Папа Джанфранко и нечто большее. Если для Магистра загадкой было, как трое «умелых братьев» не устояли против одного — пусть даже дюжего — охранника «Межбанковских перевозок», то для Папы загадкой это не было — он уже узнал в пару раз прокрученном по ТВ сюжете того, кто воздел Кольцо. А с Колечком — шутки плохи...

— Но и после того... — продолжал Магистр. — Но и после того как этот... этот Обреченный оказался в наших руках... произошел неожиданный, нелепый налет неких лжеполицейских на место... — Магистр воззрился на Папу Джанфранко, словно ожидая некоей подсказки.

Но такой форы не получил. Папа оставался по-прежнему туповато непонятлив. Как и подобает быть настоящему мужчине.

— На известное тебе, брат Джанфранко, место... — продолжил Магистр чуть более задумчиво, чем требовал обычный тон деловой беседы. — Мы потеряли двоих плененных по воле Хозяина мира сего и четверых братьев. Не самых худших из служащих Хозяину...

История с перестрелкой, покойниками и другими странными обстоятельствами, приключившаяся накануне, уже тоже не была новостью для Папы. И он достаточно хорошо догадывался, чьих рук это дело. Вот только убитые — это было очень непохоже на почерк Шишела...

— Неужели вы связываете эту череду неудач с... — подал наконец свою реплику Каттаруза. Магистр осклабился.

— Если бы я связывал эти неудачи с тобой, брат, — снова мутный и полубезумный взгляд вперился в переносицу Папы, — то мы бы уже...

Он сделал своей лет двадцать как немой, но удивительно изящной кистью руки несколько неопределенный жест. Папа понял. Все-таки он был человеком Серого Круга... Его передернуло.

— Просто череда неудач, как ты верно выразился, брат, имеет место... И твои люди нам сильно помогут, если найдут ТОГО ЧЕЛОВЕКА... Во второй раз...

— Найти человека во второй раз, Магистр, гораздо труднее, чем в первый... — позволил себе уточнить ситуацию брат Джанфранко.

В конце концов, это было действительно так. И вдруг его осенило. Каттаруза сложил кончики пальцев в молитвенном соприкосновении.

— Позвольте предложить вам некую идею?..

— Сердце Хозяина открыто любой идее, которая ведет к Великой Цели... — напомнил

Папе Магистр.

— Мне кажется, что я могу... э-э... организовать вам встречу... Встречу с Воздевшим на перст...

Секунд пять они смотрели друг другу в глаза.

— Что тебе нужно для этого? — спросил Магистр.

— Деньги, — ответил Папа. — Довольно много денег.

— Вот как? — Магистр изобразил на своей физиономии легкое удивление. — Всего-навсего деньги?

— Ну, с дневниками адмирала — все вроде без наколки, — умозаключил Шишел, извлек из компьютера дискету со своим — обезличенным — экземпляром текста дневников адмирала и стал складывать желтоватые листы оригинала в антикварного вида, аж из картона сработанную папку. — Теперь — раз по рукам так по рукам. Уговор — дороже денег. Назад пятками ходу нет... А теперь расскажи-ка мне вот про это вот... — И он извлек из внутреннего кармана своей куртки и поднес к глазам господина Апостопулоса небольшой плоский флакон. Тот протянул руку и взял его. Посмотрел на свет. Откупорил и, помахав над горлышком ладонью, вдохнул странный, горьковатый аромат.

— Похоже, это именно то, что вам надо для того, чтобы сделать следующий шаг к тому, чтобы... чтобы завершить ваши взаимоотношения с этим... предметом. — Спиро кивнул на Камень. И тот вроде чуть заметно сверкнул своими черными гранями. — Это та чаша, которую вам предстоит испить.

— Наркотик, что ли? — озабоченно спросил Шишел. Наркотой он не баловался и все с ней связанное не поощрял.

— Нет. — Апостопулос тщательно закупорил флакон и вернул его Шишелу. — Это — активатор. Он включит молекулярную микросхему, которая содержится в Камне, в вашу нервную систему. Или, наоборот, если хотите — вас самого подключит к схеме Камня. Дело в том, что те, кто создал его, не были людьми. У них был иной мозг, иные клетки... Поэтому Камень и не может достучаться до обычного человека — до вас. Мучает кошмарами, странными ощущениями... А чтобы начать слышать Камень по-настоящему, те, кто ему поклонялся, создали вот этот состав... Впрочем, все равно вы не услышите прямой команды. Ее должны будете отдать себе вы сами... Но чашу эту вам все равно придется испить. Только... Не торопитесь — прочитайте сначала дневники адмирала.

— Ну, спасибо, — выдавил из себя Шишел, поднимаясь. — Утешил...

— Чем мог... — Спиро грустно улыбнулся чему-то и плеснул коньяку в каменную чашечку притаившегося в углу алтаря Шау-тум-Шуна — Болтливому Богу Тайн.

Пол Родмен тяжело вздохнул: если бы кто сказал ему всего несколько дней назад, что ему придется работать в качестве взломщика, он немало посмеялся бы над этим предсказанием. Однако же вот: он корячится над замком черного хода Галереи Джеймса, а его непосредственный начальник — полицейский офицер Генри Харрис — в патрульном «форде» стоит (сидит, вообще-то говоря) на стреме, ожидая наступления решающей фазы операции, за которую обоим им — до конца дней — трубить где-нибудь на Седых Лунах. И что инструктаж по использованию электронных отмычек, приведению в негодность систем сигнализации и тому подобным материям будет давать им матерый медвежатник, которого не прочь пошерстить не только криминальная полиция, но аж и Федеральное управление, и

контрразведка...

Инструктаж, однако, был неплох: обе двери, последовательно преграждавшие путь во внутренние залы галереи, сдались после непродолжительной борьбы, и система сигнализации не заорала в ночной тиши. Пол включил рацию и посвистел немного условным кодом. Через минуту патрульная машина, за рулем которой восседал сержант Харрис, въехала во внутренний двор галереи, чтобы, не дай бог, не привлечь своим неуставным, пустующим видом внимания какого-нибудь излишне бдительного остолопа.

План галереи был составлен грамотно и отработан путем неоднократного посещения сего вечно пустующего очага культуры обоими участниками операции, так что к забранной бронированной ставней витрине, таящей в себе половинку Симметричного Набора, оба стража законности прошли, не отвлекаясь на рысканье по сумеречному лабиринту многочисленных экспозиций, являющих взору любого, отмусолившего пять баксов посетителя сокровища древних, современных и новейших искусств Планеты вообще и Малой Колонии в частности.

Здесь дело обошлось слесарной работой. Некоторое время оба стража порядка рассматривали открывшийся их взорам набор побрякушек, затем Пол пожал плечами.

— И за что только люди платят бешеные деньги... — задумчиво пробормотал Пол, перекладывая тускло поблескивающее барахло в кожаный кисет.

— Теперь делай все как было, — распорядился сержант Харрис. — Следующие два дня галерея стоит закрытая — устанавливают новую экспозицию. Так что — не сразу хватятся...

Двери послушно закрылись за ними в той же последовательности, как и открывались под действием электронных отмычек.

— Так, — тихо сказал сержант. — Здесь код — букво-цифровой... Надо выставить как было... — Он достал из кармана бумажку. — Набирай: «Тринадцать, двадцать четыре, ФРОДО...»

«Тринадцать, двадцать четыре, БИЛЬБО», — набрал Пол.

Взревела сирена.

К тем свойствам характера Толстяка Финни, что вот уже который десяток лет позволяли ему неизменно маячить за стойкой «Кентербери», в то время как в Малой Колонии сменилась пара политических режимов, а в той ее части, что была подводной громадой огромного социально-политического айсберга здешней планетной системы, — полдюжины паханов и крестных отцов теневого мира, относилась главным образом его способность не изменять выражения лица в самых необычных ситуациях. Бармен в четвертом поколении, он оставался им всегда и всюду. Такими и детей вырастил, и внуков растил.

Вот и сейчас печать собственного достоинства, с легкой примесью беспокойства об абсолютной чистоте тяжелого, литого стекла бокала, который он прокручивал через кипенно-белую салфетку, не исчезла с его лица, когда из напоенного табачной мглой сумерка бара выплыла кривоватая физиономия Хромого Лумиса, с большим значением кивнувшего ему — выйди, мол, в бильярдную... Финни решительно и не без сожаления вернул стакан на его законное место и двинулся куда просили. В бильярдной, пустой в этот час, его ждала еще более нежеланная, украшенная облезлой бородой физиономия Шишела.

— Рискуешь, Бородатый, — сказал Финни в пространство перед собой. — В розыске ты... И Папа тобой интересовался, и федералы... И наши контрики...

— Ну и как — заработать желания не появилось? — осведомился Шишел.

Последовала некая пауза.

— Вот что, Бородатый, — определил порядок действий Финни, — пошли-ка мы в приватный кабинет — во всем таком разберемся...

В приватном кабинете Финни, не сбрасывая с физиономии выражения достойной озабоченности своим делом, предложил Шишелу присаживаться у тяжелого, под старину сработанного стола.

— Ты чего — заколдованный, что ли? — спросил он в пространство. — Или слово какое выучил? Тебя уж вся Система обыскалась, а ты вот так запросто к Финни пивка засосать возникаешь?

— Эт уж ты сам его соси, а мне если покрепче чего нацедишь — не побрезгую... — определил расстановку сил Шишел.

Финни, не говоря худого слова, выставил на дубовый стол запотевший графин и мановением двух пальцев организовал рядом поддончик с тончайшими слоями нарезанной буженины, увенчанной веточками петрушки и лепестками какой-то местной зелени. После чего бесстрастно воззрился в пространство.

— Я тебя надолго не займу, — успокоил его Шишел. — Вещицу одну узнаю да и ходу дам. А будет кто про меня справки наводить — можешь все как есть выложить...

Финни молча жевал губами, продолжая смотреть в пространство. Потом перевел взгляд на Шишела и посмотрел тому в глаза.

— О тебе очень плохо говорят, Шишел, — сказал он веско. — Говорят, ты Трюкача в какое-то дело втравил так, что его и не видно и не слышно которую неделю... И на ТВ засветился ты... С рукой-то что у тебя? — Он кивнул на забинтованный палец Шишела.

— Да так — одна тварь цапнула... О Гарики пусть у тебя голова не болит. Жив-здоров — по состоянию на сегодня... А вот за Корявого Банджи налей-ка по полной за упокой души... Кстати, о нем и речь...

Финни мрачно глянул на него исподлобья. Налил. Они чокнулись и опрокинули.

— Ты, Финни, главное возьми в ум — Шишел сроду народ не мочил и мочить не будет... — постарался внушить набычившемуся собеседнику Шаленый. — Но и трепать языком лишнего не стану. Нету больше Банджи и нет — мир, как говорится, праху его... Ты мне вот чего скажи: эту штуkenцию помнишь?

Шишел поднял с пола и подержал на весу перед носом Финни хорошей работы увесистую сумку из кожи пещерного хряка. Потом двинул по столу, по направлению к собеседнику две сотенные бумажки. Впервые за много часов лицо Финни чуть изменилось. Нервный тик потянул кончик рта слева.

— Памятью Бог не обидел... Спустил эту штуку — и как раз Банджи... И как раз через Трюкача... Так что — сон в руку? — Финни совершенно индифферентно рассматривал купюры на свет.

— В руку не в руку, — резонно заметил Шишел, — а мне знать надо — кто тебе товар этот сторговал? И когда?

Финни молча смотрел сквозь Шишела. Облизнул губы.

— Рискую я, Шишел... Сам понимаешь...

Шишел вытянул бумажник и, не говоря худого слова, отмусолил Финни еще две сотни. Не облагаемые никаким налогом. Тот вздохнул.

— Наливай по второй, Шишел... За упокой души снова... От покойничка к покойничку

эта вещь через Гарика прошла. Видать, несчастливая...

— Ты не каркай, — осек его Шаленый, разливая водку, — а вещи своими именами называй...

— Человечек этот прогремел сильно, — сообщил Финни, загребая на вилку пяток ломтей закуски разом. — И точно в тот день, когда предмет этот мне он загнал, — соображаешь, как мне потом икалось?.. Принес вещь в ночь — в первом часу где-то, деньги получил от Банджи, через зачищенную карточку, поутру. А к ночи тех же суток — прогремел здорово. Помнишь угон «Покахонтес»? Вот тот парень его и отмочил. Я-то его как Дейла знал — пока он просто среди здешних ребят крутился. Из залетных сам и команду себе такую же подыскивал уж не знаю для каких дел... А вышло — Клайд... Клайд Ван-Дейл... Я уж тогда со страху перешарохался основательно. Потом гляжу — вроде и не всплыла вещь. Никто по этому делу не суется. Однако — чуток ошибся, как видно...

Шаленый чокнулся с собеседником и проглотил ледяную водку, с тупым удивлением глядя в пространство перед собой.

— Да, брат Финни... — задумчиво сказал он, пережевывая буженину. — Всякая случайность — это непознанная, в душу ее язвы, закономерность... Надо же Ван-Дейл... Клайд... Как это я сразу... Так выходит, на Северном полушарии малый пропал?..

— Он на челноке с лайнера смылся... При посадке челнок потерял управление. Над Северным бугром... Ну и амбец...

— Катапультироваться не успел? — не без сочувствия к Потертым Мокасинам спросил Шишел.

— Успел, кажется... — Финни пожал плечами, дивясь наивности собеседника. — Так это без пользы. Он в самую серединку Северного бугра вышел — на Капо-Квача. Амбец... Чистый амбец...

— Да, гиблые, говорят, места. Неужто никто не возвращался оттедова?.. — все не отступался Шишел.

— Кроме трапперов, но те народ такой, что уж лучше сразу в болоте утонуть, чем с ними дело иметь... — Финни подхватил с поддона еще малость закуски и задумчиво уставился на лепесток мутантной петрушки, что вытащил из зубов. — Если б он на них наткнулся, то тут пятьдесят на пятьдесят — либо сразу бы прирезали, либо за выкуп полиции Черты сдали бы...

— А эти... туземцы эти... аборигены... — вяло предположил Шаленый.

— То же яйцо, Шишел, только в профиль... — Финни отправил занимавший его лепесток в пространство и снова посмотрел Шишелу в глаза.

Шишел задумчиво дожевывал закуску.

— Ну а что за команду слепил этот парень?.. Говоришь — залетные?

Финни нервно дернул щекой.

— Послушай, Димитрий, меня не за длинный язык на этом свете держат. Я не знаю ни шута о том, кто и что стоит за той игрой, что затеяли здесь эти ребята, но поверь мне — это не простые заказчики. За всем этим стоят какие-то хитрые структуры... И, поверь, ссориться с ними мне вовсе не с руки.

Вздыхнув, Шаленый отмусолил Финни следующие две сотни.

— Точного состава этой команды, — Финни чисто автоматически посмотрел бумажки на свет, похрустел ими у уха и со скорбным выражением на физиономии отправил их в нагрудный карман, — точного состава этой команды я не знаю... Но пощупай Глазастого —

знаешь, такого — часто сшивается в «Экс-Парадизе»... Ошивался, по крайней мере... И еще вот что... Клайд этот... Он на меня вышел с подачи Дидье-Француза... Шуман его фамилия. Живет открыто. Адресок — в справочной сети... Это у Главного рынка где-то... Там лягушатники гнездиться любят... Вот к нему и загляни — без переноса на меня — понял?.. Если по адресу не найдешь, то поинтересуйся на ипподроме, на бегах... Он оттуда не вылезает... Только...

— Без переноса на тебя. Понял, не дурной...

Когда Шишел покинул «Кентербери», Толстяк прошел в свой кабинетик, не без труда уместился за конторкой, подумал немного. Потом пододвинул к себе настольный блок связи, закурил, посмотрел на него, еще немного подумал, загасил сигарету в латунной пепельнице, поставил блок на место и, с трудом вытянув себя из-за конторки, вернулся за стойку. Как ни в чем не бывало...

За минувшие сутки мало что изменилось в этом безликом офисе, в котором два человека с посеревшими от бессонницы лицами уничтожали громадное количество гамбургеров и кофе, попутно пытаясь отыскать иголку в стог сена — то бишь Скрижаль Дурной Вести в громаде Малой Колонии и обоих Бельмесов.

— Подведем итог. — Стивен откинулся в кресле и подавил желание водрузить ноги на стол. — Перстень воздет на перст. И после этого стал неуловим для команды Мак-Аллистера. Если судить по тому, что с их стороны не заметно никакой активности. Мы Перстень проморгали, но хорошо знаем его носителя. Имеем его досье. Судьба Уолта Новикова — загадка. Но не думаю, что господин Шаленый его умертвил. Это не в его характере. Хотя и шалить с Черной Магией — тоже было не в его привычках... За обоими идет охота... Как я понимаю, в дело как-то замешаны адепты Ложного Учения... И возможно — поклонники Эйч-Эрн...

— По этому поводу спешу поделиться последней информацией. — Генри Остин развернул свой терминал так, чтобы собеседник лучше видел экран дисплея. — Это от нашего внедренного агента... Точнее, агента криминальной полиции. Но они по этому делу немедленно снеслись с нами... Тут, в Столице, точнее, в близлежащих окраинах есть несколько этаких... э-э... хитрых клиник... В которые, допустим, можно обратиться с огнестрельным ранением, о происхождении которого вам неинтересно говорить, или по поводу лечения наркотической зависимости... Так вот, в пансион «Лютетия» — одно из таких мест — неизвестными лицами доставлена не кто иная, как разыскиваемая по делу об убийстве Рут Биллисю — помните такую? — ее подруга, Нэнси Клерибелл. Та самая Пташка, которая ушла из-под носа у старины Донахью. Ей требуется основательная помощь. В том числе и психиатрическая. Девочка в состоянии сильнейшего шока. Налицо явные следы пыток и психохимической обработки. И еще — простейшим зондом наш человек обнаружил у нее на руках следы порохового выхлопа. Агент воспользовался случаем остаться с ней наедине и провел... э-э... ассоциативный допрос.

— Он применил мнемоактивацию? Это... — Федеральный следователь напряженно выпрямился в кресле.

— ...самый мягкий препарат... — Капитан сделал успокаивающий жест. — Учитывая эти самые следы порохового выхлопа, такую меру следует считать обоснованной... Кроме того, как я уже сказал, официально это не наш агент.

— Ну а кто девицу Клерибелл привез в это милое место? И кто платит за... э-э...

услуги? — Стивен напряженно вглядывался в строчки донесения, высвеченные на экране.

— Вот приметы. — Остин перекинул на стол Клецки уже готовую распечатку. — Узнаете, по крайней мере, одного из наших друзей? Почитайте этот файл — он интересен, а я схожу за провиантом: хочется пожрать чего-нибудь человеческого. Вам что прихватить?

— На ваш вкус, капитан, — рассеянно ответил следователь, с головой уходя в чтение файла.

Остин вышел из кабинета и направился к лифту. Там его догнал сервисный автомат-курьер.

— Просили передать вам — лично и конфиденциально... — Он протянул капитану конверт с его именем, написанным от руки.

Тот вскрыл его.

«Капитан, — говорилось в тексте, аккуратно написанном на четвертушке белоснежного листа, — мне представилась возможность быть посредником в переговорах, которые предлагают вам нынешние держатели того, что вы ищете. Если вы согласны на такие переговоры, я жду вас по четным числам в полдень в Галерее туземного искусства. Не надо слезки. Не надо ставить в известность федералов.

Уолт Новиков».

В кабинете, дочитав и перечитав донесение агента Доктора, федеральный следователь сменил экранную «страницу» и прочитал пришедшую на его имя записку.

«Господин следователь, — говорилось в ней, — мне представилась возможность быть посредником в переговорах, которые предлагают вам нынешние держатели того, что вы ищете. Если вы согласны на такие переговоры я жду вас по нечетным числам в час дня в Экопарке. Не надо слезки. Не надо ставить в известность контрразведку.

Уолт Новиков».

Перечитав текст еще раз, Стивен подумал немного, уничтожил файл и стал думать дальше.

Утренняя сводка новостей была сера как и само дождливое утро. Никто ни с кем не воевал в Малой Колонии. Не успели еще выкинуть очередные фортели ни Президент, ни парламент. Только к концу пятиминутной тирады миловидная дикторша сообщила нечто забавное.

Минувшей ночью, оказывается, неизвестные злодеи умело вскрыли один из входов в небезызвестную своими сокровищами Галерею Джеймса и из многочисленных выставленных там предметов искусства покусились на небезызвестный среди специалистов Симметричный Набор, точнее, половину этого знаменитого комплекта палеодргоценностей, находящуюся в экспозиции музея. Прибывший на место происшествия патруль полиции, следовавший мимо для проведения дозаправки севшего аккумулятора, успел спугнуть грабителей, оставивших на месте преступления уже приготовленную к выносу драгоценность. Происшедшее нарушило планы администрации галереи, которая именно в эти дни рассматривает серьезное предложение анонимного покупателя, желающего приобрести выставленную в галерее часть Симметричного Набора для

пополнения своей личной коллекции.

— Зар-р-разы стеганые! — обругал Шишел сержанта Харриса и его подручного. — Ничего сделать не могут, не напортачив...

И, выключив автомобильный ТВ, погнал машину дальше.

Картавый Спиро в своем особняке тоже выключил телевизор и задумался, забыв про дымящуюся перед ним чашку кофе.

За второй день пути они потеряли еще одного бойца: из троих, задержавшихся на месте ночной стычки с трапперами, догнали отряд только двое. Один солдатик забрел в заросли ледяного тростника и там и остался навсегда — чертово растение было богато летучими токсинами. Товарищи как могли старались выручить бедолагу, но в этом не преуспели: отделались ожогами и большой потерей времени. В Сонное урочище, где дожидался их отряд, они опоздали основательно. Последующие трое суток пути прошли в безуспешных потугах нагнать намеченный график продвижения. К Горному монастырю братьев иерихонцев вышли только на самом закате пятых суток. Клайд так и не сподобился узнать, в шутку или всерьез братья Горной обители именовались иерихонцами. Кажется, прозвище пошло от того, что колокольный звон в этом прибежище сразу нескольких вер заменяло пение труб — довольно сиплое в этот вечер.

Сам монастырь виделся отсюда, из предгорий, сначала просто бесформенным нагромождением каменных глыб, затем, по мере продвижения по постепенно тающим в темноте тропам, стал приобретать какие-то определенные очертания. Затем в двух-трех окнах-щелях его вспыхнули еле заметные призрачные огни.

Слава богу, уже вторая ночь начиналась без ливня. Теперь, когда они выбрались из-под полога леса в предгорья, небо снова освещало им путь зыбким, трепетным светом бьющих вдоль горизонта молний. Звезды и Малый Бельмес видны были сквозь дымку, но с северо-запада медленно надвигался сплошной мрак.

Двигаться в наступившей тьме по и днем-то неприметным горным тропам, да еще волоча с собой распряженного жеребца и носилки с вконец расхворавшимся Роско, Клайд считал чистым безумием. Однако же на Луку, и тем более на их высочество Фесту его аргументы действия не возымели. Оба были уверены, что не позже чем к завтрашнему дню их опередят трапперы. Клайд и сам понимал, что все происшедшее той, первой ночью убедительно свидетельствует о том, что все меры конспирации, принятые большими начальниками для безопасного прохода ее величества по Тропе, провалены к чертям собачьим, однако, вместо того чтобы свернуть явно неудавшийся поход, ее высочество Феста и ее спутник упрямо стояли на продвижении к конечной цели. Вообще, немногословная и решительная Дедова Внучка осточертела Клайду за это время хуже ее капризного и бестолкового породистого жеребца. Пребывавший в расстроенном здравии Наставник Роско, казавшийся Клайду поначалу наиболее благоразумным из его попутчиков — ни дать ни взять человек с Большой земли, — проявил вдруг поистине ослиное упрямство, настаивая на том же идиотском варианте действий. Никаких средств связи с фортами или с кем-либо вообще, как уже твердо усвоил Клайд, у сопровождаемых важных персон не предвиделось. По крайней мере, Клайда не спешили с ними ознакомить. Оставалось полагаться на опыт Луки и попутчиков. Опыт этот, однако, ни на долю процента не совпадал с военным опытом Клайда, приобретенным в ходе полупартизанских войн на трех планетах Федерации.

Выбиралась тройка разведчиков и прощупывала тропу метров на пятьсот вперед. Затем

один из них оставался подавать светом сигналы с конца этого отрезка пути, второй — с середины, а третий возвращался к основному отряду и медленно и печально волок народ по разведанной части пути. После чего за дело бралась следующая тройка. Конца этому видно не было. За пределами леса, под открытым небом, большая часть отряда вновь превратилась в бестолковых олухов. Чувствовалось, что Лука хотя и гудел уверенно над ухом у Клайда, но тоже ощущал себя коровой на льду. К часу ночи они все-таки уронили жеребца в пропасть, но проклятая тварь уцелела и даже не поломала ног — с Клайда и его подопечных сошло семь потов, пока с ним разобрались.

Когда наконец довольно неожиданно монастырь предстал перед ними, это было довольно-таки приятным сюрпризом.

Начался довольно долгий и почти непонятный Клайду обмен световыми сигналами и условными свистами и скрипами между отрядом и теми — в монастыре. Воспрянул с носилок и Наставник Роско, активно включившийся в этот диалог, временами сбиваясь на кашель и перханье. Затем Наставник и высокородная особа долго о чем-то толковали, отойдя в сторонку, вслед за чем Наставник, прихрамывая, вернулся к тоскливо созерцавшему вконец затянувшиеся тучами небеса Клайду и осчастливил его краткой инструкцией:

— Постройте своих людей по двое и заводите в те вон, дальние двери. Вам отворят. Устройте людей — пусть обсохнут и выпяятся до утра, а сами возвращайтесь к вон тем, северным воротам. Стучите вот так. — Он показал. — С вами будут говорить отдельно.

«Кто, собственно, будет со мной говорить? — устало подумал Клайд. — Настоятель? Дедов порученец? Сам Дед, что ли?» Но задавать вопросы его отучили еще в Легионе. Он вежливо поклонился в знак послушания. Говорить «есть» штатской клизме было бы уж слишком.

За дверью, неплохо замаскированной в тяжелой каменной кладке, Клайда встретили четверо неприветливых братьев иерихонцев в грубых шерстяных клобуках, деловито разместившие всю его небольшую и до предела вымотавшуюся за неполную неделю пути рать под навесами по периметру небольшого замкнутого дворика, слабо освещенного мудреной конструкции факелами, упрятыми в нишах. Дворик представлялся напрочь отрезанным от прочих внутренних помещений монастыря, что не вызвало у Клайда особого восторга. Он выставил ночной пост, распределил вахту на остаток ночи, отдал распоряжения относительно прикомандированного к нему жеребца и, поминая черта, как было велено, потопал к северным воротам.

За воротами этими дела делали более серьезно. Освещение было вполне современное — вдоль корявых стен тянулись флюоресцентные панели. Братьев иерихонцев было густо, и поверх шерстяных рубищ у них болтались армейские бластеры. Из караулки Клайда быстренько препроводили во внутренние покои, оттуда — во вторые и после недолгого ожидания — в третьи. Там Клайда обыскали и отобрали оружие, после чего спровадили уже в четвертую комнату — приемную, судя по непременно для такого рода мест, единой для всей обитаемой Вселенной, неуловимой атмосфере. Впрочем, Клайду было наплевать на такие нюансы. Впервые за несколько недель он мог сидеть на нормальном стуле, рассматривать какие-то непонятные, на иконы смахивающие, в тяжелых металлических окладах картины, развешанные по стенам, и просто чего-то ждать. Должно быть, приглашения в помещение рядом. В кабинет.

Вместе с ним ждали этого самого чего-то еще двое — Наставник и Дедова Внучка Войдя, Клайд раскланялся с ними, и на этом обмен информацией между ними и закончился.

Наставник Роско словно сбросил с плеч свою хворь и сподобился переоблечься из походного платья в нечто партикулярное, видно подходящее предстоящему приему. Может, и ванну успел принять. Выглядел он уже вознесшимся в некие высшие сферы и к разговору с мелкой сошкой вроде комотделения Клайда Ван-Дейла был явно не расположен. Феста осталась в дорожном наряде и как-то замкнулась, погасла — ссутулилась в угловом кресле, уперев подошвы сапог в краешек сиденья стула напротив. Впервые Клайд не увидел на лице Дедовой Внучки отблеска той железной целеустремленной воли, что двигала ею на всем их нелегком пути к Горному монастырю. Усталость и досада были на этом лице. И тоска. И речи не было о том, чтобы со скуки поболтать с этой вдруг ставшей трагической марионеткой здешнего странного кукольного театра. Да и самого Клайда смертельно тянуло в сон, погрузиться в который ему так и не пришлось.

Из-за скрывающих двери в таинственный кабинет тяжелых портьер обозначился дежурный брат и молчаливым кивком пригласил Наставника войти. Тот поправил галстук — и шагнул вслед за монахом в темноту. Скрипнули невидимые тяжелые створки, и наступило несколько гнетущее ожидание. Чтобы окончательно не отключиться, Клайд поднялся и стал мерить шагами приземистое, душноватое помещение. Минут через пять Дедовой Внучке это надоело.

— Перестаньте мелькать перед глазами как маятник! — раздраженно сказала Феста, выпрямляясь в кресле. — И без вас тошно, капитан.

— Комотделения, мисс, — сухо поправил ее Клайд.

— Но в Легионе-то вы дослужились до капитанских звездочек, мистер Ван-Дейл. Не так ли?

— Вы, оказывается, знакомы с моим «личным делом», мисс, — несколько равнодушно комментировал Клайд этот слегка удививший его вопрос-утверждение.

— А вы что, воображали, что случайно получили это задание? Вот так сразу раз — и из учебного форта — в конвой на монастырь?

— Раз вы об этом спрашиваете, значит, не случайно, мисс, — все так же флегматично констатировал Клайд. «Видимо, — прикинул он, — эта история с угоном «Покахонтес» не осталась секретом для здешних начальников. Как и следовало ожидать».

Он остановился перед почерневшей от времени доской с портретом какого-то бородатого типа и сосредоточил свое внимание на ней.

— Вы очень своевременно заинтересовались ликом Святого Шайна, — прокомментировала его занятие Феста. Она поднялась и, разминая затекшие ноги, выписала по комнате замысловатую траекторию. Потом заняла прежнюю позицию. — Очень своевременно. На вашем месте я при случае поставила бы ему свечку.

Уточнить эту мысль ей не удалось. Из кабинета вынесло Наставника Роско. Он основательно сдал за те четверть часа, что провел наедине с неведомой вышестоящей персоной. Сгорбившись, он постоял, придерживая пострадавший в бою бок, потом выразительно кивнул Клайду на скрытую в портьерах дверь.

— Господи, как мне надоели эти игры... — глухо сказал он в сторону.

— Скоро все кончится, Наставник, — не оборачиваясь, утешила его Феста. — Теперь уже скоро.

— Что, собственно, кончится, девочка? — Вопрос Роско Клайд услышат уже на пороге обитых кованой бронзой дверей.

— Все, Наставник, — ответила Дедова Внучка. — Вообще все.

Человека, который ждал Клайда в полутемном кабинете за массивным, с каменной столешницей столом, было много. Плоть перла из него. Хорошо выбритая и ухоженная плоть подслеповатого лица, украшенного врезавшимся в крючковатый нос антикварным пенсне; волосатая, когтистая плоть смахивающих на альдебаранских летучих гусениц пальцев; покрытая мелкими бисеринками пота сверкающая плоть мясистой лысины... Глаза, утонувшие в этой горе пахнущего дорогим мылом мяса, выражали только лишь одно чувство — глубокое, свирепое недоверие к собеседнику. Некоторое время Клайд мучительно пытался вспомнить, кого из исторических персонажей так напоминает ему этот господин в строгой, расходящейся по швам черной «тройке», но это занятие пришлось оставить. Хозяин кабинета поднялся из-за стола и, с неожиданным для его габаритов и телосложения изяществом обогнув еще несколько предметов мебелировки, устремился к вошедшему.

— Рад видеть вас в добром здравии мистер Ван-Дейл, займите вот это место, будьте любезны... — Слова этот тип выговаривал как-то особенно тщательно, словно опасаясь, что собеседник заподозрит его в неграмотности. — Боюсь, что меня не удосужились представить вам — так будем знакомы: Александр Георгиу, Советник народа по вопросам безопасности. В настоящий момент — ответственный за доставку Конечных Компонент... Вы понимаете, что это означает?

— Нет, — откровенно признался Клайд. — Не представляю.

— Это означает, — милостиво улыбнулся господин Георгиу, нависая над ним и буравя темя ненавидящим взглядом, — что руководство Свободного Лесного Народа со всей ответственностью заявило, что наше общество переступило великий порог — порог завершающей стадии работ на Котловане. Цель, ради которой отдали свои силы и жизнь лучшие люди этого поколения, лежит перед нами на расстоянии вытянутой руки!

— Это очень воодушевляет, — нейтрально, насколько возможно, согласился со сделанным заявлением Клайд.

— А еще это означает, — Советник народа нагнулся к его лицу и теперь буравил взглядом, казалось, непосредственно мозг, — что если к моменту окончания работ на Котловане — на место этих работ — не будут доставлены накопленные за пять последних лет МАТЕРИАЛЫ, то с плеч полетит в первую очередь эта вот, — палец-гусеница уперся в собственный господина Георгиу висок, — голова... И поэтому, — Советник выпрямился, не спуская свирепого взгляда с глаз Клайда, — этой голове приходится очень много думать. В том числе и о поведении различных пришельцев. С Большой земли и из разных других мест... О твоём, в частности, поведении, Клайд Ван-Дейл... Могу ли я положиться на такого человека, как ты?

— Я принес Присягу, — все так же нейтрально уведомил Советника Клайд.

— Присягу... Клятву... Не важно, чем люди клянутся и чему они присягают... Важно понять, что ими движет...

Господин Советник обогнул свой стол в обратном направлении, отвернулся от Клайда и некоторое время созерцал сложный орнамент огромной чеканной панели, покрывавшей стену за его креслом. Клайд не сразу сообразил, что это панно представляет собой выполненную в весьма своеобразной манере карту Капо-Квача.

— Я думаю, — медленно продолжил Советник, поворачиваясь к Клайду и глядя на него теперь уже с задумчивой ненавистью исподлобья. — Я думаю: что двигало капитаном Легиона в отставке Клайдом Ван-Дейлом, когда он надумал свернуть с маршрута рейсовый

лайнер? — Он двумя паавцами поднял со стола длинный узкий листок желтой бумаги, покрытый убористым шрифтом. — Можно было бы ожидать это от полного дурака. Очень смелого и сообразительного дурака. Но Клайд Ван-Дейл в таком качестве себя не зарекомендовал... — Толстые пальцы Советника погладили другой узенький желтый листочек, покоившийся на столе. — Почему ты молчишь, Клайд?

— Я согласен, что этот... поступок выглядит странно, — сглотнув слюну, признал Клайд. — Однако все это не имеет отношения к... к здешним делам. К плато и лесу...

— Позвольте мне, Советнику по безопасности, определять, что имеет отношение к плато и лесу, а что не имеет, — возвысил голос господин Георгиу. — Что уж и верно — поступок ваш странен. Но что поделаешь? — Тон Советника изменился: теперь это было наигранное безразличие. — Вы часто себя странно ведете — люди, чей путь пересекся с путем Камня...

— Успокойтесь... — Теперь, после хорошо выдержанной — в духе провинциального любительского спектакля — паузы, голос Советника источал саму благодать Божию. — Не время еще нам говорить всерьез. Вам есть о чем подумать, и нам есть время подумать о вашей судьбе. Посмотреть и подумать... Главное, что вы должны усвоить, так это то, что ничто из того, что с вами происходит с того момента, как нам, — его пухлая ладонь хлопнула по разложенным на столе листкам бумаги, — стало известно, с кем мы имеем дело, НИЧТО не случайно...

Господин Георгиу плавно, теперь уже с другой стороны, обогнул стол, извлек из резного шкафчика резного хрусталя графин, наполненный янтарной влагой, пару кристальной чистоты вместительных стопок и наполнил их.

— Примите. Я полагаю, вы давненько не пробовали настоящего виски... Очень, очень успокаивает... Сейчас нам предстоит разговор уже сугубо практического плана...

Он взглядом медика проследил за тем, чтобы Клайд принял выделенную ему порцию алкоголя, и затем с чувством опорожнил и свою хрустальную емкость.

Некоторое время он потратил на то, чтобы тщательно поместить виски на место и запереть шкафчик. Что-то было в его движениях от моторики почтенного главы патриархального семейства, откуда-то из глухой провинции, прячущего спиртное от неслухов сынков.

— Вы неплохо зарекомендовали себя, выполняя задание, капитан. — Советник успокаивающим жестом опередил реплику собеседника. — Капитан, именно капитан: почему бы нам не восстановить вас в звании Легиона? Собственно, учитывая предстоящую вам миссию, просто необходимо... э-э... расширить ваши полномочия. Если бы не эта история с освобождением высочайшей делегации... Поверьте, если бы вы не отличились подобным образом, я по-другому бы разговаривал с вами, Ван-Дейл, совсем по-другому... Но теперь я имею относительно вас прямые указания руководства.

В его голосе чувствовалась некоторая жалость.

— Как я понимаю, господин Советник, моя миссия теперь состоит в том, чтобы вернуть своих людей в форт...

Советник досадливо взмахнул рукой:

— С этим они сами справятся лучше вас. Поручите это кому-нибудь из них потолковее... Все дело в том, что нам тут вечно приходится на ходу менять свои планы... Вот, казалось бы, простое задание — сопроводить их высочество Фесту и Наставника Роско из инспекционного маршрута к Котловану... Однако видите сколько непредвиденных

хлопот... Маршрут Высочайшей инспекционной комиссии рассекречен. Конвой из двенадцатого форта в монастырь не прибыл... Предательство всюду. Вот я и подумал: «А не поручить ли довести это дело до конца все тому же капитану Ван-Дейлу? Тем более что я имею предписание препроводить оно в ведение высшего руководства...»

«Это он про Деда, что ли: «высшее руководство» да «высшее руководство»? — прикинул Клайд. — Или есть еще кто — повыше?»

— Одного меня, знаете, будет маловато, — аккуратно заметил он. — Тем более что я не имею представления о предстоящем маршруте.

— Дюжина здешних братьев вас, думаю, устроит. Маршрут они знают превосходно, да вот вояки — никакие. Как и все здесь... Так и быть, добавлю пару егерей — благо такие здесь остановились на ночлег.

Советник расположился в тяжелом деревянном кресле и внимательно рассматривал свои коротко остриженные очень мощные ногти.

— Однако придется поторопиться. Больше двух часов на сон вам дать не могу. Думаю, если мы тут застрянем, трапперы обложат монастырь...

— Им так сдалась эта инспекционная комиссия или...

— Главным образом им сдался груз, который вы и ваши высокие попутчики будете сопровождать отсюда в Котлован. Я уже сказал вам... Конечные Компоненты... Четыре здоровых сундука. Не слишком тяжелых, правда... Они-то и должны были стать выкупом, если бы госпожа Феста осталась в их руках... Главное для вас — пройти Перевал. Дальше местность хорошо контролируется силами охраны Котлована. И вообще идут места обитаемые... Сейчас отправляйтесь отдохнуть. Приведите себя в порядок. К пяти утра отдайте распоряжения своим людям и представьтесь брату Каролу. Он к тому времени получит необходимые инструкции. У вас есть вопросы?

Вопросов у Клайда не было.

— В таком случае я не задерживаю вас. Советник позвонил в архаический бронзовый колокольчик и небрежно бросил возникшему из недр портьеры брату:

— Проводите... в ту дверь...

Обернувшись через плечо, Клайд напоследок узрел Советника, с грацией гиппопотама спешащего к дверям приемной, — надо полагать, лично приглашать к разговору мисс Фесту.

— Мое оружие, — напомнил Клайд брату.

Тот молча кивнул, и они вышли в тот самый предбанник, где Клайд сдал дежурному свои бластер и пистолет. Получив их обратно и проверив заряд, он немного успокоился. Мельком брошенное Советником упоминание о Камне занозой сидело в его душе.

Брат проводил Клайда сначала в трапезную, а затем — в коридорчик, вдоль которого располагались гостевые, надо полагать, кельи, а в конце нашелся прямо-таки почти современный казарменный санузел с душевой. Кроме того, еще один брат торопливо приволок откуда-то комплект поношенного, не по размеру, но зато чистого обмундирования — что-то из списанного имущества Легиона или какого другого наемного воинства, ошивающегося окрест. Клайд наконец-то отмылся от неистребимого козлиного духа лесных фортов и около полутора часов прокемарил нервным, прерывающимся сном, в котором его снова ждал Лесной Человек.

Глава 7

БОГ ИСКУШЕНИЯ

На просторном и довольно светлом чердаке — заброшенной студии не самого модного художника Малой Колонии — Шишел устроился без особого труда. Художник тот в настоящее время занимался прибыльной частью своей жизненной активности — сопровождением очередной партии контрабандных компьютеров на Сендереллу — и ключи от своего жилища доверил Шишелу еще на Трассе. Скорого возвращения хозяина не предвиделось. Нашлось место и для Сэма. Шаленый искренне пытался добром добиться от дважды им выгнанного у черта из зубов теоретика хоть какой-то информации о Камне. Но тот был занят в основном молчаливым бдением над листком блокнота, в котором за истекшее время появилось целых две новые строчки изумительно коряво написанных символов. В конце концов, пора бы было скромному гению и поесть по-человечески.

— Да, он не обманул вас, — задумчиво сказал Бирман и отодвинул от себя нетронутую тарелку, которую поставил перед ним Шаленый. — Камень не может отдать вам приказа. Он не говорит по-человечески. И не будет понимать того, что попытаетесь объяснить ему вы. Он будет лишь толкать вас к определенному... действию. Методом, так сказать, проб и ошибок... Апостоулос это прекрасно понимает... Но он — непосвященный. И поэтому не знает, что взялся помочь вам, Дмитрий, совершить нечто... непоправимое. Хотя, может быть, вы и отнесетесь к этому легко..

— Непосвященный, говоришь?.. — Шишел подвинул тарелку с дымящимся пловом снова к Сэму. — А ты, выходит, посвященный... И кто же еще?

— Те, кто читал Старые Книги. Люди Янтарного Храма. Но тебе не стоит идти к ним — они, скорее всего, постараются тебя остановить. Заточить, например. Убить вас трудно... Но они постараются что-то предпринять.

Он вновь отодвинул тарелку от себя.

— Еще, — добавил он, — Черная Церковь знает часть истины. Эти изуверы станут вам поклоняться как Богу. Но — не советую... Впрочем, как знаете... Это ведь Воздевшие создали здесь эти сатанинские храмы... Преследовали науку в Малой Колонии... У них была большая власть. В Позабутые Времена... И еще один человек, наверное, знает тайну Камня... Он, правда, не читал Старых Книг. Он дошел до всего сам...

— Ты, чудак, чего не ешь? Вера не позволяет, что ли? Если что — скажи, что для тебя брат, а то я, прости уж, трепное от кошерного не различаю...

— Я не соблюдаю религиозных запретов... Просто я не стану есть в доме, где меня содержат насильно...

Шаленый несколько секунд сверлил физика слегка удивленным взглядом. Потом рявкнул:

— А тебя, чудака, никто здесь насильно и не держит! Ты это мог бы и призаметить... А если уходя тебя запираю на чердаке этом, так чтобы друзья наши из церковки той подпольной до тебя не добрались... да и до меня заодно... Ты меня понял?

— Значит, — Сэм решительно поднялся, — я могу в любой момент вот так просто встать и уйти?

— Да тебя же на первом углу в мешок головой. И до свидания...

— Так могу или нет?! — возвысил голос Сэм.

— Дурням закон не писан, — сурово определил Шишел. — Гуляй себе на все тридцать четыре стороны... Так ведь если тебя с интересом допрашивать начнут...

— Я уже видел, что они сделали с Нэнси... — Сэм передернулся. — Я не дамся им в руки живым.

— А тебя, чудак, об этом спрашивать никто не станет. Коль не захотят — так тебе ни в жисть не помереть — под контролем-то... Так что из-за тебя мне уже третью хазу искать надо... А так — ладно. Коль дурная голова ногам покою не дает — иди себе, как говорится, с миром... И бумажки свои не забудь... — Шишел с огорчением ковырнул в зубах.

Сэм, напыжившись, подошел к двери снова — в который раз, — приобретя сходство с попугаем, потрепанным бультерьером. Не нашел что ответить, повернул ручку замка, вышел, хлопнув дверью. И тут же вернулся.

— Ладно, если так, — мрачно сказал он, — то надо, по крайней мере, воздать должное вашему гостеприимству. Я, честно говоря, дьявольски голоден.

— Эт поумнее будет... — заметил Шишел, наблюдая, как Сэм уплетает его стряпню. — А то, может, и останешься?

Сэм вяло улыбнулся и вдруг рассмеялся тихим, грустным смехом.

— Господи, если бы вы знали весь комизм ситуации... — Потом посмотрел Шаленому в глаза и тоже очень тихо добавил: — Я не могу пожелать вам удачи... И тем не менее... Я желаю вам выпутаться изо всего этого... хотя это и невозможно...

— Ты хоть просвети меня напоследок. — Шишел дружески попридержал пугливо встрепенувшегося физика за плечо. — Что за Старые Книги такие? Если секрет, так хоть намекни... Хоть про что они? К кому на этот счет толкаться? Вот я в дневниках Шайна этого тоже все про книги эти читаю-читаю, а в ум не возьму...

— Это переводы... — Сэм кусочком рогалика вытер тарелку и отправил его в рот. — Собрание переводов всех текстов, найденных в городах Древних Пришельцев... Предтеч... В основном в Янтарном Храме. Это, правда, был и не храм вовсе... Нечто вроде... ну, некоего исследовательского центра, что Предтечи построили на этой планете... Все, что было найдено на разных носителях — на «вечном папирусе», на камнях стен, на своего рода лазерных дисках... в самих кристаллах магического янтаря... Их выполнил Ди Маури — эти переводы... Один из первых Воздевших. Каноническое собрание хранят Посвященные... Почти половину исходных текстов... жрецы Янтарного Храма. Но вам лучше не появляться перед этими людьми... Я уже говорил... Содержание Старых Книг — священная тайна. И, простите, я вам ее не раскрою... Скажу только, что про Камень там сказано многое. Он ведь тоже там найден был — в Янтарном Храме...

— Ну а вторая половина переводов этих? — поинтересовался Шишел. — И сам Храм-то цел? Аль взорвали, к едрене фене?

— Вы, я вижу, не удосужились поинтересоваться здешней... мифологией... Простительно, принимая во внимание... э-э... специфику ваших занятий... Половина текстов погибла вместе с экспедицией самого Ди Маури. Он полжизни добивался признания верности своих переводов, но их до сих пор считают... недостоверными. Мнение, основанное на заключении неких весьма консервативных экспертов... Тем не менее все эти... тексты во времена Империи были строго засекречены. И распространять сведения о них считалось идеологической диверсией. Пособничеством мракобесам. И так далее... Ди Маури с огромным трудом выбил ассигнования под свое предприятие. Экспедицию финансировал Католический институт. Дело в том, что в той части текстов, что он хранил у

себя, говорилось нечто о том, что он — глубоко верующий человек, аббат — перевел словом «ковчег»... Речь идет о некоем явлении Бога иной, предшествовавшей людям цивилизации... И это было связано с Камнем. Но как — неизвестно... Даже в архивах Империи не сохранилась эта часть Книг...

— Ну и как, нашел он ковчег-то этот? — заинтересованно спросил Шаленый, наливая крепко заваренного чая в здоровенные кружки, случившиеся под рукой.

Сэм воззрился на него как на привидение.

— Вы и в самом деле — человек из другого мира... Из Космоса... — с какой-то грустной досадой сказал он. — Они исчезли бесследно — Ди Маури и вся экспедиция... На Северном полушарии. Здесь, говорят, — на Северном бугре... А Храм... Вы серьезно ничего не слышали о Янтарном Храме?

Не дождавшись вразумительного ответа от поперхнувшегося чаем Шишела, Сэм мучительно морщась, отхлебнул круто заваренного напитка и продолжил:

— Дело в том, что Храм стал... а может, и всегда был... э-э... феноменом изменчивым... Его действительно хотели взорвать в Позабывтые Времена... После конца Империи... Перед самым концом, точнее... Но он ушел. Исчез. И является только Посвященным. Когда пожелают высшие силы. И там, где они того пожелают... Есть апокриф... что именно Храм явился тогда Ди Маури и его людям — там, в джунглях... на Капо-Квача... Что они вошли в него и вместе с ним исчезли...

— Сам-то исчез, а Камушек что — с того света по почте переслал? — довольно резонно поинтересовался крайне заинтригованный таким поворотом дела Шишел.

Сэм пожал плечами.

— Дьявол Камень, — пояснил он, — много раз уходил от людей и снова к ним возвращался при страннейших обстоятельствах... Вот и в этот раз — вместе с Ди Маури он канул в дебрях Северного полушария, а через десяток лет объявился в руках адмирала Шайна — после Третьей Карательной... То есть — после провала очередного крестового похода на туземцев — не помню, чем они провинились в тот раз. Адмирал как раз и вытягивал незадачливых карателей из тамошних болот и хлябей. А заодно и Колечком подразжился... Говорят, история изложена в его дневниках, но это — скорее всего апокриф.

Шаленый, словно замороженный, слушал. Потом спросил:

— Ну а ты-то сам... откуда всего этого набрался? Про Храм. И все такое?..

Сэм снова с досадливым сожалением посмотрел на Шаленого.

— Я с детства воспитывался в монастыре. Я ведь сирота — вы, наверное, думали про ешиву и синагоги? Нет, это было потом. Когда я ушел из Храма...

— Так что — все-таки видел ты Храм этот? — озадаченно спросил Шишел.

Сэм опять болезненно поморщился.

— Храм — это понятие... Кроме самого Янтарного Храма есть вполне реальные святилища. Меня учили и воспитывали в монастыре Желтого Камня... Это одна из школ Янтарной Веры. Я был Посвященным...

Глаза Сэма смотрели куда-то вдаль, за обшарпанные стены чердачного убежища.

— А потом, — голос его стал горьким, — потом я утратил веру. Покинул Храм. И было все — и ешива, и университет... и физика вакуума... Я только потом понял, что это Старые Книги — через подсознание — привели меня к этому... К квантовой теории пространства — и времени...

Тут он запнулся.

— Пожалуй, я слишком много сказал... Благодарю вас за обед. Я все-таки вынужден покинуть вас...

Он поднялся, поискал глазами свой блокнот. Вырвал и положил перед Шишелом единственный исписанный листок.

— Сохраните. Если... Господи, как странно, что я оставляю ЭТО именно вам...

Он подошел к двери. Открыл ее. На мгновение замер на пороге. Обернулся и встретился глазами с Шишелом.

— Послушай, — спросил тот, не отводя взгляда, — ты... ты ведь знаешь, чего хочет от меня этот Сатана?

— Знаю, — твердо ответил Сэм. — Но не скажу.

— Ну что же — ваше предложение реально. — Стивен Клецки поднял глаза от великолепного гравия, выстилающего дорожки Экопарка, и посмотрел в глаза Уолту. — Но вы должны помнить, что средства Федерального управления велики, но не безграничны. Я имею в виду не только финансы. Мы согласны не начинать расследования в отношении того, кто согласился вернуть Камень. Мы согласны выплатить ему определенную... гм... компенсацию. Поможем даже покинуть Планету без трений с таможней. Но мы не можем приказывать полиции Малой Колонии прекратить уже ведущиеся расследования, связанные с разного рода уголовными эпизодами. Мы не будем способствовать... гм... выполнению тех действий, которые человек, тот, о ком вы говорите, собирается предпринять, чтобы избавиться от своего рокового приобретения, если эти действия незаконны... Вам остается только сообщить нам время и место, где произойдет обмен... Подозреваю, что это произойдет не так скоро. Адмирал Шайн носил Камень двенадцать лет...

— Мой, так сказать, клиент рассчитывает избавиться от проклятой безделушки гораздо скорее, — сказал Уолт настолько уверенно, насколько мог. — Хочу попросить вас еще об одном: не связывайте мои действия слезкой. Это может все испортить... Достаточно кодового канала связи...

— Мы выполним и это условие. — Стивен вздохнул. — Хотя ваша безопасность сильно возросла бы, если бы мы были в курсе ваших дел. И повторяю — мы не отвечаем за действия местной полиции и контрразведки... Каких гарантий вы хотите?

— Я верю вам на слово, — ответил Уолт.

— Не полагаете ли вы, что настала пора нам поговорить?

Лысый Крокодил деликатно наклонился над койкой-стендом, на которой покоился уже несколько порозовевший и заметно оживший господин Бонифаций.

— С кем имею честь? — осведомился он с нескрываемым омерзением в голосе.

— Могли бы и знать. Временами меня показывают по СМИ. Я — руководитель программы работ по использованию результатов исследований Палеоконтакта Рональд Мак-Аллистер, действительный член Федеральной и планетарных академий, профессор по кафедре...

— Вы — бандит! — с глубоким убеждением в голосе произнес Бонифаций. — Вы напали с оружием в руках на человека много старше вас...

— Простите, ну а вы тогда кто? — не повышая голоса, возразил Мак-Аллистер. — У нас имеются вполне научные доказательства того, что месяц назад, сразу после его похищения, Чертов Камень находился у вас, в помещении «Джевелри трейдс». И я с господином

Дарреном фактически предпринял попытку вернуть этот уникальный объект в лоно науки...

— Науки — да... Но вряд ли законный владелец вновь увидел бы Камушек, — ядовито и с обидной, совершенно недоказуемой, но полной правотой и убеждением, ответил ему Бонифаций. — Почему вы, господа, драпанули от полиции?

— Так или иначе, — чуть менее резким тоном продолжил профессор, — после того как по вашей милости мы все лишились Камня, но приобрели в хозяйство очередного, кажется последнего, Избранника, согласитесь, мы имели полное право установить в вашей палате все виды аппаратуры для тайного наблюдения. Любой прокурор дал бы на это санкцию, зная все факты... И мы узнали еще много для себя нового... Оказалось, что в вашем лице мы имеем дело с тайным порученцем и тайным же адептом Янтарного Храма... который, правда, находится под сильным влиянием Ложного Учения...

— Мое вероисповедание, к вашему сведению, — Григорианская Церковь... А взаимоотношения с обоими еретическими сектами носят чисто деловой характер. Со зрелых лет, по крайней мере... Я терпим в этих вопросах... И вы дополнили вторжение в мою частную жизнь еще и тем, что похитили беззащитного старого человека из его — оплаченной из собственного кармана — палаты и...

— И поместили в одну из лучших медико-биологических систем, существующих на Планете. Ваше лечение здесь обходится в десяток раз дороже, чем...

Старый негоциант от возмущения издал только довольно громкий квохчущий звук, чем немало перепугал своего собеседника и чуть было не положил конец довольно бессмысленным препирательствам.

— Не волнуйтесь так, — замахал руками профессор. — В конце концов, если мы с вами здесь найдем общий язык... никто не станет предъявлять вам ни счета за лечение, ни каких-либо обвинений...

— Что вы имеете в виду? То, что когда я отвечу на ваши вопросы, то меня просто закопают на кладбище для лабораторных животных? Оформив как четыреста морских свинок?

— Как одного козла! — заорал доведенный ядовитым нравом старого армянина до белого каления генерал-академик. — И как очень большого, старого, упрямого козла!

— Если хоть кто-нибудь еще назовет меня ко-ко-к...

— Успокойтесь, — не без яда в голосе осадил его Лысый Крокодил. — Если хотите, мы будем называть вас хоть жар-птицей. И готовы дать любые гарантии того, что вы выйдете отсюда...

— Откуда — отсюда, кстати? — не менее же ядовито, но совершенно справедливо поинтересовался Мелканян.

— Из спецпалаты биологического корпуса секции Палеоконтакта Академии наук... — уточнил Лысый Крокодил. — Вы выйдете отсюда абсолютно здоровым... гм... для вашего возраста и абсолютно незапятнанным человеком...

— Гарантии могут быть такие: о моем местонахождении должны быть поставлены в известность — вами, от вашего имени — те мои родственники и доверенные лица, которых я назову, и телевидение. При этом должно быть сказано, что состояние моего здоровья не вызывает ни малейшего беспокойства. Объяснения для моего появления тут придумайте сами. Если они мне понравятся, я подтверждаю их для прессы.

— Знаете ли вы, что буквально меньше чем через час после вашего, э-э... изъятия в вашу палату проникли двое вооруженных фанатиков и прикончили друг друга? За неимением вас,

как я понимаю...

— Ссылайтесь на любые обстоятельства, и, как только я получу требуемые гарантии, наш разговор состоится...

Бонифаций расслабился, давая понять, что разговор закончен.

Профессор поднялся и принялся расхаживать по палате из угла в угол, сомкнув пальцы рук в замке за спиной.

— Все-таки существует один вопрос, который требует немедленных действий, — решительно сказал он. — И стало быть — немедленного ответа. Иначе проиграем и мы и вы...

— Что же вы имеете в виду?

— Вы назвали ИМЯ ЦЕЛИ. Имя того, кто должен быть остановлен, уничтожен, а тру его — забыт во имя сохранения то ли рода людского, то ли Вселенной... Откуда он известен вам? Насколько достоверна эта информация?

Последовала довольно долгая пауза.

— Полагаю, что не буду обманут вами, — наконец патетически выдавил из себя Мелканян. — Похоже, что это действительно важно... Откуда эта информация, спрашиваете вы? Жрецы Янтарного Храма... Они сами воспитывают ЦЕЛЬ. Как же им не знать ЕЕ ИМЯ ИМЯ ЦЕЛИ — того, кому суждено сделать очередной шаг к Конечному Знанию...

— Так что они сами воспитывают жертву на заклатие, что ли? Чтобы пожертвовать Камню?

— Наоборот — это адепты Ложного Учения стремятся найти и уничтожить Избранников Храма. А Янтарный Храм его порождает и хранит для высшего предназначения. Его находят и пестуют служители Янтарного Храма на основе анализа предыдущих явлений Избранников и на основе тех знаний, что таят в себе Старые Книги... Они считают, что нынешний их Избранник будет последним. И принесет Изменение в Мир.

— То есть Конец Света, иными словами?

— Знание, принесенное им, способно будет разрушить Вселенную.

— И господам из Храма так хочется погибнуть вместе с ней?

— Суждение Старых Книг таково: если Знание способно разрушить Мир, то Мир этот не достоин Знания. Иной, более правильный придет на смену ему. И не будет в этом Истинном Мире ни заблуждения, ни страдания. И станем мы все исправленной ошибкой Вселенной...

— И вы всерьез подрядились помочь этим господам разрушить Мир?

Скорбная улыбка легла на лицо Бонифация Мелканяна.

— Я верую в Господа Бога нашего и отринул от себя темное язычество... Мир был Богом создан и Бог распорядится его судьбою... Все остальное — от Лукавого... Если язычники, бывшие моими учителями детства, готовы были платить за благое к тому же дело — за спасение живой души и за изъятие Дьяволова Камня из мира сего, то зачем же старому армянину отказываться от этих денег? А судьба мира predetermined Господом без нашего ведома... — Он пожевал немного губами и добавил: — Да к тому же и Старые Книги не с гибели говорят, а об Обновлении...

— О Господи! — вздохнул Мак-Аллистер. — И на основе этих шарлатанских текстов они натравили на живого человека этих фанатиков? А те натравят еще и этого монстра...

— Во-первых, это не они натравили. Они-то как раз хотели как можно дольше держать это имя в тайне. Это я в дурмане предал тех, что мне доверились под огромным секретом.

Дело в том, что овладеть Камнем — это... это была только часть довольно большого плана, в который я — в детстве воспитанный в Храме и только потом вернувшийся в лоно Истинной Церкви — был частично посвящен. Время пришло, и надо стало защитить Окончательного Свершителя. И во-вторых... У вас мозги слишком задурманены наукой... Вы ведь и не читали, видно, Старых Книг?..

— Ваши учителя детства так бережно охраняют их, что превратили прямо-таки во что-то мифическое. Кстати, как так получилось, что вы — христианин-ортодокс — провели детство в школе Янтарного Храма?

— Напомню вам, что мое детство пришлось на последние годы Конца Империи. Вы помните... Нет, вы, конечно, не можете помнить, но вы знаете из книг, что творилось тогда. Гражданская война — не сахар, господин академик... До четырнадцати лет мои родители считались погибшими, а я сам — сиротой. Многих таких воспитывал Храм... Но добро легко забывается... — Старый негодяй на пару-другую секунд прикрыл глаза и затем закончил: — Из Старых Книг следует... следует, что Обновление Миру принесут некие результаты исследований в каком-то разделе физики... Нечто, связанное со структурой вакуума... Их еще Предтечи вели... И Камень должен был не допустить опасного знания в мир...ибо есть такие, кто Обновление равняет с Гибелью... Скрижаль Дурной Вести — это была их система безопасности... Предтеч. Впрочем, что это я... Для первого раза я и так слишком много сказал вам.

Лысый Крокодил хищно нагнулся над Бонифацием:

— Только два слова... Или три... ИМЯ ЦЕЛИ?

— Это... это тоже сирота, воспитанный в Храме... В монастыре Желтого Камня... Правда, он родился уже много позже... В Позабытые Времена... Но я временами приходил в монастырь — делал умеренные взносы в их фонд. Многие из учеников Храма поступают так, хотя и утратили Янтарную Веру, уйдя в мир. Мне показывали его еще мальчиком... Собственно, чем-то он мне тогда приглянулся, этот худенький ушастый еврейчик... И я платил за его содержание. Странно... Ведь там были и армяне. Но чем-то он напоминал мне... Впрочем, оставим эти сантименты... Они делали на него большую ставку — он был необыкновенно умен. Точнее, необыкновенно способен к наукам. Знал наизусть Старые Книги и даже написал сочинение — целый трактат со своим их толкованием. Над ним посмеялись тогда неумные люди. Может, это и повлияло... Короче, он, как и я, стал отступником. Его взяла к себе на воспитание еврейская община. Оплатила обучение в университете. Но правоверного последователя Торы из него не получилось. Должно быть, знание Старых Книг помешало... Он стал физиком. И редко заходит в синагогу... Говорят, его необыкновенно ценил сам Дортмундер. Но чины ему не пошли — так и остался каким-то доцентишкой... Я, знаете ли, как-то не упускал его из виду: все-таки вложенный капитал... Но именно он и оказался ЦЕЛЬЮ Камня. Поэтому меня снова и призвал Храм... Они были убеждены, что я буду честен в отношении этого человека... Ему вот-вот предстоит открыть нечто...

— ИМЯ? — прохрипел задушенный потоком бесполезной для него информации Мак-Аллистер. — ИМЯ?

— Ах да, — предавшийся воспоминаниям Бонифаций тяжело вздохнул. — Бирман. Самуэль Бирман. Его легко найти. Постарайтесь защитить его. Лучше вас это сделают люди Янтарного Храма... Попробуйте...

Профессор встал, прерывая разговор:

— Как ни странно, я кое-что знаю об этом неудачнике. Пойду займусь им. Надеюсь, не утомил вас...

У себя в кабинете он надавил клавишу вызова, и верный Даррен возник в дверях как из-под земли. Он воспользовался временем, пока шеф царапал что-то на листке бумаги, чтобы доложить:

— Вас там домогается какой-то чудак... Похоже, что он в таком состоянии, что...

— Меня нет ни для кого! — рявкнул Лысый Крокодил. — Следующие два часа. И теперь: полный файл по вот этому человеку — на мой терминал. И немедленно!

Он протянул свой листок Даррену.

— А самого его — ко мне. Живым или мертвым. Впрочем, живым предпочтительнее. На хрен мне сдался покойник.

Даррен остолбенело смотрел в бумажку.

— Господин профессор, — наконец выдавил он из себя, — именно этот человек и ждет вас в приемной...

Шаленый все еще буравил взором закрывшуюся за Бирманом дверь, когда в нее принялся долбить своим условным стуком Гарик. В ответ на разрешающее рявканье «Не заперто!» в дверь вошел отнюдь не Трюкач, а совершенно ошалевший сержант Харрис. Трюкач подталкивал его сзади. Глаза у сержанта были совсем белые — как у сварившейся рыбы.

— Мы были на грани провала! — выпалил неутомимый страж закона. — Если бы охрана не решила, что мы просто опередили ее...

— На грани, говоришь? — воззрился на него Шишел. — А по мне, так вы дело все вконец провалили. Где теперь товар?

— В комиссариате. В Центральном. В сейфе — как вещ-док. И отмычки и все... На нас может пасть подозрение...

— Да уж, — утешил его Шишел. — Олухом будет следователь, если в ваши байки поверит. Кто дело-то ведет?

— К-комиссар Блюм... Ужасный тип!.. Не думаю, что он хоть слову в моем рапорте...

Шаленый, не слушая горькие жалобы дурного копа, по скреб в затылке и выдал:

— В комиссариате, говоришь? Ну, так оттедова и возьмишь... С отмычками вместе...

— Да вы спятили...

Во взгляде сержанта появилось наконец выражение.

Ужаса.

— А ты не ломай здесь дурочку, — остепенил его Шишел. — Сейчас жми в комиссариат свой, выясняй, что в каком сейфе лежит, кто когда дежурит и все такое... У тебя другого выхода и нет...

Вид сержанта Харриса являл собой нечто экзистенциональное.

— Вот что, кончай глаза тарашить, на разведку иди. И к вечеру чтоб здесь был — думать будем...

Гарик рывком поднял принявшего медузообразную консистенцию сержанта и выволок за дверь. Послышались неровные, срывающиеся шаги по гулкой лестнице.

— Совсем глупый человек, — констатировал Гарик, вынимая из-за щеки и разглядывая какую-то «Полароидом» сделанную карточку. — Послушай, ведь лифт же есть...

Лифт — снизу — как раз в этот момент прибыл с легким гудением и кого-то выпустил из своих дверей. Через десяток секунд в дверь постучал условным стуком Мастер-Канова.

Рональд Мак-Аллистер — человек из ниоткуда — смотрел на стоявшего перед ним чудака так, как примерно русский царь смотрел бы на еврея из Жмеринки, случись им встретиться в этой лаборатории. Впрочем, он и был евреем, этот чудак — Самуэль Бирман, одним из самых умных евреев во всей Федерации. Русским царем профессор Мак-Аллистер, однако же, не был. Он был шотландцем. Тоже довольно головастым.

— Наконец мы с вами встретились, доцент Бирман, — сказал профессор. — Рад, что снизошли...

Бирман напыжился.

— Вы лучше меня знаете, что я вынужден прийти к вам. Мне просто некуда деться. Без денег, под розыском, под прицелом этих...

— А ваши друзья из Янтарного Храма? — ядовито осведомился профессор.

— Вы опять-таки лучше меня понимаете, что после того, как ТЕМ стало известно, кто я... мне не дадут приблизиться к монастырю... И кроме того... тот, кто предал меня, — он там, среди людей Храма...

— Логично. Предают только свои... — Мак-Аллистер, академик и генерал, достал из кармана свою трубку и стал разглядывать ее, явно ожидая продолжения тирады своего гостя.

Тот заметно скис.

— Я не прошу многого. Убежища. И возможности закончить свой труд. Вы должны понять, что раз эта моя работа пробудила к жизни Камень... Я уже почти закончил основную часть анализа...

— Именно это и приводит меня к довольно печальным умозаключениям... — Профессор с сожалением спрятал трубку — лаборатория, в которой происходил разговор, была неподходящим местом для курения — и уставился в глаза Бирмана. — Не просто некий чудака, напяливший Чертово Колечко, идет на вас. Не просто секта спятивших фанатиков ополчилась на бедного Самуэля Бирмана. На вас идет Вселенная. Мироздание защищает свое равновесие.... А вы просите меня встать между вами и Вселенной. Вы навлечете беду на любого, кто возьмет вас под крылышко...

Последовала эффектная пауза.

— Тем не менее мы укроем вас, — торжественно уведомил профессор Сэма, убедившись, что окончательно раздавил собеседника. — Так лучше всего держать события под контролем. Однако рекомендую вам... э-э... приостановить... законсервировать ваш труд. Это повысит степень нашей общей безопасности.

И тут совсем уж скукожившийся от безнадежности Сэм вдруг воспрянул гордой птицей.

— Моя работа будет завершена любой ценой! — жестко произнес он. — Это, это... В конце концов, это предсказано Старыми Книгами... И именно Старые Книги вдохновили меня... когда я попытался по-своему прочитать их...

— Классический случай того, как из совершенно ложных посылок развивается вполне путевая научная работа... — прокомментировал это профессор. — К сожалению, не имел удовольствия ознакомиться с этими... э-э... текстами — эта куча теоретиков, впавших в буддизм, слишком хорошо охраняет свой, так сказать, интеллектуальный талисман, но такой специалист, как Уотерс, в свое время охарактеризовал Старые Книги как вдохновенный бред переводчика. Тексты Предтеч до сих пор практически нечитаемы.

— Да, бред, но вдохновенный — вы сами сказали... — Сэм явно перешел в атаку. — Не забудьте, что бредил Избранник... Воздевший...

— Что ж. — Профессор снова машинально извлек на свет божий свою трубку. — Этот фактор тоже следует принимать во внимание. Но, повторяю, не могу одобрить ваше неуклонное стремление закончить ваши изыскания. Оно может быть опасно и в другом отношении. Я не придавал значения этой стороне вопроса, пока считал ваши теории относительно получения энергии за счет перестроек структуры вакуума очередной бредовой идеей. Но то, что Камень начал охоту на вас, заставляет меня пересмотреть такую оценку.

— Когда моя работа будет завершена, — резко возразил Бирман, — человечество получит море дешевой энергии. Практически даром...

— Вот это-то и настораживает. — Мак-Аллистер выдвинул руку с трубкой вперед, словно желая познакомить собеседника с какой-то ее замечательной особенностью. — Море дешевой энергии. Неким очень простым способом... Вам не кажется, что это — подарок Дьявола? Подумайте, что стало бы с человечеством, если бы термоядерный заряд можно было сварганить на кухне, прикупив кое-каких реактивов в ближайшей аптеке? Подумайте, как этот ваш подарок может дестабилизировать всю цивилизацию!. А если процесс выйдет из-под контроля, то последствия могут быть... э-э... космогонического характера. Будет дестабилизирована Вселенная.

— Значит, такова эта цивилизация. И эта Вселенная.

Они помолчали.

— Пусть погибнет мир, но восторжествует Знание... Такова ваша позиция? — довел до конца мысль Сэма профессор.

Бирман пожал плечами.

— Древние говорили: «Плывать по морю необходимо. Жить не так уж необходимо».

Галерея туземного искусства была в этот час не так безлюдна, как Экопарк, но редкие кучки туристов терялись среди многочисленных витрин, стендов и изваяний. Так что беседа капитана Генри Остина с журналистом Уолтом Новиковым протекала достаточно конфиденциально. Да, условия, выдвинутые нынешним носителем Камня, были достаточно приемлемы для Планетарной контрразведки. Нет, контрразведка не собирается покрывать уголовщины, если таковая будет иметь место. Нет, контрразведка не будет придавать значения личности носителя и тому, при каких обстоятельствах он попал в нынешнее свое положение. Да, будет оказана определенная помощь в выяснении условий, ведущих к освобождению от Камня... Да, гарантируется полная анонимность. Нет, контрразведка не будет вмешиваться в ход попытки освобождения от Камня, но рекомендует.

Расставшись, они задумались оба. Собственно, над одним и тем же...

Обещанной пары часов доспать Клайду не удалось. Монастырь подняли по тревоге. Дыша в затылок растолкавшему его брату, Клайд ворвался во внутренний зал, в котором собрались, видимо, все те способные носить оружие обитатели монастыря, что не стояли на часах, — не больше полусотни типов в клобуках не слишком-то уже призывного возраста. Из какого-то бокового прохода двое монахов энергично пропихивали в сводчатый зал непроспавшихся и уже каким-то образом в дымину пьяных Клайдовых подопечных. Клайда это немного успокоило: ребята, по крайней мере, не остались отрезанными от своего командира. Он стал энергично пробираться к Луке и уже здорово преуспел в этом деле,

когда зал огласился громовым кашлем, перханием и почтительным шепотом: «Господин Настоятель!.. Господин Настоятель...»

Господин Настоятель был схож с вяленой воблой и полон решимости. По его правую руку высился горой тщательно выбритый и наделенный высочайшими полномочиями плоти господин Советник, по левую — Дедова Внучка и Наставник Роско.

— Братья, — коротко и хрипло каркнул Настоятель. — Мы преданы. Наша угодная Дедам на Небе обитель блокирована тремя танками нечестивцев, известных как Искатели Злой Доли (Клайд уже знал, что этим эвфемизмом братья честят трапперов). Нам поставлено условие, — продолжал старик, — вручить злодеям в виде выкупа подготовленный к отправке груз Высочайшей Инстанции... Мерзавцы осмеливаются также требовать выдать им саму Третью Внучку Великого Деда Всех Дедов. Срок, определенный мерзавцами для принятия нами окончательного решения, истекает с восходом Звезды.

Требования наглецов неприемлемы, и мы, братья, будем биться до конца. Наши боеприпасов и, главное, запасов энергии для поддержания защитных полей хватит до полудня. К этому времени, без сомнения, Котлован успеет прийти к нам на защиту... План действий в подобной ситуации нами давно разработан, и каждый из вас знает, что ему следует делать. Я вверяю командование обороной обители славному брату Вильгельму и приказываю ему немедленно приступать к делу...

Советник наклонился к уху Настоятеля и, шевеля крючковатыми бровями на манер опереточного злодея, что-то энергично зашептал ему, давась от избытка какой-то сугубо отрицательной эмоции — злобы, надо полагать.

Старик нашел глазами Клайда и, громогласно откашлявшись, провозгласил:

— Капитана Ван-Дейла (Лука удивленно возрился на совершившего столь неслыханный взлет по служебной лестнице командира) я убедительно попрошу передать на время командование его... э-э... отделением брату Каролю и... э-э... пройти в мою скромную келью. Нам надо держать совет, господа.

В зале началось суетливое движение.

— Вы слышали, ребята? — осведомился Клайд у сбившихся наконец в одну кучу подчиненных. — Найдите поскорее этого хрена...

— Брат Кароль к вашим услугам, — очень вовремя вынырнул у него из-за спины решительного вида дистрофик.

— До дальнейших распоряжений отделение поступает под командование... э-э... брата Кароля, — уверенным тоном скомандовал Клайд, выслушал нестройное «есть», откланялся воинствующему брату и поспешил следом за двинувшимся к боковому выходу руководством.

Скромная келья господина Настоятеля оказалась довольно вместительным кабинетом, в полутьме которого ночными птицами расселись по углам участники боевого совета. Сам его хозяин как-то растворился, углубившись в перебирание массивных четок и полностью передав инициативу высокопоставленным гостям. Роско стоял перед стареньким демонстрационным монитором, занимавшим полстены позади массивного, должно быть для проведения расширенных заседаний здешнего актива рассчитанного стола, и электронным карандашом расчерчивал выведенный на него крок окрестностей монастыря. Обозначив положение танков и предполагаемую диспозицию отрядов противника, он откашлялся и, обращая преимущественно к Клайду, поведал:

— Всего, по предварительным оценкам, монастырь осажден неполной полусотней боевиков, вооруженных, однако, хорошей штурмовой техникой. Танковые и ручные бластеры

повышенной мощности. Видимо, есть и штурмовой робот. Мы можем противопоставить им только сорок три ствола обычного армейского вооружения, считая отряд командира Ван-Дейла.

— Есть в обители хоть один противотанковый бластер? — поинтересовался Клайд.

— Два стационарных устройства, — дал справку с места Советник. — К сожалению, устаревших. У современных танковых разрядников радиус действия больше. Если дело дойдет до стрельбы, то еще хорошо будет, если мы успеем поразить хотя бы один танк до того, как нашу артиллерию разнесут в клочья.

— А то, что было сказано про защитные поля?

— В стационарном режиме, — подал из тени голос господин Настоятель, — наша защита не протянет и часа. В режиме прямого реагирования мы действительно продержимся до полудня. Но это, как вы понимаете, сопряжено с большим риском.

— Я должен внести ясность в... э-э... понимание ситуации, — снова взял инициативу разговора на себя Советник. — Долг обязывает господина Настоятеля поддерживать... м-м... дух защитников обители. Поэтому на только что состоявшемся инструктаже ему пришлось осветить ситуацию в оптимистическом, скажем так, ключе. Вы должны понимать, что нельзя допустить, чтобы в сердца братьев закралось сомнение в способности Центра поддержать обитель в трудную минуту. Однако, как человек более всех осведомленный в тех истинных трудностях, с которыми... э-э... изо дня в день сталкивается высшее руководство народа, я не хочу внушать вам, господа, иллюзий... Я не думаю, что в оставшиеся несколько часов нам будет оказана действенная помощь.

— Короче говоря, штурма монастырь не выдержит, — резюмировал сказанное Клайд.

— Вы совершенно правы.

Советник поудобнее уселся в кресле, которое, по логике вещей, следовало бы занимать хозяину кабинета.

— Поэтому нам ничего не остается, как использовать... Э-э... резервный вариант. Придется закрыть глаза на связанный с этим риск.

— Риск существует только в том случае, — неприязненным тоном прервал Советника Роско, — если врагу выдан и план туннелей.

— Я исключаю такую возможность, — высоким, скачущим голосом вдруг нервно заговорил Настоятель. — Лишь два человека...

— Я тоже, — надавив на запаниковавшего монаха голосом, продолжил Советник, — я тоже считаю невероятным, чтобы кто-то из нас двоих не сохранил в тайне план...

— Так, значит, есть подземный ход... — постарался уяснить себе ситуацию Клайд.

— И не один, — все тем же неприязненным тоном уточнил Роско. — Целая сеть.

— К сожалению, в последние годы мы вынуждены были перекрыть большую часть резервных туннелей, — уже более деловым, несколько извиняющимся тоном пояснил Настоятель. — Ночные твари...

Он поднялся, отошел в темный угол комнаты и ковырнул неприметное украшение каменной кладки. Затем по локоть засунул руку в образовавшуюся в стене щель и вытянул на свет божий кожаный футляр, из которого после еще одного ряда манипуляций был извлечен вычерченный вручную на чем-то вроде пергамента довольно запутанного вида план. Некоторое время вся компания рассматривала этот документ, развернув его на широком столе.

— Вам предстоит, — определил задачу Клайда Советник, — пройти вот этим туннелем

непосредственно в район Обвального Перекрестка. Отсюда полдня пути к Перевалу. Вы вынесете с собой известный вам груз и доставите туда же членов Высочайшей инспекционной комиссии...

— Простите, а что будет с монастырем? Братья что, не собираются смываться? — искренне удивился Клайд.

— Более того. — Советник с видимым превосходством посмотрел на Клайда. — Не собирается, как вы выразились, смываться и ваш покорный слуга... Не удивляйтесь, не удивляйтесь... Поверьте, после того как эти господа там, — он сделал неопределенный жест, указующий, видимо, за пределы обители, — убедятся, что птичка, х-хе, улетела, у них сразу отпадет желание лезть на рожон... Бой — это всегда, знаете ли, жертвы. Риск, кровь и жертвы... Здешние трапперы не для этого созданы...

— Но если так, то они должны... — задумчиво протянул Клайд.

— Должны именно убедиться в том, что их одурачили. — Советник продолжал горделиво рассматривать Клайда через сдвинутое на кончик носа пенсне. — Поверьте, убедить я их сумею. У меня большой опыт в обращении с такого рода публикой...

— Я вижу, у вас все здесь решено заранее... — с некоторой досадой констатировал Клайд. — Мне в таком случае остается просто исполнять ваши распоряжения. Всего-навсего...

— Да, — пенсне Советника сверкнуло горделивым, злым огоньком, — вашему покорному слуге пришлось, как говорится, загодя немало поломать голову над тем, чтобы вещи, подобные той, что имеет место сейчас, не были для нас... э-э... снегом на голову... А вот вам, и именно сейчас, придется поломать вашу уже голову над тем, как наилучшим образом реализовать наш... э-э... резервный вариант. Да-да... Я слушаю вас, если у вас есть, что сказать мне...

— Сколько людей пойдет с нами?

— Я обещал вам дюжину братьев. Дюжину вы и получите.

— И двух егерей.

— И двух егерей тоже, — после досадливой паузы согласился Советник.

— В таком случае я готов. Дело за...

— Советник, — высоким, едкою оттенка голосом окликнула господина Георгиу Феста. Все это время она молча, угловатой птицей горбилась над картой. Теперь вскинула на собеседников узкое, в неровном загаре детское еще лицо. — Советник, — звонко продолжила она. — Как я понимаю, проводив, так сказать, нас, вы не собираетесь принимать бой?

— Ни в коем случае, мисс, — с нарочито жеманной улыбкой отвечивал Советник. — Бой при имеющемся раскладе — это просто самоубийство. А ваш покорный слуга не сторонник самоубийств. Тем более коллективных...

— Ну что ж, я не тянула вас за язык, Советник... Господин Настоятель... — Серая птица в угловом кресле услужливо вскинулась. — Господин Настоятель, извольте распорядиться о демонтаже противотанковых разрядников. И передаче их на вооружение отряду сопровождения инспекционной комиссии. Мы берем их с собой. Как я понимаю, вам они не пригодятся в ближайшее время. А я лично не собираюсь сдаваться, если случится невероятная, как вы говорили, вещь...

— Простите, — торопливо вскинулся Советник. — Речь ведь идет о стационарных установках...

— SB-12? — Презрительно осведомилась Внучка. — Достаточно снять с этой хлопушки систему автоматического наведения, и нормальный боец запросто управится с ней.

Клайд отметил про себя, что девица ко всему еще и неплохо разбирается в системах вооружения.

— Я присоединяюсь к мнению... э-э... мисс, — определил он свою позицию.

— Но... — попытался вставить в разговор слово Настоятель.

— Я распорядюсь, чтобы в ближайшее время вам завезли взамен что-нибудь поновее... Когда доберусь до Котлована. Когда и если... — несколько брезгливо определила Феста. — Исполняйте приказ!

Проклятая пушка чуть было не сломала хребет Клайду и непрерывно цеплялась за низкий потолок древнего туннеля. Вторая такая же скрючила в три погибели дюжего егеря, двигавшегося в арьергарде. Между этими двумя огневыми единицами дюжина братьев иерихонцев, не ропща против Дедов земных и небесных и их славных дурными идеями внуков и внучек, надрываясь, волокла сундуки с остававшимися тайной для Клайда Конечными Компонентами. Ее милость Феста и Наставник Роско шли налегке.

Дойдя до зала, из которого лучами расходились в разные стороны восемь различных по ширине и высоте туннелей, отряд сделал привал. Клайд использовал это время, чтобы, развернув клоч бумаги, набросать на нем по памяти схему монастырских подземелий. Память у него была профессиональная — память офицера Легиона и взломщика-виртуоза.

— Какого черта вы позаложили каменюгами половину проходов? — с досадой поинтересовался Клайд у того из братьев, который был здесь вроде за старшину. — Можно было срезать путь....

— Ночные твари, видите ли... Они поселились в отдаленных закоулках этого... лабиринта. А мы со временем оказались не в состоянии контролировать все эти ходы и выходы. И теперь эти создания бесконечно обнаглели и стали просачиваться в самую обитель. В одну прекрасную ночь сам отец каптинармус нашел, можете себе представить, у себя в...

— Скажите-ка вот что, — прервала его захватывающий рассказ Внучка, подошедшая сзади и подсветившая крок своим мини-прожектором в дополнение к хилому фонарику Клайда, — вот этот аппендикс — куда он у вас выходил в лучшие времена?

— На поляну Бесов, — с готовностью пояснил зачарованно изучавший чертеж брат. По всей видимости, он впервые видел сведенными воедино хранимые в строжайшей тайне контуры подземного хозяйства монастыря. — Я раньше там лазил... Мы...

— На поляну Бесов... — пробормотала ее высочество, не вникая в бормотание иерихонца. — Я так и подумала. Это же — прямо в тыл к нашим дорогим гостям! Как вы думаете: у них хватило ума выставить охрану с тыла?

— Но проход замурован, ваше высочество... — опасливо вскинулся монах (до него мгновенно дошел скрытый смысл Внучкиных слов). — Вручную там невозможно...

— Вручную невозможно, а с помощью вот этой штуки, — Клайд указал себе за спину, на разрядник, — можно попробовать. Конечно, есть шанс обрушить себе на голову все это хозяйство. — Он ткнул пальцем в низкий сводчатый потолок. — Но если все оттянется в один из туннелей, я, пожалуй, готов попробовать. В конце концов, обидно таскать на себе эту штуку вот так просто — на всякий случай.

— Вот как? — не без удивления в голосе спросила Феста. — Вы, капитан, тоже

считаете, что нам следует сменить маршрут и... образ действий?

— У меня есть некоторый опыт, мисс, — сухо ответил Клайд. — Знаете ли, когда делаешь то, что планировал не ты сам, то в конце и получаешь то, чего не ты хотел.

— Сложно выражаетесь, капитан, — Феста выпрямилась и потерла лоб. — Говорите проще — думаете, нарвемся на засаду?

— Засаду не засаду, а на беду у меня чутье есть. Иначе просто не дожил бы до того, чтобы иметь удовольствие сейчас беседовать с вами.

— Я присоединяюсь к вашему решению, господа, — подал голос из темноты Наставник Роско. — Лучшая защита — это нападение.

На плоской крыше монастыря осатаневшие от радости братья и кое-кто из солдатиков Клайда выплясывали всякую чертовщину и во всю глотку орали Древний гимн. Два танка догорали поодаль; на броне третьего, уцелевшего, Клайд второпях дописывал донесение-сопроводиловку на свое потрепанное в боях отделение для самого генерала Холли. Глуповатую гибель двоих подчиненных в преславном походе к обители и еще одного — в только что закончившемся бою он постарался описать в возможно более возвышенных тонах — в форте это любили, хотя, и ни в грош не ставили человеческую жизнь. Для раненного в задницу замкома Луки он ходатайствовал о награде и повышении в чине. Собственно, принимая во внимание приказ о его, Клайда, откомандировании в распоряжение дирекции работ на Котловане, лежавший в его внутреннем кармане, он мог ходатайствовать перед командованием богом забытого форта Тропы о чем угодно, например, о причислении того же Луки к лику святых с пожалованием латунного нимба, а мог и просто поименовать генерала Холли старым дурнем — к дальнейшей судьбе тамошнего народа он уже не имел никакого отношения.

Феста, пожевывавшая травинку, привалилась спиной к поблескивающим тракам и скептически созерцала его занятие.

Вручивший Клайду приказ-предписание Советник Георгиу внимательно наблюдал за тем, как на бумагу ложились новые и новые строчки. Теперь он был облачен в скроенный в трогательном соответствии с десятилетней давности модой дорожный комплект, столь же уместный в дебрях Капо-Квача, как и давешняя черная «тройка». Губы Советника были поджаты, выражая то ли понимание важности момента, то ли скорбный скепсис. От этого обожженное левое предплечье Клайда, наспех залепленное репарирующим биогелем, болело и свербило все сильнее и сильнее.

— Вам везет, капитан, — все так же аккуратно выговаривая слова, сделал ему комплимент Советник. — Победителей не судят. Хотя вы и подставили под пули головы членов Высочайшей инспекционной комиссии...

— Мисс Феста приняла участие в операции по собственной воле, — морщась и не поворачивая головы, парировал Клайд.

— Что и говорить, ваш замысел — ударить в тыл противника — смел... И прекрасно исполнен. Потерять всего четырех человек в подобной операции...

— Если бы они сами не полезли из монастыря под огонь, все четверо были бы живы и пили самогон вместе с остальным личным составом, — устало отбил Клайд и эту подачу.

Как и тогда, в Легионе, выйдя из боя, он не ощущал ни торжества, ни радости. Только тошноту от сознания сделанных просчетов. И боль ран и ссадин.

— Замысел, кстати, не столько мой, сколько ее беспокойного высочества... Вот. — Он

протянул законченное и подписанное донесение Советнику. — Прошу вас распорядиться...

— В одном я все-таки не могу не осудить вас, — взяв листок бумаги двумя пальцами и дирижируя им своим дальнейшим словом, произнес Советник. — Вы, я вижу, и впрямь вознамерились сохранить жизнь этим семи сдавшимся вам в плен выродкам? Если не ошибаюсь, в форте до вашего сознания должны были довести директивы высшего руководства на этот счет... Так называемые трапперы идеологически чужды целям и ценностям Свободного Лесного Народа. Они подлежат всякий раз и при всех обстоятельствах немедленному, полному и жестокому уничтожению... Именно так: немедленному, полному и жестокому... Жес-то-чай-ше-му!

Глаза Советника Георгиу горели нехорошим огоньком, и Клайд стал смотреть в сторону.

— Во-первых, если бы я не обещал заблокированным в последнем танке трапперам жизнь, мы все еще выкуривали бы их оттуда. И уж тогда-то, поверьте, жертв было бы куда как больше...

— ОБЕЩАТЬ вы им могли все, что угодно, — хоть благодать вечную...

— А во-вторых, существует Галактическое соглашение...

— Напомню вам, капитан Ван-Дейл, что Свободный Лесной Народ не подписывал никаких соглашений... Более того, скажи вы эти слова где-нибудь в другом месте и другому, менее терпимому лицу, ну, скажем...

— Я не расстреливаю пленных, Советник. Я дал обещание доставить их на Котлован. Там уж пусть решает Дед. — Впервые, обращаясь к Советнику, Клайд позволил себе чуть возвысить тон.

Некоторое время они созерцали друг друга с обоюдной неприязнью. Затем, больше для того чтобы закруглить беседу, Клайд добавил:

— Еще раз прошу вас проследить за отправкой моего донесения в форт. Как-никак я обязан им отчетом...

— Вольно ж вам забивать голову самому Деду судьбой каких-то семерых бандитов. Что до вашего послания, то его доставкой озаботится господин Настоятель. Как только оправится от сердечного приступа, столь несвоевременного... Что до вашего покорного слуги, то я несколько изменил свои планы. С вашего позволения, я и двое моих телохранителей займут место в арьергарде вашего конвоя. У меня возникла необходимость в скорейшем личном контакте с высшим руководством.

— С удовольствием! — неожиданно шутовским тоном выкрикнула Внучка и резко — одним движением — поднялась на ноги. — Высочайшая инспекционная комиссия с удовольствием препроводит вас, Советник, в распоряжение Высшего производителя работ...

Феста стояла в полушаге от Советника, впери в него теперь уже открыто ненавидящий взгляд. Тому это, казалось, доставляло удовлетворение.

— Но только... — Феста вскинула обе руки, словно собираясь тут же, не отходя от кассы, выцарапать маленькие, глубоко посаженные и заботливо укрытые стеклами пенсне глаза господина Георгиу. — Но только я уступаю вам почетное место ПЕРЕД конвоем... Вы и ваши люди пойдете впереди. И только впереди! Ни в коем случае не в арьергарде! Мне меньше всего хочется иметь вас за спиной, господин Советник!

«Нет, ни за какие коврижки я не хотел бы пригласить эту девочку в ресторанчик Поччо, — подумал Клайд, — ни за какие... Хотя у нас нашлось бы о чем поговорить... О системах ручного противотанкового оружия, например... Ресторанчик Поччо: салфетки из

настоящего полотна — красное с белым, в клетку, полутьма и пицца с грибами... О Господи, как давно это было! В иной жизни, наверное...»

Видимо прочитав его мысли, Феста неожиданно ухватила Клайда за локоть и, не дослушав едкое «как вашей милости будет угодно» господина Советника, энергично повлекла его прочь, к Наставнику Роско, меланхолично созерцавшему в сторонке повязанных пленных, посаженных кружком, под охраной четырех братьев.

Дойдя до этой живописной группы, Внучка столь же энергично бросила локоть Клайда и констатировала:

— Вы хорошо его отшили, капитан. Ни в коем случае не соглашайтесь на расстрел этих людей. Они должны дойти до Котлована живыми. Потому что очень многое знают.

— И еще... — куда-то в пространство бросил Наставник, — и еще потому, что это никакие не трапперы... Только молчите об этом, если хотите жить.

«...Я, кажется, нашел выход из той бездны ужаса, в которой живу вот уже последние два года, — говорилось в дневниках, которые писал двадцать лет назад адмирал Шайн, а Шаленый читал теперь, притулясь в уголке своей теперешней хазы, у дешевенького дисплея. — Жрецы Черной Церкви владеют снадобьем, которое открывает Камень Душе, а Душу — Камню. И пойму я предназначение свое... Проклят я буду, быть может, отдав себя в руки врагов Истинной Веры, но нет мне пути назад... И лучше будет, о Господи, если мне, а не шаманам нечестивой веры явится хоть часть того знания, что освободит мир от пути в Бездну. Ибо Бездна перед нами... Закончив писать это, я приму полсотни миллилитров снадобья, что заваривают люди Ложного Учения и... и что откроется мне?»

Небольшой пробел следовал дальше. И потом шел рубленый, нервный текст:

«...Принял препарат. Никаких изменений. Всю ночь не являлся мне **НЕНАЗЫВАЕМЫЙ**. Уж не Избавление ли это?.. Нет... Который день ничего Избавление?.. Господи, даруй мне Избавление... Было сказано мне: «Приняв зелье, ты поймешь Камень и Камень поймет тебя...» Так, может, Камень понял, что ему не нужен старый любопытствующий глупец, который из суетного любопытства и из гордости — гордости за то, что всегда был крепок в вере и чужд предрассудков, — осмелился на этот кошмарный эксперимент? Нет... Нет Избавления...»

Снова пробел.

«...Нет воли избавиться от бесовского Перстня. Как завзятый алкоголик лжет себе, что может «завязать», как только сам этого захочет, так и я лгу себе, что в любой момент могу сделать над собой усилие и освободить руку от колдовского Кольца. Суть в том, что я не хочу делать этого усилия... Не так уж оно сильно и охватило палец, Дьяволово Кольцо... В конце концов, можно попробовать просто распилить его... Хотя один лишь Бог ведает, какие структуры этого изделия Предтеч будут нарушены и что вызовет такое вмешательство во мне и в мире... Мурата предпочел нанести вред не Кольцу, а себе — и все равно результат был

ужасен...

Господь! За что караешь так меня? Во имя Твое гублю я душу свою... Ибо зло вошло в меня и большего зла требует... Но не в этом ли состоит истинное служение Тебе, чтобы не жизнь свою, а бессмертную душу принести в жертву спасению рода человеческого?»

Шаленый поскреб в бороде и с тревогой посмотрел на стоящий перед ним флакон. Стал читать дальше.

«Нет, не зря... Активатор сделал свое дело. Но как ужасно открывшееся мне Знание... И как далеко оно от того, чтобы быть понятым мною... Несмотря ни на что. Но я на пути к Избавлению... На пути... Я уверен, что когда постигну свое предназначение в мире сем, то избавлю мир от роковых даров — и того, что увенчал мой перст, и того, с которым должен вступить в борьбу с его помощью...»

Затем следовали страницы, посвященные в основном борьбе адмирала с разного рода недугами (одни Камень излечил, другие усилил). Шаленый прочитал все это по диагонали, остановившись только на местах, посвященных бессоннице, снам и галлюцинациям, одолевавшим адмирала.

«...Теперь я гораздо четче ощущаю то, что направляет мои дела и поступки, — писал адмирал, — я понял, что Камень толкает меня к познанию Старых Книг... и что зло, заключенное в них, уже идет в этот мир. Но кто несет его?...

Старые Книги... О Старые Книги — зло в вас... Ибо Знание вы предпочитаете Бытию... Я раскусил вас, Старые Книги... Я раскусил тебя — в тайне сгинувший еретик Ди Маури... Я раскусил тебя — мученик Мурата... Через свое страдание раскусил я вас... К великому Знанию через гибель Мира ведете вы... Но гибель придет раньше, чем Знание.

Камень отвращает меня от прямого пути познания сущности того, что таят в себе Старые Книги. Он говорит мне, что люди Янтарного Храма и Институт вакуума таят в себе зло, станут на моем пути, как только я обращусь к ним за разгадкой тайны Камня... А вот темные фанатики Ложного Учения — это те, кто поможет мне узнать нынешнюю цель своего Бытия...

Странно и страшно, что просвещенные ученые и мудрецы, проповедующие идеалы добра и братства, оказались частью той беды, что нависла над нами... Но решение принято. Меня ждет встреча с Магистром Ложного Пути...»

Кончив читать, Шишел тоскливо поскреб в затылке, пододвинул к себе флакон с активатором и долго рассматривал его на свет. Потом сосчитал про себя до двухсот шестидесяти семи, раскупорил, осенил себя крестным знаменем, нюхнул активатор и всосал со скворчанием.

Даррен возник на пороге кабинета Мак-Аллистера как раз в тот момент, когда профессор, мрачно задумавшись, перебирал расставленные на книжных полках изваяния — алтари Богов Пестрой Веры. От того, на каком из них остановит свой выбор генерал-академик, многое зависело для доцента Бирмана.

Нет, Рональд Мак-Аллистер, человек стерильно чистого разума, не поклонялся этому сонму чьим-то изоощренным воображением рожденных божеств. Всерьез — нет. Но Пестрая Вера — она всегда не всерьез.

— Появился сигнал, — кашлянув, доложил верный секретарь в спину Лысого Крокодила. — Второго рода. Уже второго... Но пеленг мы все-таки возьмем...

— Так... — не поворачивая головы, констатировал шеф. — События развиваются. Избранник принял активатор... Возьмите пеленг и... — он задумался на пару секунд, — и не торопитесь... Пошлите туда наблюдателей потолковее. Фрица и Бориса, например... Пусть не вмешиваются ни во что. Только точно идентифицируют личность... личность Избранника, я имею в виду, и тех, кто его окружает...

Даррен дисциплинированно кивнул, повернулся и исчез с глаз. Только что каблуками не щелкнул. Профессор продолжал перебирать фигурки — каменные, металлические, деревянные, из обожженной глины сделанные...

Зазвучал сигнал вызова по кодовому каналу. Мак-Аллистер поднял трубку. Сухо, без лишних слов Энни Чанг назвала время и место встречи с «заинтересованным лицом». Напомнила, что, само собой разумеется, гостя ждут без «пушки». И без «хвоста».

Надавив клавишу отбоя, профессор долго стоял перед темным, чужой работы зеркалом. Потом пошарил по карманам, нашел зажигалку, купюру в десяток баксов, свернул ее фунтиком и принес жертву Оллисуан-Ханану — Ленивому Богу Искушения.

— Маноло, он здесь, — сообщил Адвокат погруженному в калькуляции Сапожнику.

Тот недоуменно воззрился на своего «шефа контрразведки».

— Шишел, я имею в виду... Предлагает прогуляться на такси. Там за рулем друг его — парнишка такой косоглазый. Мы его знаем — хитрая бестия, но в наши дела не лезет. Так что считаем — на нейтральной территории...

Маноло подумал с минуту, затем переложил «пушку» вместе с наплечной кобурой в стол и сунул в карман только легкий игловой парализатор.

— Если не свяжусь с тобой после шести, — мрачно сказал он, — начинай чесаться. А пока будь здесь.

Торговался Сапожник гораздо отчаяннее, чем Каттаруза, — главным образом, оттого, что гораздо меньше знал о Камне и довольно хорошо представлял, как будет носиться с проклятой драгоценностью словно вор с писаной торбой, что было в общем-то довольно точным описанием ожидающей его ситуации. Так что сошлись на трехкратном возмещении ущерба, связанного с делом товара Шиндлера, и парой услуг — в поисках двух нужных человечков и наведении справок о Французе-Дидье и Глазастом (есть в городе такой...). Справки он получил немедленно. Была даже достигнута договоренность о неприкосновенности Трюкача, буде таковой попадется на глаза.

На сей раз Камушек не куролесил и даже почти не комментировал ход беседы легкими покалываниями непонятных Шишелу эмоций — чаще неприятных — откуда-то изнутри. Да и беседа-то растянулась не больше чем на полчаса. Аккуратно вернув осточертевшую ему маскировочную повязку на место, Шишел распорядился в селектор дуть, однако, назад. «Роллс» остановился у того места, где начали маршрут, — у подъезда конторы Сапожника. Чуть подальше, вниз по Лост-стрит, стоял припаркованный «горби» Шишела, и в нем уже ожидал его с докладом Уолт Новиков.

Высадив Уолта у заросшей кустарником обочины Северной аллеи, Шишел, слегка нарушив правила, коротким путем вырулил снова к Лост-стрит, теперь уже в верхней части этой длинной, узкой и извилистой как кишка улицы, и вылез у здания, совмещавшего под одной вывеской целую кучу сомнительных заведений.

Бар, в который он вошел, как и все здесь, назывался «Экс-Парадиз», но если парадизом — раем то бишь — когда и был, то отставку получил довольно давно. Шишел вообще-то этим заведением брезговал, но вот уже второй раз дела привели его сюда. Так что у черного, словно старинный телефон, бармена были все основания приветливо помахать ему рукой.

Когда Шишел устроился за стойкой и сделал заказ, бармен показал ему глазами на парня, кемарившего в углу:

— Глазастого видеть хотели? Он здесь с утра. Вообще, вам прошлый раз просто не повезло, мистер. Парень пообзавелся деньгами и торчит здесь днями напролет...

«Знаю я, знаю, у кого он пообзавелся, — подумал Шишел. — При мне, можно сказать, делили — сам под столом у Бонифация сидел...»

Бармен замялся. Что-то еще хотел сказать он Шишелу. Тот строго воззрился на него.

— Тут вот какое дело... — сказал бармен. — Тогда... когда вы в тот раз ушли, так сразу за вами приятель ваш зашел. По крайней мере, он так и сказал — приятель. Если у вас есть приятели из туземцев... — Шаленый продолжал буравить собеседника свирепым взором. — Ну так вот... Он сказал, что у вас встреча здесь назначена была. Врет, по-моему... Мол, разминулся... А теперь торопится — уезжает... Только тогда проще было вас по блоку вызвать... А он письмо оставил... Вот... — Бармен порылся за стойкой и протянул Шаленному конверт. — Я ему сказал, что вы непременно еще зайдете.

— Я тебя просил не трепаться, дорогой, — напомнил ему Шаленый. — Ну да ладно, спасибо, что сохранил.

Шишел укрепил в нагрудном кармане бармена купюру, допил свой джин с тоником и, выбравшись из-за стойки, направил стопы к столику, за которым, пригорюнившись, сидел предмет его интереса. На Шаленого — точнее, сквозь него — он посмотрел взглядом тусклым и безразличным.

Шишел почему-то думал, что Глазастый должен быть очкариком, но тот оказался действительно просто глазастым. Большие, казалось в пол-лица, глаза были довольно красиво расположены на лице молодого метиса. Сейчас они были затянуты пьяной поволокой.

— Дело есть, — уведомил его Шишел, чем вызвал легкий проблеск интереса в сосредоточившемся все-таки на его персоне взоре. — Ты, главное, не вибрируй — потом поймешь, что дело проще пареной репы, — продолжил он. — Тут, понимаешь, ты в одном дельце поучаствовал... с парнем по имени Клайд... Клайд Ван-Дейл — мир праху его...

Глаза собеседника мгновенно прояснились и засверкали страхом. Мускулистые тонкие руки, до того поддерживавшие голову на весу, впились в края стола.

— Да не вибрируй ты, говорю тебе, — успокоительно прогудел Шишел. — Прими стопаря и слушай... Бармен! Две, вон из той... И со льдом... Так вот, по заказу хмыря одного вы со свистом одну вещичку взяли... Лихо сработали... О вещичке мне можешь не рассказывать, а вот на хмыря — на Бонифация вашего — мне позарез выйти нужно...

Глазастый, не говоря дурного слова, перемахнул через стол, чуть не сбил приближающегося бармена с заказом и, перебросив себя еще через пару препятствий, был

таков. Был он легок и был в неплохой все-таки форме.

— Ну вот, без клиента меня оставили, мистер, — укорил Шаленого бармен, отряхиваясь от пролитой водки. — Теперь парень сюда ни ногой. Задолжал он вам, что ли? Видно — крупно... Если вас интересует, где живет он...

— Думаю, там он больше не живет, — остановил его Шишел и поднялся из-за столика.

— За водку, однако, придется заплатить... — обиженно заметил бармен, собирая валяющиеся на полу стаканы.

— Прими за напиток, — Шишел сунул ему деньги и вышел на начавшую зажигать огни Лост-стрит.

Оставшись один в кабине своего «горби», Шишел испытал ставший уже привычным тоскливый страх, заставивший его злобно зыркнуть на заднее сиденье — не явился ли опять НЕНАЗЫВАЕМЫЙ? Но зло само решало, когда ему являться, а когда и повременить. Кабь что было, так и духу обернуться ему не хватило бы...

Убедившись, что очередной сеанс хмурежа пока откладывается, Шишел вытянул из заднего кармана слегка затершуюся на сгибах бумажку и, развернув ее, посчитал на пальцах:

— Федералы — раз, контрики — два, макаронники — три, Сапожник — четыре, Картавый — пять, профессор кислых щей — шесть. Рехнувшиеся копы — семь. Готово, комплект полный. Ну, Мастер-Канова, не подведи. А уж за нами не станет...

С чувством удовлетворения от хорошо задуманной комбинации он достал из нагрудного кармана давешний, чуть замявшийся конверт и, расковыряв его ставшими к вечеру неуклюжими пальцами, вытащил из него листок мелованной бумаги.

«Я могу предложить за вещь, от которой вы хотите избавиться, больше, чем предложит кто-либо из тех, кого вы хотите одурачить, — было написано там. — Назначьте время и место встречи — не раньше чем через пятеро суток. Напишите обязательно на этом же листке, вложите в пустую пачку «Мальборо» и оставьте в TF-будке на углу Велл-роуд и Чингиз-стрит завтра, между 20.00 и 21.00. Я знаю способ».

Жилье свое Француз-Дидье предпочитал именовать имитацией мансарды. Никакой имитацией оно не было. Оно и было мансардой. Довольно захлавленной, но удобной. Вид на улицу открывал чуть ли не уголок старого Парижа — с кусочком набережной, заросшей старыми деревьями брусчатой улочкой и кафе с маркизами. Район Главного рынка, однако, не был исторической реконструкцией. Как могли, так и строили в позабытые времена, в эпоху Изоляции, когда Малая Колония стремительно катилась вниз — к ручной кладке стен и камнем мощенным улицам.

Шишела, в общем, Француз знал, хотя особо их пути не пересекались. Поэтому и по телефону был любезен, и с порога кивнул почти приветливо.

— Дело у меня к тебе, как сам понимаешь... — сурово прогудел Шишел. — Если поможешь и не протрепешься, пять штук плачу...

— Видно, ты всерьез заинтересован, раз хорошо платить собрался, — чуть рассеянно сказал Француз, глядя в сторону. — Скажи мне, однако: ты не стал работать на кого-то? О тебе странно говорят... Трюкач исчез в какой-то связи с твоими делами... Дрянь человек, шулер и щипач, но все-таки... Корявого Банджи днем с огнем найти не могут... Мафия тебя ищет, полиция пополам с контриками ищут... Управление ищет...

— Не пудри мне мозги. И себе тоже... С Гариком можешь по телефону поболтать.

Только номер, извини, подсмотреть не дам. Кому надо из остальных этих... на меня уже вышли... Все живы-здоровы... А Бандуру — так его кто прикончил, тот об этом и пожалел и пожалеет еще. Я, конечно, в опасное дело его втравил, но так он знал, на что идет... Не на моей душе грех... На кого, говоришь, работаю? Да на себя я работаю, Француз, на себя! И за помощь хорошо плачу...

— Хотелось бы верить... — Француз отошел в глубину комнаты. — Садись сюда, к столу.

Они помолчали.

— Ну, выкладывай... — подтолкнул разговор Дидье.

— Людишек я ищу — тех, что ты для Клайда сватал, Ван-Дейла... — Шаленый уловил искорку уже знакомого ему страха в глазах Француза и добавил: — Самого его хотел видеть, да не судьба — сам знаешь...

— Да... — задумчиво согласился Француз. — Это тоже очень странная история... Не пойму, что случилось с ним — всегда был мужик на нервы крепкий, Легион прошел... Видно, крыша поехала... А теперь и ты туда же: престранным чудаком стал.

— Так вот, — продолжил Шишел, — нужны они мне не сами по себе, а чтобы помогли на главного заказчика выйти.

За его спиной шумно съехала в сторону занавеска. Обернувшись, он встретился взглядом со сверкающими словно горящие уголья глазами невысокой рыжеватой девушки. В руках девушка держала здоровенный наган и целила ему прямо в лоб. Вид у нее был вполне решительный. Рядом с ней плечо в плечо — торчал Глазастый — тоже со шпалером, наведенным чуток пониже.

Повернувшись в противоположную сторону, Шишел узрел еще одного решительно настроенного типа — типа в не таких новеньких, как в ТУ, самую первую ночь Камня, кроссовках. Кроме кроссовок на нем, естественно, было и еще кое-что — потертая униформа охранника. И этот тоже держал Шаленого на прицеле. То ли монгол, то ли китаец. Этот был немного постарше своих коллег и, видно, был сейчас за старшего.

— Вам, говорите, нужны люди Клайда?.. — спросил он, движением ствола указывая, что Шаленому неплохо бы было и поднять руки вверх. — К вашим услугам. И учтите — снаружи еще двое...

Глава 8

БОГ ТОРГА

Комиссар Блюм потер лоб и посмотрел на часы. Потом — на плакатик, собственноручно им для себя самого изготовленный.

«ИЛИ ТЫ РАБОТАЕШЬ ХОРОШО, — гласило премудрое изречение, — ИЛИ Т РАБОТАЕШЬ МНОГО».

«Плохо я работаю, — сказал он сам себе. — Плохо».

Достал из ящика стола чуть початую бутылку «Джонни Уолкера», спрятанную для конспирации в коричневой бумаги пакет, и уменьшил ее содержимое ровно на три глотка. После чего стал складывать в портфель разные разрешенные к выносу бумаги. Спиной, затылком и бог весть чем еще он ощущал пустоту громадного здания Центрального комиссариата полиции Малой Колонии. Только рассеянная по этажам дюжина дежурных да группа экстренного реагирования — еще одна дюжина чудаков в подземном бункере — млели над пультами оповещения да старина Хогбен на четвертом этаже наверняка горбатился в клубах табачного дыма над сопоставлением чего-то подвернувшегося ему позавчера с одним интер-р-реснейшим делом полувековой давности... И еще Смит и Оболенский резались в карты в прозекторской — на втором, отдавая должное казенному спирту, за это тоже можно было поручиться. Если, конечно, не доставили очередной труп. Впрочем, если и доставили — все равно, скорее всего, резались: трупы — терпеливые создания природы, а ночь еще только началась...

Комиссар повертел в руках листок с рапортом сержанта Харриса, известного всему комиссариату под прозвищем Дубина-Харрис, и тяжело вздохнул: нелегкие предстояли ему завтра разговоры. И с начальством, и с самим Харрисом. Темнит человек — это видно без микроскопа. А когда на офицера полиции падает тень подозрения, то это всегда тяжело. По крайней мере, для комиссара Блюма...

Дверь вежливо пискнула у него за спиной сигналом разрешенного входа по разовому пропуску как раз тогда, когда он втискивал листок с распечаткой рапорта в битком набитое отделение портфеля.

Обернувшись, он уперся взглядом в мутные гляделки — легок на помине — сержанта Генри Харриса. Скотина не удосужился даже закрыть за собой дверь.

— Вы снова ко мне? — не без удивления спросил комиссар. — Я же назначил вам...

— Вы забыли подписать мне пропуск, — кротко сказал сержант. — Без этого я не смог выйти...

— Вы порете чушь, сержант. Я сам помню, как... И что вы делали здесь все эти шесть часов?

— У меня были здесь некоторые другие дела... — неопределенно ответил Харрис. — А пропуск мой вот...

«Бог ты мой, что же тогда я подписывал ему днем? — подумал комиссар, поднося листок к глазам. — Ведь я же ясно помню...»

— Черт подери, да это же ксерокс! — раздраженно воскликнул он. — Ксерокс пропуска, на котором вы закрыли мою подпись...

Он поднял глаза на сержанта и узрел наведенную ему в лоб «пушку». В дверь осторожно, держа наготове пистолет, протискивался второй бандюга в полицейской форме.

«Ну вот и еще один мой сегодняшний собеседник, — констатировал комиссар. — Пол Родмен. Видимо, он тоже полагает, что я забыл подписать его пропуск...»

— Только не вздумайте нажимать никаких там кнопок у себя под столом... — шепотом почему-то предупредил Харрис. — Два шага назад, пожалуйста. И давайте сюда ключи...

— Я не завидую вам, сержант, — совершенно искренне заметил комиссар, отступая от стола. — Пару лет каторги вы уже намотали.

Ту самую кнопку он так и не нажал. От остолбенения.

— Не трепитесь. Ключи — бросьте их на стол!

Теперь уже два ствола целились в покрывшееся мелкими бисеринками пота, лысоватое чело комиссара.

— Какие ключи вам надобны, сержант? — со скукой в голосе осведомился комиссар.

— Все, которые у вас есть, — распорядился Харрис.

Комиссар осторожно, стараясь не делать резких движений, извлек из кармана потертый бумажник и кинул его на раскрытый бювар.

Харрис тут же принялся энергично вытряхивать его. Кроме кучи электронных карточек-ключей и «магниток» из бумажника вывалилась и основательная куча баксов наличными: далеко не все, у кого комиссар покупает... гм... нужную информацию, соглашаются на слишком хорошо контролируемую оплату через электронную кредитку (а у кого таковой и сроду не было, да и самому комиссару за каким дьяволом это нужно), вот и приходится таскать с собой чертову тучу наличных.

Верный Пол попытался тут же стибрить кредитки, но получил укорот.

— Весь план порушишь, скотина, — осадил его сержант, крепко гвозданув подчиненного по пальцам.

Комиссар не без сарказма наблюдал за происходящим и прикидывал в уме свои шансы выжить. Довольно малы они были, эти шансы.

— От сейфа с вещественными доказательствами — эта? — нервно спросил сержант, суя в нос комиссару фольгированный прямоугольник.

— Эта, — устало согласился комиссар. — Господи, как я не догадался... Вы, сержант, оказывается, серьезно завязаны на этом Симметричном Наборе...

— Не ваше дело, господин комиссар. Доставайте лучше вашу бутылочку. Не стройте тут удивленных глаз — про ваши маленькие слабости треплется вся городская полиция. Ничего особенного. Нет такого начальничка, у которого в заветном ящичке не хранилось бы его заветной емкости — работка-то нервная...

Сержант принялся шарить по ящикам стола и безошибочно извлек сокровенный коричневый пакет. Вытащил на свет божий «Джонни Уолкера» и сунул в руки комиссару.

— Г-глотаите! Как говорится, до дна...

Потенциальных покойников не накачивают виски. Так что у комиссара появилась слабая надежда, что, может, все и обойдется, хотя и не стоит ничего хорошего ждать от спятившего копа.

Он хладнокровно проглотил оставшиеся две трети содержимого бутылки и аккуратно поставил емкость к ножке стола.

— Теперь — вот это, — ласково сказал Харрис, протягивая комиссару фляжку.

Тот только повел плечами и подчинился. У виски на этот раз был странный привкус. Впрочем, внушающий надежду. Органолептику комиссару приходилось изучать. И он помнил этот вкус, которого не мог помнить никто из вкусивших полную дозу зелья.

«Амнезии, — констатировал он. — На фоне алкоголя — рискованно, но все же лучше, чем пуля в затылок. У этих господ хватает денег. Препарат не из дешевых. Сейчас должен последовать укол...»

— Будьте добры, ложитесь на этот вот диванчик и закатайте рукав до локтя, — и вправду скомандовал Харрис. — Пол, давай.

Полиция Малой Колонии, и даже самые тупые ее представители, слава те господи, были обучены оказывать первую помощь, принимать неожиданные роды и делать инъекции. Так что, вооружась разовым шприцем и дезинфицирующим тампончиком, Пол успешно впрыснул в вену комиссара полмиллилитра сенсibiliзатора амнезина — препарата, дарующего забвение нескольких последних часов, предшествующих его введению. Дмитрию Шаленому эти полмиллилитра и впрямь встали намедни в кругленькую сумму.

Мир поплыл перед глазами комиссара.

А потом его разбудило возмущенное поскребывание киберуборщика, волокущего к утилизатору пустую бутылку из-под «Джонни Уолкера». За оконными жалюзи становилось заметным мокрое и мутное утро.

«Господи, — подумал комиссар, — я до отключки набрался в собственном кабинете. И даже не помню повода...»

Шишел сурово уставился на наведенные на него стволы и, как и было предложено ему, воздел руки к довольно низкому, косому потолку. Разжал ладони — и Камень глянул на свет божий.

И тут началось.

Черный свет полыхнул по перекошенной мансарде.

И Француз, и все трое выскочивших из засады остолбенело уставились на него.

А Шаленый — на них.

Странное происходило с этими людьми. Не походило это на засаду, о которой сразу подумал Шишел. И вообще ни на что не походило.

«Наркота черная, что ли? — подумал Шишел, отжимаясь к стенке. — Так какого ж?..»

Но не так просто было все. Стволы повело... Впечатление было такое, словно людей в этой комнате вдруг огрели пыльным мешком. Всех сразу.

— Г-где он? — бестолково спросила рыжая ведьма, поводя вокруг пылающим взглядом.

И выпалила в белый свет как в копеечку. Пуля своротила копию «Вида Толедо» под самым потолком и ушла в окружающее «имитацию мансарды» пространство. У Глазастого вышла осечка. Иначе рыбкам в небольшом запущенном аквариуме в углу пришлось бы еще тошнее, чем было сейчас.

Видно окончательно ошалев, тип в кроссовках тоже спустил курок, без малого чуть не оставив свою поделницу без уха. Дидье, не говоря худого слова, грянулся на пол, прикрыв желтыми, прокуренными ладошками интеллигентную плешь.

— Не стреляйте! — заорал он. — Избранника замочить невозможно! Сейчас ужас получиться может...

Глазастый наконец сдюжил с засбоившей «пушкой» и успешно разнес в клочья керамическую бутылку, украшавшую обшарпанный телевизионный приемник.

— Да вы охренели! Кончайте, ребята! — дико заорал Шаленый, пытаясь занять минимальный объем в комнатешке, по которой надумали летать всамделишные пули.

До и впрямь охреневших ребят дошел наконец неадекватный, как говорят психиатры,

смысл их действий, и стволы повисли в воздухе. Тип в кроссовках ошалело шагнул к Шишелу и как замороженный потянулся к Перстню. Пистолет при этом болтался на его указательном пальце, продетом за скобу спускового крючка.

— Брось дуру! — распорядился Шишел.

Пистолет старшего брякнулся об пол, подав похвальный пример двум другим. Шишел аккуратно — двумя пальчиками, как принято в приличном обществе, — вытянул из заднего кармана здоровенный никелированный кольт и в знак примирения пристроил его на журнальном столике, основательно закапанном красным вином.

— Ты вставай, иуда, — предложил Шишел Французу. — Сразу бить не буду — сперва разберемся... Ты там посмотри — выпить чего...

— Я... — начал тот и икнул.

Не вставая с четверенок, Дидье добрел до аквариума, поднялся, испил из него глотка четыре, умудрившись не подавиться сонливой рыбешкой, и направился к бару.

— Давайте представимся, — довольно логично вошли в разговор Новенькие — теперь не так уж — Кроссовки. — Мерген. Это имя у меня такое. А это — Мириам. Тот, сзади, — Н'Бонго...

Секунды три длилась пауза.

— А вы — Чичел. Чичел-Мичел... — закончил Мерген, продемонстрировав свою крайнюю осведомленность.

— Ладно, букву «ша» потом выучишь, — вздохнул Шаленый. — Я тебе помогу, не сомневайся... Так как быть будем-то? — Он подвинул продавленное кресло к столику, с которого переложил назад, в карман, ставший уже ненужным атрибутом колта, расположился в нем и уставился на собеседников.

Те тоже расселись кто на чем: глазастый Н'Бонго — прямо на полу, вокруг своего колена, Мириам — в уголке дивана, Мерген — на втором из трех раздолбленных кожаных кресел, украшавших резиденцию Француза-Дидье...

Сам хозяин дома, подоспевший с парой початых бутылей местного крепленого и мутными бокалами в руках, приютился на третьем — самом засаленном, протертом и перекошенном.

— Мне, оказывается, ввали, что ты вконец спился, Дидье, — заметил на это Мерген. — У законченных алкашей, однако, в доме недопитого спиртного не водится...

Француз ответил ему только выразительным взглядом и разлил по емкостям. Шишел нюхнул свою и скривился: виноделие не было сильной стороной технологии Малой Колонии.

— За знакомство, — тем не менее предложил он то ли тост, то ли утешительную реплику. — Так как все-таки вышло, что вы ждали меня здесь, ребята?

— Вы сами перепугали Н'Бонго до дьявола, — пояснил Мерген. — Он решил, что вы из легавых... Ну а когда мы предупредили Француза, то он уж был, как говорится, на стреме — по приметам вычислил, о ком речь, и когда вы ему позвонили...

— Тут он вам меня заложил не отходя от кассы... — закончил Шаленый.

— Ты прости, Шишел, но уж больно слава по тебе дурная пошла... Надо было предохранить народ как-то...

— Защитник ты народный, — зло определил Шаленый статус Француза.

Отхлебнул вина и, вконец перекосившись, решительно отставил бокал, констатировав:

— Отрава, однако!..

— Неплохое местное «Бургонское», — обиделся Француз. — Держу специально для гостей...

— Ясно, что для гостей. По доброй воле такое хлебать не будешь... Только давайте ближе к делу, ребята. Вы суть этого самого дела усекаете?

— Не усекаем, — признался Мерген. — Вы уж нам растолкуйте, откуда взялись, чего хотите... Свалился как снег на голову...

— Взялся я, как и вы, грешные, с Трассы. На Малую Колонию иначе никак и не попадают...

— Нет, почему... — задумчиво возразил Н'Бонго. — Еще с Дальних Баз можно...

— Ага. И с Седых Лун — тоже... — ядовито притормозил его Шишел. — И вообще — с того света прямиком. Слушай сюда и не встречай. Кольцо это надел я дуриком. Просто почистил я старика Бонифация в неудачное время. Сразу после того в контору заявился, как вы ему товар, — Шишел бросил выразительный взгляд на Камень, — сдали. А про Скрижаль эту я об ту пору если и слышал, так в уме ее и не держал вовсе. И уж как выглядит она — сроду не интересовался. Что мне до нее, что ей до меня... Думал — так, бранзулетку на палец нацепил... Заодно взял с Симметричным Набором...

— С Симметричным Набором?.. — Дидье осатанело взглянул на Шишела. — Откуда вы?.. Откуда еще тогда узнали?..

Вид у него был как у человека, впервые увидавшего привидение.

— Ну, не со всем Набором-то, а с тою половинкою, что в розыске числится... А откуда, спрашиваешь? Откуда про Набор дознался? Отвечаю открытым текстом: «От верблюда!» Доволен? Про Набор этот половина рассы наслышана. «Палеоконтакт, палеоювелирное, понимаешь, изделие...» Ну вот напшись умники и навели меня... Я тут долго сидеть не намерен был. Что надо, забрать собирался — и ходу. На Желтые Луны. С Седыми не путайте. Там сейчас всю дела разворачиваются. Можно деньги неплохо вложить. Но это все — чушь дикая сейчас. Мне главное — от этого добра избавиться.

Шишел еще раз показал народу Чертов Камень, и Чертов Камень еще раз полыхнул Черным Огнем. Всех передернуло.

— А для того мне очень не помешает знать, кому Камень и зачем сдался в то время? И как на этот народ выйти... Всего лучше с Клайдом вашим, Ван-Дейлом, потолковать было бы, так ведь...

— Мы не знаем, что произошло с ним, — Мерген нервно дернул щекой. — Мы вообще не понимаем, что за чертовщина начала твориться. То есть теперь начинаем понимать кое-что...

— Ни черта вы еще не начали понимать, — вошел в разговор Француз-Дидье, разливая по бокалам новую порцию гадости. — Вы, простите, здесь пташки залетные и про Камушек только и слышать-то слышали, что есть, мол, такой. Весь этот наворот не случайно получился. Пришла пора Камню снова вмешаться в ход дел — вот он и нашел себе путь к Избраннику...

— Ближе к делу. — Шишел без тоста отсалютовал бокалом, но отхлебнул едва ли четверть содержимого. — На кого работали, ребята? Кто заказчик?

— Напрямую — старик Бонифаций... — взяла вдруг на себя инициативу молчавшая доселе Мириам. — Но он тоже выполнял заказ... Он не очень стремился с нами поделиться, но...

Компания переглянулась. Потом, видно с немого согласия подельников, Мерген

пояснил:

— Клайд не любил работать втемную... Поэтому мы организовали свое, так сказать, небольшое расследованьице. Посадили старика под колпак и отследили его связи... Чтоб не подзалететь — слишком уж большие деньги обещаны были... Ну и чего греха таить: прощупывали возможность выйти напрямую на основного заказчика... Но от этой мысли потом отступились — больно стремная компания оказалась...

— Точнее выражайся, — ласково, но настойчиво попросил его Шишел.

— Янтарный Храм Камушек заказал, — подумав, сообщил Мерген. — Секта такая здесь есть, страшно секретная... Но законная — зарегистрированная...

— Как же, как же — слышали про такую... — прогудел Шишел.

— Так вот, — Мерген, поморщившись, сглотнул слюну, пытаясь избавиться от весьма характерного послевкусия местного «Бургонского», — этот вот Камушек у них ба-а-альшой реликвией числится. Тайный культ Камня существует тут, оказывается, и две Церкви ему поклоняются: Янтарная и Черная... Так вот, с полгода тому назад им всем знамение какое-то было, — мол, снова в мир придет, извините, Избранник. — Он покосился на Шисела и замялся.

— Видать, не промахнулись они со знамением-то, — задумчиво молвил Шишел. — Ну ты давай — душу-то не томи — они, храмовики эти, что — загнать хотели Камушек Избраннику этому, что ли? Мне, грешному, то есть? Да только на хрен сдалась мне эта радость? И денежек-то таких у меня не сыщется. Али я, может, дорогу кому перебежал? Может, другому — кто побогаче да в хреновине этой понатыканней? Может, я и не настоящий Избранник? Так я с радостью эту честь кому хошь уступлю...

— Камень знает, кого избрать Воздевшим, — поучительно заметил Француз, наливая по третьей. — И не было случая, чтобы Камень переходил в другие руки, прежде чем Воздевший исполнит свое Предназначение...

Шишел с тоской посмотрел на свой бокал, подумал, что с самого начала надо было Глазастого за простой водкой послать, и сказал:

— Так и что теперь? Как мне на этот народ выйти? На храмовиков-то?

— Вот этого я вам никак не посоветую. — Мерген передернулся. — Янтарному Храму Камушек затем и сдался, чтобы похоронить его на веки вечные. И чтобы никогда никакой Избранник до него не добрался. Цель у них такая — идиотская. Чтобы, значит, не дать Избраннику Предназначение исполнить...

— Вот насчет Предназначения этого я и хочу потолковать со знающим народом...

— Только не с этими господами... Это они, говорят, Мурату подучили перст отсечь... И аббата Ди Маури в лабиринте замуровали — на Северном бугре... И на адмирала чертей наслали...

— Сказал тоже — «идиотская цель», — раздраженно возразил Француз. — Каждый раз, как в мир приходит очередной Избранник, — тут он косо и не без испуга глянул на Шаленого, — большая кровь льется. Хотя, может, и вправду — В ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ... если чисто по-человечески... Один только Шайн как власть в Колонии к рукам прибрал, так ужас чего натворил. Пятьдесят академиков на костер отправил. Всю науку в капусту покрошил. А простых смертных сколько порезали — перестреляли — кто вспомнит?.. А Ди Маури — тоже хорош гусь был: это же он Ложное Учение в Малой Колонии утвердил. А сейчас — чуть не в святых числится. А Черные адепты... Да что тут и говорить!..

— А ведь Черная Церковь вам поможет... Действительно поможет... — задумчиво

процедила сквозь зубы Мириам. — Вот Н'Бонго вам про нее много порассказать может... Мы его к этим малахольным внедрить пытались... Да вовремя отступились. Они тоже за Камушек хорошие деньги давали — с ними старик Бонифаций тоже вроде как заигрывал... Они же ведь — наоборот — всем миром за Воздевшего... Иначе, говорят, — Конец Света... Но жутко с ними...

— И Предназначение исполнишь, и на тот свет сыграешь с этой компанией, — глядя в пространство, добавил Глазастый. — Они помогут... А Камушек — им останется. Но, главное, у старика вроде на Камушек еще один покупатель намечался — третий. Так и не вычислили — кто...

Шаленый сидел, обхватив покрытую клочковатой растительностью голову руками. То ли с тоски, то ли с задумчивости.

— Интересно, — поднял он свой тяжелый взгляд, — а на ту половинку Набора кто покупателем был? Тоже ведь палеоювелирное изделие...

— Ну, про Набор никаких особых слухов и легенд вроде не ходит... — Француз пожевал сухими губами. — Хотя, конечно, интересно... Вас на него кто все-таки вывел?

Шишел молчал. Долго и тяжело. На Француза только посмотрел выразительно.

— Ну чего ж, — сказал он наконец. — Играем по-крупному. Кто в игре?

— Только не я! — резко определился Француз.

— А я сон видела, — вдруг ни к селу ни к городу сообщила Мириам. — Что Клайд жие вроде бы... И что он... с другой женщиной...

— «С другой»! — фыркнул Мерген. — Можно подумать...

— Так работаем вместе, ребята, или как? — нажал голосом Шишел.

— Нам, пожалуй, деваться некуда, — горьковатым голосом заметил Мерген. — Но ты, друг, напрасно думаешь легко открутиться — придется, верно, в большие люди идти. Камушек поможет... Только сам видишь, чем для Воздевших дело всегда кончалось...

Шишел задумчиво сверлил его невидящим взглядом и считал про себя до ста восьмидесяти восьми. Потом откашлялся.

— Би-ля! — сказал он тихо. — Нет, мы пойдем другим путем!

Официант расставил перед ними кристально чистые бокалы, вазочки с салатом и другую дребедень, раскупорил бутылку «Бетельгейзе», помахав ею перед носами почтенных клиентов, наполнил их бокалы и деликатно убыл.

— Будем откровенны, — начал совершенно бесстрастным голосом Папа Джанфранко. — Шишел объявился и взял нас за причинное место. Похоже, что какая-то шестерка нас крепко заложила. Трюкач, если называть вещи своими именами... Предложено вернуть ущерб пятикратно. На тебя этот друг не выходил?

Он предложил собеседнику сигару, но тот, не без вызова, закурил собственную сигарету — легкую, но дьявольски дорогую, прямо из Метрополии, «Лайтнинг». Других Манолс Карнеги не пользовал.

— Не выходил, — соврал он. — Но я верю тебе на слово. Удивительно, что глава Семьи всерьез принимает какого-то шатуна-одиночку... — тоном опытного провокатора заметил Маноло, демонстративно равнодушно рассматривая лепной — под барокко, что ли? — потолок ресторации Петинова, неплохой «ничейной земли» для переговоров того рода, что вели сейчас два хозяина криминального мира Столицы Малой Колонии.

— Убрать Шишела несложно... — раздумчиво сказал Каттаруза, извлекая из кожаного

футляра сигару и тщательно обрезаю специально для того предназначенной серебряной фиговинкой ее кончик. — Казалось бы... Но похоже, Шишел тут работает не в одиночку... Тебе, Маноло, вот не удалось даже от Трюкача — на что уж хлипкок малый — избавиться... Боюсь, что за Шишелом стоит сам Шиндлер... А может — русская мафия...

Блеф был, конечно, отчаянный. Раскуривая сигару, Папа Джанфранко из-за клубов ароматного дыма наблюдал за реакцией собеседника.

«Нет, ерунда, не знает он про Камушек...» — прикидывал он.

Примерно та же мысль вызревала в голове Сапожника. Только относилась она к его партнеру, разумеется. «Шишел, конечно, хорош, — злорадно подумал он, — с меня решил содрать три — именно три — шкуры, так то и понятно: за Камушек ведь... Так все мало — еще и с Папы решил взять аж впятеро... Ну тут я им не помощник...»

— Короче, — решительно взял быка за рога Каттаруза. — Предлагаю идти на мировую. Пятикратную компенсацию делим между нами. Соответственно доле каждого. С Григоряна — тоже берем...

— Стоп! — осек его Сапожник. — Этот номер не пляшет. Если тебе, Папа, хочется быть бздундом — будь им. То же — о Григоряне. А я на шантаж не прогибаюсь. Считай, что не договорились.

Он встал и отставил в сторону оставшееся нетронутым вино.

— Значит, — Папа прищурился сквозь табачный дым и поднял свой бокал, — война?

— Война, — согласился Маноло. Развернулся на каблуках и вышел.

С мыслью о том, что езда верхом есть разновидность довольно тяжелой работы, Клайд свыкся не сразу. Уж слишком он привык к с детства сложившемуся в сознании среднего гражданина Федерации Тридцати Трех Миров представлению о человеке в седле как о ком-то, предающемся приятному и небесполезному для здоровья, притом, разумеется, не требующему особых усилий занятию, а вовсе уж не как о смертельно уставшей торчать враскорячку особи, пытающейся сохранить равновесие, удерживаясь в стремянах на полусогнутых. К сожалению, именно такое вот занятие сделалось его ежедневной повинностью с момента прибытия в распоряжение Высшего производителя работ.

Собственно, ни Высшего производителя (Деда Всех Дедов), ни самих работ — то бишь Котлована — он так и не сподобился лицезреть. Прекрасная возможность увидеть панораму Котлована представилась ему на Перевале — продутой всеми ветрами расселине в двух тысячах метров над долиной, в которую им предстояло спуститься. Но Капо-Квача было в своем репертуаре: призрачный туман затягивал все лежавшее в самой долине. Он был красив, этот, прикидывающийся то океанской пучиной, то дымами тысяч пожарищ, туман. Но был он непроницаем для человеческого взгляда. Лучше сказать — непостижим: каждый мог увидеть в нем свое. А теперь, когда до Котлована было не более пары километров, между ним и Клайдом вставали не слишком высокие — в сотни три-четыре метров, — но тянущиеся непрерывной стеной холмы отвалов — наваленные за сорок лет непрерывной работы рабов Котлована горы породы, уже поросшие густым лесом.

Деда заменял для Клайда Наставник Роско, ежедневно определявший характер и направление его работы. Работа состояла в инспекции-патрулировании вспомогательных цехов — цепи неказистых на вид производственных строений, протянувшейся по внешнему периметру отвалов вокруг многокилометровой чаши Котлована. Правда, нет худа без добра: не подавал признаков жизни и Советник Георгиу. Четверо суток то ли охраны, то ли

конвоирования этой особы до Котлована отнюдь не сдружили Клайда с Советником. Причин для этого было достаточно: тут и недвусмысленные следы неудавшейся засады, что дотошная Феста отыскала на поляне Бесов, и таинственная смерть всех семерых пленных трапперов (или все-таки не трапперов) во время ночевки перед спуском в долину... У Клайда тогда так и не хватило решимости обыскать Советника и двух его телохранителей. Обстоятельства никак не способствовали проведению квалифицированного расследования происшедшего.

Долина Котлована была краем туманов, и каждое утро Клайда начиналось теперь возникавшим из жемчужной ненастной дымки треском движка легонького «птеро», доставлявшего Наставника к месту его очередной ночевки. Наставник явно был приставлен к Клайду то ли Вергилием, то ли просто соглядатаем. И тем и другим скорее всего. Пока Клайд ставил подогревать кофейник и снимал с огня бекон и неизменную глазунью из яиц какой-то местной твари, заменявшей здесь старых добрых несущек, призраком древних времен возникал из светлеющей мглы старомодный махолетик и, прихотливо выбрав место, устраивался где-нибудь неподалеку. Клайд и Наставник проглатывали наскоро приготовленный завтрак, седлали отдохнувших за ночь коней и отправлялись к очередному объекту инспекции, но не по крытой местами щебенкой дороге, а по буеракам обходных рокад, через кажущиеся непроходимыми завалы и заросли.

Сама инспекция проходила, как правило, чисто формально. Чудаки, заправлявшие во вспомогательных цехах, что-то долго и горячо объясняли Наставнику. Что-то, в чем Клайд только теперь с трудом начал разбираться. И еще — они, эти чудачки из лесных цехов, — все, как один, просили. Просили какого-то оборудования, просили людей, просили за каких-то ценных, да в опалу попавших специалистов... Еще о чем-то непонятном просили...

Оборудование цехов впечатляло. Клайд не слишком часто попадал в сферу технологий и был далеко не сведущ в связанных с этим вопросах, но его познаний все-таки хватало для того, чтобы понять, что далеко не списанным старьем набиты эти архаического вида сараи и амбары, притулившиеся к пологим склонам отвалов. Сам Клайд с важным видом проверял организацию охраны и с пристрастием расспрашивал ответственного чудачка относительно плана действий по тревоге и в случае неожиданного нападения, пожара, наводнения и так далее. На чем официальная часть инспекции иссякала, и господа инспектирующие снисходительно принимали робкие предложения отужинать чем бог послал, как обычно выражались инспектируемые, при этом порядком кривя душой, разумеется. Перепадало корму и господским коням. К тому времени безмолвный телохранитель с незапоминающейся физиономией пригонял Наставнику его махолет, и тот убывал по делам, а Клайд, подхватив поводья расседланного Наставникова коня, отправлялся дальше — к очередной укрытой в чащобе землянке — потягивать чай из трав, дожидаясь заката, размышлять о происходящем и прикидывать планы на будущее.

Основное действие происходило, однако, не в цехах, а раньше — в дороге. Действом этим были беседы с Наставником. Практически его монологи, лишь изредка прерываемые скупыми вопросами Клайда. Наставник вводил его в курс здешних дел. К чему-то готовил.

Вся эта история с объездом многочисленных цехов-мастерских и складов, взявших Котлован в кольцо, отнюдь не была (как довольно скоро дошло до Клайда) всего лишь синекурой, придуманной для того, чтобы предназначенному для неизвестной миссии капитану Ван-Дейлу служба не казалась медом. Его просто от кого-то прятали и перепрятывали. Скрывали.

Именно этому служили и постоянные, непредсказуемые перемещения вокруг периметра

отвалов, и ночевки по конспиративным логовам, и его инкогнито — в цехах его никому не представляли и никогда не называли по имени. Об этом же — о том, что его, Клайда, таили от чьих-то глаз, говорили и быстрые уходы в чащу, в туман от голосов, послышавшихся в лесу, от хруста веток под чьими-то ногами, от замаячивших сквозь частокол стволов еле различимых силуэтов.

Впрочем, не так уж трудно было догадаться, от кого прячут Клайда. Тень Советника темной птицей кружила над туманным краем. Натянутые струны вражды владетельных лесных кланов то и дело звенели над ухом Клайда, неосторожно задетые то невинным вроде вопросом, то каким-то глухим воспоминанием, посетившим Наставника. На злые слова в адрес господина Георгиу и его людей он не скупился. И еще одна тень шла по пятам за капитаном Ван-Дейлом: ни разу больше никем не помянутый Дьявол Камень незримым излучением пронизывал все его, Клайда Ван-Дейла, здешнее житье. Засветились ли на Большой земле ребята, вроде бы без проколов провернувшие всю операцию? Расколосся ли Бонифаций? В конце концов, ломать голову над тем, как могла просочиться в эти дикие, словно и вообще не на этой планете расположенные края, информация о вещах, связанных с Большой Затеей, было делом бессмысленным. В конце концов, выигрывает в таких делах тот, у кого побольше окажется запас выдержки. И Клайд топил темную тревогу, поселившуюся у него в душе, в потоке всяких мелких, чисто практических проблем, которые с успехом выискивал в здешней, ставшей, в отсутствие элементарных благ городской цивилизации, на удивление хлопотливой и заковыристой жизни.

Поучительные, но дьявольски занудные беседы с Наставником скрашивали временами появления из туманного леса ее высочества Внучки, иногда — одинокой всадницы, иногда — в сопровождении свиты из одного-двух хмурого вида молодых людей — то ли и впрямь воинствующие монахи, то ли офицеры в монашеском камуфляже. Во всяком случае — публика при оружии. Клайд отметил для себя забавное различие между униформой служителей Советника и гвардии Деда Всех Дедов. Оно сгодило бы для фильма с мушкетерах — злые братья ходили в сером, добрые — в белом. Появлениям этим предшествовали пересвистывание условленными трелями и довольно сложные маневры. Ее высочество проводило в обществе Наставника и Клайда пару часов с целью довольно неопределенной — участие Внучки в разговоре сводилось, как правило, к довольно ядовитым комментариям к монологам Наставника, — после чего туманный лес поглощал ее и ее спутников, а после некоторого молчания Роско как ни в чем не бывало возвращался к теме прерванного разговора.

Сегодняшний день представлял исключение. Вместо ожидаемого потрескивания крыльев махолета Клайд, уже справившийся с утренним омовением ледяной водой — за неимением стандартного ионного душа — и почти закончивший приготовление ставшего традиционным малоаппетитного завтрака, услышал из мглы не слишком старательно воспроизведенный посвист рогатого иглоноса. Поднапрягшись, он как мог ответил характерным для здешней древесной сухопутной щетинистой каракатицы хрюканьем и через минуту узрел появившуюся из-за стволов угловатую мальчишескую фигуру уже знакомой ему всадницы.

— Черт возьми, это что — вы действительно пищали этак вот? — слегка раздраженно осведомилась Внучка. — Я уж решила, что это и впрямь тот дурацкий осьминог сидит на ветках. У проклятой штуки дьявольски неприятная привычка сигать на голову без всякий формальностей... Кстати о формальностях: Роско сегодня не появится — он свою миссию,

считайте, выполнил... Коня оседлали?

— Хлебните сначала кофе, мисс, — миролюбивым тоном предложил Клайд, протягивая ее высочеству заранее наполненную жестяную кружку, закопченную и слегка помятую, — ту, что с виду была получше. — А то у меня такое впечатление складывается, что вы с утра не слишком плотно позавтракали... Так что закусите вот этим... — Он подхватил с костерка закопченную сковороду и, пошуровав в ней тесаком, поднес пред светлые очи Внучки. — Господин Наставник утверждает, что это яйца той самой птицы, что орет под утро как скаженная. Редкостная мерзость...

— Мерзость, это точно, — подтвердила ее высочество, уминая точно отделенную половину содержимого сковороды. — Джанджария Геворкяна — так ее называют... Кстати, и не птица это вовсе...

— В конце концов, это ее — Джанджарии — проблема, — мирно согласился Клайд, в два приема проглотив остаток яичницы и залпом допив обжигающий кофе. — Бекон, правда, вполне приличный — не знаю почему...

— Закончим гастрономические беседы, — нетерпеливо распорядилась Внучка, критически созерцая потуги Клайда ополоснуть неказистую посуду остатками кипятка из котелка. — Благодарите бога, что последнюю неделю Советник Георгиу пропадал в отъезде. На Южном бугре. Но сегодня он будет на Котловане как штык. Поверьте мне. Нас ждут — в седло, капитан!

Сантамария Кастельмажоре умудрился скривить свой и без того далеко не древнеримской чеканки нос еще более, чем скривила его мать-природа, и приблизил его к разложенным на черном бархате изделиям древнего чужого мастерства.

— Не стану спорить с вами, — произнес он довольно кислым тоном. — Судя по всему, это действительно парный Симметричный Набор. Однако надеюсь, вам достаточно хорошо известно, что одна из двух частей этого произведения искусства находится в распоряжении органов следствия? И по закону принадлежит Галерее Джеймса. Как изволите совместить эту официальную информацию с тем, что та же часть... э-э... изделия входит в состав предлагаемого вами моему заказчику товара?

— Никак, — без всякого респекту к вылощенному партнеру определил сержант Харрис. В штатском, в камуфляжных усах и очках он чувствовал себя шутком гороховым и оттого обнаглел более обычного. — Не хотите — не берите.

— Принимая во внимание тот скандал, который разгорится, когда прокуратура хватится вещи... — сурово сказал адвокат.

— Это не скоро будет — не раньше, чем суд начнется, или чем дело прикроют, или галерея бучу поднимет... А там им еще соображать придется, что в сейфе-то всю дорогу дубликат лежал...

— Дубликат? — сеньор Кастельмажоре напрягся.

— Это уже детали. Товар берете?

— Принимая во внимание то, что ни одна живая душа не решится вложить деньги в краденое... — Сквозь чудовищной толщины очки сеньор Кастельмажоре воззрился на наглеца, желая убедиться, что того проняло.

Но напрасно.

— Принимая все это во внимание, цена, которую вы запросили, абсолютно нереальна, — продолжил он. — Я предлагаю попросту разделить названную вами цифру, ну,

скажем, на пять...

— До свидания. — Сержант поднялся из-за стола и решительно направился к выходу из арендованного под конфиденциальную беседу кабинета.

По иронии судьбы располагался кабинет этот в «Расмус билдинге» двумя этажами выше «Джевелри трэйдс».

Синьор Кастельмажоре нервно дернулся.

— Не стоит так вот обострять разговор, — несколько торопливо стал менять он тон беседы. — Вы скажите, в конце концов, ваши реальные предложения...

— Мы уже назначили цену и менять ее не собираемся, — твердо сказал Харрис и положил руку на дверную ручку. — Вы напрасно считаете, что мы не найдем других покупателей...

«Этот тип блефует, — с досадой подумал сеньор Кастельмажоре. — Но блефует уверенно. Ясно, что за ним кто-то стоит... Кто, черт возьми? Хотя это — не мое дело...»

— Повремените немного, — с некоей аристократической расслабленностью бросил он, указывая жестом, достойным любого из древних Людовиков, на покинутое его собеседником кресло. — Мне придется снестись с покупателем...

Он взял с полированной плоскости стола изящную, в люксовом исполнении трубку блока связи и набрал секретный номер. Сержант, якобы обезличенный примитивным камуфляжем, с демонстративной неохотой снова занял свое место за столом переговоров. Верный Пол продолжал ерзать на стуле в углу, периодически проверяя готовность своего малого парализатора. Синьор Кастельмажоре дождался ответного сигнала и включил скремблер.

На том конце линии секретарь с полупоклоном подал тихонько верещащую трубку Картавому Спиро.

Выслушав малоприятную новость, состоящую в том, что партнер торговаться наотрез отказался, господин Апостопулос велел своему поверенному ждать и не нервировать его — Картавого Спиро — впредь до последующих распоряжений.

Преодолев врожденное уважение к субординации, сеньор Кастельмажоре осмелился, однако, поинтересоваться, сколь долгим должно быть его ожидание — назначать ли держателям товара новое randevu или предложить нахалам подождать следующего звонка не сходя с места?

— Пусть ждут! — резко отрубил финансист, с треском шлепнул трубку на подносик, услужливо подставленный секретарем, и тут же схватил ее снова.

Шаленый некоторое время прислушивался к залиvistому свирестению блока связи, брошенного им на сиденье, затем подхватил его и пожелал Спиро доброго вечера. Господин Апостопулос был, однако, настроен далеко не так благодушно, как его собеседник.

— Я хотел бы уяснить некоторые страннейшие вещи, связанные с... э-э... с нашим с вами договором... — начал он довольно свирепо. — И хочу уяснить себе их немедленно. Врубите скремблер.

Шишел пожал плечами и врубил.

— А что с договором? — наивно прогудел он в трубку. — Договор, как говорится, дороже денег. Я свое дело делаю... А вообще — не телефонный это разговор... За таким разговором встретиться бы где потише... Спешка, она только при ловле блох подходящее дело, а так — поостеречься надо бы... Скремблера скремблерами, так ведь на всякую хитрую

задницу хрен с винтом находится... А то и штопором...

— Речь идет о том предмете, что вы внесли в ваш... м-м... список последним, — игнорируя мудрое предостережение, продолжал напирать Спиро. — Как только я начал переговоры с его... м-м... законными владельцами... точнее, с владельцами одной из частей этого предмета о его приобретении, была предпринята дерзкая попытка... Вы, впрочем, смотрите «Новости» и должны знать все сами... Вслед за тем объявилась некая в высшей степени подозрительная компания, неожиданно предъявившая мне обе части... э-э... интересующего вас предмета по неслыханной, фактически по аукционной цене!

— Это уж твои проблемы, дорогой, — спокойно прервал излияния Картавого Шишел.

— Вся эта цепь случайностей мне кажется далеко не случайной! — возвысил голос еще на один регистр Картавый Спиро. — Я хотел бы быть уверен, что со мной ведут честную игру!..

«Откуда, интересно, ты, задница свинячья, знаешь, что такое честная игра? — мысленно спросил господина Апостопулоса Шаленый. — В любые игры ты на своем веку поиграл, только не в честные... Сам не играл и нам завещал». А вслух спросил:

— Ты уж пояснее выражайся: чего тебе надобно-то? Каких, как говорится, гарантий?

— Я предлагаю вам снять этот... э-э... последний пункт вашего списка. — Спиро прочистил горло коротким, глухим кашлем и уточнил: — Вы можете внести туда вместо него любой... э-э... равноценный предмет, но... равноценный в том смысле, что...

— Ну уж нет! — Шишел даже выпрямился на сиденье, отчего маковка его вмялась в потолок сверхэкономной кабины «горби». — Уговор денег подороже, и назад пятками ходу нет! Сто раз переторговываться не буду!

С этими словами он вырубил блок и гневно бросил его на прежнее место. На другом конце линии Картавый Спиро молча повертел в руках онемевшую трубку и, подумав немного, настукал на клавиатуре номер своего поверенного.

— Берите! — угрюмо распорядился он.

— Итак, — осведомился Стивен Клецки, узрев легкий перекосяк на физиономии своего планетарного партнера, — я вижу, что вы собираетесь чем-то порадовать меня?

— Собираюсь. — Генри Остин тяжело опустился в свое кресло. — Нашего человека придется убирать из «Лютении»... Пташка-Клерибелл дала тягу... Как-то раскусила, что ее подвергали ассоциативному допросу...

— С чем всех нас и поздравляю... — Стивен передернул плечами. — Почему бы не изолировать девицу сразу? Спугнуть не хотели сообщников?

— И это — тоже... — Капитан поджал губы, пожевал их и продолжил: — Пока мы возились с расшифровкой данных ассоциативного допроса... одним словом, девица симулировала гораздо более глубокий обморок, чем это было на деле. И похоже, сумела наплести гораздо больше чуши, чем этого можно было ожидать... Это тем более обидно, что напрямую прослеживается связь между ее поступлением в пансион и погромом в кирхе, что сейчас расследуют Мотли и Уильямс... Точнее — между следом порохового выхлопа на ручках девицы Клерибелл и четырьмя покойниками на выходе из подземного хода. Из той кирхи...

Некоторое время в кабинете царила несколько натянутая тишина.

— Создается впечатление, что вся линия расследования по части подпольных дел зашла в тупик... — наконец уmozаклучил Стивен.

С каким-то подозрительным облегчением.

Капитан Остин согласился с ним пожатием плеч. Тоже как-то слишком легко.

— Следует напрямую браться за уважаемого профессора Мак-Аллистера. Это, как мы договорились, на мне, — определил Стивен и направился к выходу.

— Вам не кажется, — спросил его вслед Остин, — что мы стали... излишне неискренни друг с другом?... С какого-то момента.

— Пожалуй... — ответил с порога Стивен. — Будем надеяться, что у нас будет еще возможность вернуться к этому.

И закрыл за собой дверь.

Подумав, Шишел вытянул из кармана вконец смятый конверт с тем самым, не раскушенным им до конца посланием неожиданного, лишнего покупателя, снова вытащил на свет божий давешний мелованный листочек с текстом, начинающимся словами: «Я могу предложить за вещь, от которой вы хотите избавиться, больше...» — и, достав из бардачка фломастер, написал на обороте: «Девятнадцатое, понедельник». Потом криво ухмыльнулся — семь бед — один ответ — и добавил: «Сурабайя-стрит-414».

В конце концов, у всякого места есть свой бог...

Пачку «Мальборо» он взял в автомате поблизости, притормозил у часовенки Пестрой Веры, отыскал там внутри среди теплящихся огоньков разноцветных свечей и их отражений в бесконечных закопченных зеркальцах приземистый алтарь-статуэтку Мениат-Тебиби — Усталого Бога Торга и скормил огоньку перед ней сигареты. Сам он курево недолюбливал. Сам не курил и другим не советовал. В работе мешает. Но для Бога сойдет. Затолкал свою записку в опустошенную пачку и порулил к перекрестку Велл-роуд и Чингиз-стрит.

— Если не секрет, что за объект намечен к инспекции на сегодня? — осведомился Клайд у погрузившейся в задумчивое молчание спутницы после полуторачасового пути по затерянной в чащобе тропе.

— Сегодня, капитан, инспектировать будут вас. Вам предстоит встреча с Дедом. Он с вами поговорит. И примет окончательное решение.

— Довольно долго пришлось ожидать высочайшей аудиенции.

— Шутите, капитан. — Внучка удостоила Клайда ироническим взглядом. — Старик никогда не доверяет человеку, не проверив его десяток-другой раз. Просто сейчас у него не остается времени.

Сказав это, Феста как-то сломанно согнулась в седле и, видно, собралась провести в угрюмом молчании еще часа два. Но неожиданно передумала.

— Его скоро убьют... — сказала она глухо, самой себе вроде. — И приходится спешить...

Клайд озадаченно помолчал.

— Вы говорите о том, что... э-э... Деда должны убить, как о чем-то определенном... Мне дело представлялось так, что вся власть на плато...

— Да, вся власть на плато принадлежит Харви Мак-Аллистеру — Деду. Она его и убьет, эта власть. Точнее, его убьет Котлован.

— Я не так долго живу среди Лесного Народа и плохо понимаю иносказания, — осторожно сформулировал свое недоумение Клайд.

— Да нет тут никаких иносказаний, — грустно вздохнула Феста. — Это почти

математика... Судьба. После того как Советник перетянул на свою сторону всех шестерых внуков, судьба Деда предрешена. Куда деваться дряхлому старику на плато? Единственное, что ему остается, это поставить точку. И перечеркнуть всю игру. Запустить Объект. За этим ты ему и нужен.

Клайд откашлялся. Переход на «ты» означал что-то. Но вот что? И слово «Объект» — употреблявшееся, хотя и редко, в контексте разговоров о Котловане — тоже обозначало что-то...

— Что же это внуки этак ополчились на дедушку? А сыновей и дочерей у него нет, что ли? — Это он спросил нарочито рассеянно, погружившись в возню с какой-то неполадкой в упряжи своего коня.

— Оттого и ополчились, что и отцов, и матерей Дед уничтожил... Разрешил уничтожить. Во времена Великой Разборки. О них вслух не говорят... Но внуки помнят и ему простить не могут... — Теперь Феста вдруг глянула на Клайда исподлобья взглядом, за которым стояло гораздо больше прожитых лет, чем могло быть внучке даже очень старого деда.

— Вы... Вы, видно, с ними не согласны? — все так же, не открываясь, спросил Клайд, даже немного приотстав: вопрос был явно слишком скользкий, и задать его он мог, только продолжая вписываться в роль, которую выбрал себе — туповатого попутчика, не ощущающего своей бестактности, когда таковую приходится проявлять.

Некоторое время они ехали молча. Колдобины и крутизна тайной тропы тому способствовали.

— Вы все наивны там — на Большой земле. Считаете, что кровное родство может действительно служить причиной. Да они сами бы с кишками съели своих предков мои высокородные племянники и племянницы... Здесь очень дикий и жестокий мир, капитан... У дядюшки Георгиу все рыло в крови нашей родни, однако он им сейчас куда как милее...

— Он действительно ваш дядя?

— Не говори глупостей. Пора бы заметить: здесь все просто говорят так: «дядюшка Георгиу». Вовсе не оттого, что его любят... Вовсе не оттого. Дед для них предпочтительнее во всех отношениях: у него Харизма, за него Богу молятся. А за дядюшкой Джорджи — только серые капюшоны. Да страх.

Здесь, у кого голова на плечах, понимают: Дед великое дело сделал — из разбросанных по лесу кучек полуживого сброда, ищавшего на трапперов за глоток самогона, сделал Лесной Народ. Чушь это, конечно, что Свободный, ну да без красного словца нигде ничего не обходится... И никогда.

Деду этого и не надо было, а пришлось: в одиночку Объект раскапывать — миллион жизней потребно. Так он между делом и породил Котлован. Тут ему, конечно, Бог подсобил с этаноловыми пластами этими...

Клайд поднапряг слух и прищипорил коня, догоняя Внучку по ставшей, слава богу, более пологой тропе. Этаноловые пласты — аналог нефтяных залежей Земли — были легендой Малой Колонии. Не столько фактом, сколько способом объяснения судьбы геологоразведочных партий разного калибра, бесследно исчезнувших в разное время в дебрях Северного бугра и якобы то ли безнадежно спившихся у пробуренных ими шахт, то ли вырезанных жестокими и вечно пьяными аборигенами, стерегущими открытые месторождения спирта-сырца природного происхождения. На Большой земле это была неистощимая тема для шутейных разговоров за стойкой бара, на плато — темой для

разговоров шепотом за кружкой самогона, якобы из недр Планеты добытого, — «но тс-с-с!». Разговор к этой теме, однако, не вернулся.

— При Деде народ на ноги встал — трапперов перерезал, со своими паразитами разобрался... — Внучка вроде ушла в пересказ знакомого Клайду по форту курса политграмоты. — Но чтобы добиться всего этого, ему пришлось убивать, убивать и убивать, — горько добавила она. — А за это приходится платить рано или поздно... Но главное он сделал — на этих трясинах создал Систему... И все это закручено вокруг Котлована... Что и говорить — даже прирост населения начался. Раньше таких, как я — что родились на плато, — почитай что и не было... Любой пришлый был на вес золота. А теперь тебя вон чуть в расход не пустили под горячую руку... Если б Дед дела вроде твоего под контролем не держал, Лесной Друг только и знает, что с тобой бы стало... Так что ты уж ему добро попомни... — Последняя реплика несколько не вязалась с цинизмом предыдущих речей Внучки.

— Так что — из Котлована виски качают, что ли? Я, грешным делом, так и не понял, в чем смысл того, что тысячи мужиков машут киркой и лопатой...

Внучку разобрало веселье. Горькое, как почти всегда.

— Виски, говоришь? — она утерла слезу. — Ты, слушай, никогда и никого про спиртовые пласты не расспрашивай — голову свернут по ошибке. Большой секрет. А Котлован — святыня и гордость. Нашел что с чем спутать, ей-богу... На него — на Котлован — детишек глядеть вот теперь водят за тридевять земель. Обряд Посвящения называется.

— Завидую им: они хоть что-то понимают.

— Они понимают только то, что ничего понимать не надо. Кроме того, что есть Котлован, а в нем — Объект. И вот когда Объект откопают... наступит эра счастья и благоденствия. Лесной Народ будет признан чуть ли не всей Федерацией и займет достойное место среди... тьфу, говорить противно...

— Так почему же? — Клайд слегка приподнял плечи и как мог невыразительно посмотрел на ее высочество. — И чем в таком случае не угодил Дед всем этим?.. Ведь по-вашему получается, что при нем жизнь — прямо как у Христа за пазухой...

— Ты хитрей, чем хочешь казаться, капитан... — не повернув даже голову в сторону собеседника, заметила Феста. — Ты же с Роско на пару инспектируешь вспомогательные. Там ведь не пробки к бутылкам приделывают.

— У меня, честно говоря, стожилося впечатление, что там собирают те самые штуки, которые на Большой земле в антикварных лавках загоняют новичкам и туристам за бешеные деньги под маркой археологических остатков поселений древних инопланетян... Считается, что их добывают трапперы... Впрочем, за всякие находки позаковыристее готов платить Комплекс... Там навар, конечно, покруче, чем с туристов...

— Неплохо для начала. Но у тебя было время выдумать и что-нибудь поумнее... Хотя половина работяг там, в цехах, — охотно верят в ерунду вроде той, что пришла тебе в голову...

— Так что — Дед просто состарился и наследнички решили перекинуться к лидеру помоложе? — Помолчав, вернулся Клайд к неожиданно оставленной первоначальной теме разговора.

— Потеряли след, капитан, — разочарованно констатировала Внучка. — Я недаром тебе про Котлован да про Котлован... Котлован убьет Деда. Потому что Объект откопали. Цель достигнута. И Котлован больше не нужен Деду. А вот для дядюшки Георгиу и всей этой

пушеры... там, в верхах, Котлован должен быть вечен!

— Да зачем он сдался сам по себе, этот Котлован? — нарочно заводя ее высочество, наивно поинтересовался Клайд. Ему все интереснее становилось, с кем он имеет дело.

— А зачем сдались фараонам пирамиды? А китайцам — Великая стена? Пирамиды элементарно поразграбило жулье всякое, а стена от кочевых орд не защитила. Никому не важно, зачем такие вещи нужны сами по себе. Важно, что ради них можно стогнать в кучу тысячи тысяч рабов, ставить над ними начальников, а над теми — начальников над начальниками. А самим быть сверху и захлеб вкушать блага, что можно выдоить из этой башни... Пирамиды. Царем жить можно, в лучших здесь хоробах жить можно... лучшие разносолы и лучшие лекарства потреблять можно... Можно даже позволить себе на Большую землю на месячишко смотаться — расслабиться и дела провернуть...

— Простите, мисс, но — признаюсь вам честно — попади я отсюда в Колонию — ни за какие коврижки не вернулся бы на плато... — Тут Клайд был совершенно откровенен.

— Мы с тобой на «ты», капитан... — Феста подкинула на ладони болтавшийся на накинутом на плечи кожаном ремешке плоский металлический амулет и задумалась на минуту. — Вы очень наивны — люди с Большой земли... Нет и не было ничего слаще власти. Те, кто способны променять апартаменты в одном из Дедовых дворцов, где электричество включается когда бог пошлет и отхожее место во дворе, на современный коттедж с киберкухней и электронной сауной — из тех, в которых на окраине Столицы живут «синие воротнички»... так вот те, кто способен выбрать второе... те на плато долго не живут. Да и потом — к тому времени, когда кто-то из нас сподобится благодати получить допуск к той щелке, через которую можно пробраться в этот рай земной, что на Южном бугре, он оказывается порядком замазан и на Большой земле может продержаться только нелегалом. А не замазан, так замажут... Спешивайся, Клайд. Там — в ложбине, — найдешь знак. Сведешь туда коней. Потом иди по тропе за мной. Только низом, в три погибели...

В замаскированной, переходившей в небольшое скальное ущелье расселине Клайд обнаружил не только стойло, но и небольшой ангар, в углу которого виднелся наполовину разобранный средний армейский глайдер. В глубь скалы вела тяжеленная стальная дверь. Охраны не было видно, но она была где-то тут — братья в белых клобуках. А может — в серых.

Легко было Внушке приказать: «Иди по тропе». Вычислить тропу в проклятых буераках было нелегко и просто так, а уж когда тропа изначально была тропой тайной... Только благодаря счастливой случайности Клайд довольно быстро заметил у серых валунов неприметную на их фоне грубой кожи куртку ее высочества. Феста залегла плашмя между глыбами и, услышав немалый, по здешним понятиям, шум, производимый Клайдом, бесшумно повернулась и жестом приказала ему затаиться.

К тому времени, когда пребывание в позиции носом в землю стало казаться Клайду основательной глупостью и он начал потихоньку оглядываться окрест, земля где-то совсем рядом с ним бесшумно просела от чьего-то тяжелого шага. Потом еще раз и еще... Зверь ступил на узкую тропу. Позже, вспоминая этот короткий в общем-то, но растянувшийся в его восприятии на вечность эпизод, Клайд так и не мог вспомнить, действительно ли слышал он или только представил себе это тяжелое, никому из известных людям существ не принадлежащее дыхание-хрип. Ничего от этого мира не было в нем. От этой Вселенной. Нечто огромное, безмерно чуждое, невидимое и очень большое прошло мимо них и сквозь них. И исчезло. Страж признал их своими. И ушел прочь.

Выждав некоторое время, Феста легко вскочила на ноги и, стряхнув с одежды листву, тихо окликнула Клайда: «Пошли, вход здесь...» Он не стал задавать вопросов.

Контролька на двери чердака была сдвинута. Шишел вытянул на свет божий свой ствол и посвистел условным свистом. В ответ раздался знакомый, чуть хриловатый голос:

— Не вибрируй, Шишел. Это я — Нэнси...

Осторожно ступив через порог, Шишел нащупал сенсор освещения и включил лампы на полсилы.

Нэнси — краше в гроб кладут: вся в повязках и фиксаторах — покоилась на любимом Шишела диване, закутавшись в черт знает где взятое кимоно, и пригорюнясь смотрела на вошедшего хозяина.

— Какого же, извини, черта?! — осведомился Шишел, закрывая за собой дверь. — Тебя же не долечили... И потом — в таком виде — тебя же первый встречный засечет... Совсем крышей съехала?

— Это, дорогие мои, еще посмотреть, у кого что съехало... — уверенно возразила Нэнси. — Ты меня в больничке-то этой... в «Лютеции» этой чертовой... под легавых подставить ухитрился...

— Да ты что такое буробишь? — тяжело плюхнулся в продавленное кресло Шишел и воззрился на явно спятившую девицу Клерибелл. — Это ж пристрелянное место...

— Во-во! — с огромной иронией в срывающемся голосе произнесла непрошенная гостья. — Только вот — кто пристрелялся-то? Слава тебе Господи, что я не торопилась голос подавать... Все обморочную из себя корчила...

— Говори толком, — устало попросил Шишел и направился к умывальнику. — С чего ты взяла, что в «Лютеции» есть легавые?

Он подставил голову под холодную струю — день сегодня выдался не самый простой. И вдруг потусторонний — не от ледяной воды — озноб прошел по его позвоночнику. Тот — **НЕНАЗЫВАЕМЫЙ** стоял за его спиной...

«СПРОСИ... СПРОСИ ИМЯ ЦЕЛИ... ОНА ЗНАЕТ... — прозвучал одному ему, Шишелу, слышимый голос. — ЕСЛИ НЕ ЗНАЕТ, ТО ДОГАДЫВАЕТСЯ...»

Шишел замер, борясь с желанием резко вывернуться из-под крана и истерически заорать...

— А с того, — продолжала чуть истерически Нэнси.

Казалось, вечность прошла с той секунды, когда Шишел спросил ее про «Лютецию» и про легавых, — так ему показалось, по крайней мере, — и он не сразу понял, о чем идет речь.

— А с того, — продолжала Нэнси, — что как только Уолт с малахольным этим, с Трюкачом, смылись, так часу не прошло, как мне то ли мнемозол, то ли «восьмерку» вкатили и беседовать стали душевно...

— А тебе не померещилось, подруга? — недоверчиво осведомился Шишел. — Чтобы такое, да в таком месте... И кто же это был?

— А вот тут точно не скажу. Я же не только дурака валяла — в натуре плохая на голову была... Если бы раньше под «восьмерочку» не оттягивалась, так все бы как на духу и вывалила и помнить об том не помнила бы...

— Так ты еще и наркотой балуешься? — с досадой осведомился Шишел.

— «Восьмерка» — не наркотик, чтоб ты знал... — с укоризной в голосе сказала

Пташка. — Это нам один друг из полиции таскал. Мне и Рут, — тут Нэнси всхлипнула. — Там у них — хренова туча средств этих... А если на двоих ширнуться — во беседа получается! И ломки почти никакой. Умные мужики сочиняли... Правда, ни хрена потом не помнишь — так ведь этак зато и не надоест никогда. Они говорят — средство для психоделических допросов.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Запрещено законом! — сурово рявкнул Шишел.

— Не запрещено. Ограничено. И — как видишь, применяют... — Нэнси поежилась и насколько ей позволяли многочисленные бандажи и наклепки репарирующего геля, приняла несколько фривольную позу. — Так что я, как просекла ситуацию — сразу ходу оттуда... Ночью, конечно, по-хитрому...

— Уверена, что не наследила?

— Обижает, Шишел... И вообще: не вибрируй, тебе говорю. Я, как дырки зарастут, от тебя сканая... На мне все как на кошке зарастает. А пока мне деваться некуда... Черная Церковь меня живой не выпустит. И легавые на хвост сели. А теперь еще и эти...

— Ты это о чем? — Шаленый опять потерялся в ломаной логике речей своей подопечной.

— Да про психов этих — в оранжевых простынях. Из монастыря Желтого Камня... Я же ведь не к тебе сразу подалась...

Нэнси, кряхтя и охая, заковыляла к зеркалу и принялась рассматривать свою относительно мало пострадавшую во всех перипетиях физиономию.

— Я к кому пошла? Я пошла к бабе, которую вы, дурни, на произвол судьбы бросили... Почти. Там, в подвале этом, я с евреем вашим парой слов перебросилась... Женатый ведь он...

— Верно, — согласился Шишел. — Как-то я про это...

— Во-во... Все вы, мужики, такие. И этот вот — есть, говорит, кому о ней позаботиться... Так мне эта его Сара до сегодняшней ночи из ума не шла. Есть кому позаботиться, говорит. Да эти уроды из Черной Церкви за Сару эту — в первую очередь и взяли бы... Сам в бега ломанул, а о жене «есть кому позаботиться...». Вот я к ней и двинула — предупредить чтоб...

Шишел мысленно представил себе задушевную беседу пожилой интеллигентной еврейки и едва ли совершеннолетней черной воровки, и его слегка перекосило.

— Неужели добралась? — любопытствовал он.

— Хрена тама... — Нэнси выпрямилась и стала почти той, прежней, не поломанной Нэнси Клерибелл. — Он и впрямь правду сказал, Самуэль этот. Есть кому позаботиться с Саре его — там этих, от Янтарного Храма, понатыкано оказалось — хренова туча... Меня чуть не угрохали... Засекли, по крайней мере... Теперь, Шишел, мне деваться некуда — а все через твои фокусы...

Шишел призадумался.

— Ладно. Ночуешь здесь... — начал он определять диспозицию на ближайшие сутки.

— Только... — гордо предупредила Нэнси.

— Калек не имеем, — успокоил ее Шишел, оскорбив до глубины души, чего, естественно, не заметил. — А завтра пристрою тебя на долечивание.

— Спасибо, пристроил уже один раз... — ядовито заметила Нэнси. — Ну да ладно: главное, что мне деваться все равно некуда.

— Пристроим тебя, Птаха, к делу, — заверил ее Шишел. — Только вот что: ты... ты как, не знаешь секрета этого?.. Ну, на кого выйти я должен... и что с ним делать? ИМЯ ЦЕЛИ?

— Мне кажется, — Нэнси прикусила губу. — Мне кажется, я знаю... но не скажу.

К рабочей резиденции Деда их привел довольно длинный туннель, начинавшийся не так далеко от ущелья Незримого Стража. Хотя в анфиладе вырубленных в скале комнат их встретило довольно много вооруженных и облаченных в уже знакомые Клайду белые клобуки людей, никто не обыскал ни его, ни тем более Внучку. Пришлось лишь немного подождать в полутемной сводчатой приемной, перед окованной светлым металлом дверью.

За дверью этой Клайда ждала высокая светлая комната, с окном-витражом, отворенным наполовину. Около окна спиной к нему стоял высокий, слегка сгорбленный старик. А за длинным, из местной серебристой древесины сработанным столом, подперев ладонью голову, сидел старик Дуперон и ласково смотрел на вошедших. Клайд машинально поискал глазами старину Тори, но больше никаких призраков форта Тропы в зале не было. И вообще никого больше.

Выдержав несколько театральную паузу, старик у окна повернулся к вошедшим. Как и ожидал Клайд, ничего особенного внешность Деда Всех Дедов не представляла. Высший производитель работ откровенно косил под библейского Саваофа. Именно на этот имидж работали и ниспадающие одежды, и кустистые брови, и импозантная плешь, и преисполненный благодати взор. Дело, правда, основательно портило цепкое, профессионально подозрительное внимание, которое никакая благодать не была способна вытравить из выцветших глаз носителя высшей власти на плато. Да и квадратная, агрессивно выдвинутая вперед тяжеленная челюсть не улучшала картины.

«Боже мой! — подумал Клайд, уставившись на физиономию Высшего производителя работ, высвеченную ореолом какого-то осеннего, жемчужного света, струившегося из окна. — Ну как это я не сообразил сразу: Харви Мак-Аллистер — ни дать ни взять папаша Лысого Крокодила! Или дед».

Глава 9

БОГ ЛЖИ

Шаленый еще раз сунул голову под ледяной поток из крана, отряхнулся как здоровенный беспородный пес, пару минут рассматривал себя в зеркале под неприязненным, мертвым светом флюоресцентной лампы и понял, что сон к нему этой ночью не придет.

На диване, судорожно всхлипывая и неразборчиво каясь своему богу в чем-то им одним понятном, прерывистым, летящим сном задремывала Нэнси. Прямо на ковре, прикрывшись неведомо откуда на этом чердаке взявшейся шкурой Горного Оборотня, спал Гарик-Трюкач, завалившийся к Шишелу где-то уже за полночь и так и не растолковавший причин своего строго запрещенного появления в штаб-квартире всей затеи.

Шишел сел за терминал и вставил в приемник терминала дискету с текстами дневников адмирала Шайна.

«Все же с самого начала надо читать эту потеху... С самого начала», — вздохнул он, сосчитал про себя до восьмидесяти восьми и нажал «ENTER».

* * *

Первые файлы дневников адмирала относились к истории подготовки Третьей Карательной, разобраться в которой непосвященному вроде Шишела явно не было дано. Ясно было только то, что среди поводов организации похода не последнее место занимали поиск пропавшей экспедиции Ди Маури и возмездие за ее гибель от рук туземцев, буде таковая окажется установленной. Стенограммы заседаний парламента и многочисленных комиссий. Переписка ведомств. Что-то вообще непонятное. Затем шли обрывками хроники самого похода:

«...на редкость утомительного перехода. Мне кажется, что проводники из туземцев собрались в очередной раз разбежаться. По крайней мере, провиант разворовывается трижды интенсивнее, чем на марше. Для остратки повесили четверых. Сомневаюсь в педагогическом эффекте этой акции. Эти люди вовсе не боятся смерти. Во всяком случае — не ее в первую очередь... Это естественно, если принять во внимание ту жизнь, что они ведут здесь. Посоветовал Никольскому измыслить что-либо пооригинальнее. Чтобы брало за душу. В результате на задворках лагеря, примерно с полудня — перманентная порка виновных и подозреваемых. Разницы между своими и аборигенами Леонид не делает, что так характерно для выходцев из Колонии Св. Анны. Ему виднее...

С утра Ауэрман доложил, что разведчики, посланные к Холмам ночью, несколько раз видели «свет под Холмами». Не «на Холмах», а «под Холмами». Стоит послать туда компетентного человека. В ночь. Все равно на профилактику техники уйдет не менее двух суток. Нельзя потерять последние из тяжелых глайдеров».

Дальше текст был основательно побит «глюками» кодировки и возобновлялся с

полуфразы:

«...идиотские сны. Неужели правда, что Ди Маури восходил на Черный Престол? Но не могут же сны быть доказательством... Хотя, не могу утаить греха: для меня — могут. Так и не решился послать на Холмы в ночь никого из офицерского состава. Тем более что Вахид и Вилланова, что были там накануне, свалились в бреду. Все-таки не стоит рисковать людьми.

Трапперы... Отряд Жи-Жи, который имел глупость довериться этим сволочам, вернулся в половинном составе. Правда, Жи-Жи привел с собой всю неполную дюжину своих «проводников». Велел сдать их аборигенам. Стараюсь не думать о дальнейшей судьбе мерзавцев. Жи-Жи разжалован в службу сопровождения. Конечно, он спас половину своих людей, но не орден же ему вешать за вторую половину? Трогательная деталь: отряд спасся, засев в какой-то лесной часовне, на которую они наткнулись совершенно неожиданно как для трапперов, так и для себя. Приволокли с собой сорванную взрывом гранаты резную створку дверей этой часовни и снимки рисунков и надписей на стенах часовни. Черт меня возьми — это часовня Ложного Учения! Еще один аргумент, порочащий Ди Маури. Если не он стал миссионером Черной Церкви в здешних краях, то — кто?! И в то же время аргумент, подсказывающий, что аббат отметился в этих местах...»

Далее снова шла чем-то поврежденная, не читающаяся часть текста — строчек пять или шесть. А потом — снова разборчивый текст:

«...не могут пройти дальше. Надвигаются Большие Дожди, и время упущено нами. Тем не менее поход должен быть продолжен. Если бы мне рассказали, — впрочем, мне ведь рассказывали о чем-то подобном, — что занесенные песком скалистые пустоши за пару суток превратятся в зыбкие трясины... ну конечно, я не поверил бы... Впрочем, ограничусь сугубо практическими выводами из происшедшего катаклизма: либо нам придется законсервировать гусеничную бронетехнику здесь, на месте, и двигаться дальше только аппаратами на воздушной подушке — но тогда часть личного состава просто не сможет последовать за нами, — либо разбиться на два отряда и погнать танки через Сухие Холмы. Это вновь заставляет обратиться к идее тщательного обследования этого маршрута. Направляю на это задание Карима и Макса.

Туземцы снова болтают между собой про огни в лесу и свет под Холмами. Проводники приволокли из какой-то из лесных деревень древнего и, видно, с рождения немытого деда, весь день роились вокруг него, а в ночь — шаманили под Древний гимн, жгли на редкость вонючие костры и молились о приходе Деда Всех Дедов. Имеется, оказывается, и такой Мессия...

Люди, что рассказывали о «свете под Холмами», более или менее оклемались, и я навел их вместе с Никольским. У него подготовлены стенограммы того, что они наговорили в бреду. Около двух часов подряд мы пытались совместно разобраться в их воспоминаниях. Странные вещи виделись им... Впрочем, я слишком много внимания уделяю в своих заметках снам и видениям...

Карим и Макс вернулись, потеряв двоих. По их данным, «свет под Холмами» ушел. Так говорили туземцы. Потери связаны с нападением кого-то невидимого. Кого? Конечно, логичнее спросить — чего? Но я постепенно привыкаю персонифицировать здешнюю нечисть.

Почти невозможно спать — духота и влажность достигли предела. Кондиционеры в танках гоняют из отсека в отсек бензиновую вонь. Ночь полна диких криков и звуков — словно настраивают у тебя над ухом забарахливший радиоприемник господа бога... И потом, мне просто страшно заснуть...

Проводники рвутся вперед с неслыханным энтузиазмом. Откуда-то, опережая все мне известные средства связи, пришла им новость, что в предгорьях изверглись пласты залегания органических спиртов. Большинство личного состава тоже вдохновилось этим.

Так чего же я все-таки больше боюсь: быть убитым во сне или того, что снова привидится мне в той дерганой, беспокойной маете, что я называю сейчас сном? Странное снится мне. Я — старый вояка Космоса, для которого бой — это калейдоскопическое мельтешение символов на экране и перегрузки, вжимающие в кресла людей, словно придушенных котят... Для которого война — только длительная вереница муштры личного состава и неожиданных перемен траектории. Я, не видящий жертв своего оружия — они либо пылью рассеиваются в пламени взрывов, либо остаются погребенными в проваливающихся в бесконечность руинах своих кораблей, — одержим видениями исхода верениц беженцев, движимых силой ужаса, охватывающего города. Села, расстрелянные из огнеметов, сотни тысяч трупов, тонущих в болотной, черной до горизонта жиже... Видениями танков, ползущих по опустевшим улицам Столицы, и видениями еще чего-то — непередаваемо мерзкого, постыдного, к чему, однако, неотвратимо влечет меня нечто, скрытое в моей судьбе... Ведь человек принципиально не может пережить во сне того, чего не переживал в жизни... Ведь не из фильмов ужасов, в конце концов, пришел ко мне этот злой морок? Никогда ими не увлекался — даже в детстве... Впрочем, зачем врать себе?

Были же ведь «дисциплинарные акции» на Фронтире... Были «совместные операции» с Легионом... Уже после Империи... После... И сейчас — сейчас как называется экспедиция, которую возглавляешь ты? Третья Карательная — вот то-то...

Но что-то говорит мне, что это не больная совесть крутит мне эти кинофильмы. Нет. Это судьба. Которую еще надо понять... Понять и принять? Смириться?

Тучи собираются над хребтами. Иссиня-черные по краям и черные, как душа Дьявола, в глубине...

Началось повальное бегство туземцев-проводников к спиртовым выбросам. Вместе с ними исчез, сдается мне, и кое-кто из личного состава. Никольский и Джи-Джи обнаружили в обозе несколько припрятанных канистр спирта-сырца. Значит, тащат и сюда, хотя расстояние и велико. Туземцы и трапперы, скорее всего. Выменивают на оружие и боеприпасы. Дисциплина резко упала. Хотя, казалось бы — куда же ей было падать еще ниже? Принимаю меры. За нахождение на марше в пьяном виде — расстрел. В район выбросов отправил вертолеты с

полным боекомплектом зажигательных бомб и ракет. После заката с удовольствием — и некоторым ужасом — наблюдал на сотни километров охватившее болота у горизонта зыбкое синее пламя. К полуночи дымными огнями занялись леса и деревни в предгорьях. Но хлынул дождь. Второй ночной дождь за время нашего похода. Пришло их время.

Дожди здесь куда страшнее, чем на Южном полушарии. В некоторые моменты уровень воды достигал почти человеческого роста. За ночь потеряли два вездехода — их смыло в трясины — и двоих рядовых. Уходим в предгорья, под покров леса. Который сами же чуть не сожгли...

Здесь жутко. День мало чем отличен от ночи. Кто и зачем прорубил огромные просеки-туннели, которыми движемся мы? И светящиеся в зыбком полумраке дня и в глухой тьме ночи «грибы» — ведь не сами же собой выросли они именно вдоль этих сумеречных галерей?..

Деревни, встреченные в пути, брошены. Причем покинуты совсем недавно. Известие о «людях на танках» распространилось уже повсюду окрест. Хотя посланные мною туземцы — из тех, что еще согласны идти с нами и обещают каждому встречному и поперечному, буде такой попадетя, златые горы за любую информацию о Ди Маури и его людях, ни слова, ни звука от таких встречных так и не услышали. Отпущенные, они в мгновение ока скрываются в чащобе.

Дважды путь преграждал Червь: огромная, этажей в пять-шесть высотой стена живой плоти, спазмами, рывками со скоростью курьерского поезда следующая своим путем. Трудно представить, насколько громаден этот живой железнодорожный состав — оба раза нам приходилось ждать не менее сорока минут.

Теперь я сам видел огни. Поздним вечером, перед самым дождем, мы с Каримом осмелились выбраться на опушку, на самую границу болот, и в бинокль изучали отроги теперь уже совсем близкого хребта. Это не похоже на отсветы молний, нет... Словно сами слои камня светятся изнутри неярким янтарным светом... То в одном месте, то в другом. Но близко друг от друга. Словно кто-то ходит по дому, включая свет в одних комнатах и выключая за собой — в других... Это очень, очень похоже на то, о чем говорил в своем последнем сообщении — пуганом и сбивчивом — тот единственный уцелевший из экспедиции Ди Маури перед тем как самому сгинуть у тех огней... Кажется, пришла пора действовать решительно.

Вышли на место встречи с отрядом гусеничной бронетехники, шедшей через Сухие Холмы. Те уже ждали нас. На удивление — никаких потерь. Человек пять на грани ампутации конечностей — подцепили личинки песчаной магны. У остальных — все в порядке, если порядком считать средней силы эпидемию кровавого поноса. Как назло, всех лучших врачей я оставил в базовом лагере. Теперь мы слишком далеко от него, чтобы доставить их сюда по земле. По вертолетам же систематически бьют из зарослей «стингерами». Туземцы утверждают, что это трапперы. Трапперы, буде им предоставлено слово, конечно, валили бы все на туземцев. Рискнул-таки вызвать два борта с медиками.

Разбил отряд на штурмовые группы, выставил охранение оставшихся в лагере и двинулся к огням в предгорьях — это уже в десятке километров. Не хочется

встретить ЭТО ночью, но днем огней не видел еще никто.

Выступаем с расчетом выйти в предгорья точно с наступлением темноты. Слава богу, последние две ночи дождь был не так уж силен... Я оставляю эти записи Леониду Никольскому — своему заместителю по административной части. В случае, если первые два отряда не вернуться и связь с ними не будет установлена в течение десяти суток, ему приказано свернуть малый лагерь и форсированным маршем двигаться в базовый лагерь для быстрой эвакуации состава экспедиции за Черту».

Музыкальное побулькивание блока связи оторвало Шаленого от чтения. Звонил Уолт. Назвался, как и было условлено, чужим именем, поговорил на к делу не относящиеся темы — это тоже было условлено — и, как бы невзначай, поинтересовался, не появлялась ли на горизонте Энни.

— Не выходит на связь с вечера... Тебе не кажется, что профессор... Или контрразведка...

— Ждем, — прервал его Шишел. — Будь на стреме. Если к утру не появится, нужно ломать к шутам весь график. Держи меня в курсе.

Уолт нервно откашлялся и дал отбой. По его разумению, к утру могло быть слишком поздно. Энни, как единственная из всей сложившейся компании находившаяся на легальном положении, конечно, была особо уязвима, но оба они — и Уолт, и Шишел — уверовали в ее полную непотопляемость. Хотя и подстраховались: Энни не знала и не должна была даже пытаться узнать, как выйти на Шишела или Уолта. Это они на нее выходили, когда было надо.

Он набрал было на блоке номер «закрытого» канала Мак-Аллистера, но в последний момент решил повременить. О том, чтобы выспаться, тоже не было речи. Он взглянул на низвергающиеся колоннами дождя небеса и нырнул обратно, в круглосуточный нон-стоп кинотеатра-автомата, в шестой раз смотреть ретроспективу кино Малой Колонии.

Шишел же довольно бесцеремонно растолкал Гарика и стал втолковывать ему возникшую задачу. Тот со сна никак не врубался, вытаскивал из бороды Шишела зубочистки, заначки «Гринписа», а из-за уха мелкую монету разных миров и народов, но наконец уразумел, что его отправляют на розыск пропавшего без вести корреспондента «Галактического бюллетеня», прилежной ламаистки Энни Чанг. Сообразив это, он чисто по-военному — сказывались недели, проведенные под началом Шишела, — за три минуты пришел в относительную боевую готовность и канул в дождливом мраке.

Нэнси заорала во сне как резаная, но не проснулась, а просто повернулась на другой бок и расплылась в улыбке.

«Стало быть, крокодилов кончили показывать и пошли цветочки», — умозаключил Шишел и вернулся к дневникам адмирала.

«Мне предстоит изложить здесь многое.. — писал адмирал. — Многое такое, чего я не в состоянии связно выразить словами. И многое просто такое, чего я не могу понять... Тем не менее это необходимо сделать хотя бы для того, чтобы убедить самого себя в том, что все это было... Произошло. Не приснилось мне в горячечном бреде... И что я сам никому не приснился. КОМУ?

Короче.

Короче, мой отряд — я, Вилланова и пятеро рядовых — приблизился к светящимся слоям кварца, пронизывающим стены ущелья, без приключений. Никакой повышенной радиации, ни УФ, ни СВЧ. Впрочем, еще до отправки мы зафиксировали мощный поток длинноволновых радиоволн, источник которых («не читается») словно расположен прямо в небе над нами. Или наоборот — под ногами у нас. Здесь он особенно силен. Провели активную сейсморазведку. Компьютер рисует сеть обширных пустот в скалах, в основном ниже уровня почвы. Разбили палатки и пустили в дело буровой автомат. За четыре часа удалось проникнуть в наиболее близко к поверхности залегающую гатерею. Вход второпях расширили взрывом плазменного заряда — я не санкционировал этого, ребята проявили самодеятельность, за что и получили по шапкам. Кроме того, рядовой Мухаметшин, явно поторопившись, спустился в полость галереи без команды. Его извлекли за страховочный трос, и я вкатил ему пять суток гауптвахты. С отбытием по возвращении на базовый лагерь, разумеется. Парень получил пару ожогов средней тяжести — края скважины не успели достаточно остыть после взрыва. Весь рядовой состав сгрудился вокруг «героя», смазывал ему обожженные ягодицы жиром горного енота, поили самородным спиртом — достали-таки где-то, сволочи, — и слушали его байки о чудесах, увиденных под землю. Судя по этим рассказам, янтарные, светящиеся изнутри стены галереи украшены какими-то барельефами, изображающими не то каких-то первопроходцев, не то самих Предтеч. В последнем можно усомниться — как выглядели Предтечи, на самом деле не знает никто. Свечение же близлежащих к нашей скважине пластов кварца резко сошло на нет почти сразу после взрыва плазмы. Зато отдаленные «щели» горят, словно окна небоскребов. Ни малейшего желания спускаться в Храм — если это Храм — посреди ночи не было ни у меня, ни у самых нетерпеливых из нас.

Утро выдалось пасмурное и мокрое. Подземелье уже не манило янтарным светом — из него тянуло сыростью, как из погреба. А может, тленом, как из могилы. Вилланова с тройкой рядовых спустился первым и двинулся, ориентируясь на план, выданный компьютером по данным сейсморазведки. Без оружия, разумеется, — все предания и апокрифы сходятся на том, что Храм оружия не любит. Вслед ему спустили антенну установки телесвязи. Изображение, передававшееся из подземных галерей, временами было вполне терпимое, но в целом оставляло желать лучшего. Никакого свечения стен в районе пролома уже и в помине не было. Впрочем, солдатику вчера оно все же не померещилось — при искусственном освещении стены галереи оказались действительно инкрустированы тем самым «янтарем», что так хорошо описан всеми исследователями Храма, начиная от анонимных апокрифов и отчетов людей Комплекса и кончая записками Ди Маури. Теперь можно было быть уверенными, что это именно Храм пожелал открыться нам здесь, за Чертой, в дебрях Северного полушария.

Я немедленно связался с Никольским и распорядился двинуть к нам роту, оснащенную всем необходимым для продолжения исследований. И пару медиков.

Наш вчерашний первопроходец мною оставлен в резерве — в наказание за не к месту проявленное рвение. Впрочем, это, кажется, совпало с его теперешним настроением. Он, оказывается, не смог заснуть в эту ночь, но под утро ему привиделся

какой-то «нехороший сон наяву». Верный своему — нездоровому, быть может, — интересу к такого рода вещам, я вызвал бедолагу в свою палатку и попробовал расспросить: что и как ему привиделось в этом мороке? Но вчера еще так богатый на красноречие татарин отмалчивался, словно попал на допрос к имперским карателям. Постепенно до меня стал доходить смысл этих охвативших его немоты и косноязычия.

«То, что тебе привиделось, — оно имеет отношение к кому-то из нас? — спросил я. — Ко мне, например?» И он ответил, что да, именно я ему и привиделся. «Дурное делать будете, начальник, — сказал он под конец. — Всех обманете. Себя обманете...»

И смотрел он при этом куда-то в сторону.

Обычно после таких, спонтанно вырвавшихся слов подчиненные прикусывают язык и, спохватившись, извиняются. В данном случае этого не последовало. Солдат просто смотрел в сторону и тяжело дышал.

Я выдал ему транквилизатор из аптечки и велел не трепать языком зря, а отоспаться. Второму оставшемуся со мной на поверхности бойцу — капралу Фицпатрику — велел занять нашего «героя» делом, когда проспится.

Тем временем люди Виллановы узрели в дальних галереях Храма свечение. Заметили его не сразу — из-за света собственных прожекторов. Теперь их погасили и пошли по направлению возрастания естественной освещенности. Светятся действительно стены. И стены действительно сплошь покрыты непонятными, порой чудовищными барельефами. Временами они кажутся просто потеками расплавившегося по какой-то причине янтаря. Но это не так, это — некие изображения... И каждая деталь такого изображения несет в себе опять-таки некое изображение... И так далее... Изображения в изображениях... Как они связаны с той информацией, что хранит «янтарь» на уровне своей молекулярной структуры, и связаны ли вообще? Продвижение по светящимся переходам продолжалось часа два — главным образом, благодаря тому, что данные сейсморазведки этот район уже не охватывают. Пока этот янтарный лабиринт не удавалось сопоставить ни с одним планом Янтарного Храма, из тех, что оставили нам премудрые первопроходцы и Комплекс. Так или иначе, эти галереи уже проходили в скалах, над общим уровнем грунта. По идее где-то там должны находиться большие залы и Внешние Врата...

Но Вилланова со своим отрядом до Внешних Врат не дошел. Он обнаружил некий смахивающий на ворота сводчатый вход в какое-то более просторное, чем ставшая привычной галерея, помещение, замаскированный подвижным янтарным пластом. Изображение, как на грех, шло неважное, и мне не удалось узреть на экране ничего путного. Ничего, что встревожило бы меня сверх меры. Хотя, разумеется, подавленная тревога за вошедших в Храм не покидала меня ни на мгновение.

Вилланова походя сообщил, что арка входа украшена «какой-то надписью». Или чем-то вроде. После чего вместе со своими людьми прошел под ней.

Сразу после этого связь с ним прервалась».

Федеральный следователь был безупречно вежлив: присел на краешек предложенного ему кресла, рассыпался в извинениях по поводу времени, которое ему предстоит отнять у почтенного профессора Мак-Аллистера, и даже отказался от предложенной ему прекрасной сигары. Только вот свалился он в столь ранний час профессору как снег на голову, сразу вслед за ночным звонком из канцелярии Президента. Мак-Аллистер не успел даже связаться с шефом Сектора оборонных исследований, которого котировал повыше какого-то руководителя Аппарата Президента, чтобы выразить свое возмущение таким нарушением данных ему гарантий неприкосновенности. Непрошеного гостя он принял в пижаме, расшитой диковинными гадами.

— Итак, по какому случаю вы намерены учинить мне допрос? — осведомился он неприязненным голосом, остановившись перед непрошеным гостем, широко расставив ноги и всем своим видом давая понять, что не допускает мысли о том, что их беседа может оказаться сколь либо продолжительной.

— Господи! — всплеснул руками Стивен. — Какой допрос? Я обратился в канцелярию Президента всего лишь с тем, чтобы как можно быстрее получить консультацию у лучшего в мире специалиста по вопросам, связанным со Скрижалью Дурной Вести... Поверьте, если бы время не поджимало, я никогда не решился бы...

— Благодарю вас за комплимент, — поморщился профессор, — но боюсь, что, если вам действительно нужен лучший в мире специалист по Камню, вам следует обратиться куда-нибудь в монастырь Желтого Камня...

Следователь изобразил искреннее веселье, вызванное столь удачной шуткой собеседника:

— Боюсь, что тамошний народ не придаст должного значения советам президентской канцелярии... Кроме того, вряд ли нам, прагматикам, удастся найти общий язык с мистиками. В короткое время, по крайней мере...

— Кроме того, практически вся работа звена, возглавляемого вашим покорным слугой, — продолжил, не принимая развеселого тона, предложенного гостем, Лысый Крокодил, — практически вся эта работа носит закрытый характер...

— Я думаю, это не мешает нам. — Стивен протянул профессору свою идентификационную карточку, и тот нехотя провел ею по приемному пазу своего настольного терминала.

Экран дисплея высветил вполне высокий уровень доступа, коим был наделен федеральный следователь. Профессор вздохнул и, продолжая стоять в располагающей к как можно более быстрому окончанию разговора позе, сухо осведомился:

— Так что же вы хотите узнать о... м-м... разыскиваемом вами предмете, господин следователь?

— Видите ли, профессор, — теперь уже вполне серьезным, даже несколько посуровевшим тоном — раз уж пошел такой разговор — продолжил Стивен, — следствие располагает данными о том, что существуют некие... э-э... методы, позволяющие локализовать местонахождение Скрижали Дурной Вести...

И чтобы не ставить собеседника в неудобное положение, если он надумает соврать в ответ на первый и самый важный вопрос, он сразу пошел с козырей:

— Мы судим об этом по тому, что практически сразу после того, как грабители доставили Камень в некое... э-э... укрытие, находящееся в районе Гранд-Театрал, вы прибыли туда и попытались... м-м... принять некие меры к возвращению Скрижали... Мы не склонны придавать значение той форме, в которой...

Получив такой удар под дых, Лысый Крокодил жестом остановил следователя и, обойдя свой министерских размеров стол, принялся набивать трубку. Мысль о блиц-окончании разговора явно утратила для него свою актуальность.

«Нет, Чанг не могла выдать свою информацию ищейкам, — прикинул он. — Это не в интересах этой шайки... Очевидно, полиция засекла нас прежде, чем мы тогда... покинули место действия, скажем так. Или Чанг, или кто-то из ее компании арестованы и дали показания федералам... Не остается ничего, кроме как делать хорошую мину при из рук вон плохой игре».

Профессор опустил в глубокое кресло и, устало прикрыв глаза, признал:

— Да, Камень можно обнаружить по некоему... э-э... сигналу, испускаемому им... Но для этого требуется уникальная аппаратура, которой располагает только лаборатория моей группы... Или — некими методами, которые, судя по всему, известны жрецам Янтарного Храма. Это, собственно, один из немногих результатов, который исследователям удалось получить за тот короткий период времени, когда Камень находился в президентской казне и был предоставлен в распоряжение академии... Сразу после исчезновения Шайна и до наступления эпохи Демократизации — до той, другими словами, кровавой каши, когда...

Стивен кашлянул и осмелился прервать предложенный ему исторический экскурс:

— Таким образом... Камень содержит в себе еще и неисчерпаемый источник энергии? Если сигналит этак вот уже которую тысячу лет... И в каком же диапазоне идет этот сигнал?

— Это не совсем сигнал в привычном нам смысле слова. — Профессор поставил на стол массивную зажигалку, с помощью которой раскуривал трубку, и пыхнул перед собой клубом ароматного дыма. — Это пассивный сигнал. Чертов Камень обладает интересным свойством: он изменяет все сигналы, поступающие в него, — изменяет характеристики всех видов излучения, падающего на него: радиоволн, света, тепла и даже звука и ионизирующего излучения. Это неким образом связано с самой его природой, ведь Камень — это отражение информационного состояния нашего мира, воплощенное в участке неизвестным для нас способом искаженного пространства. Может быть, даже настоящая Вселенная, опрокинутая в мир обратных масштабов... Так что считайте, что Камень сигналит во всех диапазонах. Работа, которая затрачивается на внесение таких искажений, черпается как раз из собственной энергии всех этих воздействий. К счастью, основные характеристики искажений, вносимых Камнем в ряд стереотипных радиосигналов, и... — тут профессор опять окутался облаком табачного дыма, — и некоторых других воздействий были своевременно изучены. Так что, излучая их с нашего передатчика, мы можем запеленговать характерно искаженное эхо, исходящее от Камня...

— Почему же вы не продолжили поиск Камня? Или похитившие его знали о его свойствах и приняли свои меры?

— Скорее всего, нет, — после некоторой паузы отозвался из серо-фиолетовой мглы профессор. — Камень, видимо, был просто-напросто воздет на перст Избранника. При этом он основательно изменяет свои характеристики, и для этого случая свойства его эхо-сигнала нам неизвестны...

— Досадно... — заметил следователь. — Значит, теперь этот путь поиска потерян?

— По крайней мере, до тех пор, пока Избранник или, лучше сказать, Воздевший не исполнит своего Предназначения... — Профессор откашлялся. — Кстати, даже если Избранника доставят мне в полное распоряжение, я долго буду пребывать в недоумении — как поступить с ним... Все попытки отнять Камень у Воздевшего кончались трагически. Для тех, кто пытался это сделать... Если только он уже не исполнил Предназначение... Как адмирал Шайн, например.

— Значит, лучший способ вернуть Камень... э-э... законному владельцу, — начал осторожно уточнять Стивен, — это помочь Воздевшему как можно скорее исполнить это самое Предназначение...

— Для чего надо, по крайней мере, понять, в чем это Предназначение состоит... — В голосе Мак-Аллистера зазвучала горькая ирония. — Я в этом деле не помощник... Адепты Ложного Учения и жрецы Янтарного Храма — куда большие доки в этом вопросе. Это первое...

— Вы так упорно отправляете меня к этим чертовым сектантам, что у меня создается впечатление, что у вас на них вырос здоровенный зуб, — откликнулся иронией на иронию Стивен...

— По крайней мере, по моему сугубо личному мнению, — снова перейдя в суровый регистр, с некоторой даже укоризной отозвался Мак-Аллистер, — вашим службам давно пора проявить интерес к деятельности этого народа... Так вот — есть еще некое второе обстоятельство, которое превращает поиски Камня и Воздевшего в занятие с весьма неопределенным исходом: все известные случаи исполнения Воздевшим Предназначения представляют собой дикое преступления. Уголовные и политические... Ди Маури открыл двери в Колонию для фанатиков-сатанистов, Шайн, придя к власти, чуть было не вырезал всю интеллигенцию... Научно-техническую, по крайней мере... Другие Воздевшие отличились меньше, но, может быть, только потому, что о них меньше известно. Но без крови и насилия дело не обходилось ни разу... Так как изволите быть? Помочь Воздевшему как можно скорее исполнить это самое Предназначение, как вы только что выразились?

— По крайней мере, найти его и Камень и быть в курсе их действий, — определил свою роль Стивен. — И жаль, что вы не сможете нам помочь в этом...

Оба помолчали. Потом следователь снова кашлянул и перешел ко второму — и последнему — вопросу, с которым шел к Лысому Крокодилу.

— Скажите, профессор, — доверительно подавшись к собеседнику, начал он, — существует ли быстрый и надежный способ установить подлинность Камня в... э-э... полевых условиях? Не имея под рукой вашей уникальной аппаратуры? Хотя бы если он уже не будет «воздет на перст»? Я слышал, что в тот период, о котором вы рассказывали — когда Камень официально принадлежал президентской казне, имели место попытки подменить его. И они были пресечены именно вот так — в удалении от академических лабораторий — каким-то методом, разработанным вашими предшественниками...

Профессор молчал довольно долго, посвятив, судя по всему, все свое внимание изучению способа действия своей трубки. Затем поднял глаза на собеседника.

— Надежный способ опознания истинного Камня существует, — признался он с некоторым затруднением. — И он не зависит от того, воздет Камень или не воздет... Но действует он только на расстоянии восемьдесят — сто метров. Он основан на регистрации так называемой неспецифической компоненты искажений, которые Камень вносит в падающее на него радиоизлучение. Но выделить эту составляющую крайне трудно. Мы не

можем увеличивать чувствительность прибора до бесконечности. Тем более полевого прибора... Когда возникло несколько весьма точных подделок, в секретных лабораториях академии было изготовлено три или четыре таких детектора. Они пригодились. А теперь эти приборы находятся в распоряжении моей группы.

— Может ли Федеральное управление расследований, — осторожно продолжил Стивен, — рассчитывать на то, что, когда возникнет необходимость, вы предоставите в наше распоряжение такой прибор и проинструктируете тех, кто...

— Разумеется, — заверил собеседника Мак-Аллистер. — Вы в любое время можете связаться со мной вот по этому каналу. — Он протянул Стивену бумажку, на которой нацарапал код.

Оба собеседника поднялись и пожали друг другу руки.

Зло посмотрев на закрывшуюся за чертовым шпиком дверь, Лысый Крокодил потянулся к трубке блока связи, но тот, опередив его, разразился сигналом вызова.

— Он начал активно перемещаться по городу и окрестностям, — доложил верный Даррен. — Но с этим сигналом мы не можем засечь Воздевшего с точностью больше чем в два-три квадратных километра. Так что никак не могу сказать точно, куда его носило.

— Продолжайте отслеживать этого типа, — распорядился профессор. — И приведите в боевую готовность все четыре детектора. Да-да — я имею в виду аппараты Роулинсона.

Он дал отбой, подумал немного, потом взял из бювара на столе и, затягиваясь трубкой, прочел еще раз полученную вчера распечатку обращения Планетарной контрразведки в президиум Департамента науки с просьбой предоставить в ее распоряжение на короткий срок прибор, известный как аппарат Роулинсона, а также обеспечить лицам, которым предстоит использовать указанный прибор, необходимый инструктаж. Распечатка была подколота к переданному с курьером совершенно конфиденциальному письму от сеньора Кастельмажоре, в котором содержалась просьба от одного из его, стряпчего Кастельмажоре, клиентов предоставить в аренду «на любых, удобных Вам условиях оплаты» инструмент, именуемый аппаратом Роулинсона...

Спальня Лысого Крокодила, так же как и его рабочий кабинет в исследовательском центре, была украшена коллекцией любимых Богов Пестрой Веры. Профессор постоял перед уютно устроившейся рядом с баром стеклянной «горкой» и принес жертву — рюмку дорогого коньяка — Простому Богу Лжи Динтан-Лину.

Дед был доволен эффектом, произведенным им на Клайда, хотя вряд ли догадывался об истинной причине, и закрепил его вполне годной для любительской постановки фразой:

— Нам нет нужды кривить душой друг перед другом, капитан Ван-Дейл. О вас нам известно все. Даже то, чего не знаете вы сами!

После этого он величественно повернулся и предложил Внучке пройтись, на время предстоящего скучного разговора, по оранжерее.

— Я, дедушка, лучше сделаю вам кофе, — уведомила его Феста и уверенно стала извлекать из старомодного резного шкафа у северной стены все необходимое для объявленного занятия.

Высший производитель работ оставил без внимания столь явное неподчинение своего потомка его воле и, заняв подобающее ему место на некоем подобии трона во главе стола, указал Клайду на несколько более скромное сиденье почти напротив.

Клайд послушно сел, не откидываясь на высокую спинку и сохраняя выражение вежливого внимания на лице, выдержал Дедов взгляд. Всяких взглядов он навиделся на своем веку, и этот — привычно властный и недоверчивый — был ему не слишком страшен. Он с интересом рассматривал физиономию старика, кровью, страхом и неслыханным враньем основавшего лесное царство-государство, о существовании которого на Большой земле рядовой люд и не догадывался.

— Вас, должно быть, интересуют источники нашей... э-э... осведомленности о некоторых... не слишком вами афишировавшихся сторонах вашей жизни в Колонии... Что ж, не стану плодить пустых секретов: вы сами открылись нам. Думаю, вы плоховато помните, что там наговорили во время... э-э...задушевных бесед с толкователями. Это и неудивительно — аромат «белого мха» отнимает память. А между тем они не так уж и просты — эти наши Лесные Деды... Уже во время вашей первой беседы — на что уж мужичонка, что с вас снимал показания, звезд с неба не хватал — вы явили в ваших словах Знак. — Дед наклонился к Клайду, заглянул ему в глаза. — Вы — человек пришлый, и для вас Дьявол Камень — всего-навсего некое ювелирное изделие, за добычу которого вам обещали твердый процент с его продажной цены, так ведь? А для здешнего народа это — кое-что гораздо большее. Неизмеримо... В сознании каждого, чей путь хоть раз пересекся с путем Камня, остается неизгладимый след. Знак. И если умело поговорить с таким человеком... если растворить запертые врата его подсознания — с помощью дымка от «белого мха», например, то он этот Знак явит... Я давненько издал на этот счет директиву, — видно, надоумило нечто свыше... А впрочем, многие здесь бродят по следам Чертова Камушка, так почему бы Лесному Народу оставаться в стороне?

Клайд постарался не выразит своим поведением иных эмоций, кроме уважительного внимания к собеседнику.

— Ну, так я и направил поработать с вами, капитан, одного из лучших своих специалистов по технике психоделических допросов...

Дед отвесил полупоклон толкователю, а сам Дуперон вежливо поклонился в ответ.

— А заодно и навел, как водится, справки на Большой земле. Есть там у кого мне справиться... И сошлось все, представьте... Так что мы уж не будем у вас, капитан, выпытывать, как это все у вас там получилось... Я лучше так, напрямую все расскажу, как дело было, а вы уж сообразите покивать нам в ответ...

Дед прихватил с небольшого пюпитра и поднес к глазам знакомого Клайду формата узкие листки желтоватой бумаги.

— Так вот, около года назад вы под собственным именем и с подлинными документами прибыли на Планету с Трассы. Не думаю, что вы охотно с нами поделитесь историей своего пребывания в тех богоугодных местах. Но это к делу и не относится...

Клайд согласно кивнул. Феста тем временем управилась с джезвой и прочими снастями для приготовления кофе и водрузила перед собеседниками серебряные чашечки с дымящимся «мокко» и поднос с сухариками. Сама же устроилась поодаль, прихлебывая кофе с таким видом, словно это была желчь нетрезвого дракона.

— Здесь, — продолжил Дед, отхлебнув свой кофе и оставшись им доволен, — точнее, в Малой Колонии вам сосватали щедрого заказчика. Не будем называть имен. Солидный держатель ювелирной торговли. Человек вне подозрений, с большим стажем, с опытом... В высшей степени достойный партнер, мог бы я добавить. Не его вина в том, что ему довелось стать игрушкой неких... э-э... злых сил. Вам-то, капитан, и невдомек было, какие непростые

игры ведут тут, в здешних краях, между собою люди... и нелюди. Посвященные. Вы, однако, если о чем и догадывались, то носа в эти дела не совали. Обезопасили как могли себя и своих людей и делали свое дело: сколотили боевую пятерку из таких же залетных, с Трассы, — дело понятное, их вы и знали получше, заметьте, я об именах снова не справляюсь, — и по наводке заказчика разработали план операции, подготовились и операцию эту провели блестяще: на полдороге, где-то в корпусе Департамента науки, вы перехватили репортерскую группу ТВ, обработали бедняг чем-то хорошо вырубаящим...

— «Сомнифером», — сухо подтвердил Клайд, отхлебывая кофе.

Кофе был отличный, чего нельзя было сказать о его настроении.

«Ладно, Бонифация еще можно было вычислить по каким-то ему плохо известным местным взаимоотношениям, но вот неужели и вправду засветились Мерген и другие ребята? Или старик блефует, этак вот секретничая с именами?» — прикинул он.

— «Сомнифером», — согласился Дед. — Сложили вы этих ребяток отоспаться как следует в заранее присмотренном кабинете, опустили радиоуправляемые заряды в кабельные колодцы энергообеспечения, а сами направились слушать Картавого Спиро. Точнее — подбираться к Камушку и ждать, когда его откроют напоказ. Этого вы дождались, и, как только олухи царя небесного отомкнули у вас перед носом сейф-кейс, тут же пустили в дело игловые парализаторы. Они у вас были сработаны под видеокамеры. Чисто, надо сказать, отстрелялись — никто жизни не лишился и без глаз не остался. Одобряю. Тут же и радиомины в действие привели, и в темноте крошечной Камушек хапнули. Народ и охнуть не успел, как вы были уже на десантной платформе. Камушек-то, признайтесь, в руках подержали? Ничего ТАКОГО не ощутили? Признайтесь: был искус — на пальчик-то надеть?

— Это было вообще странное ощущение — держать Дьяволов Камень в руках, — впервые совершенно откровенно согласился Клайд. — Но в тот момент я не придал этому значения...

— Вот тогда-то Камушек тебя, голубь, и отметил... А не со всяким он так... Ну-с, продолжим, — снова ужесточил наигранно смягчивший было голос Дед. — Платформу тоже догадались под камуфляжем, под ремонтную, где-то рядом пристроить, хоть такая маскировка только для дураков и годится, но их много в Колонии — дурней-то. В органах, я имею в виду. А простым человечкам и вовсе недосуг разглядывать — что там к строительным лесам припарковано — на двадцатом где-нибудь этаже... Вы ее, ясно, в сторонке где-то держали — ни далеко ни близко...

— У Пугачевской башни. Там вечно что-то ремонтируют и переделывают... — лояльно уточнил Клайд.

— Ну а пришла она к вам по радиовызову точно в нужный момент. На ней вы и оторвались. Еще и газом копов надушили... Одобряю.

Клайд пожал плечами, соглашаясь со сказанным. Все это уже не было секретом даже для прессы. Кроме имен и адресов.

— Итак, — Дед откинулся в кресле, — до определенного момента все у вас развивалось просто блестяще, в полном соответствии с намеченным планом. Однако дальше произошло нечто незапланированное. Как только вы передали... э-э... добычу в руки заказчика, на вас обрушилась череда малоприятных происшествий...

Клайд внутренне напрягся: момент предстоял щекотливый.

— Сразу у места вашей встречи с заказчиком вы подверглись нападению, не так ли? — Дед снова склонился вперед, вперив взгляд в зрачки Клайда. — Кто это мог быть?

— Этого я не могу знать, — уверенно соврал Клайд. Почти соврал. Кофе колом застрял у него в горле. — Я слишком быстро ретировался с места событий: как из-под земли выскочил полицейский патруль, — удалось-таки выговорить ему относительно естественным тоном.

— Что ж, вы достаточно осторожны в своих... суждениях, — заключил Дед, не сводя с Клайда испытующего взгляда. — Мне, впрочем, достаточно хорошо известны напавшие на вас. Вам еще предстоит встретиться... Но для вас сейчас главное не это... Главное, что вы должны держать в голове, так это то, что Камень не в их руках.

Последовала пауза, которую заполняло только позвякивание опустевших кофейных чашечек, которые, как по команде, всем присутствующим понадобилось поставить на стол.

— Ну а на следующий день, — продолжил Дед, — вам стало известно, что именно в то же время, когда произошел этот... э-э... странный инцидент, кабинет почтенного ювелира был-таки ограблен. Камень ведь находился там? Так?

— Так, — не без досады согласился Клайд.

— Вот теперь-то я попрошу вас чуть-чуть помочь нам, — вошел в разговор молчавший до сих пор Дуперон. — Вы уж разъясните, с чего это вас понесло угонять орбитальные лайнеры да затем в гости к нам отправляться... На Капо-Квача, конечно, хорошему человеку всегда рады, однако ж...

— Действовали вы более, чем рискованно и очень энергично, — сурово продолжил Дед. — Значит, была у вас веская причина. Весьма и весьма. Некий план и некая цель. И в этом вы нам не открылись. Так поделитесь с нами этой тайной.

Клайд сосредоточился и, стараясь не сказать лишнего, обрисовал собеседникам последовательность событий и ее железную, хотя и дурацкую логику, приведшую его в дебри гнусного плато. Некоторое время его собеседники сосредоточенно переваривали эту информацию. Феста разлила по чашкам остатки кофе и отвернулась к окну.

— Ну что ж, то, что вы нам рассказали, не лишено смысла, — резюмировал Дед. С некоторым разочарованием. — Так вы уверены, что не искали контакта со Свободным Лесным Народом?

— Я рассчитывал приземлиться в Южном полушарии, — откровенно признался Клайд. — Так что...

— И как вы надеялись потом, окончив — удачно или неудачно — дела с вашим заказчиком, покинуть зону юрисдикции нашей благословенной планеты? Кстати, Федеральное управление не отстало бы от вас нигде. Угон лайнера — это, знаете...

— Проблемы приходится решать по очереди... — нейтрально отозвался Клайд. — Если есть деньги, то изменение внешности и документов в пределах Обитаемого Космоса — не такая уж и проблема...

— Вы — большой оптимист, — холодно прервал его Дед. — Никуда вам не деться. А тем более с Камнем на руках. Вас будут искать те, по сравнению с кем федеральные следователи — ангелы во плоти. Единственный ваш путь отсюда к свободе — вот в этих руках.

Дед уверенно продемонстрировал Клайду свои длани.

— Вернемся, однако, к вашему рассказу. Не знаю, насколько обоснованны ваши подозрения относительно двойной игры вашего партнера, но, по моим сведениям, Камень находится в руках кого-то со стороны. Более того, игра вошла в иную фазу — гораздо более сложную и опасную. Есть Знак, что Камень вновь обрел раба. Исполнителя Злой Воли

Нашел нужный ему перст. Это значит, что придется не прятаться от событий, а, наоборот, идти им навстречу. И действовать много, много энергичнее... Вам. ВАМ, капитан Ван-Дейл, придется действовать в первую очередь!

— Так чего же от меня ждут? — с несколько деланным недоумением спросил Клайд.

— От вас, капитан, ждут того, что вы вернете Камень. Сначала — себе...

— А потом — Лесному Народу. Я так понял? — осторожно, но твердо спросил Клайд.

— Не прежнему заказчику, во всяком случае, — отходя к окну, как-то глухо молвил Дед. — Перед ним вы чисты: он сам не уберет добычу. Если сможете — попробуйте разыскать с него свою долю. Но, говоря честно, не советую тратить на это время. Разве что старик информацией с вами расплатится. Информации у него много. Но не Камень нужен Свободному Лесному Народу... И не ему вы Камень передадите, а тому, кто даст вам Прощение и Ключ к свободе.

Утро у Шишела выдалось шебутное. До полудня он прокрутился, пристраивая Нэнси на долечивание к надежным людям, потом его по блоку связи стал вызывать Гарик. Поскольку все разговоры, предстоящие им, были абсолютно нетелефонными, встречу назначили на явке, закодированной как «Грядка» — вегетарианский ресторанчик на тихой площади Елены-Вероники, вечно безлюдной и украшенной маленьким каменным фонтанчиком.

Почти сразу после этого на связь вышел Уолт. Он тоже до чего-то дознался. Не долго думая, Шишел и его завернул к «Грядке». Проглотил гамбургер с кофе, просмотрел сводку новостей и пошел на встречу.

Трюкач нервничал, шмыгал носом и пытался справиться с дурацкой капустной котлетой. Шишела он приветствовать не стал, как того и требовали правила конспирации. Шишел, отвернувшись к окну, вполголоса велел ему подождать, пока подтянется Уолт.

Тот подзадержался и некоторое время ожидал замечаний от партнеров. Но Шишел только кивком головы предоставил слово Гарику. Тот торопливо начал докладывать:

— Люди Храма Желтого Камня держат ее, Энни, я имею в виду... Я под дурного работал — пошлялся там по редакциям: мол, у меня материалчик интересный приготовлен и с Энни договорено о встрече...

— И тебе поверили? — спросил в пространство Шишел.

— Да я таких лопухов первый раз в жизни вижу... Подруга ее там, так весь телефон оборвала, чтобы для меня дознаться, куда Энни подалась. И остальные все до одного из кожи лезли, чтоб Гарику-Трюкачу помочь... Трогательно все это.

— Эти «все остальные» — сколько их? — мрачно поинтересовался Шишел.

— Да человек пятнадцать... — подумав, заметил Гарик.

Достал из-за отворота пиджака тубик с «корректором», не без удивления покрутил перед глазами и бросил в пепельницу.

— Значит, здорово отметился, — все так же мрачно заключил Шишел.

Гарик досадливо шмыгнул носом и, оставив замечание без комментариев, продолжил:

— Так вот, четверо из этих чудаков хорошо запомнили, что Энни подалась собирать материал в монастырь. Их это удивило очень...

— Так ты поэтому и думаешь, что...

— Думаю, что точно. Прокोलалась она там на чем-то, вот жрецы эти ее и заперли у себя где-нибудь...

— Проклятая самодеятельность... — прогудел Шишел. — Я же говорил, чтобы с этим

народом ухо остро держали. Да только Энни ведь с тем же успехом и на полдороге перехватить могли. Архангелы эти из Черной Церкви или скорее уж федералы или контрики... Для людей этих, из Янтарного Храма. А у тебя, Уолт, что?

— А меня Перес отыскал. На дежурном нашем месте встречи с Энни. По ее наводке. И передал записку.

Он бросил на стол узкий листок.

«Люди из монастыря приглашают на разговор. Думаю, отказываться не стоит. Энни», — прочитал Шишел.

— Это улика, — сказал он, подумав. — Стоило бы пустить в ход кого-то из наших легавых друзей... Да только мы им такой козырь в руки дадим... Ладно — одну ставку теряем. Черт с ней. Но не перегни палку — думаю, скоро друзья эти храмовые на нас выйдут... Надо же им свои условия выставить.

— Я сначала самостоятельно прозондирую почву... — сказал Уолт.

— Да я уж там побывал, — чуть виновато сообщил Гарик. — Мол, вроде как надумал в схиму податься, да все колеблюсь... Там дед такой занятый меня по всяким местам поводил... У них там вроде музея что-то такое... И вот там такая интересная штука получилась...

— Говори про дело, — оборвал его Уолт. — Что удалось узнать про Энни?

— Про Энни-то как раз и ничего узнать не удалось, а вот...

— Тогда помолчи, — мучительно скривясь, прервал его Шишел. — И больше туда не суйся. Пусть Уолт монастырем займется. — Он повернулся к Новикову: — Смотри не загреми сам... — Шишел нервно высморкался в огромный клетчатый платок. — Держи меня в курсе. Буду у себя.

У себя Шишел включил терминал, принял стакан «Смирновской» и продолжил чтение дневников проклятого и взятого адом адмирала Шайна.

Последний этап пути к Котловану начался для Клайда прямо из кабинета Деда, и был он не так уж долг — полукилометровый отрезок туннеля, пересекавший под землей гряду отвала и начинавшийся за тяжелыми раздвижными панелями кабинета, где проходил за чашечкой кофе такой на первый взгляд добродушный разговор-допрос.

— Пора — вам, капитан, наконец увидеть воочию то, за что отдал столько сил и жизней Свободный Лесной Народ, — торжественно провозгласил Дед, отворяя тяжелую, титаном, похоже, окованную дверь, точнее, откатывая ее в сторону.

За дверь открылась тропа, сбегавшая по крутому с этой стороны склону отвала вниз, в море жемчужного, удушливого тумана. Из этого тумана вынырнули полдюжины мрачного вида человек с офицерской выправкой. Отсалютовали и молча замкнули короткую колонну спереди и с тыла. Кое-кто из них был уже знаком Клайду по конным прогулкам в сопровождении ее высочества и Наставника. Чуть позже, уже в самом сердце жемчужной пелены, точно так же — без лишних слов, к ним присоединилась четверка егерей.

Клайда стал разбирать какой-то несвойственный ему обычно истерический смех: ну в самом деле — мог ли он тогда, сходя с эскалатора в типовом Космотерминале Колонии, предположить, что довольно скоро ему придется вот этак шлепать в тумане по скользким камням в сопровождении шамана, религиозного шарлатана, на все способной самозванной принцессы, четырех полудикарей-головорезов и еще бог весть кого... Смех он удержал с трудом и, чтобы списать издаваемые странные звуки, пожаловался небу на проклятый едкий

туман.

— Он скоро кончится, — заверила его Феста. — И ты увидишь Котлован.

И Клайд действительно увидел Котлован. Этому, однако, предшествовали весьма занятные и сложные действия его спутников и, как выяснилось, чуть ли не всего населения долины.

Сначала вперед выдвинулось несколько братьев, которые начали подавать сигналы какими-то дудками и бубнами. Затем в бубны забили и егеря, а им из тумана ответили еще массой разнообразных звуков, вплоть до выстрелов в воздух.

А затем грянули трубы. Это было действительно грандиозное зрелище: открывшаяся в пластах светящегося изнутри тумана искусственная, террасами спускавшаяся вниз огромная котловина. А по террасам уже выстраивались поразительно ровными шеренгами выбежавшие из бараков на звук труб люди. Тысячи, пожалуй, даже десятки тысяч людей... Не важно, что каждый из них был неказист и жалок. Эти стройные многоэтажные шеренги на фоне красноватой терракоты склонов и серой гнилой древесины бараков, огромным кольцом замыкавшие все видимое пространство, завораживали.

Не одни трубачи — их и не заметно почти было — так быстро построили навстречу своему богу во плоти этот народ: вдоль шеренг энергично мотались фигурки в клобуках — белых и серых. И белые и серые всадники подгоняли их. И еще какие-то вертухаи помогали делу — чуть ли не в звериных шкурах. Да и еще много чего можно было рассмотреть на этих, словно ступени гигантского цирка уходящих вниз террасах. Клайд не сразу посмотрел, что там — внизу. Когда же взгляд его скользнул вдоль белесых рек дорог-волоков, вдоль зигзагов деревянных лестниц ко дну Котлована, он не сразу понял, что перед ним Объект. И, только осознав это, он понял еще, что влип гораздо серьезнее, чем мог предположить.

Сначала это можно было принять за по недоразумению попавшее сюда типовое заатмосферное селение. Может — за небольшое предприятие. И только потом становилось ясно, что нагромождение стремительно обтекаемых и в то же время угловатых конструкций там, внизу, — это всего лишь некие части — антенны, может быть, или что-то вроде вспомогательных дюз, — выдвинутые из несравненно большего тела огромной, хищно приплюснутой, тускло мерцающей округлой громады. Клайд знал, что это такое. Реконструкции этих металлокерамических чудищ, сделанные по обломкам, найденным в самых разных точках Галактики, были, оказывается, и впрямь точны. Любой мальчишка в Обитаемом Космосе в свое время увлекался рассматриванием этих картинок. Только Свободный Лесной Народ был свободен от лишнего знания.

— Господи, — сказал он. — Чужой Корабль.

— Да, — торжественно подтвердил Дед. — Чужой Корабль. После капитального ремонта.

После этого Высший производитель работ целиком обратился к общению с заполнившей террасы Котлована массой Свободного Лесного Народа. Воздевая к небесам услужливо поданные ему посох и не слишком понятного вида амулет, он двинулся по тянущейся вниз лестнице, заботливо устланной самой длинной ковровой дорожкой, которую Клайду приходилось видеть. Идти ему пришлось довольно долго. Феста почтительно следовала в десятке шагов позади. Ближе к Кораблю к ней по одному стали пристраиваться члены какой-то довольно странной свиты. Клайд не сразу сообразил, что на этих людях

надеты стереотипные легкие скафандры, полагающиеся летному составу при проведении полетов в условиях боевых действий. Ах да — и еще при испытательных полетах.

Достигнув кромки нависающего над землей гигантского сплющенного диска, Дед не без труда поднялся на некое подобие трибуны. За ним последовал телохранитель с блоком связи, а свита Фесты — дюжина облаченных в летные скафандры людей — затопала по сооруженному поодаль пандусу. Поднялась на верхнюю плоскость и побрела между громадных металлических наростов. К отверстию, напоминающему спуск в подземный переход. С такого расстояния они напоминали цепочку муравьев, ползущих по автомобильному двигателю. Экипаж.

Только фигурка самой Фесты осталась у края гигантского корпуса — вровень с трибуной Деда.

На некоторое время напряженное ожидание заполнило Котлован. Стоявший за спиной Деда телохранитель наконец оторвал трубку блока связи от уха и что-то доложил Высшему производителю. Тот выслушал его и, шагнув к деревянному ограждению трибуны, вновь воздел к небу посох и амулет. И тут Клайд очередной раз убедился, что Лесные Люди не лыком шиты.

Над Котлованом вспыхнула голограмма. Трехсотметровый призрак Деда воспроизводил мельчайшие движения своего прототипа и вдобавок воспроизводил в облагороженной, внутренним сиянием подсвеченной и чуть размытой форме. Клайд уже и позабыл, что на свете существуют стереотипные наборы митингового оборудования...

— Свободный Народ Леса! — загремел из нескольких репродукторов голос Верховного производителя.

Голос этот был столь же облагорожен компьютерной обработкой, сколь и усилен.

— Сегодня настал великий день. Сегодня я собрал здесь всех тружеников Котлована для того, чтобы объявить вам, что цель, к которой мы упорно шли все те годы, которые я был с вами, достигнута! Пора донести до вас весь тот великий смысл, который Высшая Сила вложила в ваш трудовой подвиг.

Лишь немногим из вас известна Истина. То, что высится перед вами, — не гробница, полная драгоценностей, и не завод Древних, производящий антивещество. Нет. Перед вами самый настоящий Корабль Древних Пришельцев. И сегодня он совершит свой первый полет и получит свое имя. Теперь Истину вправе знать все!

Гул прокатился по террасам Котлована. На несколько секунд даже цепи ограждения дрогнули. Но голос Высшего производителя вернул толпы к порядку.

— Те, кто стоял у основ того дела, что завершено сегодня, — пророкотал он, — потратили годы и годы, извлекая из сохранившихся со времен Первых Высадок засекреченных документов, из легенд и слухов, роившихся вокруг тех руин цивилизации Древних Пришельцев, что оказались сосредоточены именно здесь — на Северном полушарии Планеты, заброшенном и обойденном вниманием исследователей, крохи сведений о местонахождении Корабля Древних. Немалые силы были потрачены на возобновление археологических раскопок. Но самым трудным оказалось поверить в то, что сохранившийся в толщах песчаных наносов Корабль Древних Пришельцев найден нами и что он неведим. Восстановлен и готов подняться в небо.

К счастью, к тому времени наука уже многое сделала для понимания того, как действовали эти космические суда, на что они были способны, как они управлялись. Даже те жалкие их остатки, которые за последнее столетие были найдены в шести различных точках

Галактики, дали человечеству многое... Меня же Провидение сделало тем орудием, которое воплотило все эти знания в реальность. Высшая Сила наделила нас возможностями сосредоточить здесь, в Котловане и его окрестностях, огромные силы, необходимые и для совершения простой, но огромной работы по извлечению Корабля из недр песков, похоронивших его тысячелетия назад. Провидение наставило меня на истинный путь, которым мне выпало вести Свободный Народ Леса вперед, к высотам прогресса и процветания, помогло нам утвердить на половине суши этой планеты самый совершенный и справедливый общественный строй, который когда-либо знало человечество. И укреплению этого строя послужит обладание Кораблем Древних — сокровищницей технологий и научных открытий Достигнутых более высокоразвитой, чем все нам известные, цивилизацией...

— Это объявление войны, — тихо сказал кто-то за спиной у Клайда.

Тот обернулся и сподобился сомнительного счастья узреть блеск пенсне Советника Георгиу. Они вежливо поздоровались. Клайд не стал спрашивать Советника о том, что он имел в виду. Тем более что Высший производитель работ начал закругляться.

— Через несколько секунд, — вещал он, — будут переведены в рабочий режим маневровые двигатели Корабля, и, получив новое имя, он совершит свой первый полет. Пока мы не ставим перед собой цели выйти за пределы атмосферы нашей планеты — экипаж должен будет долго осваивать управление чуждой для землян техникой. Но — как говорят — лиха беда начало...

Повернувшись к громаде Корабля, Дед третий раз воздел к небу посох и амулет. Тут только Клайд сообразил, что амулет-то — тот самый, что обычно болтался на цепи на плечах Внучки.

— От имени Свободного Лесного Народа я — Дед Всех Дедов! Высший производитель работ Харви Мак-Аллистер — вверяю экипажу ключ двигателей Великого Объекта!

Он простер руку с амулетом в сторону кромки корпуса Корабля.

Феста протянула руку. Взяла амулет. Снова воздела его на свои плечи. Отсалютовала и под нарастающий гул почти побежала к спуску в недра Корабля.

Снова наступило напряженное ожидание. Ропщущий гул все выше поднимался над Котлованом. Советник Георгиу за спиной Клайда кашлянул.

— Нам надо поговорить с вами, капитан Ван-Дейл. Не стоит оборачиваться. Продолжайте смотреть на это представление...

— Я слушаю вас, господин Советник, — негромко и зло отозвался Клайд.

— Не здесь и не сейчас, капитан. Я вызову вас к себе в кабинет. У нас будет неплохой для этого повод...

— Воля ваша. Но о нашем разговоре и о его содержании...

— Это вы уж сами решите — потом...

— Спасибо вам за разрешение, господин Советник.

— Вам предстоит дальняя дорога, капитан. Но перед ней — одна-две проникновенные беседы с Верховным производителем работ. А потом я приглашу вас к себе — понапутствовать, так сказать.

— Немного похоже на беседу с гадалкой, извините. Долгую дорогу вы мне нагадали. Куда вот только? И как там насчет казенного дома и всего такого?

— Рад, что чувство юмора вам не изменяет, капитан... Что ж, будьте, как говорится, готовы...

Тем временем телохранитель снова доложил что-то Деду, и тот прервал наполненное сливающимся в один гул ропотом ожидание.

— От имени Свободного Лесного Народа, я — Дед Всех Дедов, Высший производитель работ Харви Мак-Аллистер — повелеваю экипажу привести в действие двигатели вверенного нам Высшей Силой Объекта!

Воцарилась гробовая тишина. И в этой тишине родился и наполнил весь мир глухой, но необыкновенно мощный гул. Казалось, его издавала сама Планета. Необыкновенно ничтожным и жалким начинал чувствовать себя человек, погрузившийся в этот рокочущий, невидимый океан.

А громада Корабля плавно, без малейшего напряжения всплыла над своим каменным ложем и застыла над ним метрах в двадцати. Потом с такой же легкостью стала на место. Звук двигателей стал тише и сдвинулся куда-то — почти в инфразвук. Снизу по лестнице к Деду торопливо двинулась какая-то шестерка с чем-то поблескивающим на выставленном перед собой подносе. Господи — с бутылкой шампанского.

Высший производитель ухватил сей неслыханный для Капо-Квача предмет роскоши за горлышко, продемонстрировал безмолвной толпе, укрепил в петле, специально приделанной на шесте по правую руку от него, и, отведя образовавшийся маятник как можно дальше, провозгласил.

— От имени Свободного Лесного Народа нарекаю Корабль сей именем нашего Древнего гимна — славным именем «Хару Мамбуру»!

Бутылка, сверкнув в лучах Звезды, строго в предназначенный момент выглянувшей из-за кромки горного края, описала широкую дугу и грянула о борт Корабля. Шампанское изверглось пенным фонтаном, а вместе с ним извергся и Древний гимн — из тысяч плоток, невпопад.

«Remember Haru Mamburu!»

Часть III

«ХАРУ МАМБУРУ»

Глава 10

БОГ ВЕСТЕЙ

«К тому времени, когда из лагеря подтянулась вызванная мною вспомогательная рота, — писал адмирал в своих дневниках, — нам удалось вывести и вынести из Храма всю группу Виллановы. У самого Франсиско были еле заметны пульс и дыхание. Вся тройка рядовых, взятая им с собой, находилась в состоянии, близком к коме. Трое рядовых успели, как следует из их объяснений, вынести своего командира, которого, по их словам, «обуял Дьявол», из зала-кельи, куда вел проход за аркой с надписью, и попытались найти дорогу к выходу, но оказались в конечном счете в совершенно другой части проклятого, залитого светом «янтаря» лабиринта. Объяснить, что же все-таки приключилось с ними после того, как они прошли под украшенным рунами сводом, пострадавшие могли лишь весьма приблизительно.

Никольский и его группа, усиленная Жи-Жи и его людьми, из которых двоих успели покусать ночные древесные гадюки, появились, когда я рассматривал на походном дисплее исходную видеозапись, снятую видеокамерой со шлема Франсиско. Вторая ее часть — та, что относилась к событиям, последовавшим вслед за тем, как группа прошла под сводом арки, украшенной загадочной надписью, — была еще менее понятна, чем бредни самих злосчастных первопроходцев. Зато сама надпись была великолепно видна. Это были действительно руны Предтеч. Соединив свои познания и познания Жи-Жи, нам удалось осилить ее смысл: «Сколько бы вас ни вошло во Врата, выйдут из них только трое, сохранивших жизнь и разум»».

— Да, ядрена вошь, — констатировал читавший эти строки Шишел. — Читать ведь надо, куда прешься, коли написано!..

Он поднялся, походил из угла в угол, смерил на глаз уровень джина в объемистой бутылки, закутался в плед и продолжил чтение.

«Можно только сожалеть о том, что Вилланова был абсолютно несведущ в письменах Предтеч, — сокрушался в своем дневнике адмирал. — Весьма прискорбно и то, что качество изображения, передававшегося на мой монитор, оставляло желать много лучшего... Да, впрочем, я не смог бы прочесть надпись достаточно быстро.

Хотя мы и потеряли в этом походе полную дюжину человек, то, что случилось с этой четверкой, повергло меня в особое уныние, под стать унылому, пасмурному миру, который окружал нас на этих пустынных, залитых осенней мглой просторах Северного полушария. В этой мгле ставшие уже хорошо заметными — словно Храм все больше всплывал из-под скал — янтарные огни казались глазами притаившейся стаи жестоких и голодных зверей. Колорит обстановки дополняли стоны встревоженных нами Каиновых птиц. С удовольствием перестрелял бы проклятых тварей, но они умудряются быть совершенно незаметны в этом заросшем черным бурьяном нагромождении скал.

Троих, сопровождавших Вилланову, удалось привести в чувство. Самого Франсиско врач определил как практически безнадежного. Его так и не удалось вывести из комы и даже доставить живым до района эвакуации тоже не удалось.

Лагерь укрепили, организовали лазарет и наконец нормальную походную кухню. Накормили людей — впервые за несколько суток по-человечески — и оказали помощь покусанным гадюками. Похоже, с ними ничего особо страшного.

В тот же день, ближе к вечеру, я, препоручив пострадавших заботам Джи-Джи, предпринял спуск в галереи Храма самостоятельно в сопровождении двух рядовых. Трое, так трое, черт побери! Меня основательно мучила мысль о том, какой промежуток времени имели в виду те, кто оставил над сводом арки предупреждение входящим. Если бы те четверо прошли под ним не гуськом, а скажем, по-одному, с интервалом в час? Скорее всего, имелось в виду суммарное количество живых существ свыше определенного размера, прошедших через арку. Ну а после того как они покинули «охраняемое помещение»? Отсчет идет заново, или?...

К счастью — к счастью ли? — для нас, таинственное устройство, охраняющее заколдованный проход, видимо, «сбросило счетчик», — и мы трое, хотя и пережив несколько неприятных, напряженных мгновений, один за другим — я первым — прошли под роковым сводом. За ним, после короткого коридора и лестницы, ведущей наверх, оказался миниатюрный «молельный зал», как принято называть такие слегка тесноватые, почти совершенно пустые внутри помещения в современной терминологии — кто знает, чему в них молились и молились ли вообще?

Как и всюду в Храме, освещен зал был относительно мягким, но начавшим чем-то раздражать меня светом, который источал толстый слой украшенного причудливым рельефом «янтаря» — загадочной субстанции, изготовлявшейся Предтечами. Но здесь, в «молельном зале», на возвышении в пол человеческого роста — виданное ли дело — теплилась свеча! Я не сразу понял, что это не коптящее пламя воска, а раскаленный неведомым способом, превращенный в чистое, почти не колеблющееся пламя воздух реет над более темным, чем весь остальной «янтарь», почти непрозрачным резным стержнем, выросавшим из постамента. Мы с интересом рассматривали это непонятное устройство.

— Если бы у Предтеч было все, как у нас, я бы сказал, что это типичный фаллический символ... — сообщил нам свою гениальную догадку рядовой Зингер, явно не в меру образованный.

— Черт его знает что... — задумчиво сказал другой мой спутник — недоучившийся технарь Челли. — Генератор плазмы какой-то... И что же он — так и греет здесь потолок веки вечные или только в нашу честь врубился?

Не имея ответа на столь к месту поставленный вопрос, я приказал провести в помещении замеры радиационного и СВЧ полей и приступил к осмотру помещения. Замеры ничего особенного не показали, а вот мои поиски определенный результат принесли — у одного из чрезвычайно низких, смахивающих больше на норы выходов я нашел то, что у исследователей, описывавших Храм, принято называть кап — прозрачный, смахивающий больше на потек смолы нарост над сделанным когда-то человеческой рукой повреждением.

Сквозь этот потек можно было оценить и само повреждение: кто-то не так надо (если судить по размерам капа, лет двадцать — тридцать тому назад) вырезал (или, может быть, выжег) справа от входа, примерно на уровне глаз человека среднего роста, нечто, что мне показалось сначала каким-то подобием радиосхемы или странным орнаментом, резко отличавшимся от орнаментов Предтеч. И, только пройдя в этот вход, я понял — лабиринт! У входа кто-то, решивший позаботиться о своих последователях или о себе самом — в следующий визит, оставил схему начинавшегося за входом-лазом лабиринта.

Не успев, к счастью, сильно заплутать в нем, я отступил в зал и внимательно изучил рисунок, перерисовывая его к себе в блокнот. Приходилось принимать чуть ли не позы из «Камасутры», чтобы точно разглядеть все детали схемы.

Сам потек «янтаря» был — благодарение богу! — достаточно прозрачен, но поверхность его была неровна и то так, то сяк искажала скрытый под потеками рисунок. Странное чувство владело мною: словно не игра преломленного в неровных потеках «смолы» света заставляла рисунок менять свои очертания, а кто-то с той стороны, из глубины минувших десятилетий, силился донести до меня то важное, что хотел сказать, — свое послание. ВЕСТЬ.

Покончив с этой работой, я организовал импровизированный привал, и мы впервые за много часов блуждания по Храму выпили горячего кофе и проглотили по паре бутербродов. При этом я заставил подчиненных соблюдать все правила, которые следует, по мнению знатоков, соблюдать, если уж приходится принимать пищу в Янтарном Храме. Весь мусор — а его мы, слава богу, не произвели много — был собран, упакован и продолжил путь вместе с нами.

Путь же этот пролегал через расположенный на трех ярусах лабиринт, часть которого, необходимая для того, чтобы достигнуть какой-то неведомой цели, была достаточно точно изображена нашим неизвестным предшественником. В этом лабиринте я впервые, с того момента когда вошел в Храм, услышал хоть какие-то звуки. Сначала Зингер заявил, что нас-де вроде как окликают. Что основательно не понравилось всем нам троим. Затем Марсель — я имею в виду рядового Челли — обратил наше внимание на что-то подобное вздохам органа где-то вдали. А потом, совсем близко, словно за поворотом, — звук водопада. Казалось, даже вкус свежей водяной пыли ощутили мы. Но сворачивать с маршрута, и без того не вызывавшего полного доверия, мы не стали.

После того как мы пару раз, не разобравшись в моей перерисовке, чуть не сбились со следа, мы вышли в почти точную копию того «молельного зала». Настолько точную, что мне даже пришло в голову, что мы вернулись к исходной точке наших блужданий. Даже свеча теплилась на том же, казалось, месте.

Но нет: другим был орнамент на стенах. И не было больше ни у одного низкого выхода никакой под капом скрытой схемы. И вообще никаких путеводных указателей тот, кто проходил здесь раньше, нам не оставил. И еще: лестница за главным входом не приходила снизу, а уходила куда-то вверх...

Во здравом — насколько было возможно здраво рассуждать в такой обстановке — размышлении, мы выбрали этот — через главный вход — путь. Он не разветвлялся, только часто сворачивал под довольно крутыми углами. Я начал терять ориентацию в отношении глубины, на которой проходил этот коридор. Ко

всему тому еще начали возникать перерывы в радиосвязи с лагерем. От, как я уже говорил, чем-то ставшего меня раздражать приятного на первый взгляд, мягкого янтарного света начала тихо кружиться голова. Я заметил, что и спутники мои начали беспокойно покручивать головами. Наконец Зингер попенял вслух.

— Чертовщина, — сказал он, — свет этот... Со всех сторон. Куда ни повернешься — в глаза лезет...

— Словно в печке раскаленной... Стенки светятся... — поддержал его Челли. За что Зингер пожелал ему типун на язык.

Я же посоветовал им спокойнее воспринимать особенности здешней обстановки.

Несколько позже мы наткнулись на склад. Самый обыкновенный базовый склад, характерный для работающей в вахтовом режиме экспедиции. В двух соединенных между собой боковых кельях, в которые мы время от времени заглядывали, отклоняясь от ведущего вверх хода, до потолка были навалены вполне земного вида тюки и ящики, содержимым которых мы поинтересовались.

В одном из ящиков находилась не совсем нам знакомая аппаратура, в другом — в разборе — хорошо сохранившиеся бластеры. Это невероятно изумило меня. Похоже, что тот, кто затащил сюда все это хозяйство, просто полностью игнорировал все, о чем предупреждают старые знатоки вопроса. Никаких документов мы не обнаружили. Судя по устройству бластеров, склад не трогали уже лет тридцать — сорок. Видно, еще с тех пор, когда им пытался заняться Комплекс.

Еще чуть позже мы обнаружили целую анфиладу комнат, оборудованных, судя по всему, под лаборатории. И оборудованных, скорее всего, людьми. Сохранились надписи, маркировка на приборах и установках и тому подобные признаки. Большая часть оборудования была демонтирована, остались лишь крепления в стенах да проводка. Но часть уцелела — заботливо упакованная в целлофан и мешковину, которым ничего не сделалось за десятилетия сна в этом янтарном сиянии..

— Интересно, как это все сюда затащили, если больше чем трое сюда зайти и выйти не могут? — поинтересовался Зингер. — Так тройками и сновали туда-сюда?

— Или роботов использовали... — предположил Челли.

— Или сюда ведут еще другие ходы, — положил я конец дискуссии. — Двигаемся дальше.

Мы двинулись дальше и пришли ко второй заколдованной арке».

— Тебе бы про пиратов романы сочинять, так просто цены бы тебе не было, — отвесил адмиралу двусмысленную похвалу Шаленый.

Отошел к холодильнику, пригубил джин, морщась, закусил лимоном, сосчитал про себя до двухсот сорока и продолжил чтение.

Появившийся на пороге Даррен был озабочен.

— Получено сообщение, — он протянул магнитную карточку шефу. — Оттуда. Из-за Черты... Зашифровано вашим личным шифром.

Профессор взял «Магнитку», подошел к терминалу, сунул ее в щель и прочитал одному ему видимый текст. Поморщился.

— Сообщение, — сказал он таким голосом, словно принял хину. — ВЕСТЬ... Что ж можете быть свободны, Даррен...

— И еще... — Даррен замялся и поскреб свою шкиперскую бородку. — Сигнал «ползет». Все скорее и скорее. Похоже, мы в цейтноте... Может...

— Не стоит вам задумываться над этим, Даррен. — Тон профессора был неприязнен. — Я знаю, что следует делать... Впредь начинайте всегда с этого — с сообщения о характере сигнала. А пока, я уже сказал — можете быть свободны...

Походив из угла в угол, он отпер кабинку личного лифта и спустился в небольшую, хорошо освещенную и пропитанную запахом хвои, исходящим от кондиционера, комнатку, в пятидесяти метрах ниже поверхности Планеты. Ее обитатель встретил его без особой радости.

— Я обращаю ваше внимание, — Сэм Бирман на минуту оторвался от почти до половины исписанного бисерным почерком листа, — что я все-таки не подписывался на пребывание здесь на тюремном режиме...

Рональд Мак-Аллистер высоко поднял плечи:

— Все, что мы предпринимаем в отношении вас, Сэм, мы делаем исключительно в целях вашей безопасности. — Он остановился перед сидевшим за низеньким столиком Бирманом, словно строгий судья перед нашкодившим учеником. — А вот вы, Сэм, делаете все, чтобы усугубить свое собственное и наше заодно положение... — Он постарался произнести это так, чтобы до Самуэля наконец дошло, что с ним не шутят. — Я вовсе не имею в виду то, что вы считаете поистине санаторный режим, который мы установили для вас, тюремным, вовсе нет...

— Я не жалею о плохом питании или о плохом обращении персонала, господин профессор, — оборвал его Сэм. — Я вовсе не требую для себя прогулок в город или на природу... Дело совсем в другом. Вы практически лишили меня прямого доступа к основным банкам информации. Чтобы получить справку от компьютера Центральной библиотеки, мне приходится использовать такие ухищрения, что...

— Простите, Сэм, но неужели вы не понимаете, что по характеру запросов, исходящих из одного источника, вас можно элементарно вычислить? — словно у неравного ребенка осведомился Мак-Аллистер у Самуэля. Тот ощетинился:

— Но ведь, в конце концов, ваши люди могли бы пойти мне навстречу и... э-э... организовать дело так, чтобы... Чтобы мне, по крайней мере, не приходилось самому работать хакером-любителем?

— Это у вас неплохо получается, — с досадой констатировал господин профессор.

— Мало того, — продолжал излагать свои претензии Сэм, — если я просто прошу принести мне книгу или запись из библиотеки, ваши люди исполняют мою просьбу не раньше чем с третьего раза. У меня складывается впечатление, что мне специально ставят палки в колеса.

— А вы уверены, доцент Бирман, что следует так уж торопиться с завершением вашей работы? Может, лучше пока привести нервы в порядок. У нас есть прекрасное снотворное... Учтите, наши наблюдения за так называемым сигналом Камня убедительно свидетельствуют, что чем дальше продвигается ваш труд, тем больше возрастает активность этого... м-м... Объекта. В некотором смысле вы сейчас — самое опасное разумное существо

во Вселенной. Не стоит ли обождать момента, когда...

— Когда — что? — спросило гордо напыжившееся самое опасное из разумных существ.

— Когда мы сможем остановить Воздевшего...

— Убить его, вы, слава богу, не сможете. — Сэм произнес это с каким-то даже облегчением. — Что же тогда? Вы хотите заточить его? Замуровать?

— Нечто в этом духе... — осторожно соврал профессор. Сэм как-то сник и, встав из-за стола, прошелся по комнате и устался в угол.

— Я вам в этом деле не помощник, — глухо сказал он.

— Вот теперь и пришла пора поговорить по-настоящему...

Дед Всех Дедов удобно расположился в плетеном кресле и пригубил из каменной пиалы бальзам, почтительно поданный ему Внучкой. Кроме нее к разговору допущен был только Клайд и никто более. Даже премудрый Дуперон пребывал где-то рядом. Но не здесь.

Справа от Деда располагался специальный каменный столик, на котором возлежало нечто переплетенное в коричнево-красную с золотым тиснением кожу. Рука Деда покоилась на этом фолианте, словно на Священном писании.

— Я слушаю вас. — Клайд подчинился приглашающему жесту руки Высшего производителя и опустил в кресло напротив. Отменно жесткое.

— Для того чтобы вы, капитан, могли справиться с миссией, которую я собираюсь возложить на вас, вам придется узнать многое такое, что знают лишь считанные люди на этой планете... — Дед просверлил переносицу Клайда взглядом своих глубоко посаженных бесцветных глазок. — И в Обитаемом Космосе вообще... Готовы ли вы к этому?

— Я не напрашиваюсь на знание чужих секретов, — не без скрытой досады ответил Клайд. — Но если это — условие моего возвращения за Черту, то считайте, что вы можете на меня положиться.

— Вы должны знать, капитан, что ваша миссия — если она успешно завершится — будет щедро вознаграждена. — Во взгляде Деда появилось некое вдохновение. — Гораздо щедрее, чем вознаградили бы вас старые мошенники Мелканян и Апостопулос... Каждый из лесных людей беден, но Свободный Лесной Народ неслыханно богат... И у нас найдутся средства сделать вас богатым человеком... Очень богатым.

Он некоторое время задумчиво жевал губами.

— Я думаю, что перспектива такого вознаграждения — хорошая гарантия того, что, покинув нас, вы не поддадитесь в бега, милейший капитан, — продолжил он. — Но бы должны знать, что там — за Чертой — у нас есть свои люди и предательство не пройдет вам даром... Это вторая гарантия вашей верности слову. Но есть еще и третья, особая...

Он смотрел на Клайда, словно желая взглядом выпытать — догадывается ли тот о его следующих словах. Тот постарался ответить твердым и простым взглядом. В свое время на сцене это ему хорошо удавалось.

— Вы — человек Камня, капитан Клайд, — отчеканил Дед. — И вам от него никуда не уйти... А теперь — перейдем к делу. Только что — еще и пары часов не прошло — вы видели нечто удивительное... Собственно, одно из главных чудес Обитаемого Космоса. Корабль Предтеч. Один из немногих, что не успели покинуть Планету, когда разразилась катастрофа, уничтожившая это племя... Треть... — Тут он призадумался. — Да куда там — больше трети своей жизни я посвятил поискам этого космического ковчега... Именно слово «ковчег» употребил тот, кто первым узнал о его существовании. Тот, кто дал мне

путеводную нить в его поисках... — Дед похлопал по коричнево-красному фолианту и торжественно взял его в руки, воздев перед собой, словно Моисей — скрижали с Заповедями Господа. — Аббат двух Церквей — Истинной и Ложной. Энрико Ди Маури...

То, что вы видите перед собой, — не что иное, как вторая, считающаяся безвозвратно утерянной часть Старых Книг. Та, которая вместе с аббатом канула в недрах Янтарного Храма, явившегося ему здесь — в делях Северного полушария. Но остались свидетельства... — Пристальным взглядом Дед опять проверил, доходит ли сказанное им до Клайда.

Ввиду полного незнакомства с эзотерической стороной истории Малой Колонии и тем более со всей кучей домыслов о трудах достославного аббата, взгляд у капитана Клайда стал несколько бараньим. Феста кашлянула, дав понять Деду, что на минутку возьмет слово, и доходчиво разъяснила будущему исполнителю великой миссии примерно то же самое, что Сэм Бирман поведал недавно Дмитрию Шале-ному по кличке Шишел-Мышел.

Некоторое время Клайд переваривал полученную информацию, затем снова обратил взгляд — уже несколько более осмысленный — на Деда. Тот бережно вернул рукопись аббата на каменный столик и, огладив бороду, продолжил:

— Неудивительно, что эту часть рукописи Ди Маури не пытался опубликовать и никогда не расставался с нею ни на минуту. Почти никогда... Она — эта часть его переводов — содержит подборку сведений о космической навигации Предтечей и о расположении на Планете посадочных площадок их кораблей. Точнее — одного только, особого корабля... «Ковчег», как он упорно называл его, а вовсе не Янтарный Храм искал он на Северном полушарии. И, ей-богу, дело стоило того!

— Думаю, что Комплекс немало отвалил бы аббату даже за обломки такого кораблика. Но то, что я увидел, — корабль в действии — это... — Клайд попытался выразить свое восхищение шевелением пальцев в воздухе.

— Еще больше ему отвалила бы администрация обеих Колоний — Малой и Большой, — усмехнулся Дед. — И многих из Тридцати Трех Миров — тоже. Чтобы такой корабль никогда и ни за что не попал в руки Федерального директората. Стоит случиться такому — и со всеми свободами автономных миров будет покончено...

— Неужели эта штука настолько превосходит современные суперсветовики? — с несколько притворным удивлением спросил Клайд.

— Если судить по тому, что удалось расшифровать аббату, — тут Дед с торжественным видом поднялся из кресла с явным намерением осчастливить Клайда лекцией на свою излюбленную тему, — то примерно настолько же, насколько суперсветовик превосходит обычную каботажную посудину вроде памятной вам «Покахонтес»...

Клайд криво улыбнулся.

— Не знаю, — продолжал Дед, — насколько вы знакомы с теорией суперсветового транспорта и связи, но...

— Считайте, что на уровне школьного курса, — коротко уведомил его Клайд.

— Так или иначе, — продолжил Дед, — вы должны помнить, что долгое время перемещение материи ли, информации ли со скоростью, превышающей световую, считалось невозможным. По той в основном причине, что такое перемещение способно вызвать нарушение закона причинности. Хотя уже тогда существовали такие теории, как теория «кротовых нор», соединяющих через подпространство далеко отстоящие друг от друга точки Вселенной. Однако все это считалось оторванной от жизни экзотикой. До того времени,

пока не был выдвинут принцип «заколдованных точек». Помните такой?

— Ну, насколько я помню, Конти, Василенко и еще кто-то там доказали, что возможна передача сигнала, в том числе материального, с любой скоростью в такие точки пространства, из которых невозможно повлиять на сам факт отправления такого сигнала... — припомнил Клайд набившую оскомину сентенцию.

— Прекрасно, прекрасно, что вы это так хорошо помните... — похвалил его Дед. — Так вот, основная проблема теперешней космической навигации — это вычисление таких точек. Общего решения этой задачи не найдено. Все приближенные методы невероятно громоздки. В результате основную часть полезной массы любого современного суперсветовика составляет бортовой компьютер. К тому же нет теории оптимальных решений задачи вычисления «заколдованных точек», максимально близких к цели прибытия. Поэтому большая часть полетов совершается в несколько бросков, каждый из которых забирает уйму энергии. Приходится, кроме того, тратить большую часть полетного времени на ожидание того, когда наступит «заколдованный момент». Так что для того чтобы подогнать к любой из населенных планет Федерации крейсер или — не приведи господь — целый флот, приходится идти на огромные расходы. Притом гарантированного результата нынешние методы сверхсветового перемещения все равно не дают... Такие несовершенства космической навигации и привели в значительной мере к развалу Империи. Она могла справиться с одной или двумя непокорными колониями. Но когда окрепли и, набрав силу, приступили к борьбе за свои права все Тридцать Три Населенных Мира, Империя просто-напросто обанкротилась...

Так вот, способ, которым решили эту проблему Предтечи, — принципиально иной. Он основан на использовании оставшихся в нашей Вселенной от иной, гораздо более древней цивилизации устройств — если эти измененные микроучастки пространства можно назвать устройствами, одним из которых является Дьявол Камень. Без него Корабль — все та же каботажная посудина. Хотя и весьма оригинально сделанная и превосходящая современные образцы.

— Черт возьми! — Клайд откинулся в кресле. — Я-то представлял себе дело иначе... Если этот Чертов Камень — всего-навсего навигационный инструмент, то какого же дьявола эта штука ввязывается в судьбы людей, откалывает всякие магические фокусы?

— Я же сказал вам, что Предтечи использовали лишь то, что досталось им от тех, кто пришел в наш мир гораздо раньше них и кто создал или принес с собой Черный Камень. Может быть, Предтечи имели в своем распоряжении несколько таких Камней. Где они — бог весть. Он, конечно, для других нужд сотворен, этот необычный инструмент. Есть такие, кто предполагает, что в Камне заключена копия нашей Вселенной. Точнее — она сама, но только вывернутая в тот мир, где «больше» означает «меньше», а «сильнее» — «слабее»... Впрочем, это — только один из возможных подходов... Так или иначе, состояние Камня связано с общим информационным Тезаурусом нашего мира. Кроме того, Камень содержит в себе в виде искаженной кристаллической схемы устройство перевода изменений, которые претерпевает это «зеркало мира», в некие сигналы. Первоначально они научились использовать наиболее простую составляющую этих сигналов и создали на этой основе идеальное навигационное устройство для своих кораблей. Видимо, в отношении астронавигации Предтечи находились примерно на том же уровне, что и наша современная цивилизация. Понимаете, Камень не вычисляет положения «заколдованных точек». Он просто знает их. Сама Вселенная рассказывает ему это. А потом выяснилось, что основная

часть сигналов Камня может быть переведена в биологический код. В некое подобие нервных импульсов. И тогда началась совсем другая история... Она, впрочем, не имеет большого отношения к звездоплаванию...

— Так что же все-таки такое — Дьяволов Камень?

— Старые Книги говорят, что Скрижаль Дурной Вести — это некая противоположность тому, что называют Янтарным Храмом. И в то же время — некая составная его часть. Как тормоз, предназначенный для того, чтобы прекратить движение автомобиля, есть нечто противоположное всему остальному его устройству, предназначенному, наоборот, приводить машину в движение, и в то же время — ее неотъемлемая часть, без которой все остальное лишится смысла...

Нечто такое творили в Храме ТЕ, ПЕРВЫЕ, что было крайне опасно и что должен бы предотвратить Камень... А через немыслимый промежуток времени после того, как неведомая катастрофа превратила Планету в пустыню, после того, как жизнь снова возродилась на ней из жалких остатков ее бывшей биосферы, Предтечи пришли сюда и открыли для себя Янтарный Храм и Камень в нем. Сперва научились использовать Камень, а затем прочли некие письмена... Нечто, что осталось от древнейших обитателей Планеты в стенах Храма, его орнаментах, в молекулярной структуре «янтаря»... И продолжили творить нечто, что не завершили ТЕ, ПЕРВЫЕ. И может быть, не случайно, что именно тогда Камень открылся им в иной своей ипостаси... Какую роль сыграл он в гибели цивилизации Предтечи или ее исходе с Планеты — мне не дано знать... Есть человек, который считает, что познал это, но я думаю — все дело в его гордыне...

Отдаленная догадка о том, кем может быть тот человек, промелькнула в голове Клайда, но вслух он спросил другое:

— Вы видели Янтарный Храм? Вы... Вы там нашли это?.. — Клайд кивнул на роскошно переплетенный фолиант. Харви Мак-Аллистер величественно пожал плечами:

— Аббат не расставался со своей рукописью почти никогда. Но в Храм ее благоразумно не прихватил... Он оставил ее в лагере своей экспедиции. В горах, не так далеко отсюда... Остатки которого нашел я.

— А Храм?

— Он, видно, не захотел явиться мне. — Дед признал это с неохотой. — Зато явился Шайну и его людям. Верно, пришла пора вернуть Камень в мир...

— Так что, — Клайд недоуменно потер висок, — аббат так и ждал его, что ли, в Храме-то этом? Все двадцать с лишним лет?

— Скорее всего, там ждала его Скрижаль Дурной Вести. Аббат сделал то, чего от него потребовал Камень, и, быть может, подучил свободу. Быть может, так же, со свободой пришла к нему и смерть... И Шайна Камень, освободив, отдал в руки Дьявола...

— А что Камень требует взамен свободы? — осторожно спросил Клайд.

Дед задумался. Потом круто изменил тему разговора, оставив вопрос Клайда без ответа.

— Многое можно порассказать о Камне, — глухо сказал он. — Но сейчас пора браться за дело. Ибо ВЕСТЬ пришла к нам. Оттуда — из-за Черты. Кольцо с Дьяволовым Камнем снова воздето на перст Избранника — надо сделать все возможное, чтобы как можно скорее Скрижаль оказалась здесь. И не только она...

— Может быть, я и полный профан в отношении всего, что касается Янтарного Храма, — подумав, начал Клайд, — но относительно свойств Камня кое-что успел узнать. Например, что все, кто пытался уничтожить Воздевшего, погибали сами... И те, кто пытался

отнять Камень силой — тоже... Так в чем же состоит тогда моя... э-э... миссия, о которой вы говорите?

Дед уважительно поднял бровь:

— Неплохо для новичка в этих местах... Это Мелканян ввел вас в курс дела?

— Я и сам наводил справки... — пожал плечами Клайд.

— Так вот, — Дед принял самую внушительную из отрепетированных годами пребывания в качестве правителя Свободного Лесного Народа поз. — Никто не требует от вас причинять вред Воздевшему или покушаться на него. Наоборот — ваша миссия состоит в том, чтобы помочь ему как можно быстрее исполнить его Предназначение... или заставить его сделать это. Камень поможет вам. И только тогда, когда Камень освободит его, вы должны его приобрести для нас. Камень. Любой ценой. Если надо, у нас хватит денег расплатиться... Роско даст вам адрес нашего банкира в Столице.

— Ну что ж — это не идет вразрез с тем, чем я собирался заняться по возвращению туда — за Черту... — признал Клайд. — Знать бы только, где искать этого чертова Избранника. Его Предназначение тоже неплохо бы узнать...

— Ну что же: вопросы неплохи... Но я же сказал вам — я получил ВЕСТЬ... Это кое что да значит. Избранник известен нам. Точнее, уже не Избранник, а Воздевший... И можно кое-что предположить относительно того, как найти его... Вот Предназначение его — другое дело. Но и тут есть что сказать... И тут. Вам будет указан человек, который сможет узнать, что на этот раз предстоит Воздевшему. Но это — только одна часть вашей миссии. Правда — самая тяжелая...

Клайд наклонил голову набок, всем своим видом показывая, что готов внимательно выслушать собеседника. Дед продолжил:

— Дело в том, что сам по себе Камень не в состоянии влиять ни на систему управления космического корабля, ни на нервную систему человека... Предтечи решили и ту и другую проблему... Кольцо, в которое вправлен Камень, на многие тысячелетия младше его самого. Это — тончайший интерфейс, позволяющий Камню взаимодействовать с живыми объектами. С самими Предтечами, в частности, с их нервной системой. На человека он, этот интерфейс, конечно, не рассчитан... Отсюда и многие, многие странности, происшедшие с Воздевшими... А для встраивания Камня в систему управления космическими кораблями ими был изготовлен другой тип интерфейса. Точно так же, как и Кольцо Дьяволова Камня, он найден. Точно так же, как и это Кольцо, он принят за ювелирное изделие. Но, поскольку под рукой никогда ни у кого не случилось ни Камня, ни космического корабля Предтеч, этот интерфейс так и продолжает невинно существовать под именем Симметричного Набора.

— Слышал о таком, — заметил Клайд.

— Мы были близки к тому, чтобы по частям приобрести этот предмет, — вздохнул Дед. — Но обе части набора почти одновременно были похищены. Вам предстоит вернуть их. Я думаю, для этого и всего-то необходимо будет дать знать определенным людям, что существует очень выгодный покупатель на этот товар.

Последовала относительно долгая пауза.

— Вы достаточно уяснили себе суть вашей миссии? — веско осведомился наконец Дед.

— Мне нужно знать массу деталей... — Клайд взял кончики пальцев в замок и сосредоточенно уставился перед собой.

— С вами поработают Наставник Роско и Дуперон, — показывая тоном, что беседа их подходит к концу, пояснил Высший производитель работ. — Вы отправляетесь еще не

завтра...

— Скажите, — Клайд обратился уже не столько к Деду Всех Дедов, сколько к притулившейся на ручке одного из кресел Внучке, — как вам удалось поднять «Ковчег» в воздух? И как вы рассчитываете справиться с установкой... м-м... навигационного устройства, даже если все его компоненты удастся собрать здесь?

— Вы, капитан, не думайте, что мы только вчера залезли в Корабль, — ответила та. — Он вот уже третий год как постепенно освобождался от слоев песка и глины, нанесенных за прошедшие тысячелетия... Эту долину затапливали реки, заносили барханы, бог знает что еще было... А первые шахты к входным люкам Объекта прокопали в те времена, когда я еще пешком под стол ходила... Там мы все облазили вдоль и поперек вот уже сколько лет тому... Так что малые планетарные движки запустить — для нас не проблема...

— Кроме того, — заметил не без гордости Дед, — мы имели возможность без лишнего... э-э... шума и грома пригласить для работы с Объектом и в наших цехах, с которыми вы уже имели возможность познакомиться, лучших специалистов из-за Черты и даже из Метрополии... Мы уже подготовили команду корабля и их дублеров... Капитана же «Хару Мамбуру» вы видите перед собой... — Дед сделал жест в сторону Фесты.

Клайд откланялся. Чуть иронически.

— Надеюсь, — сказал он, — в случае успешного завершения моей... э-э... миссии я смогу рассчитывать на бесплатный перелет куда-нибудь в более спокойные края?..

— Вы получите гораздо больше! — заверила его Внучка. — Мы знаем, сколько было обещано за Камень Мелканяну. Вы получите в два раза больше.

— И бесплатный проезд до Метрополии. В один конец, — усмехнулся Клайд. Потом повернулся к Деду:

— Неужели Свободный Лесной Народ всерьез рассчитывает заняться дальними космическими перевозками?

— Вы должны хорошо понимать, капитан, — чуть неприязненно молвил Дед Всех Дедов, поднимаясь из кресла, в которое было снова присел, — что одно дело предложить покупателю — кто бы таким покупателем ни оказался — захороненный и безжизненный остов космического корабля, пусть и обладающего неслыханными потенциальными возможностями, а другое дело — продемонстрировать эти возможности на деле. Впрочем, наш разговор затянулся... Роско и Дуперон ждут вас в павильоне...

— Я должен предупредить вас, — склоняясь в почтительном поклоне и чувствуя себя изрядным дерьмом, уведомил Деда Клайд, — что Советник Георгиу предложил мне посетить его кабинет после разговора с вами.

— Что ж, — подумав, сказал Дед. — Думаю, что вы достаточно хорошо представляете, что вам делал и что говорить в его кабинете. А чего делать и говорить не стоит...

Дед отошел к уставленной алтариками Пестрой Веры полке и воскурил маленькую, с терпким дымом свечку Аллаин-Банну — Забывчивому Богу Вестей.

Невозмутимый обычно Джокер-Веласкес на этот раз был явно не в своем обычном репертуаре. Оба его волосатых, украшенных перстнями с печатками кулака упирались в поверхность стола так, будто намеревались-таки проломить ее. Всегда элегически сонные, обычно напоминавшие спелые оливы, зреющие под солнцем далекой родины его предков, глаза его сейчас выкатились и воплощали взгляд быка, пошедшего в атаку на матадора.

— Я не позволю наезжать на меня как на удода! — уведомил Джокер собравшихся. —

Тем более я не позволю это каким-то шестеркам из команды Папы Каттарузы! Я не понимаю, неужели Семья под твоим, Маноло, руководством докатилась до такого позора, что не может прикрыть своего главного банкира от наездов какого-то Пучеглазого Паоло и этого чучела Фанфани?!

В ответ на эту, обращенную к нему, недопустимо резкую в другой момент инвективу, Маноло-Сапожник невозмутимо раскурил от массивной золотой зажигалки свой «Лайтнинг» и посоветовал Джокеру не гнать волну, а коротко изложить суть дела.

— Суть дела, — ядовито пояснил Веласкес, — заключается в том, что сегодня с утра пораньше ко мне прямо на дом являются обе вышеупомянутые гниды и в ультимативном порядке требуют снять с их счетов числящиеся за ними вклады. «Вы, — говорят, — господин Веласкес, позвоните во Второй Строительный, чтобы они успели приготовить денежки к нашему приезду, а то мы торопимся...» При этом выразительно играют «пушками».

Я думаю, среди присутствующих нет таких дураков, которые не понимают, что денежки на тех счетах меньше всего имеют отношение к Паоло Волльману и к Антонио Фанфани. Указанные шестерки — всего лишь подставные людишки, которые самостоятельно, без твоей, Маноло, с Папой договоренности ни цента со «своих», — это слово Джокер выговорил с особым ядом в голосе, — счетов взять не могут. Речь идет о спорных деньгах и о наваре с совместных операций.

Ну я, естественно, хотел созвониться с тобой, Маноло, но тут господа начали хулиганить: дырок в потолке понаделали, Хуанито — это из моей охраны — пару зубов вышибли и с тем убыли. Несолоно, правда, хлебавши и тоже не без потерь по части морды лица. Но господа пообещали, что будет хуже. «Много хуже» — так они выразились.

Джокер обвел глазами присутствующих, проверяя, дошло ли до них сказанное им.

— Далее, — он откашлялся. — Не успеваю я прибыть в свой кабинет во Втором, как мне докладывают, что на Острове «бомбят» наш филиал. Сами понимаете, чьи люди. Полиция, само собой, прибывает только для того, чтобы выразить свои соболезнования, а заодно и протокольник оформить. Номинально потери наши и всего-то около восьмидесяти тысяч федеральных кредиток. К тому же застрахованных.

Напоминаю, однако, что фактически в филиале на отмывке лежало одними только ценными бумагами впятеро больше. Так что от страховки этой нам проку — все равно что покойнику от питательной клизмы. Это пока все. Но, думаю, достаточно, чтобы ты, Маноло, призадумался.

Маноло задумчиво обвел присутствующих взглядом и осведомился, не хочет ли кто добавить чего к тому, что тут сказал Джокер. Откашлявшись, с места поднялся Бакалейщик Писсаро, в полном соответствии со своей кличкой курировавший рэкет бакалейных заведений севера Столицы, и как-то нехотя сообщил, что уже второй день, как вся его клиентура пребывает в состоянии полного озверения.

— И их можно понять, Маноло, — уныло добавил он. — За сутки до того как наши люди должны явиться за своим еженедельным взносом, к клиентам вваливаются люди Джанфранко, берут чуть не вдвое и сообщают, что так будет и дальше, а с нашими пусть разбираются как хотят. Я бы на месте клиентов тоже на дыбы встал. Ну, допустим, в белых кварталах народ терпеливый, так ведь в Чайна-Тауне не сегодня, так завтра пулеметы откапывать начнут...

— Итак, — заключил Сапожник, — Папа объявил нам войну...

— На то похоже, — подтвердил с места старый — еще с папашей Пабло на дело не раз

ходивший — Хеновес. — Ты бы Маноло разобрался, в чем вы с Джанфранко не сошлись... Прежде чем всех нас под пули подставлять, может, миром дело решите?

Маноло косо усмехнулся:

— Разговор такой уже был. Но не сошлись — сумма великовата. А что до Папы Джанфранко, то напрасно он себя мнит самой неуязвимой фигурой в Галактике... Охрану всех объектов мы, само собой, усиливаем. А Лучо и его люди пусть возьмутся за все казино Папы, по очереди. Санчес пусть бросит своих парнишек — они у него помоложе, пошустрей — на бомбежку всякой мелочи — торговля краденой автотехникой, уличный сбыт наркоты и все такое... Постарайтесь пока обойтись без мокрухи. Просто пусть Папе станет трудно работать...

Забулькал блок связи. Маноло кивнул Адвокату, тот взял трубку и, выслушав то, что ему сказали с той стороны, наклонился к уху Маноло. Тот поморщился и коротко отрезал:

— Нет.

— Нет, — сказал Адвокат в трубку. И вырубил блок.

— Де Лилл сказал, что Маноло не передумал, — доложил Папе Джанфранко Фай.

— Ну что ж, — Катгаруза молитвенно сложил домиком кончики пальцев. — Если враг не сдастся, его уничтожают!

— Рад, рад, что не пренебрегли моим приглашением... — мясистая физиономия Советника Георгиу сделалась настолько иезуитски-благостной, что Клайду с трудом далась сколь либо естественная ответная улыбка.

— Высший производитель не возражал против нашей беседы, — уведомил Клайд собеседника, опускаясь на предложенное ему страшно жесткое кресло.

От предложенного виски и курева он вежливо, но твердо отказался. Единственное, что он принял бы с удовольствием, так это подушечку под зад. Но ее Советник не предложил.

— Ну, это просто естественно, — все так же благостно заверил его Советник. — Самс собой подразумевается, что человек, ответственный за безопасность Свободного Лесного Народа, поговорит немного с человеком, на которого возлагается столь важная для всех нас миссия. Благодарен вам за ваш визит, тем более что и мне предстоит в ближайшее время, как говорят гадальщицы, «дальняя дорога по казенной надобности»...

Так вот: я не собираюсь выпытывать, о чем вас убедительно просил Высший производитель... Я и так знаю это.

Тут Советник многозначительно помолчал — и потом, перегнувшись через стол, веско продолжил:

— Я собираюсь всего лишь донести до вашего сознания одну — очень простую — мысль: вы должны решить, за кого вам выгоднее играть. Да-да: вы рискуете остаться с носом! За Камнем в Малой Колонии идет охота таких масштабов, что герой-одиночка просто вылетит за борт на крутом повороте. Думаете, Высший производитель, — тут он скривился, будто у него заболел зуб, — заплатит вам сколько обещал? Вы не знаете этого человека! Как только вы исполните его поручение, вас прикончат. Подумайте сами: с одной стороны, вы чересчур осведомлены обо всем, что связано с похищением Камня, с другой — никаких гарантий вам не дали.

«Он прав, — невесело подумал Клайд, — их интересовали только гарантии с моей стороны...»

— Поверьте, — сказал он вслух, — когда я окажусь наконец за Чертой, такие гарантии я обеспечу себе сам. Я так привык.

— Похвальная, похвальная самостоятельность, — с большой иронией в голосе похвалил его Советник. — Но я лично не дал бы за вашу жизнь и ломаного гроша. С того момента, как Камень окажется в руках у Харви Мак-Аллистера...

Последовала пауза, во время которой Клайд внимательнейшим образом изучал потолок здешней резиденции Советника.

— Вы, надеюсь, понимаете все-таки, что с вами ведут нечестную игру? — не выдержал наконец Советник. — Или вам замутили рассудок рысьи глаза принцессы Фесты?

Клайд неожиданно понял, что Советник задел его за живое. Но не стал отводить глаз от узоров на потолке.

— Так вот, — продолжил, убедившись-таки, что попал в точку, Советник, — честную игру предлагаю вам я!

— И в чем же она заключается, если не секрет? — вежливо поинтересовался Клайд, продолжая свое занятие.

— В том, что никакого Камня вы добывать ни для кого не станете. Вы получите хорошие деньги, хорошие документы и билет на другой конец Обитаемого Космоса. Куда хотите — только подальше от этих мест. Только и всего.

— На редкость ясная программа, — оценил предложение Советника Клайд. — Я вижу, вам вовсе не хочется облагодетельствовать Свободный Лесной Народ доходами с продажи действующего Корабля Предтечей?

— Свободный Лесной Народ получит от этих доходов, — Советник снова кисло сморщился, — ровно шиш с маслом. У Верховного производителя — совсем другие планы на этот счет — он отработывает свои авансы Комплексу.

— При чем тут Комплекс? — Клайд чуть приподнял плечи.

— А при чем тут Свободный Лесной Народ? — передразнил его жест Советник. — После Позабывших Времен деятельность Комплекса на Малой Колонии строжайше запрещена, так что своих целей он добивается через третьих лиц. Вот они и породили Деда Всех Дедов, помогли ему сколотить на Капо-Квача наше столь замечательное государство и снабжают потихоньку всем необходимым... Но — до поры до времени, капитан, до поры до времени!

Как только Комплекс заполучит в свои руки Корабль Предтечей, смысл существования Свободного Лесного Народа будет утрачен. Дед Всех Дедов и присные его убудут за тридевять небес проматывать честно заработанные денежки, а ваш покорный слуга останется здесь один лицом к лицу с обманутым и озверевшим быдлом и жаждущими взять реванш трапперами...

— Неужели вас не взяли в долю? — со злой иронией спросил Клайд.

— Я слишком поздно вышел на эту дистанцию, капитан, слишком поздно... А, впрочем, если бы и взяли... — Плечи Советника опали, взгляд потух. — Что за жизнь предстояла бы мне?.. Жизнь червя...

Клайд вспомнил слова Внучки: «...для дядюшки Георгиу и всей этой шушеры... там, в верхах, Котлован должен быть вечен!» И еще: «Нет и не было ничего слаще власти. Те, кто способны променять апартаменты в одном из Дедовых дворцов — в которых электричество включается когда бог пошлет и отхожее место во дворе — на современный коттедж с кухней и электронной сауной — из тех, в которых На окраине Столицы живут «синие

воротнички»... так вот те, кто способен выбрать второе... те на плато долго не живут». Советник жил на плато уже долго.

— Я полагаю, наш разговор окончен? — невежливо спросил он.

— Не торопитесь, капитан, не торопитесь... У вас будет время подумать. Там, за Чертой, вы всегда сможете встретиться с моим доверенным лицом, с человеком, который вручит вам деньги и документы. Поверьте, когда вы ознакомитесь с реальным раскладом событий и интересов, сложившихся вокруг Камня, вам очень скоро захочется принять мое предложение... А вот если вы будете упорствовать в вашем стремлении угодить деду столь привлекательной для вас внучки... вот в этом случае вами займутся совсем другие люди. Которым мы достаточно хорошо платим и которые очень хорошо знают свое дело... Так что выбора у вас, собственно говоря, нет. Не спешите доносить на меня Верховному производителю: во-первых, разговор наш проходил без свидетелей, а во-вторых, ему и так ясны мои намерения.

— А почему бы этим вашим людям за Чертой не угробить меня сразу — просто и бесхитростно? — поинтересовался Клайд. — Вы сами говорили, что я слишком много знаю теперь.

— Знанием разных секретов похваляется масса народу из тех, что сшиваются по барам во всем Обитаемом Космосе. И охотно этими секретами делятся за рюмкой «Можжевеловой»... Все ваши знания без доказательств — пшик чистой воды. Вас придется оставить в живых, хотя бы ради того, чтобы не ссориться с Дедом раньше времени... И вообще, прикиньте — рисковать головой за деньги, которые вы получите только после выполнения головоломного задания — то есть практически никогда, или рисковать все той же головой, чтобы получить хороший куш просто так, ни за что, за неисполнение неисполнимого приказа... Это, как говорили в старину, две большие разницы...

Советник откинулся в кресле и сделал рукой отпускающий жест.

— Однако не торопитесь, — снова перешел он на благодостный тон, — не торопитесь, капитан, но и не тяните время. Как я уже сказал, вам предстоит сделать выбор. Вот теперь вам как раз пора откланяться и поспешить к вашим... э-э... инструкторам.

Именно так Клайд и поступил.

Конспиративная квартира управления в Столице Малой Колонии выглядела точно так же, как такого рода заведения во всем Обитаемом Космосе: неплохо оборудованный средствами связи кабинет, впритык к нему вдовьего вида спальня и — через небольшой коридорчик — «комната для собеседований». Именно в ней и разговаривал сейчас Стивен Клецки с неприметным человеком лет сорока. В отличие от следователя тот не был новичком в Малой Колонии и по этому случаю позволял себе чуть отклоняться от принятой в управлении субординации.

— Ей-богу, не понимаю, следователь, — говорил он, — за кем все-таки вы охотитесь — за Камнем или, черт возьми, за своим напарником из Планетарной контрразведки? Мы уже почти вычислили того парня, что таскается по городу с Камушком на пальце, а вы переключаете нас на наблюдение за господином Остином...

Стивен отвлеченно глядел в окно.

— Проблема с теперешним владельцем Камня у нас сейчас под контролем, — сухо ответил он. — Дело состоит в том, чтобы на последнем этапе дело не ускользнуло из наших рук.

Он помолчал. Потом пояснил свою мысль:

— У меня складывается впечатление, что с какого-то момента наши местные партнеры повели нечестную игру. Получили какую-то существенную информацию и не хотят делиться ею. А нам подсовывают всякую второстепенную туфту, чтобы только руки занять.

— Простите, следовательно, — подумав, заметил его малозаметный собеседник, — но мне кажется, что точно такое же впечатление у капитана Остина сложилось относительно... э-э... ваших методов работы...

— Из чего вы делаете такое далеко идущее умозаключение? — осведомился Стивен.

— Да из того, господин следователь, что до этой среды вы находились под обычным «колпаком», а вот потом к делу подключили Гарри Хопника и его людей. Это, кстати, точно совпадает с тем моментом, когда вы, следователь, переключили мою группу на наблюдение за Остином.

— Порой вы бываете чересчур наблюдательны, — сухо констатировал Стивен. И, подумав, добавил: — Как по-вашему, они знают о том, что мы наблюдаем за ними?

— Думаю, что знают, — ответил его безликий собеседник. — А мы знаем, что они знают...

«...Я опасно свыкся с залитым колдовским светом миром Храма и чуть было не двинулся спокойно в открывшийся перед нами проход, — писал Шайн. — Но Марсель вовремя остановил нас.

— Посмотрите, — сказал он, — вроде опять нам велят больше тройки не заходить. А может, и еще чего...

Сначала руны над аркой показались мне полностью идентичными тем, что так неосмотрительно игнорировал Франциско. Однако, вооружась походным компьютером, в который еще перед началом похода были загнаны основные данные по Храму и Предтечам, я с ужасом понял, что надпись сулит возвращение теперь уже только двум из тех, кто минует своды арки. Надо сказать, что нервы мои, видно, сильно сдали за время странствования по гнилым болотам Северного полушария и словно раскаленным до оранжевого свечения галереям Янтарного Храма страх за то, что могло бы произойти по моей вине, смешанна с глубокой досадой на самого себя, охватил меня, и я готов был повернуть свой отряд, чтобы вернуться хотя бы без потерь в личном составе, но сознание того, что где-то ТАМ — уже совсем рядом, быть может, должна — определенно ДОЛЖНА быть третья уже арка, пройти под которой теперь дано уже КОМУ-ТО ОДНОМУ, пройти туда, где таится нечто, ДЛЯ НЕГО ОДНОГО ПРЕДНАЗНАЧЕННОЕ, посетило меня необыкновенной силой, и я решил идти вперед до конца. ПОТОМУ ЧТО КТО-ТС ВЕДЕТ МЕНЯ... ИЛИ ЧТО-ТО...

Мы отступили в одну из пустующих келий, устроили второй большой привал за эти, уже истекающие сутки и бросили жребий. Собственно, жребий бросали лишь Зингер и Челли. То, что я должен идти вперед в любом случае, само собой, обсуждению не подлежало. Жребий пал на Марселя. Не надо думать, что Зингеру выпала слишком уж приятная перспектива: я бы не сказал, что длительное пребывание в полном одиночестве — радио молчит большую часть времени — в таком месте совсем безопасное занятие.

После небольшого отдыха мы с Марселем двинулись в путь, оставив часть

выкладки, записи и уже отснятые материалы Зингеру. Арку мы миновали без каких-либо приключений. Мне показалось, что в открывшейся нам части Храма янтарное излучение стен и потолка сместило свой спектр в его красную часть, стало более сумрачным, чем-то угрожающим. Проверка переносным спектрометром подтвердила это. И снова нам открылся зал. Примерно того же объема и формы, что и предыдущие два. Тоже заполненный слегка трепетным светом темной свечи. Только в этом зале этот свет не был единственным, что его заполняло.

Вдоль его стен неровными рядами стояли какие-то колонны-недомерки различной высоты, не достающие до потолка. Одни — широкие, другие — поуже. И напоминали они не творение разумных существ, а какие-то природные образования, вроде сталактитов: неровные, асимметричные, чем-то все неуловимо похожие друг на друга.

Разумеется, они были из «янтаря». Но только не целиком... ТАМ — внутри их, словно косточки внутри созревших спелых плодов, просвечивало черным ЧТО-ТО... Что-то, что вызвало у меня некое тошнотворное предчувствие.

Мы, однако, соблюдая некоторую осторожность, приблизились к этим бесформенным саркофагам и взгляделись в их глубину. Нет, это было не то, что я думал.

— Чудища... — пробормотал Марсель. — Я таких не видел ни на одной картинке... Здесь, на Планете, таких нет... Древние... Очень древние... Завязли в «янтаре», как муравьишки в том — настоящем... Смотрите — вот на этом кольчуга какая-то, что ли?

— «Янтарь» сильно искажает... — пояснил я ему. — Отснимите все это с предельно высоким разрешением. Используйте полихромную «вспышку».

Сам же я привел в действие переносную установку дистанционного изотопного анализа. Ввел поправку на особенности образования радиоактивного углерода в атмосфере Малой Колонии. Провел измерения. И ужас снова охватил меня. Но ужас другого рода.

— Ч-черт! Не могу отделаться от впечатления, что они там — живые... — не без подавленного страха в голосе сказал Марсель.

Должно быть, ему и впрямь стало очень страшно, если он так вот второй раз нарушил субординацию.

— Каждый раз, когда я щелкаю вспышкой, — продолжал он, — они... мне кажется, что они... Кто их?

— Храм, — ответил я. — ЭТО с ними сделал Храм. А сами они — Предтечи. Скорее всего — Предтечи.

— Так ведь они сами... сами его построили...

— Они высекли свои предупреждения на арках. Для самих себя, скорее всего. Они изучали Храм. Но то, что они его построили — это, прости меня, Марсель, только гипотеза. Храм старше чего бы то ни было на этой планете. И в этой Вселенной, может быть...

Изотопная датировка была беспощадна: монстры, заточенные в янтарных саркофагах, были современниками Предтеч.

Более того: почти сразу уверенность посетила меня — уверенность в том, что

многие из этих застывших в прозрачном камне монстров самими Предтечами и были...

Я, сосредоточившись до головной боли, всматривался в изуродованные светопреломлением формы и сочленения, всплывшие из тысячелетних глубин. Мне знакомы почти все — чисто гипотетические в основном — реконструкции вида Предтеч. Не скажу, чтобы то, что я увидел, полностью совпадало хоть с одной из них — отнюдь. Но во многом то, что писали Дюпон и Маркар... Это — похоже...

— Так они же все разные, — удивленно возразил Марсель.

— Есть мнение, что их и было много разных... Разных форм. Как это бывает у насекомых... Это не такая новость для тех, кто работает с такими вещами... По возвращении вам придется немного поправить свои нервы, Марсель.

И точно так же, как и в первом «молельном зале», кто-то, кто прошел здесь первым, снова указал нам дорогу: снова это был потек «янтаря», скрывавший под собой нанесенные стенограммы. На этот раз это был текст.

«МНОГО ЛОВУШЕК, — не без труда удалось прочесть мне буквы обычного земного языка. — ВЫБЕРИ ПРОСТЫЕ ЧИСЛА ДЛЯ КОЛОДЦА...» Совокупно, был содержательный. Но не самый понятный из тех, что пришлось мне получать. Это так походило на электронные игры, которыми я, как и все, наверное, дети, увлекался в свое время, что я даже расхохотался. Но потом осекся. Он тоже был воспитан на таких головоломках — тот ум, что сооружал защитную систему на пути к тому, что скрывалось за аркой, которую мне предстояло пройти одному. Ум жрецов, у которых, несмотря на его — ума этого — изощренность, злой аббат Ди Маури и Черный Камень украли их Храм. Приходилось идти вперед, не рассчитывая на слишком легкий успех.

За низким сводом прохода нам не открылось ничего с виду страшного. Только небольшие камушки лежали вдоль нашего пути — гладкие, бесформенные куски «янтаря». Однако светились они по-другому, чем стены.

«Ну что же, — сказал я себе, — вспомним математику... Поднимем первый... Потом третий... Потом пятый, седьмой... Как там дальше?..»

Гром не разразил нас. И Дьявол не обуял. Вот только стало неясно, как быть, когда галерея уперлась в горловину уходящего вглубь колодца, заполненного мрачным сиянием своих янтарных стен. Было бы совсем неплохо, если бы тот, кто прошел здесь раньше нас, помог и тут. Но он и так много для нас сделал.

Я наклонился над колодцем и попытался разглядеть его дно. Это было не так уж трудно. Оно было довольно близко, это дно. И на нем лежали камни. Возможно, это было подсказкой. Я бросил вниз свои камни. Закрепил канат на краю колодца и полез вниз. Не случилось решительно ничего. «КТО-ТО ВЕДЕТ МЕНЯ, — снова подумалось мне, — ИЛИ ЧТО-ТО».

Я уже догадывался ЧТО, но очень не хотелось об этом думать.

Марсель спустился вслед за мной. «МНОГО ЛОВУШЕК», — вспомнил я. И поэтому шли мы, ошестинившись датчиками и просвечивая путь ультразвуком и мини-радаром. Старались не зря. В двух местах мы успешно избежали встречи с участками переходов, пребывавших под тысячевольтным напряжением. А вот от какого-то невидимого дурмана еле ушли — Марсель вовремя учуял в воздухе «какую-то Шанель». Несколько раз попадались оставленные тем, первым, метки.

Перед нами в конце концов открылся новый — четвертый уже по счету — «молельный зал». Вот в нем и было то, чего я боялся.

Их было не так уж много — четырнадцать янтарных саркофагов, заключивших в себе людей, пришедших сюда лет сорок назад, если судить по их одежде. Двенадцать мужчин — почти все в имперской военной форме, от лейтенанта до полковника — и две женщины. Тоже в форме. Еще был совсем маленький саркофаг — с кошкой. Марсея я оставил работать в этом, не слишком жутком для солдата месте. А потом была третья арка. За ней не было ловушек.

Была только лестница, снова идущая вверх. И я шел по ней, понимая, что в главную ловушку я уже попал.

Лестница привела меня в зал. На этот раз — огромный и пустой. Только в глубине этого янтарной мглой затянутого пространства мгла сгущалась в некое подобие кокона. Заключавшего в себе черную тень.

Словно зачарованный, я двинулся к призраку. До сих пор я ясно помню каждый шаг на этом пути. Мне кажется, что он длился вечно. Может быть, вся моя жизнь дальше — лишь кошмарный сон, а на самом деле я все иду и иду через высокий сумеречный зал...

Да, это был он... Сгустившаяся мгла не давала мне рассмотреть мелкие черты лица Ди Маури, но я достаточно много раз видел самые разные изображения аббата, чтобы не ошибиться. Но главное свидетельство того, что это стоит именно он, вкрапленный в таинственное поле, словно те — сзади — в «янтарь», было прямо передо мной — на руке, протянутой ко мне, находилось... Кольцо, несущее Чертов Камень.

Я потянулся к этой руке. Пришлось преодолеть сопротивление — то ли этого поля, то ли собственных мышц, но я все-таки дотянулся и снял Кольцо.

Ди Маури сразу исчез. Мгла, окружавшая его годы и годы, рассеялась, и иссохшая мумия рухнула к моим ногам. Рассыпалась в прах.

Наверное, стоило воздать аббату хоть какую-то благодарность. Не кто иной, как он, оставил нам подсказки, позволившие мне достичь истинной цели моего странствия. Оставил ВЕСТЬ о своей судьбе. Не кто иной, как он, был автором апокрифов, открывших мне смысл той давней истории, что приключилась с Янтарным Храмом и Дьяволовым Камнем. Не кто иной, как он — уже не живой, но еще и не пересекший рубеж Небытия — десятилетиями парил в сумерке храмового зала, храня Камень для того единственного, кто должен был, преодолев все преграды, прийти за ним... Но трудно испытывать благодарность к горсти пепла и горке рассыпающихся костей.

Нагнувшись над ЭТИМ, я спросил:

— Где же твои люди, аббат Ди Маури? Превращены в прах, как и ты сам? Вкраплены в «янтарь» саркофагов? Сгинули в гнилых чащобах Северного полушария? И где души их? И где твоя душа, аббат Ди Маури?

Прах не ответил мне.

Я повернулся и зашагал к дверям. К главным дверям. Не к тем, которые привели меня сюда. И вышел на ступени, поведшие вниз — к лесу, над которым теперь высилось здание.

Храм явил себя миру.

У меня не возникло даже мысли признаться в том, что Скрижаль Дурной Вести находится в моих руках. Я думаю, не для этого Камень провел меня через лабиринт препятствий и смертельных ловушек, созданных жрецами. Я думаю, что и вывести Марсея и Зингера обратной дорогой помог он. Тщательный осмотр тех помещений Храма, что оказались доступны для нас, не дал результатов. То, что осталось от Ди Маури и его людей не позволяло ни надежно опознать их, ни указать точно причину и время гибели. Когда наши глайдеры, разворачиваясь на юг, уходили от Храма, я знал, что здесь его видят последний раз. Джи-Джи сделал на память множество снимков Храма, излучающего свой — теперь не страшный мне — янтарный свет, с горной террасы, вознесшейся над лесом.

На снимках, проявленных в лучшей лаборатории министерства, было все — и горные отроги, и лес, и наши физиономии на фоне всего этого... Только вот Храма не было и в помине.

Большая часть материалов, заснятых и записанных экспедицией, оказалась размагничена и засвечена. Остались только записи, сделанные от руки.

И остался Камень».

— Да, — согласился Шишел, скребя в затылке. — Камень остался — эт точно!

Он выключил дисплей и грохнулся на диван: надо было пару часов поспать, прежде чем отправляться на подвиги.

Глава 11

БОГ ИСТИНЫ

Кроме самого Клайда, Наставника Роско и премудрого Дуперона в состав экспедиции к Черте входил только пилот «вертушки», которого Клайд сперва принял за глухонемого. И вертолет, и пилот ждали своих пассажиров у подножия невысокого холма. Провожающих было двое — Высший производитель работ и ее высочество принцесса Феста.

В лучших традициях, в путь они отправлялись ранним утром, точнее — на исходе ночи. Дед Всех Дедов приосанился и торжественно, уже не останавливаясь на не подлежащих разглашению деталях, напутствовал Исполнителя Высокой Миссии и его провожатых и, в знак великого доверия, осенил Клайда Белым Знаком Власти, болтавшимся на массивной золотой цепи, возлежавшей на его плечах. Клайд, хотя и был всю жизнь человеком, не сведущим в эзотерических аспектах жизни Обитаемого Космоса, все-таки чуть удивился появлению на свет божий такого явного свидетельства принадлежности Деда Всех Дедов к «несуществующему тайному учению» Эйч-Эрн. То, что Белый Знак прочно входит в символику учения, знали даже насмотревшиеся приключенческих фильмов дети.

Долго думать Дед ему, однако, не дал. Склонившись к его уху, он с неожиданно закипевшей где-то в глубинах его естества ненавистью прошептал:

— Лишь об одном я прошу тебя лично для себя, капитан Клайд, лишь об одном... Никогда и ни за что не выдай себя и своей миссии моему богами проклятому сыну Рональду Мак-Аллистеру!

Клайд еще не совсем понял смысл сказанного, когда Феста, быстрым шагом подойдя к нему, накинула на его плечи легкую цепь с диковинным металлическим амулетом на ней. Точно таким же, как и тот, что украшал и ее собственную штормовку.

— Средство связи, — объяснила она. — Тоже работа Предтеч. Мы только присоединили микрофон, чтобы эта штука могла воспринимать и передавать человеческую речь. Передача не поддается декодированию на типовой аппаратуре. Но применяй только в крайнем случае. Включается вот так. Если будем тебя вызывать с нашей стороны — штука зазуммерит. Держи всегда при себе. — Она запнулась и добавила, глядя в сторону: — Обидно будет, если ты просто смоешься. Если нарвешься на пулю — тоже меня огорчишь. Но не так.

— Постараюсь, — пообещал Клайд, не уточняя предмет предстоящих стараний, и, отвесив провожающим поклон, легко сбежал по тропинке к маскировочного окраса машине, возле которой его терпеливо ждал молчаливый пилот.

«Вертушка» стремительно скользила над самым пологом насквозь промокшего леса так, что мелкая водяная пыль, поднятая ветром от винтов, стлалась следом. Несмотря на то что движок не так уж и шумел, а кабина была хорошо звукоизолирована, на разговоры никого не тянуло. Только Наставник Роско пояснил, что идут они на минимальной высоте для того, чтобы никто из трапперов, случись он там, внизу, не успел даже вскинуть ствол, пока машина не уйдет из его поля зрения. Для прошедшего в Легионе не одну боевую высадку Клайда это пояснение было совершенно излишним.

Рано ли, поздно, но громада леса иссякла, и ее сменили до горизонта раскинувшиеся топи. Геликоптер нырнул еще ниже, и в приоткрытые иллюминаторы ворвался гнилостный

сморд, от которого Клайд уже порядком поотвык в чистом воздухе окрестностей Котлована. Аккурат тогда, когда лес исчез за мглистым горизонтом, а скалистые берега Озерного края — преддверья Черты — еще и не думали замаячить вдаль, двигатель противно заныл, а затем стал озлобленно «ругаться». Пилот покрыл клятый механизм трехэтажным матом, открывшим наконец Клайду ту истину, что был он вовсе не глухонемым.

Некоторое время пилотские словоизлияния удерживали геликоптер на курсе, но минут через пять летчик сообщил своим пассажирам, что забирает круто к юго-востоку, чтобы не садиться «в жижу».

«Интересно, не Советник ли Георгиу нам помогает?» — подумал Клайд, с тревогой глядя, как медленно-медленно из мглы выползает навстречу им скалистая громада мыса Ветров.

Забрав чуть повыше — было уже не до конспирации, — «вертушка» дотянула-таки до обреза берега и даже относительно плавно опустила в полусотне метров от него.

— Приехали, — коротко известил пилот. — Дальше господа идут пешком, а я в одиночку попытаюсь починить чертов драндулет. Ближе к вечеру, когда господа отойдут подальше, выйду в эфир, вызову подмогу. Так что за меня не переживайте.

В конце концов, конечный отрезок пути все равно предполагалось пройти по поверхности — воздушное пространство близ Черты хорошо контролировалось «с той стороны» на предмет отлова трапперов. Так что оставалось проделать переход за полдня, чтобы добраться до заранее оставленных под охраной егерей коней и к следующему вечеру уже достичь приграничных роц скок-деревьев. За пилота, остающегося в одиночку у машины на голом побережье, было страшновато, но выходить в эфир было нечего и думать. Миссии было предписано строгое радиомолчание.

Путь от мыса Ветров до начала Южной сельвы был отменно скучен, и разнообразили его только налетавшие порой порывы пронизывающего осеннего ветра, приносившего с собой каждый раз порцию ледяного дождя. Поневоле пришлось разговориться. Говорил в основном премудрый Дуперон, — в конце концов, это была его профессия — говорить. Во время коротких привалов он пускал по кругу свою необъятной вместимости флягу и излагал предания о временах Великой Разборки и последующих периодах чистки и консолидации.

Пара егерей и тройка надежных лошадок исправно дожидались их в зарослях здешнего кровавого бамбука, в которые равномерно перешла сельва. Ночевка прошла на удивление спокойно. Утром, выбравшись из палатки, Клайд пригляделся к начинавшему светлеть небу и заметил на довольно большой высоте пару скок-деревьев, тянувшихся к югу вслед за установившимся, видно надолго, высотным ветром.

Бог любит троицу — и вот третий раз кемарил Дмитрий Шаленый наискосок от прохода с Сурабая на Гранд-Театрал. Третий раз сомлевший коп в патрульном каре швырнул на мостовую рубиновый огонек окурка, а когда старший по чину — тот, что отоваривался пиццей у Каштоянца, вместо фирменных — в полоску — пакетов со снедью забросил на заднее сиденье своего «козла» дюжину стандартных упаковок с гамбургерами, Шишел оценил это как вопиющее отклонение от сценария.

Патруль убыл восвояси, а таинственный восьмой клиент все заставлял себя ждать. От скуки Шишел тихонько врубил радио. Гнали сводку новостей по Столице. Комитет по экологии норовил наложить вето на строительство западной ветки монорельса. Забастовка планетарных служб Космо-терминала, намеченная на четверг, признана Профсоюзным

арбитражем незаконной. Мэр и все шесть префектов пресильно озабочены волной уголовных разборок, захлестнувшей город. Разбойным нападениям подверглись семь казино, контролируемых небезызвестной итальянской Семей. С другой стороны, как нам сообщают, ряд лиц, известных своей принадлежностью к так называемой латинской мафии, похищены и насильно удерживаются, по всей видимости лицами, связанными с упомянутой итальянской Семей. Среди похищенных следует отметить...

Тут из переулка вывернул и медленно, словно катафалк, заскользил вдоль Сурабая, надвигаясь на дешевенький «горби» Шишела, «Черный Принц-700». Погашенные фары порядком усиливали ощущение загробности происхождения наконец явившегося на встречу партнера. Шишел заглушил радио.

«Не слабо, — умозаклучил Шишел. — Таких машинок на Планете немного найдется — чтоб пересчитать, пальцев на руках с верхом хватит... Господин Президент и то стесняется такую заводить — налогоплательщики живьем съедят...»

Призрачная громада «Принца» с еле слышным рокотом обогнула тачку Шишела и стала к нему встык — кабина к кабине. Бесшумно опустилось боковое стекло салона, и Шишел сподобился узреть своего Восьмого Покупателя.

Узрел он, собственно, сперва лишь слабый блеск пенсне, впившегося в обильную плоть переносицы. Затем слабая подсветка салона позволила различить и сам нос, придававший его обладателю сходство с совой, и наконец острые маленькие глазки, безмолвно буравившие Шишела. Одет Восьмой Покупатель был как на похороны: черную тройку дополняли кипенно-белая сорочка, острые углы воротничка которой, казалось, светились в темноте, и строгий галстук с еле заметным рисунком.

Шаленый сосчитал про себя до ста сорока четырех и взял инициативу на себя.

— Ну, здравствуй, друг любезный. Прости, что, как звать, не знаю... — начал он разговор.

— Мое имя не должно интересовать вас, — властно прервал его собеседник. — Вас должно заинтересовать то, что скажу вам я.

— Да уж не скрою — интересно тебя послушать, — согласился Шишел. — Всегда полезно выслушать человека умного, особо когда еще и при деньгах...

— Не слишком умничайте, — неприязненным тоном посоветовал Восьмой. — Вы, я вижу, уже думаете, что ухватили бога за бороду. Вы глубоко ошибаетесь...

Шишел задумчиво наклонил голову набок.

— Я имел возможность наблюдать за вашей деятельностью, милейший, — продолжил Восьмой. — Правда, несколько... издалека. Издалека, сказал бы я, — он причмокнул мясистыми губами, смакуя ему одному понятную соль сказанного. — Вы влипли в нехорошую историю, милейший... В нехорошую. И сделали, и продолжаете делать все, чтобы еще более усугубить свое положение... Неужели вы воображаете, что та распродажа подделок, которую вы затеяли, имеет хоть какие-то шансы на успех?

«Да не наблюдал ты, едрена вошь, за мною, а заложил тебе нас всех из своих сучий потрох какой-то, — подумал Шишел. — Оно и неудивительно: до хрена народу в дело взял. Только вот про ложные камушки всего-то и знают трое-четверо...» А вслух сказал:

— О чем это вы?

— Мы зря тратим время. Перестаньте прикидываться идиотом! — Пенсне Восьмого грозно сверкнуло. — Я имел возможность поинтересоваться вашим досье. И знаю о вас, господин Шаленый, такое, чего вы о себе не узнаете ни-ко-гда! Вы же обо мне не знаете

ровным счетом ничего. Мне хорошо известно, что приключилось с вами и с Камнем. Мне очень хорошо понятны ваши наивные планы: сбыть шесть подделок и как-нибудь избавиться от истинного Камня. По кривой объехать Дьявола захотели? Ха, ха и еще раз ха...

К тому моменту, когда крючконосый тип закончил свой монолог, Шишел уже проделал нехитрый анализ ситуации и принял определенные решения.

— В конце концов, это мой бизнес, мистер, — уточнил он, тяжелым взглядом упершись в едва заметные за стеклышками пенсне зрачки собеседника. — Не ваш. Так что оставим в покое тех шестерых. И мое досье — тоже. Вам, мистер, угодно иметь подлинную вещь. Мне от вещи угодно избавиться. Вы еще соизволили написать, что ЗНАЕТЕ КАК... Вот об этом и будем говорить.

— Об этом и поговорим. — Восьмой извлек из массивного, черепахового с золотом портсигара здоровенную, как полено, «гавану» и принялся серебряным ножичком обрезать ее кончик.

Занятие это его поглотило надолго. Справившись с делом, он вернулся к разговору:

— Если вы хотите иметь со мной серьезное дело и получить в конце концов серьезные деньги, вам придется напрочь отказаться от вашей, простите, дешевой авантюры. Вы не представляете даже, каких чертей вы разбудили...

— Ну, раз уж вы так круто ставите вопрос, мистер, то уж извольте и о себе немного рассказать. Я втемную играть не буду... — Шишел продолжал их странную игру в гляделки.

— Честно говоря, впервые вижу такого упорного осла, — с досадой произнес Восьмой. Покупатель, раскуривая свою сигару от скрытого где-то в недрах салона прикуривателя.

Собеседника он сигарой угощать не стал. Нелюбовь Шишела к табаку была отражена во всех заведенных на него досье.

— Вы поставили всю свою затею на грань провала, Шаленый, — поучительно продолжил он. — Поймите, что существует не совсем обычный, но легкий в исполнении способ установить подлинность камня, сколь искусно ни был бы он подделан. Прямо на месте действия. И ваши партнеры этим способом непременно воспользуются. Это должно вас беспокоить больше, чем моя скромная персона.

— Вот это уже ценная информация, — согласился Шишел. И тут же вернулся на исходную звуковую дорожку: — Но и без знакомства нам не обойтись-таки. Так что колитесь, дядя, — без этого дело не пойдет и не поедет.

Крючконосый обладатель пенсне довольно долго давил в себе приступ раздражения. Это выражалось в методичном пережевывании свежезакуренной сигары и утробном, неудобопонятном завывании. Наконец, овладев собой, господин Покупатель перешел на членораздельную речь:

— Собственно, большого секрета в том, кого я здесь представляю, нет. Я имею полномочия вести с вами переговоры от имени Свободного Лесного Народа.

— Так вас что, туземцы наняли, что ли? — озадаченно спросил Шишел. — Им-то, голодранцам. Камушек пошто сдался?

Пенсне Покупателя злобно блеснуло. Словно в ответ на это, по стенам погруженной в темноту Сурабайя скользнули отсветы фар стремительно приближающихся одновременно с двух сторон флайеров. Шишел нащупал рукоятку своего колыта и осторожно снял «пушку» с предохранителя. Его собеседник тоже отреагировал на неожиданное изменение обстановки — тревожно кивнул кому-то в глубине салона, где тускло блеснула в отраженных огнях сталь ствола.

Но — пронесло. Оба флайера разминулись в десятке метров от высоких переговаривающихся сторон и проследовали восвояси. И Шишел и Восьмой вздохнули с облегчением.

— Эти, как вы изволили выразиться, голодранцы, — как ни в чем не бывало продолжил Покупатель, — способны оплатить труды, которые вам предстоят для того, чтобы освободить... э-э... предмет нашего торга от постоянного контакта с вами, по самой высокой ставке. А вот зачем Скрижаль Дурной Вести необходима Свободному Лесному Народу, то это, простите, уже не сфера вашей компетенции...

— Ну так что, — не ослабил своего давления на собеседника Шишел. — Вот так, на веру, и прикажете принимать насчет Лесного Народа или как?

Покупатель понимающе усмехнулся:

— Ну что ж, все, что я вам сказал, вы легко можете проверить у моего доверенного лица...

— А что лицо это — доверенное, так это проверять у вас, мистер? Этак мы по кругу до-о-олго ходить будем... — подначил его Шишел.

Покупатель снисходительно прервал его:

— Ну, то, что доверенное лицо, к которому я адресую вас, является вторым директором Банка Туземных территорий, вас убедит в правдивости моих полномочий? Вот, держите эту карточку и не козыряйте ею направо и налево. Посетите центральный филиал банка и предъявите ее Лемюэлю Квентину — это он тот самый второй директор. Он исчерпывающим образом ответит на все ваши вопросы. Кстати, с ним вы и произведете все денежные расчеты. Когда мы договоримся с вами...

Шишел взял пластиковый прямоугольничек и повертел его перед глазами. «Советник народа по вопросам безопасности», — прочитал он и хмыкнул про себя: «Большая, получается, шишка на меня вылезла...» Потом снова поднял глаза навстречу буравящему взгляду господина Советника и, взяв немного иной тон, перешел уже к сути дела:

— Раз уж вы в курсе моих дел лучше меня самого, как вы говорите, то вы должны понимать, что деньги для меня — дело немаловажное, но все ж таки второе. Первым номером идет — чего от меня этой хреновине угодно...

Снова фары приближающихся с разных концов Сурабайя-стрит флайеров взяли их в перекрест. Снова наступила тревожная пауза. Снова Шишел нащупал рукоятку «пушки» в наплечной кобуре, проклиная не ко времени разъездившиеся «бибики», а невидимый спутник Советника взял на изготовку свой бластер.

И снова пронесло.

С еле слышным шелестом, под приглушенную музыку, звучащую в кабинах водителей — то ли по радио, то ли с магнитофонов, — флайеры разминулись вблизи от кормы «Принца» и растаяли в пелене начинающегося дождя. Советник откашлялся:

— Задача не из легких, но мы сделаем все возможное для того, чтобы решить ее. Если вы, конечно, пойдете нам навстречу...

— Навстречу — это как? Стремно говоришь, дядя, — укоризненно заметил Шишел.

— Я имею в виду, что вы должны, по крайней мере, не ставить нам и самому себе палки в колеса и не останавливаться ни перед чем, когда станет ясно ваше Предназначение. История Камня показывает, что, когда Предназначение выполняется, всегда льется кровь, и порой кровь немалая. Вас не должны при этом останавливать дурацкие сантименты...

— Ты постой, дядя... — злым медведем глянул на Советника Шишел. — Я народ

мочить не приучен! Не мой профиль.

— Судя по тому, что Камень избрал именно вас, — криво усмехнулся Советник, — вы заблуждаетесь насчет своего, как вы выразились, профиля... И вообще, вы заблуждаетесь насчет многого в своей судьбе...

Советник задумчиво пожевал свои пухлые губы и, не дождавшись должной реакции собеседника, продолжил:

— Мы всячески поможем вам справиться с вашим Предназначением, но вы-то сами не мешайте нам! Прежде всего — немедленно сверните всю эту вашу авантюру с широкой распродажей Дьяволовых Камней! Затем...

— Едрена вошь! — взвыл Шишел. — Все, как один, готовы мне помогать по части Предназначения, а в чем оно, ни одна сволочь рассказать не может!.. А еще обещали, мистер, что ЗНАЕТЕ КАК...

— И действительно знаю, — горделиво выпрямился на сиденье господин Советник. — Никто не обещал вам открыть Предназначение, но вот КАК ЕГО ОТКРЫТЬ, я вам подскаж по секрету...

— Так не тяните кота за хвост, дядя, — досадливо поторопил его Шишел.

И, вздрогнув, напрягся, вновь ухватив рукоять кольца: почти подсознательно он уловил уже слишком хорошо знакомый звук — еле слышимый шелест движка флайера. Не одного, — по крайней мере, двух, а то и больше. Как и оба прошлых раза, машины приближались к ним с двух разных сторон. Вот только фар они в этот раз не включали. Фары они врубил только тогда, когда остановились: четыре машины вокруг Шишела и Советника. Кольцом.

— Это ловушка?! — взвизгнул Советник.

Но отвечать на дурацкие вопросы Шаленому было недосуг.

Из всех флайеров горохом посыпались нападающие — человека по четыре из каждого. Все при оружии. На долю секунды раньше Шишел броском покинул свой «горби» и, сгруппировавшись за его хлипким корпусом, взял свой кольт на изготовку.

— Если это ваши штучки... — каркнул из окошка «Принца» Советник и отгородился от окружающего мира бронированным стеклом.

Секунды три царила мертвая тишина. Затем спокойный, даже добродушно-печальный голос скомандовал:

— Не двигайтесь! Если вы не будете делать глупостей, никто не тронет вас, господа. Нам нужен только один человек — Дмитрий Шаленый. Вы меня слышите, Дмитрий?

Слышать-то Шишел слышал, да вот отзываться не торопился.

— Дмитрий Шаленый, по кличке Шишел-Мышел! Перестаньте играть с нами в прятки. бросьте оружие и выходите... Вы же знаете, что мы не настолько глупы, чтобы пытаться вас уничтожить. Именем Янтарного Храма мы гарантируем вам жизнь...

«Так вот это кто до меня добрался, — пораскинул умом Шишел. — Им только сунься — сберегут тебе жизнь, вон как попу тому — Ди Маури... Будешь у них целый век в силовом коконе да в заколдованном месте мухой засушенной висеть... Хоть живой, а — нежить. И полиция куда-то к хренам вся подевалась... Нет бы сейчас патрулю сюда нагрнуть — та еще была бы сцена у фонтана...»

— А кто со мною говорит? — выкрикнул он, не высовываясь из-за корпуса кара.

— С вами говорит брат Дилан — помощник Настоятеля Храма Желтого Камня. — Выйдите к нам, мы не будем стрелять в вас. Вместе мы найдем, как вам выйти из той

ситуации, в которой...

«Еще один помощник выискался, зар-р-раза!» — прокомментировал про себя слова брата Дилана Шишел.

«ВЫЙДИ К НИМ, — приказал ему откуда-то из-за левого плеча НЕНАЗЫВАЕМЫЙ. - ВЫЙДИ И ПОМНИ — Я С ТОБОЙ...»

Шишела передернуло.

И тут неожиданно из темноты, что стеной сгустилась там — за прожекторным огнем фар, раздался женский крик:

— Не слушайте их, Шаленый! Бегите! Они хотят с вами...

Крик резко оборвался. Последовало только несколько нечленораздельных звуков, чей-то — далеко не женский — вскрик — и снова слово взял брат Дилан.

— Вы только что слышали... — начал он.

— Знаю я, кого я слышал, — с досадой оборвал его Шишел, выходя из-за корпуса своего драндулета и заслоняясь рукой от слепящего света. — Поубавьте... — Он ткнул рукой в сторону фар.

Как ни странно, его послушались, и два из четырех флайеров погасили огни.

— А теперь пусть Энни покажется... — потребовал Шишел.

Человек в типовой камуфляжной куртке, — очевидно, сам брат Дилан — кивнул кому-то в темноту, и мгновение спустя в освещенное пространство еще двое в камуфляже втолкнули Энни Чанг.

Вид у собственного корреспондента «Галактического бюллетеня» в Малой Колонии был не слишком помятый — Энни умудрялась сохранять свой стиль в любой ситуации. Только вот рот был наспех заклеен здоровенным куском пластыря. Вид у нее был вполне независимый.

— Мы не соврали вам, когда сказали, что не будем стрелять в вас, — все так же спокойно и доброжелательно продолжил брат Дилан. — Неприятности будут у ваших приятелей. У одного за другим. Начнем с госпожи Чанг...

— Погоди начинать, — сурово оборвал его Шишел. — Тут много таких всего-всякого поначинало...

Словно по волшебству его «пушка» оказалась направленной в лоб брату Дилану. Однако реакция Брата оказалась ничуть не хуже — ствол бластера уперся в висок Энни на долю секунды раньше.

— На вашем месте я не стал бы играть в ковбоев. Сейчас и здесь, — сухо комментировал свои действия брат.

— Что-то я не слыхал раньше, чтобы ваша контора действовала этак вот, — прогудел Шишел, не опуская ствола. — Криминала за вами вроде не числилось...

— Вы сами вынудили нас пойти на крайние меры, — неприязненным тоном парировал брат Дилан. — Еще немного, и вы оказались бы в лапах адептов Ложного Учения или того хуже — людей Комплекса... Они бы превратили вас в чудовище...

— А вы что — оплаченный отпуск на Багамах мне предлагаете, что ли? — возразил Шишел.

— Отнюдь нет. — Брат Дилан продолжал морщиться, словно в горле у него стояла рыбья кость. — Мы намерены изолировать вас от мира. Надолго. Не скрою, может быть, до конца жизни. Однако это не будет тюрьмой. Вы будете иметь все необходимое для достойной жизни. Вам будет предоставлена возможность общаться с вашими друзьями и

близкими. И пусть ваш человек не забудет вернуть нам то, что взял.

— Про одно ты забываешь, мил-друг, — не опуская ствола, Шишел левой рукой поскреб свою пегую бороду. — Камушек-то меня в покое не оставит. А значит, вам со мной мороки будет — не оберешься. Да и мне лично не светит на такую вот пенсию на прикол становиться... А мои люди, прости уж, ничего такого у вас не брали. И брать не думали...

Брат Дилан склонил голову набок, вздохнул, как вздыхают взрослые над словами неразумного дитя, запутавшегося в собственном вранье. Но ствол бластера по-прежнему упирался в висок Энни. Брат Дилан, словно неразумному ребенку, стал объяснять Шишелу:

— Мы — Люди Янтарного Храма — вот уже не одно поколение имеем дело с Камнем и с его Избранниками. Ясно, что он причинит вам много неприятных минут. Но совесть ваша будет чиста. И есть еще одно соображение... — Он запнулся, видно оценивая, как то, что ему предстоит сказать, отзовется на поведении Шишела. Оба ствола недвижно застыли, готовые в любой момент сделать свое дело. — Ваш человек совершенно напрасно взял ту вещь... Видите ли, — продолжил наконец брат Дилан, с каким-то затруднением выговаривая слова, — теперь осталось уже совсем немного времени до того момента, когда Камень... когда само существование Скрижали Дурной Вести утратит всякий смысл...

«Да про какую вещь он мне талдычит, козел его забодай? — подумал Шаленый. — Разобраться надо с Уолтом... или с Гариком...»

— Ну, утратит, — недоуменно спросил он вслух. — И что тогда?

Брат Дилан, продолжая болезненно морщиться, посмотрел Шишелу в глаза:

— Сам Бог на небе не знает, что будет ТОГДА... — Это было последнее, что он сказал в жизни.

Пуля снесла полчерепа брата Дилана и просвистела в полусантиметре от левого уха Шишела. Брызги крови и мозга ударили ему в лицо. Не говоря худого слова, он грянулся ничком оземь и недоуменно заглянул в ствол своего кольта. Тот был ни при чем. Ни сном ни духом. Потом Шишел отыскал глазами Энни — та, слава богу, была жива и невредима. Как и Шишел, она вовремя упала на землю и теперь вертела головой, пытаясь сориентироваться в происходящем. Брат Дилан неподвижно лежал рядом. К счастью, его бластер так и не выпалил прежде, чем душа его хозяина рассталась с телом. Шишел махнул Энни — «давай сюда!».

Стрельба стояла на Сурабайя — тихий ураган еле слышных хлопков, изредка прерываемый вскриками, короткими командами и другими разнообразными звуками, сопровождающими втихую идущее побоище. Между темневшими вокруг корпусами флайеров и каров перебежками проскакивали тени то ли братьев, то ли, неведомых нападавших, изредка подсвечиваемые вспышками выстрелов и разрядов.

«На полицию вроде не похоже, — прикидывал в уме Шишел, — те бы всю компанию окружили и в мегафоны орали бы — сдавайтесь, мол... Так кого же на мою голову хрен принес?..»

Тем временем Энни короткими бросками по-пластунски добралась до него.

— У вас все лицо в крови... — ужаснулась она.

— Жми туда! — махнул Шишел в сторону прохода на Гранд-Театрал. — Я прикрою сзади. Я — заговоренный...

И тут им неожиданно помог, приняв на себя всеобщее внимание, сам Советник Георгиу. «Черный Принц-700» взревел движком, что для такой машины означало выход на какую-то запредельную мощность, и ломанул прямо на нападавших. До смешного тихо захлопали

выстрелы, и зло затрещали разрядники. Но цели своей все эти виды огня не достигли. Отшвырнув к противоположной обочине неслабого вида флайер и словно кегли сбив подвернувшиеся ему на пути две или три еле различимые в темноте фигуры участников сражения, «Принц» рванул по прямой вдоль Сурабэйя и, своротив пожарный гидрант — со всеми вытекающими из этого последствиями, — завернул за угол на Квинт-авеню и исчез из поля зрения.

Пригибаясь до самой брусчатки Сурабайя-стрит, они зигзагами кинулись в направлении еле заметной в наступившей тьме щели между зданиями. Дождь уже стоял стеной над Столицей, и превращенный в фонтан гидрант добавлял, сколько мог, к этому потоку воды, грозившему затопить узковатую, словно горное ущелье, улицу.

При самом входе в достославный проход они натолкнулись на высокого дистрофика в грязном балахоне и с армейским бластером наперевес.

— Избранник, — зашипел он. — Следуйте за мной, Избранник... Черная Вера защитит и направит... — Он потянул Шаленого в глубину прохода.

«Так вот ты откуда, друг сердешный... Как это я раньше не сообразил?..» — с досадой подумал Шишел.

— Защитит, говоришь... И направит... — повторил он, озираясь в узкой каменной щели. — Направит и защитит... — Он поставил «пушку» на предохранитель и кивнул провожатому: — Смотри сюда...

Когда голова вооруженного дистрофика развернулась в указанном ему направлении, Шишел аккуратно — чтобы, не приведи господь, не убить — приложил того рукоятью кольца в лоб. Зрочки послушника Ложного Учения сошлись на переносице, и он мягко осел на сваленные у выхода мусоропровода черные пластиковые мешки.

— Ходу, Энни! — скомандовал Шишел и, вжавшись, насколько позволяли его габариты, в стену, протолкнул хрупкую китайку вперед, к выходу на Гранд-Театрал.

Если бы не проливной дождь, их появление на одной из самых фешенебельных площадей Столицы произвело бы небольшой фурор. Но сейчас их — промокших до нитки и изгваздавших в грязи Сурабайя-стрит — заметил только водитель антикварного такси — «роллса».

— Здравствуй, Шишел, — радостно улыбнулся он, притормаживая у обочины. — Однако, с дамой гуляешь, да?

— Да! — ответил Шишел, впихивая Энни и сам забираясь вслед за ней в салон машины. — Ходу отсюда давай, однако! Ходу!

До намеченной встречи с профессором Мак-Аллистером оставалось не так много времени.

Конец пути снова пролегал через сочащиеся влагой болота, но уже не такие, как там — на севере, не разящие гнилым дыханием затянувшегося навечно лета, наоборот, пронизанные какой-то зыбкой, до костей пронимающей свежестью... Ветер дул над мокрыми равнинами и временами доносил гомон птичьих стай — странный, неземной гомон: где-то совсем рядом начиналась Озерная страна. Одну такую стаю Клайд увидел издалека утром. Он принял ее сперва за клубящееся грозное облако.

Они спешили и двинулись дальше на своих двоих, а немногословные егеря остались поджидать в укромной низине возвращения двух спутников Клайда.

— Начиная с тех мест, когда начнут встречаться деревья, старайтесь изображать из себя

траппера, — посоветовал Наставник. — Почаще меняйте направление. Черта — меньше чем в сотне километров. Вообще-то по ту сторону — такая же пустошь, но тем не менее они, — он кивнул головой в сторону туманного горизонта, — временами бдят за этими местами со спутника. Вам светиться ни к чему...

Наставник остался сидеть в первой же встретившейся им роще — нахохлившейся серой птицей, на камне у тропинки, сгустком уже ставших заметными сумерек... Были у него еще какие-то дела здесь. И Клайду вовсе не обязательно было знать, куда тронется Наставник отсюда, от кромки Черты.

Первое скок-дерево они встретили под вечер. Было оно неказистое и сильно ободранное. Наверное, его принесло сюда ветром, и оно ненадолго укоренилось, отращивая новую гроздь пузырей-парусов. Изогненно изогнутый, свившийся в сплошную сетку ствол, полузанесенный болотной грязью, выглядел непрезентабельно. Никто бы не поверил, что даже за это небольшое деревце на том полушарии любой краснодеревщик заплатил бы целое состояние.

Затем скок-деревья стали встречаться чаще. В конце концов они забрели в целый лесок этих причудливых творений природы. Некоторые из них, еще плотно укорененные, только поскрипывали под порывами вечернего ветра, другие — довольно заметно раскачивались, готовясь к многочасовому полету-скачку. Легкий гул стоял в роще от характерного трепета пузырей-парусов.

Дуперон со знанием дела бродил между ставшими зловещими в лучах закатывающейся за горизонт Звезды нагромождениями переплетенных стволов и летательных пузырей. Раскачивал то одно дерево, то другое. Прислушивался к поскрипыванию и постаныванию древесины. Пощелкивал языком и причмокивал. Наконец остановился на средних размеров экземпляре, явно уже покачивавшемся под действием вечернего бриза. Хлопнул рукой по стволу.

— Полезайте, капитан. Закрепляйтесь вот в этой развилке между верхушечными пузырями: самое безопасное место. Скок-дерево никогда макушкой не приземляется...

Убедившись, что его подопечный взгромоздился в указанную развилку, он стал сноровисто то тут, то там подрубать еще вцепившиеся в почву корни.

Притянутый эластичными ремнями к корявой древесине, рельеф которой хорошо давал себя знать даже через прокладку из двух спальных мешков, Клайд ощущал себя не слишком удачной пародией на Иисуса Христа, совмещающего процесс распятия сразу с вознесением.

Последнее состоялось несколько неожиданно — после очередного несильного удара Дуперонова топора по натянувшимся корням раздался треск гораздо более громкий и дружный, чем раньше, и Клайда рвануло вверх и развернуло так, что он не сразу сообразил, что там — над его головой — уходит в бездну, в предзакатное море сумерек земля. Не земля, впрочем. Поверхность Планеты. И с поверхности этой, еле слышный, доносил нечто прощально-поучительное голос старого колдуна.

Клайд и сам прокричал что-то в том духе, чтобы не поминали его лихом, и стал осторожно, подтягивая ремни, ориентировать свою «люльку» так, чтобы голова находилась хотя бы немного выше ног. Дерево довольно сильно раскачивало, ветер посвистывал в ветвях и заставлял победно гудеть кожистые паруса. Внизу — теперь уже далеко внизу — уверенно сгущался мрак.

Несмотря на исправно работающий электроподогрев своего костюма, Клайд

основательно промерз за эту ночь. О том, чтобы выспаться, вообще не было речи. Пару раз не то чтобы вплотную, но и не слишком далеко от одиноко парящего дерева прошло звено истребителей Службы Черты. Ближе к утру «летательный аппарат» Клайда вошел в стену шквального ливня, что, конечно, не повысило его настроения. Несколько раз проклятое растение рывком меняло высоту и положение в пространстве. Когда лучи насупленной с утра Звезды осветили простирающуюся внизу твердь, Клайд, вооружившись биноклем, постарался произвести хотя бы приблизительную рекогносцировку на местности. Разглядеть удалось только кусок большой дороги. Скорее всего, федерального шоссе А-8. В остальном вокруг простиралось такое же покрытое лишайником болото, что и по ту сторону Черты.

«Скачок» явно подходил к концу. Уже почти незаметной стала дымка по-над тундрой. Надвинулся горизонт. Пора было приводить в действие парашют. Клайд вытерпел, однако, довольно долгий промежуток времени, дожидаясь, пока не подтянулась поближе темная полоска шоссе, и только тогда, расстегнув замки «люльки», отпустил ремни и пошел вниз. Отсчитав десяток секунд, он выдернул кольцо.

— Тебя подвезти, парень? — осведомился водитель неспешного «лендровера» у прихрамывающего путника с военного образца потертым вещмешком.

— До города. — Клайд устало бросил свой груз на заднее сиденье и сам устроился рядом с шофером.

Дав наконец отдых ноге, изрядно пострадавшей при приземлении, он еще раз в уме помянул допотопный парашют и собственное раздолбайство — хотя в годы его службы в Легионе и пользовались куда более совершенными устройствами индивидуального приземления, справиться с особенностями доставшегося ему приспособления он был обязан. «Вышел из формы, с дурнями этими намаявшись», — заключил он, разглядывая унылый пейзаж, неторопливо ползущий за окном.

— Ну вот, уже Куни-Пойнт городом называть стали... — лениво прокомментировал его слова водитель.

Был он немногословен, небрит и одет в до дыр затертый войсковой комплект. Временами он делал глоток-другой из банки «Гиннеса». Автопилот машины был вдрызг разломан.

Клайд попытался припомнить, на каких именно чертовых куличках расположен этот самый Куни-Пойнт, но вскоре оставил это занятие. Лучше было заняться измышлением объяснений того, что ему в этой дыре, собственно говоря, нужно.

Кар крупно заложил в сторону.

— По грунтовке попилим, — лаконично сообщил водитель.

Извлек изо рта здоровый ком изжеванного чуингама и пристроил под панелью управления — в дополнение к уже накопившемуся там сталагмиту такого рода украшений. Закончив эту манипуляцию, он снова скосил взгляд на попутчика.

— По хайвею чуть не у каждого столба — контроль, — объяснил он суть своих навигационных действий. — Парашютиста какого-то ловят, дурни. Житья от них нет...

— Да, — согласился Клайд, — дурачья у нас хватает. И как их земля носит...

На Клайда Француз-Дидье посмотрел как на привидение. А «липу», которой Свободный Лесной Народ оснастил своего агента, и вовсе не оценил.

— Ты лучше посиди тихо, не дергайся, — посоветовал он, — а я тебе за пару-другую

суток ксиву понадежнее достану. Где на дно залечь — сам знаешь, или...

— Не надо «или», — хмуро остановил его Клайд. Перспектива попасть в полную зависимость от Француза его вовсе не прельщала.

— Вот, — добавил он, — возьми аванс. Вторую половину получишь завтра, в обмен на порядочное удостоверение. Как видишь, плачу за скорость...

— Заметил, не дурак. — Француз похрустел кредитками. — Потребуются твои отпечатки и голограмма физиономии... Зайди в мастерскую Томаззо — ты знаешь где... Я созвонюсь с ним. Только этот парень берет наличными...

— Значит, заплачу наличными, — успокоил его Клайд.

— Вижу, ты бабками поразиться успел, — констатировал Француз. — Дело протолкнул или спонсора нашел?..

— Об этом — потом. — Клайд поморщился — раньше Дидье не был так настырен: что-то сдвинулось тут в его отсутствие, что-то изменилось... — Ты лучше меня с Мергеном сведи. И с другими... моими. Как они там?

Француз подошел к столику работы времен заката Империи, налил себе и гостю по глотку абсента и задумчиво присел на край стола.

— Слушай, Дейл, — ответил он вопросом на вопрос. — Ты ненароком не думаешь тут разборку устраивать? До меня тут слухи доходили — ну, пока ты за покойника здесь проходил, — что тебя на каком-то деле сильно обштопали...

— Да нет. — Клайд пригубил противный напиток и криво усмехнулся. — С ребятами у меня счетов нет. А что — не так что-нибудь?

— Да все так. Только все они сейчас на дно залегли... Но для тебя постараюсь выковырнуть кого-нибудь... Не Мергена, так Глазастого... Не Глазастого, так Мириам. Только они знать должны — за каким ты их ищешь... Здесь после истории той, — Француз невинно поднял глаза к потолку, — с Камушком Чертовым, все очумелые ходят... Так что ты уж, будь добр, намекни...

Клайд секунд двадцать задумчиво рассматривал на просвет свою емкость с остатками выпивки, а затем, будто очнувшись, вскинул взгляд на собеседника:

— Напекаю: есть возможность закончить начатое. И заработать больше, чем думали. Надеюсь, Дидье, ты точно передашь кому-то из ребят мои слова?

— На память не жалуясь, — несколько обиженно буркнул Француз. — И все-таки еще раз говорю: не дергайся сейчас. Все тут на рогах ходят. Говорят, ко всему еще Сапожник с Папой чего-то не поделили, и заварушка впереди — крупная. Крупнее не бывает. Поэтому...

— Я поостерегусь, — с кривой улыбкой заверил его Клайд. — Ты уж мои заботы в свою голову не бери... Тем более что и Папа Джанфранко, и Сапожник-Маноло мне как шли, так и ехали.

Он встал, подхватил дорожную сумку и чуть заметно поклонился:

— Ну, до завтра.

— До завтра, — ответил Француз и, сокрушенно покачивая головой, проводил Клайда до дверей своей «имитации мансарды».

Проследив из окна, куда направил свои стопы воскресший из мертвых Клайд — а направил он их в сторону ближайшей станции монорельса, — Француз-Дидье ухватил трубку блока связи и набрал условленный номер. С того конца линии ему ответил очертеневший от бесплодного ожидания Трюкач. Выслушав взволнованный монолог Француза, он пообещал «доложить наверх» и вырубил связь.

Француз набрал второй номер.

Мерген выслушал его и, помолчав минуту-другую, предложил через час собраться в ресторанчике у Влада — обмозговать ситуацию.

Только после этого Француз, выполняя свое обещание Клайду, набрал номер мастерской Томаззо.

На монорельсе Клайд никуда отправляться не собирался и до станции добираться не стал. Обогнув квартал по периметру, он пристроился в заранее намеченном для этой цели неприметном кафе, из которого по диагонали неплохо просматривался выход из обиталища Француза-Дидье. Минут пять-шесть у него ушло на то, чтобы в туалете привести в действие свой камуфляж: белокурый парик, пышные усы — в тон шевелюре, только чуть потемнее — и старинной работы, в половину лица кристально прозрачные — светозащитные только привлекли бы внимание — очки. Сменил Клайд и пиджак. Франтоватая личность, усевшаяся за столик у витрины, не более напоминала Клайда Ван-Дейла, чем любую другую особь мужского пола чуть выше среднего роста.

Терпеливый сервисный робот принес ему уже полдюжины разовых стаканчиков «мокко», а поднос с дармовыми сухариками, украшавший его столик, опустел наполовину, когда Француз появился в его поле зрения. Быстро сунув кредитную карточку в щель терминала оплаты, Клайд последовал за торопливо поспешающим неведомо куда Дидье. Порядком мешала благоприобретенная при давешнем приземлении хромота, но анестезирующая инъекция помогала более или менее справиться с этой напастью. Чтобы не привлекать к себе внимания, он даже пару раз обогнал Француза — благо по маршруту следования хватало зеркальных витрин — и даже позволил себе на десяток секунд вообще потерять его из виду. Француз, слава богу, не собирался ни ловить такси, ни садиться на какой-либо из видов муниципального транспорта. Особой осторожности он тоже не проявлял, хотя чисто машинально и проделал пару маневров — довольно детских на взгляд Клайда, — чтобы оторваться от гипотетического «хвоста». Закончил он свой маршрут в небольшом тихом ресторанчике с вывеской: «У Усатого Влада. Старинная балканская кухня. Карпатская кухня прошлых времен. Принимаются заказы на доставку на дом». Далее шел номер телефона, по которому упомянутый заказ можно было сделать. Одним словом — милый двадцатый век... Впрочем, заведение, кажется, не бедствовало: за то время, пока Клайд присматривал за входом в ресторанчик, не менее полдюжины коробок с заказами было развезено недалеко, видать, обитающим заказчикам двумя наряженными под гуцулов светловолосыми, с высокими скулами мальчишками-рассыльными на велосипедах — наверное, младшими отпрысками того самого Влада.

Пунктом наблюдения Клайд избрал сначала табачную лавку, где долго изучал расположенный у витрины стенд с образцами курительных трубок, а когда это стало действовать на нервы ожидавшему его решению хозяину, коршуном нахохлившемуся за стойкой, купил дешевенькую «носогрейку» из корявого корня какого-то здешнего деревца и переместился в единственное подходящее для дальнейшего наблюдения за заведением Влада место — турецкую кофейню по соседству.

Он уже начал подумывать о том, не суждено ли ему сегодня загнуться от острого отравления кофеином, когда наконец увидел спешащего к объекту его наблюдения Н'Бонго. Почти сразу вслед за ним в поле зрения появились Мерген и Мириам.

Клайд подождал, пока его команда войдет в ресторанчик, рассчитался за с натугой

выпитый кофе и проследовал в уютный полумрак владений Усатого Влада.

Он остался неузнанным — профессиональная привычка менять походку и осанку значила все-таки очень много: на него даже не обернулись. Жестом заказав бармену «двойное красное» — благо язык жестов интернационален за стойками всех питейных заведений Обитаемого Космоса, он прошел в туалет, где успешно проделал обратную метаморфозу, снова обретая привычные черты старины Клайда Ван-Дейла, по которым уже успел соскучиться.

Журчащий сигнал блока связи застал Шишела за рулем прокатного «плимута», на котором он направлялся на высочайший конфиденс к генерал-академику. Выслушав довольно бестолковый доклад Трюкача, он коротко распорядился «присмотреть за ребятами» и минуты четыре размышлял, сосредоточенно разглядывая чертову стекляшку, украшающую безымянный палец его левой руки. Прошедшая ночь выдалась отменно кошмарной. После благополучной доставки Энни к «Юнайтед медиа», где ее с рук на руки приняла неполная дюжина порядком перепуганных коллег, он по залитым хлещущей с неба водой улицам не без труда добрался до своего убежища и забылся зыбким, прерывистым сном. И во сне этом, как и все последние ночи подряд, НЕНАЗЫВАЕМЫЙ шел за ним узким, залитым мерцающим янтарным светом проходам какого-то дикого лабиринта и все объяснял, объяснял, втолковывал ему что-то... И словно нарастающий набатный гул заполняло его душу ощущение близящейся беды, которую надо было предотвратить — во что бы то ни стало предотвратить.

А напоследок НЕНАЗЫВАЕМЫЙ сунул ему в руку что-то гладкое и теплое, греющее изнутри. И с этим «что-то», зажатым в кулаке, Шишел и вынырнул из кошмара. Снова — которое уже утро — в холодном, ядовитом поту. Сел на кровати и поднес судорожно сжатый кулак к глазам. Раскрыл его. На ладони лежал ОТТУДА, из сна прихваченный предмет — янтарный медальон с вырезанным на нем непонятным знаком. И был этот медальон мокр от крови. Шишел остервенело метнул ЭТО в угол и пошел отмываться от ночного морока ледяной водой. Потом, уже проглотив чашку густо заваренного чая, он обыскал всю комнату и так и не нашел поганой вещицы. То ли сгинула она, то ли с самого начала была просто очень стойкой иллюзией, глюком, Шаленый так и не понял, но воспринял все это как некое предупреждение. Знамение опасности.

Поэтому он и принял меры предосторожности, идя на встречу с генерал-академиком. Не воспользовался своей машиной, а взял прокатную. К месту встречи — гостинице «Гэлакси Империял» — подъехал на часок пораньше и, неприменно приткнувшись среди припаркованных поблизости каров, стал вести наблюдение.

Спустя несколько минут стал подавать признаки жизни его блок связи. Шишел поднес трубку к уху и услышал голос Уолта.

— Ты неудачно стал, — сообщил тот со своего наблюдательного пункта в «Бинем билдинге» — точно напротив «Гэлакси»... — Легко смотришься из гостиницы. К «нашему» номеру подходили двое. Один заходил внутрь. Видимо, оставил «жучка». Профессор прибыл загодя — на своем «паккарде». Оставил машину в переулке за памятником Рабиновичу. Кстати, без охраны. Прошел к фургончику с эмблемой «Тошибы» — там у них что-то вроде штаба. Поговорил там с четырьмя типами. Двое с какой-то аппаратурой пошли сюда, ко мне, в «Бинем билдинг»... Гос-с-споди, да это же у них «винты» с оптическими прицелами...

Подождав в снятом для переговоров номере-офисе без малого час и так и не дождавшись ни появления Шишела, ни вообще ничего хорошего, Рональд Мак-Аллистер пожал плечами, дал «отбой» своей команде и, не торопясь, пошел к своему кару. Когда он пристегнул ремень и сунул ключ в замок запуска движка, в затылок ему уперся ствол.

— Здравствуй, друг сердешный, — тяжело глядя на профессора, сказал Шишел. — Вот и встретились наконец.

— Наконец, — согласился Мак-Аллистер. — Вам не кажется, что нам будет удобнее поговорить, если вы уберете с глаз эту штуку? — Он кивнул на никелированный кольт. — И вообще, мы договаривались встретиться на несколько иных условиях...

— А ты не смущайся, — успокоил его Шаленый. — Сиди себе как нет его — и все тут. Хошь — отвернись. Главное — не дергайся. Тогда и поговорим по-хорошему... Насчет снайперов в окошке напротив мы тоже не договаривались...

— Они были вооружены только парализующими зарядами, — возразил профессор.

— И насчет «жучков» — тоже не договаривались... — продолжал гнуть свою линию Шишел. — Трогай машинку — тут недалеко и поговорим без свидетелей...

После того как Лысый Крокодил послушно припарковал свой «паккард» на пустыре за громадой Южного парка, Шишел решительно забрал у него ключ запуска и пересел на переднее сиденье. После чего стал сверлить собеседника тяжелым взглядом.

Профессор пожал плечами и предложил перейти наконец к делу.

— А дело у меня вот какое. — Шаленый развернул перед профессорским носом свою — с саперную лопату — ладонь. Камень злобно сверкнул, словно подмигивая генерал-академику.

И для Рональда Мак-Аллистера перестал существовать весь остальной окружающий мир вместе с треклятым Кольтом и с самим, собственно, Шишелом-Мышелом.

Тот, однако, внимательно наблюдала реакцией собеседника и в нужный момент, со словами «эт-ты поаккуратнее...», отвел руку в сторону и слегка ткнул профессора стволом под ребра.

— Ну что? — спросил он. — То оно или не то?

Рональд Мак-Аллистер вернулся в земной мир и слегка пожал плечами.

— Я возьму прибор...

— Не бери прибора, — посоветовал ему Шишел. — И резких движений не делай. А то будешь лежать как огурчик нежинский. Я тебе и без прибора скажу — самое оно то! Столько с ним тоски натерпелся, и чтоб не то — шутишь... И еще скажу — если мы сейчас обо всем без дури договоримся — каждый свой интерес на все сто справит... Мне этот камушек, как сто лет на торчке сидеть, не нужен. А тебе — нужен. По всему видно — нужен! Ну так как нам не разойтись по-хорошему?

— По-хорошему... — Профессор наклонил голову набок. — Если это действительно Скрижаль Дурной Вести, а не квалифицированная подделка, то, чтобы избавиться от нее вам придется выполнить некие условия... И не знаю, будет ли это называться «по-хорошему»...

— Ты не сомневайся — условие хошь какое выполню, — торопливо заверил профессора Шишел. — Ты хоть мне растолкуй — хрена эта чертовина мне покоя не дает, хрена мучает так, что аж глаза на лоб лезут?!

— Не торопитесь соглашаться насчет условий... — Профессор облизнул пересохшие губы. — Все предыдущие случаи такого рода были весьма... трагичны. Условие освобождения, как правило, бывает страшным... Вы говорите, он мучает вас? Вы что —

испытываете боли?

— Кабы боли были — к врачу бы пошел... Тут — не боль, а одурь ужасная. И страх — страх такой, что тоска берет смертная... Голова эта, мертвая, отрезанная... И глюки... От такого и ангел со страху усерется, а не то что наш брат медвежатник...

— Вы — охотник на медведей? — не разобравшись, спросил профессор, не сведущий в древнекриминальной терминологии.

— Ага. Точно — на медведей. — Шишел даже чуть развеселился. — Которые о четырех лапах и с замком в пупке... И это... Одним словом, Черт ко мне приходит...

— Черт? — с интересом спросил профессор.

— Ну, Дьявол, Сатана... Или не знаю кто уж... — Шишел сделал неопределенный жест. — И все чего-то просит... А чего, не говорит. Мол, сам догадайся. Я уж и голову всю свернул, а так до конца и не понял...

— Не волнуйтесь... — вяло улыбнулся Лысый Крокодил. — Это — не Дьявол...

— И то слава богу. А то ж ведь такого мне понаплела девка эта черномазая... — Шишел тыльной стороной ладони утер бисеринки пота, выступившие на лбу.

— Вы, вообще, имеете дело не с нечистой силой, — пояснил генерал-академик. — Вы имеете дело с самим собой...

— Слушай, друг — ты прям как тот заговорил... — Шаленый скривился как от хины. — Как черт этот — мол, сам себя пойми и потом поди туда, сам пойми куда, и принеси того, хрен знает чего...

— У Камня нет никакого другого инструмента для активного воздействия на Вселенную, кроме Избранника. Вы думаете, что снять Кольцо с пальца вам мешает нечистая сила? Вовсе нет: вы сами не можете заставить себя сделать это. И никому другому не позволите это совершить. Физически Камень не препятствует тому, чтобы Кольцо было снято. Препятствие — в вашей психике, измененной контактом с Камнем. Точно так же Камень не знает заранее, какое именно воздействие должны вы оказать на окружающее, чтобы изменить информационный баланс мира в нужном направлении. Вы сами или с помощью других людей должны определить это. К счастью, вы не первый, кому приходится решать такие головоломки...

— Ты мне давай говори, что-от-меня-надобно... — попросил Шишел, стараясь говорить с высокоученым мужем, как с больным, — максимально доходчиво. — Делать-то чего? Условие свое давай...

— Начнем с того, что чисто теоретически условия этого я не могу знать... Его должен осознать тот, кто надел Перстень...

Кольт уперся в пупок профессору, а сам он, сграбастанный за грудки левой рукой Шишела, повис в нескольких сантиметрах от сиденья.

— Так какого же?! Вы что — сговорились?

— Я могу только помочь понять, что же вам надо предпринять, чтобы мы с вами могли разойтись... — довольно спокойно пояснил профессор — Кстати, бога ради, уберите вашу «пушку». Камень достаточно хорошо защищает вас... Первое, что вы должны знать о нем, — это то, что эта штука направленно оценивает и, может быть, даже изменяет вероятность...

— Какую такую вероятность? — настороженно спросил Шаленый, опуская профессора на место и благоразумно возвращая кольт в наплечную кобуру.

— Вероятность того или иного исхода случайных процессов... Ну а это означает — практически всех. В этом, собственно, и состоит способ его действия... Этот Камень вовсе

не камень... Это имеющий вид кристалла пункт взаимодействия вероятностных и информационных процессов Вселенной.

— Темно говоришь... Я-то тут при чем?

— Вы просто оказались самым удобным для взаимодействия с Камнем субъектом. Он умеет выбирать, — профессор криво улыбнулся. — Раз Камень выбрал вас — можете заключать пари на то, что с вами ничего не случится.

— А за хреном тогда было в окна снайперов ставить? — раздраженно осведомился Шаленый.

— Примите во внимание то, что они могли всего-навсего парализовать вас, но никак не убить. И потом — вы же сами видите, что из этого ничего не вышло...

— Ладно, — отрубил Шишел. — Мои условия: ты мне говоришь, как головоломку эту распутать и как правильный Камень от фальшивого отличить. Я — дело делаю... Предназначение исполняю и Камушек Чертов тебе с рук на руки передаю... В обмен на чистую ксиву и билет до Метрополии, «люксом». На том друг о друге забываем.

— Условия не столь уж глупые. — Лысый Крокодил задумчиво пошевелил челюстями. — Камень идентифицируется очень просто. Он видоизменяет падающее на него излучение. Есть и приборы, которые эти изменения регистрируют... Они изготовлены в моей лаборатории. Кстати, за последние сутки у меня их запросили сразу несколько разных... э-э... лиц. Вы не знаете с чего бы это?

Шишел оставил сей вопрос без ответа.

— Значит, если этот Камушек вставить в прибор ваш... — начал он скорее утвердительно, нежели вопросительно.

— Вставлять не надо, — снисходительно усмехнулся Мак-Аллистер. — Приборы изготовляли не для опознания подделок, а для поисков Камня. Они регистрируют его присутствие на расстоянии до восьмидесяти примерно метров...

— Так... — подумав, сказал Шишел. — Значит, если стоите вы этак вот с прибором вашим, а где-то неподалеку Камушек валяется, так прибор и засигналит?

— Вы правильно уловили мысль, — подтвердил профессор.

И глаза их встретились.

— Ладно. Я чувствую, нам с вами придется еще поговорить на эту тему... А теперь — основное. Только что я сказал, что чисто теоретически не могу знать, чего от вас хочет Камень. Но практически я это знаю. Пришлось поговорить с людьми, которые вплотную занимались этой проблемой.

— Ну так и выкладывай наконец, — с трудом сдерживая накопившееся зло, потребовал Шишел.

— По сравнению с тем, что было предназначено предыдущим Избранникам, от вас потребуется до смешного мало, — тихо сказал профессор. — Вам придется всего-навсего убить человека.

Несколько секунд Шаленый переваривал эту мысль. Потом открыл рот и снова его закрыл.

— Не подумайте, что вам придется прикончить невинного агнца, — усмехнулся Мак-Аллистер. — Этот человек опаснее ста тысяч бомб. Вот что: для того чтобы понять ваше Предназначение, вам придется понять многое из истории Камня. Мне придется говорить достаточно долго.

— Валяйте, док, — глухо пробормотал Шаленый.

— Точное происхождение Дьяволова Камня неизвестно. Видимо, такие образования — это некий... м-м... побочный продукт, возникший при первичном Большом взрыве при рождении нашей Вселенной... Если, конечно, не считать саму Вселенную, — профессор усмехнулся, — побочным продуктом процесса образования множества таких вот камней. Существует гипотеза — достаточно безумная для того, чтобы оказаться верной, согласно которой в структуре Мироздания существует некий предохранительный механизм, не позволяющий этому самому Мирозданию обратить себя в ничто. И что в основе действия такого механизма лежит оценка информационного Тезауруса Вселенной.

— Тезауруса, значит, — без всякого выражения повторил Шишел. — Информационного...

— Ну, богатства... Суммы всей информации. Ее значимости. — Профессор зло сверкнул выкаченными глазами на бестолкового собеседника. — Дело в том, что если что и разрушит Мироздание, так это — информация. Информация, воплощенная в деятельности разумных существ... И функция Камня, точнее, бесконечного множества таких камней состоит в том, чтобы не допустить самой возможности возникновения такой опасной для существования Мира информации. Вероятно, миллионы лет Камень бездействовал, ничем не отличаясь от бесконечного множества твердых тел, усыпавших поверхность этой планеты. А может, бродил в небесах в составе метеоритных потоков. Не знаю.

Не знаю также того, были ли Предтечи первыми разумными существами, в руки которых — я выражаюсь фигурально — попал Дьяволов Камень. Но они оценили его по достоинству. Они знали о Камне много, много больше, чем знаем мы. Они создали несколько систем, посредством которых можно стало обмениваться информацией с Камнем. То, что мы называем Кольцом, Перстнем, в который вправлен Камень, — не что иное, как некий... м-м... интерфейс, посредством которого нервная система Предтеч — если у них была нервная система — взаимодействовала со структурой Камня, передавала его команды исполнителям. Избранникам. Каким-то необъяснимым пока образом судьба и активность Камня связаны с таинственным сооружением, получившим название Янтарного Храма. До последнего времени считалось, что Янтарный Храм — это некое культовое сооружение, созданное Предтечами. Точнее, сооружение, сочетавшее функции храма и, скажем, научно-исследовательского центра. Теперь многие думают иначе. Есть мнение, что Храм и Камень — это некая взаимно сопряженная пара явлений, порожденная Большим взрывом. Впрочем, я увлекся...

Цивилизация Предтеч на этой планете сгинула. И есть мнение, что именно Дьяволов Камень погубил ее. Погубил, так как в своих изысканиях они слишком приблизились к некоему Запретному Знанию. До сих пор не установлено, чем был их конец — термоядерной катастрофой, экологическим кризисом, Исходом в Космос или чем-то, чему мы еще не знаем имени. Так или иначе, а людям, пришедшим на Планету тысячелетия спустя, достались лишь горы занесенного песками страннейшего металлолома, Янтарный Храм, а в нем — Дьяволов Камень.

Все это, естественно, засекретили. Империя любила плодить секреты... Секретишки. Тайны. Так что остается только догадываться, что за исследования проводились в Янтарном Храме в те времена и кто проводил их. Есть сведения о том, что эти эксперименты повлекли за собой довольно большие человеческие жертвы. Только потом это стали как-то связывать с активностью Камня. Так или иначе, в самом начале Смутных времен Храм хотели взорвать, но вместо того, чтобы разлететься в клочья, Храм проявил необычные свойства —

способность непредсказуемо перемещаться в пространстве, как бы совершать «прыжки», как межзвездный корабль, только в микромасштабе... И осталась секта упрямецв, решивших во что бы то ни стало довести Дело Янтарного Храма до его логического конца. Открыть некую великую Истину... Как стало ясно позже, Истина эта совпадает с тем Запретным Знанием которое и не должен впускать в мир Дьяволов Камень.

А у Камня судьба сложилась иначе. Трудно сказать, кто были первыми его Избранниками... Сами понимаете. — Тут генерал-академик запнулся. — Действительно — уж вы-то понимаете... Интерфейс Камня был рассчитан на взаимодействие вовсе не с человеческим мозгом... Поэтому все его импульсы, команды, советы воспринимались Избранниками в чудовищно искаженной форме. Калечили их мировосприятие. Все это породило здешнюю планетарную ветвь Черной Веры. На протяжении всего Смутного времени это была довольно влиятельная сила в Малой Колонии, особенно после того, как ее легализовали с подачи аббата Ди Маури. Еще несколько десятилетий изоляции, и мы здесь превратились бы в теократическое государство. С сатанизмом в качестве государственной религии. И не только с Запретными Знаниями — с наукой вообще было бы покончено навеки. Но эпоха изоляции кончилась, Ложное Учение стали искоренять огнем и мечом, а культ Янтарного Храма получил официальный статус, как и несколько десятков других безвредных вероучений. Некоторое время длился относительно спокойный период, сменившийся позабытыми временами — эпохой бесконечных гражданских войн, вконец разоривших Малую Колонию. К этому времени, видно, труды адептов Храма снова подвели их к запретной черте — и Камень невесть откуда снова явился в мир. Кольценосцем стал на этот раз адмирал Отто Шайн. Надо ему отдать должное, он железной рукой покончил с гражданской войной, восстановил экономику... Под его руководством Малая Колония вошла достойным членом в Федерацию Тридцати Трех Миров... Но он же прославился и неслыханными, совершенно необоснованными репрессиями. Пострадали все сословия, но больше всех те, кто проходит по графе «научно-техническая интеллигенция». На какое-то время положение академической науки здесь было практически хуже, чем в период засилья Черной Церкви. Шайну почти удалось объявить вне закона культ Янтарного Храма, но тут Камень отпустил его. Видно, он выполнил предназначенное до конца: искоренил всех, кто приблизился к роковому Запретному Знанию.

— Говорят, что адмирала сам Дьявол забрал... — припомнил Шаленый.

— Чушь, — взмахнул руками профессор. — Его похитили люди Храма. Это-то я знаю достоверно. Рассчитывали заполучить вместе с ним Камень и замуровать проклятую реликвию в скале, чтобы она больше не явилась в мир. Они не учли одного: избавившись от гнета Камня, адмирал Шайн тайно пожертвовал его казне Президента, а себе сохранил лишь его искусную имитацию. Не знаю, как уж там они разбирались со всем этим. У меня лично есть основания полагать, что адмирал окончил свои дни много позже, в одном из монастырей Пестрой Веры. Из казны Камень пропал, естественно, в период Торжества Демократии, как и многие другие ценности. И мы с трудом нащупали его в коллекции господина Апостопулоса. Дальнейшее вам известно лучше, чем мне.

С минуту профессор молчал, собираясь с мыслями. Затем продолжил:

— Это его, — он кивнул на Перстень, — появление здесь и сейчас тоже явно не случайно. Дело в том, что Дело Янтарного Храма, как никогда раньше, близко к завершению. Нашелся некий... э-э... гений, воспитанник адептов Янтарного Храма, который в настоящее время завершает свою работу, результатом которого станет Запретное Знание.

Ну а когда Запретное Знание станет достоянием людей, недолго останется и до Конца Света.

— Он что, спятил — этот ваш гений? Или ему не хватает приключений на его задницу?

Или... — Шаленый аж воздух ртом ловить начал от злого удивления.

— Он просто очень любопытный человек. Он молится Истине. Только и всего... —

Профессор пожал плечами.

— И вы этого идиота вычислили? — Шишел уставился на Мак-Аллистера как на святую икону.

— Да. И очень скоро познакомлю вас с ним...

— Так какого ж черта... Чего ради вы сваливаете мокрое дело на меня? Сами и мочите чудака этого... Я-то вам зачем?..

— Вы сделаете свое дело и убудете в Метрополию. И дальше... А вашему покорному слуге еще долго, смею надеяться, жить здесь, в Малой Колонии. И разбираться со жрецами Янтарного Храма. В моих интересах представить дело так, как если бы я пытался укрыть и спасти их подопечного... Но потерпел в том неудачу...

Видимо, только Православный Бог Шишел а уберег его от греха и не дозволил ему свернуть шею высокоученому собеседнику. По крайней мере, секунд сорок он боролся с сильнейшим искушением сделать это.

— Ну а что, — спросил он наконец, — запретить ему, дурню этому, его работу нельзя? Посадить его, заточить или, ну, там...

— Только смерть остановит его, — решительно отрезал Мак-Аллистер.

Последовала еще одна долгая пауза.

— Ладно, — сказал Шишел. — Давай разбираться. Шаг за шагом.

Под вечер по дороге к своему временному дому Шаленый остановился около неприметной часовенки у обочины. Вылез из своего «горби», зашел в незапертую дверь и минуто-другую адаптировался к сумраку. С Пестрой Верой всегда так — вроде и часовня заброшена, и запустение кругом, а все равно с полдюжины свечек теплится перед несколькими игрушками-алтарями, которыми в беспорядке загромождены каменные ниши-полки. В этом неровном свете Шаленый отыскал нужный ему алтарь и зажег купленную по дороге жертвенную свечку в честь Ранад-Тартара — Безумного Бога Истины.

— Положение далеко не так просто, как кажется, — Француз-Дидье обвел глазами собравшуюся у Влада компанию.

Кроме их четверки в полутемном уютном зале обедали или ждали заказанного еще не больше полдюжины человек. Ничьего внимания четверо собеседников, оккупировавшие столик в углу, не привлекали. Разве что сам Усатый Влад озаботился подойти и принять заказ у такой относительно многочисленной компании клиентов.

— Ваш фирменный гуляш, мсье Цепеш, и острый салат, — распорядился Француз, демонстрируя свое знакомство и с кухней, и с фамилией Влада. — И пару бутылок белого.

— Кофе?

Дидье задумчиво кивнул и проводил хозяина преисполненным благодати взглядом.

— Не стоит привлекать внимание излишне скромным заказом, — пояснил он. — И слишком дорогим — тоже. Гуляш и белое вино — в самый раз.

— Вы так конспирируетесь, словно мы уже под колпаком у полиции, — заметил Мерген.

— Если бы дело шло о полиции, я бы лишь возблагодарил Господа за доброту его, — хмуро пояснил ситуацию Француз. — Вся беда в том, что в дело вошел наш общий знакомый, и все мы знаем, что он от своего не отступится.

— Это точно, — подтвердил Глазастый. — Раз уж он с того света вернулся..

— Вы уверены, что он снова хочет заполучить Камень? — с надеждой в голосе поинтересовалась Мириам.

— Он достаточно ясно выразился: «Есть возможность закончить начатое». Того, что я в курсе дела, он, понятно, не знал.

— Я с Дейлом на контры не пойду, — решительно отрубил Мерген. — Мое мнение — надо взять его в долю.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Глазастый. Мириам задумчиво посмотрела на него.

— Надо еще понять... — осторожно подбирая слова, сказала она. — Надо разобраться... Какой он теперь? Ведь мы совершенно ничего не знаем, что с ним было там — на Северном бугре...

— Понимаете, ребята, — уверенно поддержал ее Француз. — Парень вернулся не сам по себе. Его сюда ВЕРНУЛИ. На каких-то определенных условиях. Мы должны каким-то способом узнать — на каких.

— Проще всего — спросить у него самого, — резонно заметил Мерген.

— Я тоже так думаю, — поддержал его Клайд, подходя к столу.

— Официант! — невозмутимо распорядился Француз. — Еще один прибор, пожалуйста.

Глава 12

БОГ ДРАКИ

— Черт возьми! — Мастер-Канова раздраженно обернулся к бесшумно возникшему за его спиной Шишелу. — Я ведь предупреждал, что вы не должны появляться ни в моем кабинете, ни тем более в моих мастерских... Да, товар готов, но я лично доставлю его вам...

— И лично доложишь господину Советнику?

Артист из Алессандро Кановы был никакой, что сильно облегчило Шишелу его задачу. Хотя, конечно, Мастер и попытался прикинуться шлангом, как квалифицировал такого рода поведение Шаленый.

— Какого Советника вы имеете в виду? — чуть дрогнувшим голосом спросил он.

— Да того самого, — ласково пояснил Шишел, — что при Свободном Лесном Народе за безопасность отвечает... Или не знаешь такого?

— Почему это я должен знать этого... э-э... господина? — еще более нетвердым голосом спросил Мастер.

— Ты мне лучше скажи, — все так же ласково продолжил Шаленый, — почему господин этот знает про наши с тобой дела все, что о них знать стоит? И про то, что вообще имитации изготовлены, и сколько их — доподлинно знает... Откуда? Не от меня, точно. Значит, от тебя, Мастер.

— Не понимаю, с чего вы вдруг... — продолжал сопротивляться Какова.

— Да с того, что поговорили мы с господином Советником душевно. Не договорили кое-чего, правда, ну да это утрясется... Так что, и дальше втемную играть будем?

Мастер вздохнул и присел на край своего рабочего стола.

— Не ожидал, что дядюшка Георгиу так вот запросто сдаст вам меня... — с досадой сказал он. — Но, в конце концов, одним покупателем на ваш товар больше стало... Да и знакомство с Советником обедню вам не испортило, думаю.

— Даже, прямо скажу, на пользу делу пошло... — тоже не без досады признал Шишел. — Только вот не люблю я, когда за спиной у меня шахер и махер происходит... Так что применяю к тебе, Мастер, штрафные санкции: не седьмую, а восьмую часть дохода получишь. И считай еще, что пронесло... Товар забираю сейчас.

С минуту они помолчали, а потом Шишел уже чуть по-другому, осторожно наклонив голову набок, осведомился:

— И давно ты на Лесной Народ корячишься? И с того что имеешь-то?

Мастер пожал плечами:

— Каждый второй из нашего цеха с этими вещами связан... Тамошняк знает — я имею в виду туземцев — любит вкладывать деньги в драгоценности. Кто побогаче, и не движимостью здесь обзаводится. У того же Советника Георгиу в Малой Колонии — несколько вполне приличных имений... С другой стороны, из джунглей идет весьма интересный товар... Вот все тот же Симметричный Набор откуда, по-вашему, взялся?..

Шишел подумал десяток-другой секунд и спросил Мастера:

— Выход на Советника у тебя есть?

Мастер-Канова не стал отпираться.

Все пятеро, надолго засевшие за угловым столиком заведения Влада, были напряжены и

сосредоточены. Француз-Дидье был среди них единственным, кто обратил внимание на поданную, согласно сделанному заказу, снедь. Покуда остальные четверо собеседников, вяло ковыряя вилками в тарелках, обменивались неопределенно-туманными фразами, Дидье быстро покончил с заказанным провиантом, утер остатки соуса кусочком круассана и, проглотив свой кофе, вслух предположил, что господам партнерам будет сподручнее договориться о своих делах без его, Француза-Дидье, присутствия. Возражений не последовало, и Дидье резво удалился, и впрямь серьезно облегчив ход происходящего разговора.

— Мы понимаем, что тебе, Клайд, нелегко пришлось там — на Северном бугре, — признал Мерген, — но и у нас здесь еще тот цирк приключился. И то, что ты тут намекаешь на то, что можешь вычислить того типа, что завладел Камнем, сейчас того значения, которое ты этому придаешь, не имеет... Дело в том, что мы этого типа сами вычислили...

— Точнее — он нас, — поставила свою точку над «i» Мириам.

— Это резко меняет все дело... — задумчиво протянул Клайд. — Выходит, я уже — вне игры?

Он внимательно поглядел в зрачки собеседников: сначала — Н'Бонго, потом — Мириам, потом — Мергену. Прием подействовал.

— Нам очень не хотелось бы, чтобы ты это так понял... — отвел глаза Мерген. — На данный момент все складывается так, что мы с этим малым играем в одной команде, и... и назад нам дороги, как говорится, нет...

— Это очень сложный тип, — вошел в разговор Н'Бонго. — И игра, которую он затеял, — тоже очень сложная. Но... Но мы, ей-богу, не хотели бы...

— Короче — было бы очень желательно, чтобы ты нашел общий язык с тем человеком... — закончил его мысль Мерген. — Хотя бы уже потому, что, судя по твоим намекам, ты здесь представляешь солидного покупателя.

— Мой покупатель, — криво улыбнулся Клайд, — пожалуй, всех остальных перевесит. Так что у нас будет о чем поговорить.

Он сложил нож и вилку на керамическую тарелку с нетронутым почти фирменным гуляшом Усатого Влада и, интонацией голоса показывая, что разговор окончен, спросил:

— Итак, когда и где?

В воздухе повис тонкий серебряный звук — засигналил амулет на груди у Клайда.

Поверенный господина Апостопулоса Сантамария Кастельмажоре деликатно кашлянул, оторвал шефа от созерцания сменяющих друг друга на дисплее биржевых сводок. Тот воззрился на своего верноподданного с некоторым недоумением во взоре. Редко кто решался тревожить Картавого Спирос в столь поздний час.

— Наш клиент, — начал Сантамария, умудрившись одним только выражением лица уточнить, о каком именно клиенте идет речь, — только что уведомил меня, что все необходимое и достаточное им сделано. Он назначил время и место.

Несколько секунд Картавый Спирос смотрел на своего поверенного с таким видом, что можно было подумать, что тот не принес первостатейной важности новость, а просто позволил себе испортить воздух в помещении офиса. Потом господин Апостопулос поднял левую бровь, означив тем самым повеление продолжать доклад.

— Завтра, в пятнадцать пятьдесят, в подземном гараже Пугачевского центра. У лифтов, — закончил свое сообщение Сантамария.

Господин Апостопулос на как будто не очень долгое время впал в состояние, напоминающее каталепсию. Потом откашлялся и недоуменно произнес:

— Получается, что то, на что у Шайна и Ди Маури ушли годы и годы, наш клиент провернул меньше чем за неделю... Вы верите этому, Сантамария?

— С трудом, — констатировал адвокат.

— Вы получили прибор от милейшего профессора Мак-Аллистера? — осведомился Картавий Спиро после некоторого тягостного молчания. — Профессор проконсультировал вас, как пользоваться этой штукой?

— Да, шеф, — заверил его Сантамария.

— Будьте осторожны. — Спиро со значением откашлялся. — В городе происходит какая-то буза. На Сурабайя ночью была разборка между сектами. Со стрельбой. И Семья поцапалась с компанией Маноло. Полиция и все эти, извините за выражение, органы находятся в повышенной боевой... Так что будьте осмотрительны.

— Я сделаю все от меня зависящее, — заверил шефа всецело преданный ему поверенный и неслышной тенью выскользнул из кабинета.

Господин Апостопулос раздраженно гмыкнул, прошелся взад-вперед по комнате и, чтобы успокоить нервы, раскрыл папку с листками, написанными рукой давно сгинувшего адмирала, и стал в который уже раз перечитывать написанные стариковской рукой строки.

Те же строки, но только исполненные четким и ясным шрифтом на экране дисплея, читал, по странному совпадению, в это же время и Дмитрий Шаленый, по кличке Шишел-Мышел.

«Меньше всего ожидал я, — писал проклятый всеми богами и многими из смертных адмирал Шайн в своем дневнике, — что из этого изнурительного похода, похода, иссушившего мою душу, перевернувшего мой некогда казавшийся мне кристально ясным взгляд на вещи, на все мироздание в целом, что из этого похода я вернусь не в тишину и сонный покой нашей патриархальной Малой Колонии, а в дикую свару, затеянную сопливыми мальчишками, жаждущими дорваться до власти. Меньше всего я ожидал, что не марш через гиблые трясины и непроходимые заросли Северного полушария окажется самым тяжелым участком нашего пути, а дорога по разграбленным провинциям Черты, через две линии фронта, через покинутые жителями города, к горячей Столице, по улицам которой ползут, выворачивая древнюю брусчатку и долбя снарядами стены Резиденции, тяжелые танки... Меньше всего я ждал этого.

Я и сейчас вспоминаю это как сон, как нечто, происшедшее вне моей настоящей жизни, — увиденное, что ли, в фильме или прочитанное в скучной книжке... Помнится, собаки поразили меня: стаи лишившихся хозяев, одичавших собак, завладевшие полупокинутым городом...

За ту неделю, что я провел в разорванной на три враждующих лагеря Столице, я состарился на десяток лет. Большая часть собранных нашей экспедицией материалов просто свалена во дворе Арсенала. Я с большим трудом добился того, чтобы в подземные хранилища были помещены наиболее важные материалы, относящиеся к нашему походу. Четырежды меня посещали делегации от каких-то самопровозглашенных правительств «всея планеты», и четырежды я отказывался

от возведения в ранг главнокомандующего.

Только наступивший сезон гроз позволил мне и немногим преданным мне офицерам покинуть богом проклятый город и на паре боевых глайдеров добраться до моего родового поместья — «Тенистых рощ» — фамильного гнезда всех Шайнов еще со времен Великой Колонизации. Только здесь, в заливаемых осенними ливнями, отрезанных от безумствующего мира местах я вновь обрел необходимые душевный покой и твердость.

И только здесь мысли мои вернулись к ЭТОМУ... Как странно: на все эти недели — да какое там! — почти на половину года я словно забыл про свое преступление. Да-да! Будем называть вещи своими именами: скрыв от людей Камень, фактически присвоив его, я совершил ПРЕСТУПЛЕНИЕ. Против кого? Против государства, которое в это самое время проваливалось в кровавую трясину междоусобицы? Против народа, который стал в эти самые дни стадом, влекомым на убой безумными, слепыми пастырями? Пожалуй, откройся я кому бы то ни было, судьба нашей экспедиции могла бы сложиться гораздо более трагично. Мог ли я поручиться, что мои ближайшие помощники и соратники не схватились бы между собой в мерзкой схватке за сокровище, которое обеспечило бы безбедное и сытое существование им и их потомкам на века вперед? Во всяком случае, нож в спину или яд в стакан я, скорее всего, получил бы все-таки. Что же не дает мне покоя? Что преступил я? Не стоит лукавить с самим собой... Я поступил недостойно для офицера. Я преступил грань чести и бесчестия... Но, видит Бог, иначе поступить я не мог. В конце концов, на моей стороне здравый смысл. И воля Камня.

Он — Камень — и служил мне опорой и утешением в те долгие осенние дни, которые, как мне теперь представляется в воспоминаниях, начинались сразу с вечера, а не с утренней зари. Я запирал за собою двери в кабинет и в свете низко, к самой крышке стола, пригнутой лампы клал перед собой Камень. Рядом ложились в круг света уже успевшие пожелтеть и истрепаться по краям записи. В разное время и при разных обстоятельствах делал я их. И только тогда — этими осенними вечерами — понял, что фактически всю свою жизнь готовился к этой встрече с Камнем. Чем иначе объяснить эти годами кропотливо ведшиеся записи легенд, преданий, научных докладов, посвященных Скрижали Дурной Вести?

Таковыми мне и запомнились эти долгие, одинокие вечера и ночи: потрескивание поленьев в жарко натопленном камине, который не грел меня, круто — до фиолетовой черноты — заваренный настой из двенадцати трав в каменной чашке, сумеречный, словно взгляд дремлющего безумца, блеск Камня, круг света и выцветшие буквы мерзких преданий, бегущие по блеклым листкам бумаги...

Радио приносило вести все более и более сумбурные и горькие. Почти полностью прервана была связь с Обитаемым Космосом. Ни Земле, ни другим населенным мирам не было дела до нас и наших бед и печалей. Для скольких тысяч людей, предки которых доверили свои судьбы этой, так похожей на старушку-Землю, планете, эта зима стала последней? Все чаще люди, пришедшие со мной, задавали мне один и тот же вопрос: что я собираюсь сделать, предпринять?.. И у меня не было для них ответа. В ту осень я впервые по-

настоящему почувствован себя стариком. Тогда я не знал, что ГЛАВНОЕ еще впереди... Я многого еще не знал тогда... не знал своего ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ».

Шаленый прервал чтение и потер набрякшие веки. Сон шел и не шел к нему. Боялся он этого плывущего на него, затопляющего память морока. Потому что знал, что, как и в любую из прошлых ночей, присядет в ногах у него НЕНАЗЫВАЕМЫЙ и будет говорить, говорить, говорить... Он поднялся и пошел к отгороженной в углу чердака ванной комнатухе. Там — за пластиковой перегородкой — отчетливо был слышен звук льющейся из крана воды.

«Неужели я прошлый раз кран не закрутил?» — подумал Шишел и рванул дверцу.

У раковины стоял и смывал кровь с уцелевшей части лица брат Дилан.

Сэм Бирман почти не заметил, что его ночное уединение в обществе карандаша, бумаги и терминала планетарной информационной сети нарушено появлением Рональда Мак-Аллистера, руководителя программы «Мессенджер». Тому пришлось откашляться, чтобы вывести своего подопечного из состояния близкого к нирване.

— Здравствуйте, профессор. — Сэм жестом предложил Мак-Аллистеру присесть на свободное кресло. — Я вижу, вы приняли наконец какое-то решение?

— В некотором роде — да. — Лысый Крокодил занял предложенное ему место и, слегка прищурившись, попытался рассмотреть каракули на листке бумаги, лежавшем перед Самуэлем. — Я проконсультировался с высшим руководством, и все мы пришли к выводу, что вас следует на некоторое время... э-э... удалить из Малой Колонии. А те, кто затеял охоту на вас, еще долго будут оставаться в неведении относительно вашего местоположения... Для этого, конечно, придется соблюсти некоторые меры конспирации...

Сэм аккуратно поджал губы.

— Видите ли, — он постарался заглянуть в бесцветные, навывкате глаза профессора, — мне это решение не представляется... м-м... достаточно радикальным.

— Что ж, рассматривались и более, как вы выразились, радикальные решения. Например, погрузить вас в глубокий анабиоз до той поры, пока мы не разберемся и с Камнем, и с господами из Черной Церкви. В конце концов решили прибегнуть все-таки к «защите расстоянием»...

— Простите, — начиная терять самообладание, прервал его Сэм, — но ведь такая ссылка подразумевает, что я буду оторван и от своей семьи, и от коллектива своих коллег... Я буду просто лишен возможности даже зарабатывать на жизнь...

— Меньше всего, доцент Бирман, — успокоил его Мак-Аллистер, — у вас должна болеть голова о вашем заработке. Академия раскошелится на ваше содержание. Что до коллег, то, как я вижу, ваша работа успешно продвигается и в их отсутствие...

— Но семья!.. — панически возопил доцент Бирман.

— Вашей семье обеспечена надежная охрана, — заверил его генерал-академик. — В ближайшем будущем вы воссоединитесь со своей супругой и дочерью. А сын ваш, если не ошибаюсь, учится в Метрополии, достаточно далеко от всех здешних... э-э... проблем... Сами понимаете, что элементарные соображения конспирации не позволяют нам переместить всех вас одновременно. Так что придется обождать немного. В первую очередь мы эвакуируем вас. Не далее чем послезавтра. Точнее, — он посмотрел на часы, — уже завтра, ближе к вечеру, с площадки на крыше Пугачевского центра вас заберет вертолет и доставит на военный Космотерминал.

— Почему же не прямо отсюда? — удивленно поднял брови Сэм.

— Здесь мы все находимся под довольно бдительным наблюдением, — чуть снисходительно объяснил профессор. — Рейс геликоптера отсюда к Космотерминалу слишком заметен. Другое дело — Пугачев-башня. С ее вертолетной площадки летает все что угодно и куда угодно. От вас потребуются только одно...

— Внимательно слушаю вас, — со все еще не растаявшими нотками недоумения в голосе заверил его Сэм.

— Нам надо упорядочить отношения с вашими друзьями из монастыря Желтого Камня. Они самым серьезным образом интересуются вашей судьбой.

— Они дознались, что я нахожусь здесь? — всполошился Сэм.

— По крайней мере, догадываются об этом, — профессор достал из кармана трубку и стал задумчиво вертеть ее в руках. — Я, честно говоря, не вижу причин скрывать от них реальное положение вещей. Я хотел бы, чтобы вы написали им письмо. В эфир нам лучше не выходить, а вот письмо я передам лично господину Настоятелю. Так что, будьте добры, изложите в привычной вам и им манере обстоятельства дела и наши с вами планы на ближайшее будущее. Не надо скрывать ничего. Я хотел бы, чтобы наше взаимопонимание в этом вопросе было полным.

— Что ж, это логично, — согласился Сэм. — Будьте добры — передайте мне вон тот листок бумаги. И перо, если вас не затруднит.

Шишел, ясно осознавая, что все происходящее — не более чем бредовый сон, продолжал тупо смотреть на изуродованного пулей большого калибра брата.

— Зачем пришел? — спросил он, скорее из какого-то дикого любопытства — что-то там еще выкинет эта машинка, что устроена у него, Дмитрия Шаленого, в черепушке?

— Мы не закончили разговор... — повернул к нему одноглазое лицо убитый. — Не закончили говорить... Помешали нам... Вот ты под замок не хочешь — думаешь Черта объегорить. А ведь профессор-то тебе ясно сказал: человечка убить придется... Придется... Этого уж не объедешь. А ну, как знаешь ты человечка этого?.. Или уже догадываешься, о ком речь идет, кого на заклятие тебе подведут?.. И твой... твой человечек — пусть отдаст... пусть отдаст то, что взял...

«Проснуться, проснуться!» — командовал себе Шаленый, в ужасе глядя на желтый излом кости разнесенного выстрелом черепа.

А мертвый брат Дилан суетливо вытирал его, Шишела, махровым полотенцем окровавленные руки и приговаривал:

«Не объедешь, не объедешь, брат. Палачом тебе получается веселее, чем взаперти-то посидеть малую толику... А там, глядишь, — сам Бог на небе не знает, что будет ТОГДА...»

Сделав над собой страшное усилие, Шаленый вынырнул из проклятого морока и несколько минут неподвижно лежал на койке, вцепившись в смятые простыни и обливаясь холодным потом.

— Чего орешь так? Испугал... — промычал с дивана Гарик и опять мирно засопел, погружаясь в прерванный было сон, в котором ему явно и не думали являться окровавленные покойники.

Шишел тяжело вздохнул и, нащупав босыми ногами разношенные кроссовки, служившие ему домашними шлепанцами, заставил себя двинуться к ванной. Не столько для того, чтобы хлебнуть холодной воды, сколько для того, чтобы убедиться, что там НИКОГО

нет.

Там никого и не было. Даже свет включен не был. Шишел щелкнул выключателем и, прищурившись от яркого света, посмотрел по углам. Никого не было в выложенной пластиком под кафель комнатушке, даже тараканов. Только не так было что-то. В зеркале.

Шишел повернулся к нему и увидел себя. Сначала ему показалось... Да нет — просто кровь... Кровь по всей физиономии. И брызги кровавого тоже, желтоватого месива... «Гос-споди, как же он так — не утерся, что ли, тогда еще?..»

Он повернул кран — гулко зашипели пустые трубы. Тогда, стараясь не заглядывать больше в чертово стекло, он схватил то самое, махровое, полотенце и стал судорожно и быстро утирать физиономию. Потом остановился, замер, поняв, что не проснулся еще вовсе. И снова очнулся на скомканных простынях, давясь ошалелым криком. И снова Гарик спросонья попенял ему и снова заснул. Шишел чертыхнулся, налил в стакан на три пальца джину, проглотил и сел к терминалу.

«...Кажется, — писал адмирал, — в те же осенние вечера появились в «Тенистых рощах» и первые оборотни. Я не беру это слово в кавычки. Не знаю почему. По крайней мере, местные жители и прислуга твердо уверены, что эти края начала посещать нечистая сила. Эти суеверия были бы скорее смешны, если бы все это не связывали с моим возвращением в фамильное гнездо. Я распорядился устроить несколько засад, чтобы разобраться со всеми этими потусторонними гостями. Несколько позже, когда, как водится в этих краях, ливни перешли в град, а град стал сменяться снежными буранами, меня посетил страннейший из гостей, которых видели стены родового имения Шайнов.

Сквозь снеговые заносы, сквозь засады придорожных лихих людей до меня добрался Настоятель монастыря Желтого Камня. И неполная дюжина его свитных. Легко сообразить, что подобную прогулку они предприняли не для собственного удовольствия. Однако в те дни смысл появления этого почтенного господина в моем жилище был для меня темен. Нельзя сказать, что старый джентльмен был некоммуникабелен, нет... Скорее по-старчески болтлив... Более того; у меня сложилось впечатление полной его осведомленности относительно деталей Карательной экспедиции. После ужина, когда я пригласил старика на чашечку кофе в мой кабинет, господин Настоятель, произнеся несколько общих фраз, поставил меня в известность, что, несмотря на дурные времена, постигшие Колонию, Храм Желтого Камня все же располагает средствами для покупки неких предметов, привезенных экспедицией с Северного полушария. Я попытался уточнить, о каких именно предметах идет речь, но тут Настоятель начал, как говорится, темнить и в конце концов отложил разговор на эту тему «на потом».

Мерзкое чувство осталось на душе у меня. Мне стало казаться, что господин Настоятель знает о моем преступлении, что он имеет в виду именно Камень, предлагая выкупить некую добычу экспедиции. Тогда мне удалось убедить себя в том, что это просто приступ мнительности овладел мною... Может быть, амулет, изготовленный из «янтаря», так знакомого мне... амулет, что болтался на тонкой, морщинистой шее старика, так подействовал на меня?..

Мы расстались со старым джентльменом мирно, но внутреннее смятение владело нами обоими. Я дал Настоятелю слово посетить монастырь Желтого

Камня, как только сойдут снега. Тогда, рассудили мы, мы оба будем лучше готовы к тому, чтобы понять друг друга. Мне не было дано исполнить свое обещание.

Незадолго до празднования Ночи Белого Снега, когда сошли на нет бураны и пронизанная ледяным холодом тишина опустилась на мир, Зимние Паломники, заночевавшие у нас, принесли мне весть о том, что Настоятель и его люди не вернулись в монастырь. В дороге они стали жертвами какой-то из разбойных банд. Так я думал тогда.

А прямо в канун Ночи мои люди поймали-таки наконец одного из оборотней. Снег помог им. Снег, который хранит следы.

Разумеется, это был самый обыкновенный бродяга. Только бродяга, меченный знаком Ложного Учения. Он был невероятно тощ и невероятно нагл. Он отказался говорить с кем-либо, кроме как «с глазу на глаз с сиятельным адмиралом». И своего он добился: предстал передо мной в каминном зале. Было на нем рубище и что-то вроде ермолки. Как это тряпье спасало его от зимней стужи, я не знаю до сих пор.

Этот послушник Черной Церкви так и не назвал своего имени. Оно, впрочем, и не интересовало меня. Гораздо важнее было иное: этот сатанист был уверен, что говорит с обладателем Дьяволова Камня. Как, какими тайными путями стала известна эта моя постыдная тайна сразу двум еретическим сектам, связавшим свои обряды и свою мифологию со Скрижалью Дурной Вести? Какая магическая связь существует между всеми этими тайнами? Я ничего не ответил проклятому бродяге и распорядился отпустить его на все четыре стороны, строго предупредив его, чтобы он и его братия больше не попадались на глаза моим людям. Мог ли я знать тогда, что еще не сойдут снега этой зимы, как мне придется самому идти на поклон к этим еретикам? Но тогда, в морозной мгле середины зимы, все выглядело иначе...

Оборотень так и ушел бы неведомо куда живым и невредимым, если бы Джи-Джи не спросил меня, стоит ли возвращать бродяге отнятое у него при обыске. Он вытряхнул из пластикового пакета передо мной на стол несколько блок-зарядов к армейскому бластеру, странной формы кинжал и амулет на тонкой, тусклого металла цепи.

Амулет я узнал сразу же. Я распорядился допросить и казнить оборотня.

Допрос, само собой разумеется, не дал ничего, однако эти два эпизода не прошли для меня даром. Мысль о Камне, о той роли, что сыграл он в судьбах Малой Колонии, уже не оставляла меня с этих пор и вылилась в конце концов в элементарно простое, но ставшее роковым для меня решение. Если Бог — неизвестно за какие грехи — оставил своей заботой Малую Колонию, то что мешает мне — простому смертному — обратиться за помощью к его «естественному конкуренту»? Как ни странно, со временем эта мысль перестала казаться мне сколько-нибудь еретической. Думаю, что нечто, исходящее от Камня, уже тогда вошло в меня, в мои помыслы и в мои дела...»

Гарик зашебуршился на своем диване, поднялся и, как сомнамбула, пошлепал пить воду. — Эй! — крикнул он из ванной. — У тебя, Шишел, все полотенце в кровище... Ты как? — Носом кровь шла, — отозвался Шишел.

Вполне возможно, что он говорил правду.

— Послушайте, шеф, — осторожно спросил Даррен. — Я, честно говоря, не слишком хорошо понимаю, почему вы непременно хотите реализовать такой сложный и... м-м... рискованный план. Неужели нельзя решить эту проблему проще?

— Например? — неприязненным тоном осведомился профессор Мак-Аллистер, не переставая созерцать скучноватый пейзаж за окном.

— Ну, действительно удалить его с планеты...

— Вы думаете, что он согласится на роль Робинзона? Или что Камень не заставит Избранника последовать за ним?

— Ну, тогда, например, почему бы не упечь нашего подопечного на пару лет в желтый дом? — предположил Даррен. — Будет относительно легко обработать его. А там, в условиях стационара, можно будет, как бы это выразиться, дожать его. Отучить от научных забав...

— По-вашему, — не без яда в голосе спросил генерал-академик, — если бы доценту Бирману предложили выбирать между тем, что предлагаете вы, и смертью, он выбрал бы ваш вариант?

— Гм... — Даррен пожал плечами.

— Это во-первых. Во-вторых, не думаете ли вы, что друзья милейшего доцента будут хлопать ушами, пока мы будем превращать их подопечного в законченного идиота? Они и сейчас не оставляют нас своим вниманием. Вы лучше меня должны знать это, — в конце концов, вы обеспечиваете безопасность нашей... э-э... операции.

Даррен несколько нечленораздельно выразил свое согласие и с этой мыслью. Лысый Крокодил же продолжал методично добивать его:

— Подумайте также еще и о том, что предлагаемый вами человеколюбивый вариант не гарантирует нам главного — Камня. Совершенно неясно, как отреагирует эта штука на такой расклад обстоятельств, какой получится в вашем варианте.

— Пожалуй, я действительно сморозил глупость, шеф, — постарался закруглить не слишком для него приятный разговор верный помощник генерал-академика.

Тот наконец повернулся к нему лицом и, слегка наклонив голову вбок, чтобы лучше видеть реакцию собеседника, добавил:

— Но основная причина, по которой я не спешу одурманить милейшего доцента, усыпить его или отправить куда-нибудь подальше — к чертям на кулички, заключается в том, что я хочу увидеть конечный результат той задачки, которую вот-вот решит милейший доцент... Я, к сожалению, очень любопытен, Даррен.

— Ей-богу, мы не хотели доводить дело до мокрухи, — торопливо, захлебываясь словами, объяснял Папе Джанфранко случившееся Генри Фаулер — Борода. — Мы притормозили ребят Сапожника в порту и хотели им вежливо втолковать, что порт — это теперь уже не их головная боль. Так этот идиот Санчес полез в этот... ну, во внутренний карман... Ну, Эрни, понятное дело, не стал дожидаться, покуда он оттуда вытянет шпалер, и сделал из парня решето... Тут и все остальные взялись за пушки... В общем, наши потери — двое, и поле боя, так сказать, осталось за нами... А у Санчеса, как оказалось, никакой «пушки» и не было, а в кармане том и вовсе блок связи заткнут был. Нашел место, где машинку носить, дубина. Он, видно, с шефом посоветоваться хотел или...

Папа Джанфранко аккуратно взял Бороду за узел галстука и подтянул его к себе поближе так, что тот чуть не уперся носом в окурочек зажатой челюстями Папы сигары.

— Я знал, что твои раздолбаи рано или поздно подведут нас всех под колокольню, — процедил Каттаруза, почти не разжимая зубов. — Но постарайся понять, что одно дело — поставить на перо какого-нибудь несговорчивого фраера, а другое — замочить без особой нужды личного друга самого Маноло... Вы там вконец сдурели, скоро копов мочить начнете...

Он коротким энергичным движением швырнул Фаулера на стул и впал в задумчивость. Полдюжины столпов Семьи в трепетном молчании наблюдали за процессом мышления грозного Капо ди Тутти Капи. Процесс прервал деликатным покашливанием секретарь-телохранитель Папы.

— Только что от Яна звонил Коста, — доложил он. — Там сейчас копы. И «скорая». В общем, дым коромыслом...

— Так что такое там сделалось? — раздраженно спросил Папа.

— Люди Маноло в казино закинули личинку Хогофого. Двое из клиентов упокоились, куча пострадавших. Крупье остался без глаза.

— А сам Ян? — Папа энергично раздавил остатки сигары в малахитовой пепельнице.

— Он крупно обиделся на Маноло. Взял тройку своих ребят и пошел разбираться.

— Дьявол побери. — Папа Джанфранко уставился на своего вышибалу так, словно тот был лично повинен в происшедшем. — Началась неуправляемая самодеятельность.

— Коста вот тоже беспокоится, — подтвердил телохранитель. — Ян, говорит, зачем-то с собой базуку прихватил.

— Так, — констатировал Папа. — Нечего вам, ребята, толочься тут у меня в кабинете. Давайте — все по местам, быть в полной боевой, из эфира не уходить. Фай, озаботься, чтобы «Мальш» был готов на всякий случай. И вообще, задержись на минуту.

Подождав, пока, строго следуя неписаному табелю о рангах, авторитеты Семьи один за другим покинули кабинет, Адриатика откашлялся, выражая готовность выслушать конфиденциальные распоряжения Папы Джанфранко.

Тот молча уперся кулаками в стол и, не глядя на собеседника, буркнул:

— Вся эта свара затеялась не ко времени. Постарайся наладить контакт с Адвокатом. Пусть тот вразумит Маноло. Надо спускать дело на тормозах, пока все не зашло слишком далеко...

— Немедленно займусь этим, шеф, — заверил Папу Фай. — У меня тоже есть новости.

— Ну и какие же?

— Трюкач выходил на связь. Просил передать, что у них все будет готово завтра. Шишел назначает финальную встречу.

Папа был не на шутку потрясен услышанным.

— Странно, ей-богу, — задумчиво сказал он, извлекая из резного ларца новую сигару. — Я-то думал, что они меньше чем за год не управятся... Так когда и где?

— Завтра в шестнадцать ноль-ноль, на десятом этаже Пугачевского центра. У лифта.

Шишел выслушал доклад Гарика и принялся расхаживать взад-вперед по своему чердачному гнезду. Ему приходилось выполнять самую нелюбимую им работу — ждать. Вот сейчас — ждать встречи с этим непонятным Клайдом. Потом — сигнала от господина профессора. Потом...

Он снова усадил себя за терминал и снова вызвал на экран текст, который чем-то манил его, обещал дать заглянуть в то, что еще только ждет его, — дневники проклятого адмирала. А тот писал:

«Возможно, последним перышком, склонившим чашу весов в пользу того страшного, рокового решения, которое принял я, были приобретенные мною много лет назад на одном из аукционов письма аббата Ди Маури. Разумеется, я не читал их еще до той поры, когда был поставлен во главе экспедиции, целью которой было выяснить причины исчезновения миссии Ди Маури на Северном полушарии и образцово наказать туземное население региона в том случае, если миссия подверглась их нападению. Но тогда я воспринимал их текст в сугубо практическом аспекте, стараясь понять аббата как организатора и государственного мужа. Ни разу не приходило мне в голову, что когда-нибудь для меня самым важным в них окажется то, что творилось в душе этого святоши, продавшего душу Дьяволу.

«Я пришел к мысли, — писал Ди Маури своему брату, — что источником многих, если не всех несчастий, постигших наше общество, является засилье «просвещенных» мыслителей, превративших всю планету в полигон для бредовых подчас экспериментов, которые никто не допустил бы проводить в пределах Метрополии. К сожалению, наша Белая Вера уже давным-давно не способна влиять на ход вещей, движимый чуждыми чаяниям народа Малой Колонии, интересами авантюристов от науки. Камень открыл для меня Учение, именуемое Ложным, — Черную Церковь. Черная Церковь открыла мне глаза на Волю Камня. Нет и не будет ничего грешного в том, что адепты этого, безусловно, и впрямь Ложного Учения получают большую свободу рук в Столице. Идеи Света и Добра, воплощенные в заповедях Христовых, рано или поздно восторжествуют, но сами по себе они бессильны в борьбе против безверия и тупого прагматизма, готовых принести саму Вселенную в жертву своему неукротимому любопытству. Говорят: «Если хочешь прожить жизнь счастливо — никогда не подсматривай в замочные скважины...» Незачем тем более подсматривать в замочную скважину Господа. Знание его секретов не даст нам счастья. Нам обещают моря дешевой энергии — зачем она Малой Колонии? Гораздо более важным представляется мне прекращение непрерывной распри, раковой опухоли разъедающей Колонию после того, как оборвалась пуповина, связывавшая нас с миром Земли и с другими частями Империи. Гораздо более разумным было бы направить все силы и средства государства не на то, чтобы довести до завершения опаснейшие изыскания, начатые людьми Комплекса, для которых судьба Малой Колонии всегда была совершенно безразлична, а на поддержание хрупкого экологического баланса этого мира, на поддержание приходящего в упадок хозяйства, на создание современной медицины — да мало ли на что, черт возьми! Какое-то время Малая Колония может прожить и без развития наук, но она не сможет прожить без закона и порядка. Положительные идеалы общественной жизни должны восторжествовать над разрушительным стремлением к Истине. Ради этого стоит продать душу одного из недостойных служителей Веры Дьяволу...»

А ведь писал эти строки Ди Маури в относительно спокойные и

благополучные времена. Что тогда остается сказать мне, видящему крах и угасание этого мира — единственного мира, оставшегося этому народу...

Когда настала Ночь Тьмы и обе здешние луны затмились, я воздел Кольцо на перст... Я выразился высокопарно, но не боюсь показаться смешным. Далеко не смешно было то, что последовало за этим... А что, собственно, последовало?

Страх и ожидание чего-то неведомого не давали мне уснуть почти две ночи подряд. Когда же я забылся коротким, прерывистым сном, Дьявол явился ко мне...»

— Знаем, знаем мы, что тебе явилось, — тяжело вздохнул Шишел и некоторое время массировал набрякшие, отяжелевшие веки. Потом стал читать дальше.

«Дьявол явился ко мне, — писал проклятый адмирал. — Дьявол. И вместо глаз у него был Желтый Огонь!

Не стоит переносить на эти страницы весь тот кошмар, что обрушился на меня вслед за этим, — он жив только во мне, со мной и уйдет в небытие. Недели, тянувшиеся той зимой, показались мне поистине бесконечными... Не знаю, что двигало мною, но я не стал скрывать Кольцо от своих соратников. И — странно — никто из них не задал мне ни одного вопроса. Но слухи о некоем явлении Камня в мир достигли тех, кому я, собственно говоря, и адресовал их. Посланник Черной Церкви встретился со мной «на нейтральной территории». Сначала я не понял, зачем в начале той весны де Робертис несколько раз подряд настоятельно приглашал меня в свое не так далеко расположенное от «Тенистых роц» имение. И только когда в странной часовне, в глубине все еще тонущего в снегу парка, Луис представил меня изумительно тощему, очень скромно одетому господину, я понял, что начал выходить на финишную прямую... Надо отдать должное этим типам — никогда никто из них не напомнил мне о том злосчастном оборотне, получившем свою пулю в затылок на заднем дворе моего дома.

Вот несколько страниц моих записей того времени...»

Дальше шел тот текст, который Шаленый уже читал перед тем, как решился проглотить активатор... Он перевернул эти страницы и стал читать дальше.

«Действие, — писал адмирал, — и только действие всегда считал я панацеей от любой напасти... Тем более в сложившейся ситуации... Покончить с охватившим меня смятением — я мог одним только способом — покончить со смятением, охватившим мир вокруг меня. Постигнув свое Предназначение или посчитав, что я его постиг, я перешел некий рубикон. Наконец те, кто спрашивал меня о дальнейших моих намерениях, получили ответ. Не доверяя радиосвязи, я направил надежных людей на Западное плато — в распоряжение Аэрокосмического десанта, к полковнику Рихтеру, и на Побережье — искать нынешнее расположение десанта Морского, а там — флаг-капитана Ауэрмана. С людьмишками помельче я снесся через Никольского.

Впоследствии молниеносную победу военной диктатуры в Малой Колонии приписывали тому моему качеству, которое, в зависимости от своего вкуса, одни

именуют политической мудростью, а другие — изощренным коварством. Это — выдумка, хотя и весьма мне лестная. Победа не была молниеносной — просто несколько отчаянных и довольно кровопролитных схваток на далеких подступах к Столице как-то выпали из поля зрения историков Смуты. Должно быть, потому, что на место действия не были приглашены репортеры и политические комментаторы. Сама Столица сдалась без боя. Полупокинутый город просто не заметил, что в него вошла очередная орда завоевателей. Только целая эпоха последующего наведения порядка и упорной борьбы за внедрение веры в Закон и Порядок в умы людей сделала нас Властью».

— Так, значит, Фай запел теперь по-другому? — с удовольствием констатировал Сапожник-Маноло, выслушав краткий доклад Адвоката. — Ну что же, я не возражаю против того, чтобы мы с Папочкой поболтали где-нибудь на нейтральной территории. У того же Григоряна, допустим. Но пусть он на это время попридержит своих ребят. Если он думает, что перестрелка в порту, это — сущий пустячок, то он крупно заблуждается. Кстати, что там творилось прошлой ночью на Сурабайя?

— Ни наших, ни Папы Джанфранко людей там не было, — пожал плечами де Лилл. — По неподтвержденным данным, там сцепились... э-э... люди Черной Церкви и те — из Храма Желтого Камня. Полиция, как всегда, замешкалась. Если и были убитые-раненые, то обе команды забрали своих пострадавших с собой. Знающие люди полагают, что продолжение вскоре последует. Вообще, народ одурел: Леон говорит, что своими глазами видел, как среди бела дня трое легавых в штатском захомутали двоих других...

— Ну и бог им в помощь. — Маноло слегка скривил рот в презрительной улыбке и помешал ложечкой чай, заваренный пакетиком «Липтона». — Предупреди всех наших, чтобы не лезли в эти разборки... Что касается встречи с Папочкой, то тут стоит поторопиться — после того как Луис угостил их личинкой «огненного червя», наступил их черед. Ход за ними...

И тут все здание склада, в подвальном этаже которого происходил разговор, тряхнул мощный взрыв. И почти сразу за ним — второй. В чашку Маноло шлепнулся основательный шматок потолочной извести. Сапожник помянул дьявола и добавил:

— Это, похоже, из противотанкового — по моему офису... Я, кажется, что-то говорил о переговорах? Можешь про это забыть, Адвокат...

Поднявшись на ноги, он отряхнул рукава пиджака, вытянул из кармана какие-то скомканные баксы, отворил в углу стоящий шкафчик и, запалив банкноты от зажигалки, принес их в жертву Хакун-Хунну — Шальному Богу Драки.

— Вы правильно сделали, шеф, что заранее перебрались сюда, — заметил де Лилл. — Сейчас я выясню, что там творится наверху...

Свирельный звук вызова, который испустил притороченный к поясу блок связи, прервал его. Адвокат прижал трубку к уху — здание тем временем тряхнуло третьим взрывом — и, сообщив на тот конец канала связи, что да, он все понял и передаст наверх, вырубил связь и повернулся к обсыпанному, как и он сам, с ног до головы, сыплющейся с потолка трухой Маноло и доложил:

— Это Трюкач. Они готовы и назначают время и место.

— Как? Вот так — сразу? — Маноло был потрясен. Адвокат снова пожал плечами:

— Я только передаю то, что Трюкач...

— Так, значит, когда и где?

— На двадцатом этаже Пугачевского центра, завтра в шестнадцать десять, — доложил де Лилл. — У лифта.

В дверь условным стуком постучал Уолт. Вошел и положил перед Шаленым карточку — «магнитку».

— Здесь все, что удалось собрать по этому человеку. Довольно богатая событиями биография, — прокомментировал он добытый материал, — Будьте осторожнее, Шишел. Всего лучше — попробовать найти с ним общий язык. Хотя это, конечно, зависит от того, как вы хотите... закончить партию.

Шишел сделал вид, что не понял вопросительной интонации слов настырного репортера, и молча стал «листать» файл по Клайду Ван-Дейлу, записанный на карточке.

Уолт, убедившись, что ответа на его скрытый вопрос, скорее всего, просто не существует, убыл по делам.

Потратив минут сорок на постижение тайны личности предстоящего партнера по переговорам, Шишел вернулся к магнетически манящим его строкам дневника Шайна.

«...Необычайно сложно и трудно строились мои отношения с людьми Ложного Учения, — сетовал адмирал. — Большинство из них темны и невежественны. Иные оболванены постоянными сеансами медитации и накачаны наркотиками. Пожалуй, только верхушка этого черного айсберга, возвышающаяся над морем мрака и безумия — Магистры и Великие Посвященные, — способна осознавать смысл их бесконечной борьбы с разумом и просвещением в Малой Колонии. И смысл их бесконечного противостояния Янтарному Храму.

К самим жрецам Янтарного Храма оказалось не так легко подступиться. Период господства Ложного Учения слишком памятен народу Малой Колонии. В ту — относительно недавнюю — пору лишь эти клоуны в оранжевых хламидах воплощали в себе идею Сопротивления. Дьявольски непопулярным жестом было бы любое покушение на это осиное гнездо.

Зато большего успеха мне удалось достичь в борьбе с мирским филиалом Храма — Институтом вакуума. Он — этот институт — достался Малой Колонии в наследство от Империи. Для нее — забытой Богом и людьми дыры у черта на куличках — это заведение было вполне приличным, неплохо оснащенным и перспективным исследовательским звеном. Теперь же, после исчезновения Империи, институт оказался чудовищно гипертрофированным, невероятно прожорливым и капризным аппендиксом в теле Малой Колонии. Даже когда значительная часть работ в нем была свернута, слишком многое и слишком многие здесь зависели от этого заведения, превратившегося в некую самодостаточную сущность. Позиции института укрепило и то, что он напрямую был связан с культом Янтарного Храма. Трудно сказать, кто был ведущим в этой спарке — академическая наука или же странный, полубуддистский-полусциентистский культ...

Я многое узнал от ученого народа. Оказалось, что, по мнению тех, кто был посвящен в смысл оставшихся нам от Предтеч текстов — их именуют еще Старыми Книгами, — Янтарный Храм служил местом познания структуры пустоты.

Предтечи близко подошли к некой технологии получения огромных количеств энергии за счет перестройки микроструктуры самого пространства. Исследователи, придерживающиеся такой точки зрения, двигались двумя разными путями: одни из них стремились расшифровать оставшиеся от Предтеч тексты и адаптировать полученную таким образом информацию к парадигме современной науки, к ее языку, в то время как другие шли путем последовательных попыток воспроизвести результаты, полученные якобы Предтечами. Оба направления брали свое начало еще в частично рассекреченных материалах, наработанных в Янтарном Храме людьми Комплекса. По обоим направлениям были излучены результаты, не лишённые прикладного значения. Опасность же этих исследований, по мнению противников этих исследований, заключалась в том, что активное воздействие на микроструктуру пространства может повлечь за собой своего рода цепную реакцию — спонтанный переход Вселенной из одного метастабильного состояния в другое. Образно говоря, это будет смертью одной и рождением другой Вселенной. Другой. В которой мы уже не предусмотрены. В которой нас не будет. Именно приближение к такому метастабильному переходу и ощущает Дьявол Камень. Именно его он и должен предотвратить».

— Чтоб им всем удавиться! — зло прошипел сержант Харрис, короткими перебежками пробираясь к наскоро сооруженной траншее, защищенной мешками с песком, где, вжав голову в плечи и ругаясь на чем свет стоит, пытался по рации докричаться до штаба операции рядовой Пол Родмен. — Где тут у них кто?!

— На той стороне, в здании библиотеки и на крыше склада, засели, по всему судя, люди Маноло-Карнеги, — торопливо начал вводить шефа в курс дела Пол. — А с той — в корпусе гостиницы — засели макаронники Папы Джанфранко. Палят почему зря. И те и другие...

— Бог ты мой! — зло сказал сержант. — Меньше недели мне трубить до отставки осталось, и тут вот — нате! Война мафий...

— Человек полагает, шеф, а Бог... — задумчиво начал Пол.

И тут их тряхнуло. Комья вывороченной взрывом земли и куски брусчатки посыпались с неба.

Сержант стал судорожно нахлобучивать на явно не стоящую такой заботы голову каску из дополнительного комплекта, розданного личному составу после довольно неожиданного начала очередной войны столичных «семей».

— Сегодня весь народ в городе умом поехал, — уверенно заявил Пол. — Перестрелка в порту, перестрелка в Нижнем городе, федералы арестовывают здешних легавых, здешние — федеральных, перестрелка в Вавилоне, здесь перестрелка. Макаронники садят по черномазым. Сатанисты сцепились с этими сектантами желтыми... Садят из военных бластеров почему зря. А мы — торчи тут как куклы между ними всеми и жди дальнейших указаний... Ого! Смотрите, шеф, кого сюда несет...

Петляя между оставшихся после ночного дождя луж и остывающих после ударов разрядниками проплешин, ныряя временами носом в грунт, к линии окопов пробирался Трюкач-Аванесян.

— Как этот тип нас вычислил? — остолбенело спросил Пола сержант.

С тем же успехом он мог бы спросить рядового Родмена о том, как Иисус накормил пятью хлебами толпу страждущих или еще о чем-нибудь в этом роде. Так или иначе, но

вконец выбившийся из сил Гарик обрушился в и без того тесный окопчик и возмущено зашипел:

— Куда вы провалились?! Еле нашел вас... Почему на связь не выходите?!

Гарик, видимо, полагал, что, говоря шепотом, он существенно снижает вероятность попадания в него шальной пули. В тот момент, когда он раскрыл было рот, чтобы приступить к изложению содержательной части своей миссии, над головами всей вооруженной братии загромыхал усиленный мегафоном голос кого-то из отцов города, призывавший участников перестрелки немедленно прекратить огонь и покинуть занимаемые позиции во избежание принятия силами армии и полиции экстренных мер.

— Сейчас пустят парализующий газ, — предупредил понятливый Пол, вытаскивая из сумки с «дополнительным комплектом» противогаз. — Или ударят инфразвуком... Говори быстрее, что надо, и сматывайся, — добавил он, обращаясь уже персонально к Гарику.

— У Хозяина в-все готово, — чуть заикаясь, выдавил из себя Трюкач. — З-завтра ровно в шестнадцать двадцать, на п-пятнадцатом этаже П-пугачевской б-башни...

Он машинально извлек из воздуха сначала открытку с изображенным на ней в честь святого Валентина сердечком, вернул ее туда, откуда она взялась, и вместо нее сотворил из ничего зажженную уже сигарету, зажал ее в зубах и полез вон из окопа.

— Он сдурел — Шишел этот, — взорвался сержант Харрис. — В городе чрезвычайное положение, полиция переведена на казарменный режим, а у него, видите ли, «все готово» — и подавай ему в шестнадцать двадцать, и чтоб точно, как в аптеке...

Тут, видимо, только подстегнутые мегафонным предупреждением люди Маноло пошли в атаку на засевших в библиотеке Фонда Армии Спасения макаронников Папы Джанфранко. В ответ что-то тяжело ухнуло и с каркающим железным воплем обвалилось, а высунувшийся из окопа любознательный Пол, поминая всех святых, схватился за голову: проломив ворота складского двора, на площадь выползал «Малыш» — тяжелый боевой танк, содержащийся людьми Каттарузы и предками их в резерве еще со времен Империи...

— Послушайте, Стивен, — после довольно тягостной паузы начал вошедший в кабинет капитан Остин.

Вместо того чтобы усесться за свой рабочий стол визави с федеральным следователем, он принялся мерить шагами скудное пространство, оставшееся незанятым антикварного вида картотекой, спецтерминалами и огромным аквариумом, в котором уютно сосуществовали завезенные с Земли неонки и мечехвосты, кристаллические медузы с Океании и здешние дирижабли.

— Так вот, послушайте, — продолжал капитан Планетарной контрразведки, — не пора ли нам с вами начать обмен военнопленными?

— Это вы о чем? — старательно рассматривая обитателей стеклянного параллелепипеда, вяло отозвался Стивен.

— Давайте не будем еще больше морочить друг другу голову, чем это у нас получалось до сих пор, — устало вздохнув, капитан опустил в свое кресло. — В городе происходит черт знает что: в открытую пошли друг на друга банды и секты. Силы поддержания порядка мобилизуют резервистов. На улицах стрельба пошла в открытую, а контрразведка и Федеральное управление другого занятия себе не нашли, кроме как взаимно арестовывать друг у друга оперативников...

— Так, значит, — очень убедительно разыгрывая недоумение, спросил Стивен, — эти

двое, что «пасли» моих людей в Вавилоне, это — ваши люди?

— Точно так же, — заверил его капитан Остин, — как пара подозрительных типов, которых мои люди ущучили возле Пугачевского центра, оказались вашими...

Некоторое время оба профессионала задумчиво молчали. Затем федеральный следователь взял инициативу на себя:

— Естественно, ваших сотрудников немедленно отпустят на все четыре стороны...

— Так же, как и ваших, — поддержал его капитан Остин.

— Дело не совсем в этом, — продолжил следователь Клецки. — Не кажется ли вам, капитан, что нашему любезному другу по кличке Шишел-Мышел удалось на редкость успешно столкнуть нас лбами? — Он перегнулся через стол и театральным шепотом спросил: — Признайтесь, когда и где назначил вам встречу Шаленый, чтобы вернуть Камень?

Пожалуй, к концу этого, солнечного поутру и ненастного к вечеру, дня немного в центре Столицы осталось таких тихих уголков, как древний — еще первыми колонистами заложенный — Храм Трех Святых. Весь мир вокруг мог стоять на голове, его могли раздирать войны и перестрелки, сжигать страсти и интриги власть имущих, но здесь — в сумрак погруженных сводчатых залах — царил вечный покой. Неполный десяток зашедших сюда — то ли душу молитвой облегчить, то ли от ночного ливня укрыться — посетителей не нарушал общей картины благостного запустения.

Клайд не без труда рассмотрел на одной из утонувших в полутьме боковых скамей впечатляющий силуэт Шишела. Осторожно приблизившись к нему, он кашлянул и вполголоса произнес условленную фразу о скверной для воскресших из мертвых погоде.

— Ну, здравствуй, бывший покойничек, — отозвался Шишел. — Ты не прочь будешь со мной тут вдоль колоннады прогуляться, а то в зале здесь акустика чересчур уж превосходная...

Они вышли в насыщенный запахом дождя вечер и не спеша пошли вдоль стены падающей на город воды, мимо подпирающей кровлю-навес шеренги полированного камня колонн.

— Мудрите что-то вы все — с Северного бугра которые, — посетовал Шишел. — Вот вчера, к примеру, в такое же вот примерно время еще один туз козырный со мною за Камушек поговорить хотел. И тоже, заметь, от имени и по поручению народа ихнего. Вашего то есть. Не очень удался разговор, правда...

— Я на вас вышел по поручению Деда Всех Дедов, а Свободный Лесной Народ тут мале при чем, — уточнил Клайд. — А тот, с кем вы встретились вчера... он назвал себя?

Шишел, чуть поколебавшись, продемонстрировал визитную карточку Советника.

— Вам повезло, — уведомил его Клайд. — Не знаю уж почему разговор с Советником у вас не получился, а только ничего хорошего для себя от господина Георгиу вы не дождались бы...

Шишел объяснил, почему не получился разговор с Советником и некоторые связанные с этим вещи. Клайд помолчал и неожиданно бросил:

— Пожалуй, мы напрасно с вами встретились, Шишел. Я не могу вам гарантировать оплаты за освобождение Камня даже в малой доле от того, что вам обещал господин Советник. Вчера у меня был сеанс связи с Северным полушарием. «Новости», что идут оттуда, далеко не благоприятны. Произошло что-то вроде дворцового переворота. Этого там

давно ждали. Дед Всех Дедов, видимо, убит. Так что я говорю с вами скорее от имени экипажа Корабля. Им удалось вовремя поднять эту штуку, и сейчас они болтаются на орбите. И если я и могу что обещать, так это возможность убраться со мной вместе отсюда подальше. С их помощью.

— Тебе тогда рассказать придется и про Корабль... — задумчиво протянул Шишел. — И вообще, про всю эту затею вашу. Начиная с того, как старый Бонифаций вас нанял...

— А вам... тебе, — поправился Клайд, — придется мне рассказать все про то, как вы с Камушкой тут управлялись...

— Да, пожалуй, нам друг другу туфту грузить не стоит, — подумав немного, согласился Шишел. — Разговор, однако, получится долгий.

Он и действительно был долгим, этот их разговор. И чем дольше он длился, тем мрачней становился Шишел. Только когда речь зашла о том, что Камень понадобился Деду Всех Дедов ни больше ни меньше как в качестве всего лишь навигационного прибора, Шишел чуть оживился. Заметив этот всплеск настроения собеседника, Клайд с досадой пожал плечами:

— Наше положение это не улучшает. Не можем же мы встраивать Камушек в систему управления Корабля вместе с вами... Кроме того, необходимо раздобыть для Камня особый, навигационный, интерфейс. Дед считал это самой легкой частью моей миссии. Под покупку этой штуки он выделил неплохие деньги. Как только я добрался до Столицы, я первым делом проконтактировал со здешним доверенным банкиром Лесного Народа.

— Случайно, не со Вторым директором Банка Туземных территорий? — тревожно спросил Шишел, уже немного разобравшийся во взаимоотношениях Деда Всех Дедов и Советника народа по вопросам безопасности.

— Нет, — раздраженно ответил Клайд. — Дело выглядело элементарным. И вот первое, что я узнаю, добравшись до Столицы, это — что проклятый предмет как в воду канул. А ведь был наполовину уже в руках у Деда.

— Это как — наполовину? — любопытно спросил Шишел.

— Да так, что половинка прибора, точнее, половина набора его составляющих уже куплена доверенным лицом Деда, а вторую половинку намечено было выкупить у Галереи Джеймса...

— Стоп! — Шишел остановился и придержал Клайда за локоть.

Сразу объясниться он не смог, а минутку-другую боролся с приступом нервного смеха. Потом откашлялся, сосчитал про себя до шестидесяти трех и вслух умозаключил:

— Ну, видно, Камушек неспроста нас свел! Теперь слушай меня...

До кровати Шишел добрался за полночь. Свалился в нее усталым, продрогшим под осенним дождем чурбаном, мгновенно заснул, и четыре часа подряд НЕНАЗЫВАЕМЫЙ Желтым Огнем вместо глаз учил его жить. Проснувшись и уже привычным рывком вытащив себя из кошмара, он поглядел на часы, пригубил джина и дочитал последние страницы дневников взятого адом адмирала.

«Мне не удалось, — писал тот много лет назад, — остановить ослепленных призрачными болотными огнями Истины безумцев, не пролив крови. Пусть кто угодно судит меня, но пусть он помнит о масштабах опасности, которой я

противостоял...»

А дальше шли протоколы, выписки из досье секретных расследований, приговоры. Шаленый перевернул еще несколько страниц и ближе к концу записок адмирала прочел:

«Все обернулось прахом и тленом. Напрасно были принесены в жертву неведомо чему тысячи душ. Снова, как и тогда — после возвращения из похода по Северному полушарию, я сижу один в своем старом кабинете, который был кабинетом и моего отца, и моего деда...

На орбиты вокруг планеты вышли крейсера Федерации (теперь Империи угодно называть себя так). Мертвые звезды Станции и космических причалов вновь ожили, заполнили эфир служебным шумом и несносно-бодрыми телепрограммами. С небес пришли на землю Малой Колонии люди из Метрополии — как и в былые времена абсолютно уверенные в своей правоте и в том, что они знают о планете, на которую прибыли впервые, решительно все, а то, чего не знают, того и знать не стоит.

Меня никто не свергал. Никто не пытался даже организовать какое-либо подобие оппозиции. Земля снова пришла на Малую Колонию. Этим все было сказано. Я не стал дожидаться ни неожиданного вызова на (за моей спиной созванное) заседание Комитета, ни появления бюллетеней о резком ухудшении моего здоровья. Я подал в отставку сам, и отставка моя была принята под общее гробовое молчание всей чертовой дюжины членов Комитета — хотя нет, вру: Лакост отсутствовал — он всегда силен был в предвидении щекотливых моментов и вовремя исчезал под совершенно безукоризненными предложениями. Принятое уже в мое отсутствие решение о награждении меня Крестом Тридцати Трех Миров и о пожаловании мне пожизненного президентского оклада, ей-богу, растрогало меня.

Но все это не слишком глубоко затронуло мою душу, не оставило следов того потрясения, которое я должен был бы испытать. Дело в том, что вот уже несколько недель, как Камень отпустил меня. Сначала — несколько дней подряд — непривычное ощущение покинутости владело мной. Потом я как-то ударом — в один миг озарения — понял: Камень перестал говорить со мной.

Я помню тот вечер так, будто он был только вчера... Я сказал себе, как часто говорил тогда... Я сказал себе: «Вот сейчас ты снимешь Кольцо. Просто-напросто снимешь и положишь на стол. И ничего ровным счетом не случится.» Я взялся за Кольцо пальцами правой руки и СМОГ сделать это единственное, простое, как вздох, движение... И Кольцо послушно покинуло перст. Несколько секунд я смотрел на него, пытаюсь понять чувство, овладевшее мною, потом положил Кольцо на стол — ничего ровным счетом не случилось — и зашелся истерическим смехом.

Странно, что то, к чему я стремился столько лет, то, что было моей несбыточной мечтой, сбывшись, обернулось странным и неожиданным разочарованием.

Я напоминаю себе собаку, потерявшую хозяина. Оказалось, что значение и ценность моей жизни в моих же собственных глазах придавало в основном то, что именно меня избрали некие высшие силы исполнителем их воли. Я слишком

свыкся с ролью спасителя Вселенной, чтобы снова вот так запросто оказаться простым смертным. По сравнению с таким «разжалованием» моя отставка с поста Верховного правителя просто не является событием. И еще. Я понял, что Камень уже лишил меня своей защиты. Что ничто уже не мешает пулям поражать меня, яду — отравлять, болезни — отправить меня на тот свет...

Один ли я знаю об этом? Чего ждать мне от притаившихся в своих капищах поклонников Сатаны? И чего ждать от людей Янтарного Храма? Не ждет ли меня участь несчастного Ди Маури? Кто тот новый Избранник, что явится за Кольцом? Я должен обезопасить себя. Ясно, что из моего защитника Камень превратился теперь в некий центр притяжения опасности... Все и каждый в Малой Колонии знают, что именно адмирал Шайн владеет Скрижалью Дурной Вести. Это превратило меня в прокаженного изгоя, которому лишь его огромная власть была защитой... Я перебираю варианты избавления от проклятого Кольца: я могу попытаться продать Скрижаль либо Янтарному Храму, либо Черной Церкви, но это в моем положении — огромный риск. И те и другие не прочь свести со мной счеты. Велико искушение просто забросить дьявольскую безделушку в океан. Еще надежнее — замуровать его где-нибудь в заброшенной штольне и вход в нее взорвать. Но боюсь, что Камень перехитрит меня. Пусть уж лучше кто-нибудь другой принимает решение. Президентская казна — наиболее подходящее, с этой точки зрения, место. Не стоит придавать «щедрому дару», которым я собираюсь осчастливить казну, излишней огласки. Я задумал неплохой отвлекающий маневр. Господин Коронный Ювелир — старик так и продолжает называть себя с тех пор, как получил свой титул еще во времена Империи — получил от меня довольно интересный заказ. Насколько я понимаю в таких вещах, ему не так долго придется хранить тайну, которую я доверил ему, — старик уже выработал свой «полетный ресурс». Нашу тайну он унесет с собой в могилу, а по Малой Колонии пойдут гулять пять или шесть совершенно одинаковых Камней. Это хоть немного отведет удар от меня... Совесть не будет мучить меня, ибо все вокруг меня и во мне самом обратилось в прах и тлен...»

— Тьфу на тебя, — сказал Шишел и выключил свой терминал.

Снова пора было идти на подвиги. Кажется, последний раз — в этом мире...

Глава 13

БОГ РАЗЛУК

Разговор происходил на месте предстоящего действия: на крыше стовосьмиэтажной башни, арендуемой Пугачевским центром сценических искусств и ремесел, украшенной вертолетной площадкой и уймой жутковатого вида радио-, теле- и еще каких-то там антенн. Никто из персонала башни не мешал беседе: день был воскресный, да и заплачено кому надо хорошо.

Профессор Мак-Аллистер был этим утром холоден и сух. Заигрывать с партнером он и не думал: опыт подсказывал ему, что этим можно только испортить все дело.

— Повторяю еще раз, — строго вычитывал он Шишелу. — Вне всякой зависимости от того, как сложатся ваши дела там, на нижних этажах, в семнадцать ноль-ноль вы должны быть здесь — в этой засаде. Порядок действий для вас и для меня. Я с «мешком» в сопровождении ассистента, с оружием в одежде, не обнажая стволов, поднимаюсь на сто восьмой этаж и, якобы провожу рекогносцировку. По радио — через обычные блоки связи — держим связь с нашими друзьями из Храма Желтого Камня... Не исключено, что они будут контролировать наши действия. С крыш и верхних этажей соседних зданий, например. Далее: убедившись, что вертолет — синий с белым, номер на бортах сто двенадцать — появился в воздухе и движется в нужном направлении — к нам, мы поднимаемся к площадке. Не лифтом, а через двери аварийной лестницы... Даррен — это, напоминаю вам, мой ассистент — имитирует действия телохранителя, я беседую с «мешком», до последнего момента отвлекаю его внимание... Так до момента касания шасси вертолета посадочной площадки. Ваши действия?

Шишел неприятно поморщился — эта игра в ученичество уже порядком осточертела ему — и, разглядывая высокие облака, стал отвечать «урок»:

— Валю маскировку — эти вот ящики. Расстреливаю «мешок» четырьмя зарядами, одним из них — в голову. Еще одним зарядом легко раню вашего ассистента — в мякоть плеча. Шестая и, может, седьмая пули — на ваш блок связи.

— Я держу его вот так, — уточнил профессор. — Если повредите мне кисть или зацепите Даррену кость или корпус — не обессудьте, приму штрафные меры.

— Затем, — продолжил Шишел, — бегу к вертолету. Пилот, как вы мне обещаете, корчит из себя полного идиота и во время перестрелки не уводит машину, а ждет, пока я приставлю ему пистолет к спине и пока я залезу в машину. Затем поднимает вертолет и уводит его к месту нашей второй встречи. Вы при этом палите вслед: вы — с правой, ассистент ваш — с левой по задней части корпуса «вертушки». При этом неплохо и вам помнить про штрафные меры...

Потом с опозданием поднимаете тревогу со стационарного телефона, на поиски которого тратите шесть — восемь минут. Лучше все девять. Пугаете бортовой номер, окраску и тип «вертушки»... И напомните мне, кстати, что мне делать, если эти монахи, которые, как вы говорите, будут отслеживать операцию, свяжутся с полицией сразу же и, ко всему еще, не будут морочить ей голову неправильными бортовыми номерами и прочей такой мурой? А еще они могут сами рвануть вдогонку — с них станется...

— Это вас не должно беспокоить. Дежурный на полицейском терминале поведет себя правильно... А если наши желтые друзья займутся самодеятельностью, то в первую очередь

будут задержаны их машины. По недоразумению, конечно... Всегда помните, что, пока Камень у вас, я не допущу, чтобы хоть волос упал с вашей головы...

— Это приятно, — заметил Шишел, глядя в небо.

Клайд ждал его в машине. Вид бывшего легионера Шишелу не понравился. Болезненный был у него вид. Усталый и напряженный... На заднем сиденье — тоже весь на нервах — напряженно ждал Мерген.

— Что не так? — спросил Шаленый, пытаясь сориентироваться в панели управления допотопного «рэмблера». — На какой помойке вы арендовали эту тачку?

— На Капо-Квача — снова война, — глуховато пояснил Клайд. — Люди Советника отравили Деда Всех Дедов. Но просчитались. Фанатики и вооруженная толпа сорвались с цепи и разнесли все и вся в Котловане. Заместитель Советника казнен. И еще много... разных людей. Объявлена республика и джихад всему Южному бугру. В общем, кошмар.

— Но ваш Корабль? — всполошился Шишел.

— С ним — все, как и договорились, — поспешил успокоить его Клайд. — Но люди сильно подавлены всем, что случилось... В четырнадцать десять будете говорить с капитаном. По кодированному каналу. Главное — чтобы не сорвалось здесь... И... и еще — мои люди... Впрочем, пусть Мерген сам скажет...

— В общем, так, — Мергену явно слишком тяжело было говорить. — Мы с Н'Бонго и с Мириам потолковали и решили... Тебе, Шишел, в общем, нечего уже терять... И тебе, Клайд, извини, теперь тоже от Камня деваться некуда... А мы здесь уже вроде за своих... В общем... не думаем мы... не верим, что вся эта затея у вас добром кончится... Ты ведь и сам не знаешь, Шишел, как этот узелок развяжется. В общем, мы — вне игры. И не надо нам нашей доли...

Воцарилась довольно тягостная пауза.

— Ладно, — вздохнул Шишел. — На вот... Держи... Выходное пособие... Это я тут за последний год наковырял кое-что. Мне теперь это уже без особой надобности, а вам сгодится на первое время. Как-никак я вам кое-чем обязан...

Он кинул на колени Мергену пластиковый прямоугольничек — электронную кредитку на предъявителя. Тот повертел ее в руках. Провел перед глазком своего блока, посмотрел на высветившуюся сумму и нервно откашлялся.

— Здесь слишком много, Шишел...

— Если дело выгорит, то к вечеру это для меня будет не более чем мелочь на карманные расходы... А если не выгорит, мне деньги еще долго не понадобятся...

Мерген сунул карточку в нагрудный карман, обменялся с Клайдом тяжелыми взглядами и вышел из кара.

Шишел снова тяжело вздохнул. Впереди было самое неприятное — ожидание.

Сантамария Кастельмажоре окинул взглядом толпу, роящуюся у подножия Пугачев-башни. Толпа была разношерстная, довольная жизнью и вроде безобидная. Все это несмотря на отчаянную стрельбу чуть ли не в центре города, взаимозахват заложников разгулявшимися бандами и сектами, пикетирование парламента экоэкстремистами, пропажу драгоценностей из сейфа Центрального комиссариата и скандал, разразившийся из-за неопределенности в принадлежности и местонахождении «атомного чемоданчика» на время предстоящей операции Президента по поводу грыжи.

Тяжело вздохнув, Сантамария двинулся к эскалатору, ведущему в подземные этажи центра. Его «роллекс» показывал пятнадцать сорок семь.

Подземные гаражи, расположенные под громадой центра сценических искусств и ремесел, были ничуть не лучше и не хуже точно таких же гаражей, расположенных под, скажем, тем же билдингом Налоговой инспекции или под зданием филиала ЮНЕСКО. Был относительно чисто, относительно безлюдно и относительно безопасно. Сантамария осторожно окинул отсек лифтов внимательным взором. «Свой» — для страховки поставленные хорошо накачанные ребята — были на местах. Других подозрительных лиц заметно не было — публика сквозила через отсек не задерживаясь. На двух из двенадцати дверях лифтов болтались таблички «Ремонт», что для Малой Колонии было нормой. Сантамария включил не слишком хорошо замаскированный в дорожной сумке прибор, утром полученный от профессора Мак-Аллистера, в правую руку взял неприметный, чуть потертый даже кейс и со скучающим видом побрел вдоль блока лифтов. «Роллекс» показал пятнадцать пятьдесят.

— Мистер, — тихо окликнули его сзади. Сантамария, не торопясь, обернулся.

— Мистер потерял что-то, — симпатичная девушка-подросток, цвета кофе без всякого молока, в униформе служащей центра, подойдя почти вплотную — лучезарно улыбалась ему.

Она подняла на уровень его глаз свернутую лодочкой ладонь и чуть развернула ее. Черный, неправильной огранки бриллиант, вправленный в тусклую платину, хмуро блеснул в лицо Адвоката.

«Проклятье, — подумал Сантамария, — участие в обмене третьих лиц — да еще притом в лице черной бабы — не оговаривалось...»

Он чуть скосил глаза на просвет расстегнутой дорожной сумки. Зеленый глазок индикатора светил вовсю, и прибор еле слышно зуммерил — вибрация передавалась через рукоять сумки руке Адвоката. Он опустил на пол кейс и повернулся к девице боком, подставив ей дорожную сумку.

Камень скользнул в нее. Нэнси подхватила кейс и со все той же профессиональной улыбкой на устах нырнула в на редкость вовремя причаливший лифт.

Делая вид, что он что-то ищет в сумке, Сантамария внимательно осмотрел перстень и осторожно, зажав в ладони, переместил его в особо надежный карман своего пиджака. Потом, припомнив предупреждение профессора: «Не злоупотребляйте идентификатором, помните, что все время, пока он работает, вы и окружающие находитесь в поле тока высокой частоты, отнюдь для вас не полезном», выключил чертов прибор. Кивнул «своим ребятам» и не спеша пошел к эскалатору.

За дверью лифта, украшенной табличкой «Ремонт», облегченно вздохнул Шишел, наблюдавший происходящее через окошко, извне смотревшееся как простое пятно на пластике двери.

Над их головами, на десятом этаже башни, уже прохладился, посматривая на часы, Фай Адриатика. Он клял себя последними словами за дурацкую привычку появляться на месте действия всегда чуть раньше положенного: в пустынном холле у лифтов среди быстро сменяющейся публики он смотрелся словно тяжеловесный гусак в стае шустрых воробьев. Ко всему еще жалобно запищал висящий на поясе блок связи. Фай нехотя поднес машинку к уху и осведомился, какого же все-таки черта...

— Я понимаю, Фай, что звоню не вовремя... — извиняющимся тоном затараторил с

того конца канала Зепп-Копченый. — Но все-таки тебе лучше будет знать, что к башне подтянулись люди Маноло. Наши пока себя не проявляют, но в любой момент может выйти...

Фай посоветовал Зеппу попросить у Папы Джанфранко подкрепления, если, конечно, не все еще силы Семьи задействованы на фронте, и убедительно попросил не выходить из рамок предусмотренной операции в ближайшие четверть часа. Снова поглядел на часы. В четырех метрах от него, за пластиковой дверью «ремонтирующегося» лифта, точно так же впился глазами в циферблат Шишел.

«Большая драка идет, — подумал Фай. — Как это говорилось в старину... «Вижу кровь на луне...» Уж не Камушек ли работает?»

— Извините, мистер, — услышал он сзади.

Часы показали шестнадцать ноль-ноль.

Фай обернулся.

— У меня что-то не в порядке с часами, — посетовал худощавый малый, остановившийся сзади, прямо впритык к нему. — Никак не разберусь с поправкой на местное время... — продолжал подозрительный пентюх. — Вот, поглядите.

И показал ему Камень.

Ладонь он тут же зажал и вопросительно воззрился на собеседника.

— Подержите, — сказал Фай и передал типу небольшую сумку-несессер.

Некоторое время они сверяли наручные часы, после чего оба, не торопясь, проследовали в разные кабины лифтов, унося: Фай — прекрасно исполненную мастером Кановой имитацию Скрижали Дурной Вести, а Уолт Новиков — оговоренную сумму в полноценных кредитках Федерального банка.

Еще десятью этажами выше Адвокат, расположившийся в кресле, вовремя случившемся в пустынном холле, уже тщательно изучал очередной номер «Комментатора» и обстановку места предстоящего действия. Его уединение нарушил только как снег на голову свалившийся Махмуд-Фокусник. Он вывалился из кабинки лифта и, задыхаясь от важности принесенного им сообщения, довел до сведения Адвоката, что вокруг башни «громоздится хренова туча макаронников Папы Джанфранко» и что Адвокату стоит побережиться при выходе. Что до Маноло, то он обещал подтянуть к зданию всех, кто не занят на «операциях» в центре. После чего торопливо убыл.

Адвокат зло скомкал «Комментатор» и посмотрел на часы. Они показывали шестнадцать десять. За спиной его кто-то посвистел. Тихо и удивительно нахально. Резко обернувшись, де Лилл нос к носу столкнулся с Гариком-Трюкачом. Большого унижения Адвокат не мог себе представить.

— Убирайся к чертовой бабушке! — коротко приказал он Трюкачу. — Я здесь по делу...

— Я — тоже, — уведомил его Гарик. — Но я — человек не гордый: могу и уйти. С этим вместе?

И он аккуратно показал глазами на свою левую ладонь, между пальцами которой был зажат Перстень. После чего без лишних слов принял в правую делового вида папку с приятно хрустнувшими банкнотами и, оставив в артистически изящной ладони Адвоката не менее артистическое изделие Мастера-Кановы, канул в кабину лифта.

— Ты можешь мне объяснить, какого черта делают здесь люди управления? —

осведомился сержант Харрис у верного Пола. — Я нос к носу в лифте столкнулся с теми типами, что перетряхивали наши показания по тому эпизоду... с «Джевелри трэйдс»...

Пол пожал плечами:

— Тут сейчас вообще все кому не лень. Нечисто тут что-то. И то сказать... в утренней сводке «Новостей» говорили, что наш хороший знакомый — комиссар Блюм — дал согласие на глубокое ментоскопирование. В связи с выдвинутыми обвинениями по поводу пропажи этой... Сейчас, наверное, уже до всего докопались, если, конечно, вообще могли докопаться... Быстрее надо брать товар и уматывать...

— Так вот поэтому и дуй на пятнадцатый, а не разводи тут ненужных разговоров, — несколько нелогично, но твердо распорядился сержант. — Я подстраховываю тебя с шестнадцатого.

Пол дунул на пятнадцатый. Ровно к шестнадцати двадцати. Он был настолько готов к любым неожиданностям, что Энни с трудом удалось привлечь его внимание деликатным покашливанием над самым ухом.

Дальше все происходило, как в немом кино: демонстрация Камня и обмен одного на унылого вида контейнер с баксами, который репортер «Галактического бюллетеня», Энни Чанг, с благородным изяществом сразу же утащила в лифт, оставив терзаемого всеми возможными видами страхов Пола разбираться далее с произведением Мастера-Алессандро.

В шестнадцать сорок, на двадцать пятом этаже Пугачев-башни капитан Планетарной контрразведки присоединился к федеральному следователю. Они присели на широкий каменный подоконник и положили рядом два похожих как близнецы Дьяволовых Камня. Потом оба поставили рядом — одна к другой — две мало различающиеся наплечные сумки. В обоих исправно светили фотодиодами и исправно тихо гудели идентификаторы Камня.

Еще бы им не гудеть. Шишел с его единственным настоящим Чертовым Камушком был тут как тут — за дверцей лифта. Но долго задерживаться там он не собирался.

— Проклятье, — констатировал Стивен. — Кто дурачил вас? Работал под связного?

— Чернявый парень восточного типа, — описал капитан Остин внешность Трюкача. — А вас?

— Наш лучший друг Уолт Новиков, — федеральный следователь с силой приложил кулаком правой руки в ладонь левой. — Даже идиоту ясно, что настоящий Камень как был, так и остается на пальце у Шишела! А сам он где-то рядом, здесь...

Словно опровергая его слова, оба идентификатора разом погасили свои фотодиоды и прекратили мерзкое гудение.

— Он уходит! — почти заорал капитан Остин и резко вскочил с дьявольски холодного мрамора подоконника.

— Спокойнее, капитан, — успокоил его федеральный следователь, также поднимаясь на ноги. — Нижние этажи уже заблокированы. Эти жулики будут уходить по воздуху. Это нами тоже предусмотрено. Вызывайте оперотряд и поехали на крышу.

Он спокойно подошел к дверце ближайшего лифта и тронул сенсор вызова кабины. Лампочка индикатора — чуть повыше — и не подумала загораться.

— Не высовывайтесь, Клайд! — Шаленый шикнул на подбегающего к нему по периметру пустынной вертолетной площадки соучастника. — Ну что у вас там?

— Примерно то, чего я ожидал, — зло ответил тот. — Советник на место встречи не

явился.

— Ну что же, — философски спокойно заключил Шаленый. — Не получилось сравнить пауков, так будем действовать по основному варианту...

— Вы недооцениваете Советника, — справившись с приступом раздражения, покачал головой Клайд. — Будьте готовы к диким финтам и сюрпризам...

— Готово, — доложил Трюкач, окончивший упаковывать неслыханную добычу последнего часа в средних размеров рюкзак. — Эти побрякушки, — он потрянул упакованным в пластиковый пакет Симметричным Набором, — как вы и сказали — отдельно...

Зазвенел амулет на груди у Клайда. Тот поднес его к уху и увеличил громкость.

— Капитан Клайд, вы слышите нас? — раздался над площадкой голос ее высочества Фесты так, словно она стояла где-то здесь, среди сбившегося в кучу на продуваемой всеми ветрами крыше стовосьмиэтажной башни братства Чертова Камушка. — Мы запустили планетарные движки. Идем к вам — врубите радиопеленг.

— Слышу тебя отлично, — торопливо выкрикнул Клайд, манипулируя с амулетом. — Пеленг включил. Как принимаете?

— Нормально. Через семь минут входим в атмосферу. Сколько человек надо взять на борт?

Клайд поднял взгляд на Шишела. Не столько с вопросом, сколько просто ожидая последнего решения. Тот в свою очередь, глянул на Уолта.

— Я слишком глубоко увяз в этой затее, ребята, чтобы из нее выйти сухим, — констатировал тот давно всем понятный факт.

— Что до меня, — пожал плечом Энни, — то я не намерена бросать на середине такой дьявольски интересный материал, что пошел у вас...

Мнения Нэнси, Трюкача и самого Клайда спрашивать не требовалось.

— Семеро. Пусть готовится принять на борт семерых, — отрубил Шишел.

— Значит, седьмым все-таки пойдет? — спросил бестолковый временами Гарик, но ответа не дождался.

— Семеро, — сказал амулету Клайд. — Нас будет семеро.

— Вас поняла, — сухо сообщила Феста. — Сейчас переключаюсь на кодовые каналы — надо предупредить ваших дурней из ПВО, чтобы не вздумали играть в «кто быстрее выстрелит»... Не вырубайте пеленг...

Этажом ниже прильнувший к биноклю у панорамного окна Даррен махнул застывшему в ожидании у площадки аварийного выхода генерал-академику.

— Вертолет, — вполголоса крикнул он. — Наш... Сине-белый. Номер совпадает...

— Приготовьтесь, милейший доцент, — с легкой натугой произнес Мак-Аллистер. — Надеюсь, вас не укачивает в воздухе?

— Я боюсь не того, что меня укачает... — как-то рассеянно ответил Сэм, присевший на ступеньках уходящей в небеса лестницы. — Возьмите-ка на всякий случай вот это. — Он протянул Мак-Аллистеру небольшую потертую папку, зажатую до этого момента у него под мышкой.

— Вы доверяете мне найти продолжателей ваших трудов? — осведомился тот. — На случай, если ваше... э-э... отсутствие затянется?

— Нет, — Самуэль Бирман как-то грустно встопорщился. — Вряд ли тут есть, что продолжать. Я получил конечный результат. Ваше дело — опубликовать его. К сожалению,

мне не на кого больше рассчитывать...

Лысый Крокодил открыл было рот и потом закрыл его. Снова открыл... И тут вдруг закашляли и заперхали десятилетиями — со времен окончания последней войны — молчавшие мегафоны принудительного вещания сразу на всех ста восьми этажах башни. И по всему городу — тоже...

— Внимание, — закаркал над городом жестяной голос. — Внимание! Штаб ПВО округа передает экстренное оповещение... Слушайте все! Слушайте все!

— Что за идиотизм?! — хрипло спросил у подбежавшего Даррена Мак-Аллистер так словно тот был повинен в происходящем.

— Взимание! — гнул свое металлический голос. — Аэрокосмическое нападение! Повторяю, происходит аэрокосмическое нападение на город. Внимание! Это не учебная тревога! Всем летательным аппаратам — немедленное приземление. Повторяю. Всем летательным аппаратам — убраться из воздушного пространства! Аэрокосмический налет! Всем передатчикам, кроме системы ПВО — уйти из эфира... Повторяю...

— Гос-с-споди! — заорал Даррен. — Г-геликоптер... Он с-свернул... В-все рушится!

— Всем гражданам, — крыло дальше принудительное вещание, — покинуть надземные помещения. Всем занять места в укрытиях в соответствии с мобилизационным планом девятьсот шесть — тринадцать...

Толпа на улицах застыла. Вряд ли хотя бы каждый десятый из простых смертных, застигнутых жестяным гласом, имел представление о существовании в недрах Министерства обороны мобилизационного плана девятьсот шесть — тринадцать...

— Вперед, на крышу! — распорядился профессор Мак-Аллистер и вытянул на свет божий здоровенный пистолет. Даррен машинально также оцетинился «узи».

— Убежище, по-моему, находится где-то внизу... — робко предположил доцент Бирман.

— На крышу, я сказал, старый дурень! — железным голосом приказал профессор и пребольно ткнул продолжавшего расслабленно сидеть на ступеньках доцента стволом под микитки.

Тот живо поторопился исполнить приказ.

— Что вы сказали? — совершенно искренне поинтересовался поспешавший за ним Даррен, не расслышавший бормотания Сэма.

— Азохенвей! — с удовольствием повторил тот: — Я говорю: Азохенвей!

Теперь уже все шло поперек намеченных планов. Вместо того чтобы выйти на крышу, скрывая оружие под одеждой, вся троица на крышу выбежала, причем профессор и его ассистент потрясали стволами. Почти одновременно с ними на уровень крыши, нагло игнорируя металлический голос, поднялись и зависли три геликоптера с эмблемами разных каналов ТВ.

— Это твоя работа? — тихо спросил Уолт Энни. Та ответила только недоуменным взглядом, говорящим, что уж кто-кто, но уж никак не Уолт Новиков мог бы сомневаться в ее профессионализме.

Не по плану повел себя и Шишел. Вместо того чтобы драматически появиться на сцене из укрытия, он благополучно встретил профессора у самого выхода с аварийной лестницы и крепко прижал дуло своего кольта к затылку генерал-академика.

— Здравствуй, — сказал он Сэму так, словно никого другого и не собирался увидеть в

этом месте и при этих обстоятельствах.

— Здравствуй, — ответил тот с каким-то горьким удивлением и, не обращая ни на что никакого внимания, словно лунатик, сделал пару шагов к решетке ограждения и сел на шершавый цемент, опершись спиной о железные прутья.

— Что это значит, черт побери? — осведомился Мак-Аллистер, поднимая, однако, обе руки вверх. Пистолет он, правда, не бросил.

— Это значит, — пояснил Шишел, — что ты и твоя шестерка, — он кивнул на точно так же растопырившего вздетые руки Даррена, — будете стоять сейчас тихо-тихо, а я увезу вашего подопечного далеко-далеко... Бросьте, пожалуйста...

И тут Даррен испустил вдруг нечеловеческий, птичий какой-то вопль...

— У него — тоже!.. — заорал он. — У него тоже не настоящий!..

При этом он, не опуская вздетых рук, пытался всеми остальными частями тела указать на что-то такое, что находилось на уровне его пупа.

Все устремили свои взоры на эту непонятную сущность, и узрели только болтающийся на шее ассистента прибор величиной со средних размеров видеокамеру. На приборе ярко светились несколько шкал индикаторов.

— К-камень! — продолжают призывно голосить Даррен. — Камень у него дает т-только общую составляющую... Н-никакого специфического сигнала! Это — подделка!

— Это — подделка?! — свирепо загудел Шишел, выставя вперед растопыренную ладонь. — Это?!

И он дернул Перстень, совершенно забыв о том, чем до сих пор кончались для него такие попытки.

И Кольцо послушно соскочило с его пальца. Все остолбенели.

И тогда в наступившей звенящей тишине стал слышен ни на что не похожий кудахчущий звук.

Шишел ошалело повернулся к его источнику.

И вдруг он понял — а вместе с ним поняли и все собравшиеся здесь, на этой дурацкой крыше, что это доцент Самуэль Бирман смеется. Неудержимым, мелким, словно ранний осенний дождик, смехом. Кажется, только сам Бирман не замечал этого до тех пор, пока по его пожелтевшей и горестно сморщенной щеке не поползла, цепляясь за колючки щетины (начавшей брать свое после вчерашнего бритья), прозрачная и наивная слеза. Слезу доцент утер.

— Чему вы смеетесь, дьявол вас побери? — остолбенело спросил Лысый Крокодил. — Что вы видите смешного в этой идиотской ситуации?

Сэм несколько раз беззвучно плотнул воздух и, только вернув себе таким образом способность говорить, начал сбивчиво и сумбурно втолковывать сошедшимся вокруг бестолочам, в чем именно состоит соль приключившегося с ними гносеологического анекдота.

— Постарайтесь понять... Это крах... Это крах всего того, на что я потратил половину жизни... Мы... я... Мы просто не в той Вселенной оказались...

— У мужика крыша поехала со страху, — решительно умозаключила Нэнси. — Вы с профессором на пару его допекли, Шишел. Он теперь до могилы лыка вязать не будет, бедненький. Обезвредили вы его, как говорится, вот Перстенок-то вас и отпустил... Дело мол, свое вы сделали, теперь — гуляйте...

— Пусть девочка помолчит хоть немного, — попросил Сэм. — Я постараюсь вам все

это сейчас объяснить на пальцах, но, право же, это так смешно, словно еврейский анекдот, честное слово... И так же грустно...

— Бога ради, давайте по существу, док, — взмолился Гарик. — Нас сейчас бить придут, а вы, ей-богу... дурака валяете..

— Слушайте сюда, — наконец взяв себя в руки, начал Сэм. — Вы все более или менее в курсе того, что я хотел получить... Я хотел знать, как устроена пустота... Этим многие занимались... Еще в двадцатом веке — на самой Земле... Но тогда не было выработано нужного математического аппарата. А потом исследования развивались в других направлениях... Общество, так сказать, утратило интерес к этой проблеме. Стали больше средств тратить на теорию подпространственных перемещений, скачков... Потом еще биологи перетянули на себя интерес — когда началась эра Колонизации. Только такие вот чудачки, вроде Самуэля Бирмана, — док сопровождал эти слова жестом, словно впервые представлялся слушателям, — продолжали копать во всем этом «пепле былых пожаров». Так, между прочим, сам великий Даймлер сказал про эти исследования: «Пепел былых пожаров...»

Так вот, продолжаю объяснять па пальцах. Квантовая теория времени разработана и заброшена была сравнительно давно. Про кванты пространства разговаривали много, но формализованную теорию разработали только для частных случаев... Мне удалось оба этих направления обобщить. Выдумать, так сказать, единую, самую элементарную частицу пространства-времени. Его квант...

— Это здорово, док! — ободрила доцента Бирмана Нэнси, по интонации Сэма догадавшаяся, что в этом месте текст, выдаваемый доцентом, стоит одобрить для общего успокоения нервов. Профессора Мак-Аллистера от столь компетентной оценки чуть не хватил удар.

— Да, это здорово, — согласился Сэм. — Но автор этой выдумки не я сам — Старые Книги помогли мне... Один только Ди Маури смог приблизительно постичь их смысл. Поистине это было, надо полагать, божественное вдохновение. И не случайно то, что никто из современников его не понял. Это суждено было только мне... Если бы не Старые Книги, я, без сомнения, пошел бы по проторенной тропинке: стал бы описывать известные на сегодняшний день элементарные частицы как возбужденные состояния этих пространственно-временных квантов и в конце концов прослыл бы еще одним старым чудачком, выдумавшим их классификацию. Ничем не хуже и не лучше, чем еще сотни две таких классификаций, покоящихся в анналах науки... Но Старые Книги подтолкнули меня на другой путь... Видите ли, они содержали одну мысль... Довольно интересную мысль... Идею...

Тут откуда-то снизу стали палить трассирующими, видимо надеясь принудить вертолеты ТВ к посадке. Те эти намеки игнорировали, а вот Сэм Бирман чуть не сбился с мысли.

— Вы говорили про какую-то идею, док, — напомнила ему Энни. — Только покороче, пожалуйста.

Сэм торопливо вернулся к своей истории:

— ...Идею того, что в самой природе этих квантов пространства-времени заложена некая нестабильность. Возможность некоей асимметрии... Асимметрии, которая проявилась бы при их переходе из одного состояния в другое, в виде дефекта массы. Или, что то же самое, в виде выделения энергии...

Мне удалось построить некоторую непротиворечивую теорию, которая (в одном частном своем аспекте) описывает пустоту как неопределенно большое множество совершенно идентичных, находящихся в неустойчивом, метастабильном состоянии, квантов... И, внося в это множество совершенно незначительные, но определенным образом направленные изменения, можно заставить эти кванты скатываться на ступеньку вниз и производить при этом некий минимум полезной работы... Именно эта идея и манила тех, кого мы называем Предтечами, и тех, кто потом в покинутом тысячелетия назад Янтарном Храме пытался достичь этой цели... Но не достиг.

И это далеко не случайно — то, что цель эта оказалась недостижимой... Никогда целью не бывает нечто, уже достигнутое...

— Боюсь, что вы не совсем ясно выражаетесь, док, — подал голос Уолт.

— Дело в том, что система уравнений, которая описывает... м-м... состояние того множества квантов пространства-времени, включала в себя некий произвольный параметр. Величину, на которую было наложено только одно ограничение; она может принимать только положительные целочисленные значения или ноль... Правда, от того, какое значение бралось за основу, очень сильно изменялся способ решения этой системы... Фактически то время и те средства, которыми располагали я и моя группа в университете, позволяли в реальные сроки разобраться только с одним вариантом решения. Значит, очень важно было выбрать правильное значение этого параметра... Не было никаких предпосылок, чтобы останавливаться на каком-то одном из великого множества целых чисел. Предтечи сделали выбор за меня. Они выбрали ноль. Я решил, что на это у них были неизвестные мне причины.

Уже на ранних этапах приближения к решению моей проблемы — к получению набора значений разных физических переменных, при которых можно было бы вызвать переход квантов пространства-времени на более низкий энергетический уровень, страшное открытие подстерегало меня. И Старые Книги предупреждали о нем: переход каждого кванта пространства-времени снижает общий потенциал устойчивости всего множества квантов. И существует некий предел... некая «критическая масса» таких — претерпевших энергетический переход — квантов, по достижении которого скатится на «нижнюю ступеньку» и все их множество, выделив при этом неопределенно большое количество энергии. Бесконечное, если выражаться нестрого. После такого перехода все параметры Вселенной станут иными. В ней просто не будем предусмотрены МЫ САМИ. Я уже не говорю о том, что выделение огромного количества энергии само по себе успеет уничтожить нас и все живое и неживое вообще. Мысль о том, что, осуществляя свою работу и двигаясь к постижению Истины, я даю в руки людей — в такие ненадежные руки — средство УНИЧТОЖЕНИЯ МИРОЗДАНИЯ довлела надо мной многие годы. Но... Но, как и в воспитанники Храма Желтого Камня, я именно Истину полагал основой бытия... Полагал и полагаю...

— Знаем мы вас — поклонников Истины с большим буквы «И», — зло заметил профессор Мак-Аллистер. — И врагов человека с маленькой буквы «г»...

— Будет вам... — сбитый с хода своих мыслей Сэм Бирман некоторое время облизывает ставшие вдруг сухими губы и наконец продолжил: — Однако мысль о чересчур... э-э... близко лежащей возможности такой всемирной катастрофы породила какую-то червоточину в кристально чистой, монолитной логике открытой — нет, не мною, Предтечами — теории. И буквально за несколько дней до того, как... до того, как началась для меня вся эта

безумная история, мне пришло в голову проделать, хотя бы в малой ее части, ту тривиальную работу, о которой я вам говорил раньше. Представить хоть несколько хорошо известных и изученных элементарных частиц как возбужденные состояния «моря» квантов пространства-времени. И тут я понял, как далек был от Истины...

— Что, драма идей приключилась? — снова подал язвительную реплику Мак-Аллистер.

— Воистину так, — не замечая иронии профессора и вообще ничего кругом не замечая, почти скороговоркой продолжил Бирман. — Воистину так: электрон в том мире, который описывала логически абсолютно неуязвимая теория, не существовал вообще... Бозоны... Да что там говорить — мир элементарных частиц предстал передо мною в виде какой-то дикой пародии... Короче говоря, я понял, что с самого начала «стал не на те рельсы». Выбрал не то значение «произвольной переменной»... Выбрал для работы не ту Вселенную...

— Это вы, конечно, маху дали, док, — признала Нэнси. — Но не стоит огорчаться. — Она похлопала доцента по плечу. — Все поправится. Главное, нас с вами так и не угрохали...

Сэм Бирман на мгновение вынырнул из пучин своих мыслей, вытаращил глаза на разношерстную компанию, сбившуюся вокруг него, и снова вошел в роль Шахерезады, чокнувшейся на теоретической физике.

— В основе этой идиотской ошибки, — продолжал он, — лежала полная некомпетентность Предтеч в физике элементарных частиц... Ее у них просто не было...

— А откуда же они тогда вообще взяли понятие о квантах и... и о всем таком?.. — недоуменно спросил не чуждый естественнонаучных знаний Уолт. — И Корабль, который они создали...

— Очень долго объяснять это... — Сэм вперил взгляд в пространство перед собой. — Видите ли, вообще вся система знаний и... и... ну, умений, искусств у Предтеч была совершенно иной, чем у нас... Если говорить об их физике, то она носила более, ну... ну, более космогонический характер... К превращениям веществ, к структуре вещества у них был совершенно иной подход... Это вовсе не значит, что путь к выходу в Космос и к понятию о квантах был закрыт для них... А может, ее им подсказал Янтарный Храм...

— Так они же его сами и создали... Как это возможно?.. — Уолта явно задели за живое рассуждения Сэма. Настолько, что он уже начал забывать о довольно сложных обстоятельствах времени и места действия, в котором он участвовал.

— Ну а как компьютеры подсказывают людям решения, которые до анализа исходных данных на быстродействующей вычислительной технике никому и в голову не приходили? — парировал Бирман. — И потом... Янтарный Храм создали вовсе не Предтечи...

— А, черт его возьми, кто же?! — поразился Уолт.

— Те, кто был еще раньше. До Предтеч. До Большого взрыва. До начала Вселенной вообще.

— Это как?! — На этот раз и Уолту пришла в голову мысль, что с мозгами у доцента Бирмана не все в порядке.

Сам же подозреваемый в поврежденности умом Сэм лихорадочно продолжил:

— Понимаете, это несоответствие теории и практики толкнуло меня на... на несколько нетривиальный шаг: я не пошел по пути численного решения системы уравнений, о которой говорил вам только что... Я проанализировал свойства этой системы в зависимости... Как бы поточнее сказать?.. В зависимости от выбора «произвольной переменной». Такой анализ

не был предусмотрен стандартными пакетами программ, которыми обеспечена информационная сеть Малой Колонии... Пришлось работать почти вручную... Я как раз начал приходить к определенным результатам, когда вся эта чертовщина в вашем лице, господа, обрушилась на меня...

Так вот: стоило мне сделать шаг в сторону от той тропы, что проторили Предтечи, и я понял главное — то, чего не дано было постигнуть ни Предтечам, ни узколобым спецам из Комплекса... Все значения «произвольной переменной» дают отрицательные значения для энергии перехода квантов пространства-времени от их основного уровня к любому другому. Для того чтобы разрушить Вселенную, придется затратить, а вовсе не получить то самое «неопределенно большое» количество энергии. Потому что невозможно разрушить уже разрушенное! — От волнения, охватившего Сэма, у него даже испарина выступила на лбу, несмотря на пронизывающий осенний уже ветерок.

Энни молча протянула ему белоснежный носовой платок. Доцент промокнул чело и нервически вострубил в платок неожиданно забившимся носом. После чего машинально вернул платок его хозяйке и продолжил:

— Те, кто был до Предтеч, те, кто создали и Янтарный Храм, и предохранитель к нему — Дьявол Камень, — разрушили свое Мироздание. Неведомо когда. Создатели нашего мира сгинули. Уцелел лишь их инструмент — Янтарный Храм и Камень. Большой взрыв — самый первый Большой взрыв, а не очередная пульсация видимой Вселенной, и был порожден тем самым «выделением неопределенно большого количества энергии»... Та, разрушенная Вселенная и была тем хаосом, из которого родился НАШ МИР.

— Есть выражение... — начал было Уолт.

— Да, я знаю... — устало бросил Сэм.

Выговорившись, он здорово скис, обмяк, словно надувной шарик, из которого выпустили воздух, и теперь делал над собой явное усилие, чтобы отвечать на вопросы.

— Так какого же черта? — не выдержал теперь уже Шишел. — Так какого же черта этот Камушек сгубил и Предтеч, и массу народа уже теперь, если вся эта затея с энергией из вакуума — пшик?

— Камень не знал и не знает ничего заранее. Он — отражение истинного информационного состояния Вселенной. Сам он новой информации не порождает. Если во Вселенной имеется информация о том, что познание природы вакуума может разрушить Вселенную, то он будет препятствовать этому познанию. Как только во Вселенной возникает истинная информация о том, что этой опасности нет, он становится безразличен к этому познанию и его путям. Что и случилось. Теперь в ваших руках просто невинный навигационный инструмент...

— Над всем этим стоит подумать... — почесал в затылке Шаленый.

И чертыхнулся. В живот ему упирался ствол здорового пистолета. На другом, менее опасном конце этого ствола находился генерал-академик Рональд Мак-Аллистер. Он ядовито улыбался.

Точно так же — как питон кроликам — улыбался и всецело преданный шефу Даррен. Кроме этакой вот улыбки он был вооружен еще и последней моделью старого как мир «узи».

Никто из команды Шишела не успел вовремя привести оружие в боевую готовность или даже просто схватиться за него.

«Навербовал себе раздолбаев! — мысленно обругал себя Шаленый. — Да и сам хорош: развесил уши, чудак с большой буквы «М»...»

— Как я понимаю, Камень вам больше не защита... — почти ласково произнес профессор. — Отдайте-ка эту штуку лучше мне...

— Нас снимают. — Энни кивнула в сторону вертолетов с эмблемами каналов ТВ, болотными мухами висевших на уровне крыши башни.

— А мы не делаем ничего предосудительного, — невозмутимо возразил профессор. — Если кто здесь нечестно играет, так это не я. Я только изымаю похищенную ценность из рук лица, которое к ней ни малейшего отношения не имеет. С целью возвращения законному владельцу, разумеется...

— Лифт заблокирован, — констатировал очевидный факт Стивен. — Прежде чем до них доберутся по лестницам, они смоются на «вертушке».

— Четвертый, — распорядился в микрофон капитан Остин. — Я — Первый. Блокируйте объект с воздуха. Почему не вижу наших «вертушек» в воздухе? Где десантные платформы? — И добавил уже, обращаясь неизвестно к кому: — Какой болван гонит музыку на служебном диапазоне? Не слышно ни...

— Первый, Первый, — надрывался с того конца канала связи сержант Сноуден. — Я — Четвертый... Четвертый, говорю! Распоряжение штаба ПВО: взлет запрещен... Взлет говорю, нам запрещен. В воздухе какой-то НЛО... Повторяю... Суки подлые, уберите к хренам музыку! Ничего не разобрать... Повторяю: Распоряжение штаба!..

— Так какого же черта вон эти вот «жучки» висят себе спокойно и снимают? — раздраженно возопил федеральный следователь. — Или приказы штаба ПВО не для них писаны? И что там эти идиоты думают? Которые в штабе...

— Не могут же они их сбивать на глазах у всей Столицы, — зло отреагировал капитан Остин. — Этим болтунам из СМИ сам черт не брат...

— Это как-то взаимосвязано... этот НЛО и то, что происходит на чертовой крыше... — заключил вслух, но больше для себя самого федеральный следователь.

— Внимание, — вдруг четко прозвучало в динамике, настроенном на кодовую волну штаба ПВО. — Все ли поняли меня? Повторяю. Говорит борт «Хару Мамбуру». Всем выйти из эфира! Всем уйти из воздушного пространства!

И снова грянула музыка — Древний гимн.

— Гос-с-споди, кто это? — ошарашенно спросил Стивен. — Это что — ОНИ? Борт НЛО?

— До штаба мы не докричимся, — рассудительно умозаключил капитан Остин. — У нас еще есть время добраться до них на флайере. Врубите сирену и маячок...

— Ладно, забирай, твоя взяла, — вздохнул Шишел и раскрыл широкую ладонь, на которой сумеречным сполохом блеснул Дьявол Камень.

Каким-то отрешенным взглядом он не спуская глаз следил за чем-то, что происходило за спиной профессора. Но тот был не так прост, чтобы поддаваться на подобные уловки. Он смотрел только на Камень. Фатальную торжественность момента порушил Гарик.

— Дай посмотреть! — с сорочьим любопытством в голосе выкрикнул он и, ухватив Кольцо из-под самого носа Лысого Крокодила, стал, причмокивая, вертеть его перед своим — далеким от классических пропорций — носом.

— Немедленно отдайте Камень! — заорал профессор Мак-Аллистер и судорожно вырвал палеокосмическую реликвию из рук Трюкача, который уже протягивал Кольцо ему

со словами: «Ну уж и нельзя в последний раз глянуть...» Тут же в затылок генерал-академика уперся ствол пистолета.

— Не делайте резких движений, — порекомендовал Советник Георгиу профессору. — Со мною, — он кивнул головой себе за спину, — еще трое, и у них — армейские бластеры. Так что положите Кольцо на землю и сделайте шесть шагов вперед, пожалуйста...

Ей-же-ей, Рональд Мак-Аллистер именно так и поступил бы, кабы не верный Дарреп. Он совершенно неожиданным футбольным финтом — ударом правой ноги — вышиб «пушку» из рук Советника, а левой рукой — Кольцо из рук столбом стоящего шефа и, скакнув лягушачьим скоком, накрыл своею тушей покотившуюся по железобетону драгоценность. Сверху на него кошкой прыгнул один из людей Советника.

— Куча мала, — констатировала Энни, делая снимок за снимком.

— Если вы думаете, что я что-нибудь понимаю в происходящем, так я вас разочарую, — уведомил своих подопечных офицеров, дежурных по Центру управления штаба ПВО Малой Колонии, генерал-лейтенант Диммер. — Я не понимаю ничего: над планетой трети сутки болтается на низкой орбите неопознанный корабль. Он маневрирует, не подает предусмотренных уставами сигналов, не подчиняется никаким командам, то пропадает, то возникает, создает, в конце концов, угрозу для космонавигации во всем околопланетарном пространстве... А нам командуют оттуда — с самого верха: отслеживать и докладывать. Активных средств ПВО не применять... Теперь эта штука съехала с орбиты и прет по прямой к Столице — сверху тот же приказ!.. Давно пора уже боевую тревогу врубить в «красном» режиме, а мы все созерцаем...

— Господам политикам виднее, — сухо резюмировал его заместитель. — Однако к нам гости: на контрольно-пропускном торчат двое в штатском и генерал-лейтенант Химмельблау. Все с пропусками от Генштаба и с правом доступа...

— Ведите этих клоунов сюда, — поморщившись, распорядился Диммер. — Хотят сами при сем присутствовать — пусть сами потом и отдуваются — с нами, грешными, наравне...

Ни для кого из присутствующих не было большим секретом то, кого именно представляет здесь генерал Химмельблау. Человек Комплекса он и есть человек Комплекса. Двое сыщиков в высоких рангах привлекли несколько большее внимание, но в общем-то было не до них.

С дурацким неопознанным летающим объектом творилась явная чертовщина: то он появлялся на экранах, то исчезал, то приборы оценивали его как след реактивного лайнера, то как многокилометровое твердое тело, то как ионизированное облако плазмы. А бывало — и вообще не чувствовали никакого объекта.

— Первому эшелону обороны — полная боевая готовность! — распорядился генерал Диммер.

Йозеф-Йохан Химмельблау положил ему руку на плечо.

— Не горячитесь... — тихо сказал он. — Постарайтесь понять: это Чужой Корабль... Не планетарный, межзвездный... Это наше хозяйство. Мы на его поиски угрохали уйму средств и потерять его не имеем права. И потом... Он может ответить огнем на огонь... У него колоссальный энергетический ресурс... А если он вообще рванет в пределах атмосферы, от всего живого на Планете и пепла не останется. И от нас с вами — тоже.

Йозеф-Йохан кривил душой. Приказ, запрещающий взлет любым аппаратам, был

условием, продиктованным с борта НЛО. Но не признаваться же в том, что твои же собственные люди с Капо-Квача учинили непослушание и бунт...

— Так что же — прикажете вот так сидеть и смотреть на это... — генерал Диммер не мог найти слов, — на все вот это?

— Я вам не начальник, генерал. Я просто советую вам не предпринимать ничего... Наши люди пытаются войти с... с ними в контакт. По радио.

Но с радио дела были плохи: по всем каналам, глуша кодовые сообщения и команды, громыхал Древний гимн.

— Генерал, — сказал капитан Остин, протягивая Диммеру свое удостоверение. — Необходимо задержать этих людей на крыше Пугачевского центра — тех, которых сейчас показывает ТВ по четырем каналам.

— При чем тут ПВО? — раздраженно ответит Диммер. — Идите и забирайте ваши жуликов сами. Они сейчас как раз заняты мордобоем, если судить по картинке. — Он кивнул на теплившийся в сторонке огонек экрана общевещательного приемника.

— У них вертолеты, — вошел в разговор Стивен, тоже демонстрируя свой идентификатор. — А вы перекрыли все воздушное движение над городом... Они запросто уйдут... Дайте хотя бы команду... Это преступники федерального значения.

— Диспетчер, — ядовито спросил в микрофон генерал Диммер, — какая команда может сейчас пройти на пусковые установки?

— Эти черти задавили нас в эфире! — доложил дежурный диспетчер. — И сами не хотят выходить на связь. Я ни за что не могу отвечать в такой ситуации...

— Вы видите, что творится? — повернулся к посетителям Диммер. — И вообще, команду теперь здесь не я, а во-о-он тот господин. — Он кивнул на Йозефа-Йохана.

— Всем убратся из воздушного пространства! И уберите эти чертовы вертолеты и платформы!.. — уже без оглядки на условности приказал генерал Химмельблау.

Люди Советника замешкались, не решаясь пускать в ход оружие. Не из-за того, что можно было в образовавшейся свалке укокошить собственного шефа или вообще кого из своих. Усмиряющим фактором служили скорее зависшие на уровне крыши башни «вертушки» телехроники. Они обеспечивали слишком уж большое количество свидетелей всему, что происходило здесь.

Из-под брыкающегося и из стороны в сторону елозящего по площадке холма, образованного дерущимися, вылетели в сторону сначала безнадежно разбитые очки Даррена, а затем и он сам — с расквашенной физиономией, выплевывающий выбитые зубы — верный секретарь профессора Мак-Аллистера. Не тратя времени понапрасну, он зайцем кинулся по диагонали площадки к перилам ограждения. Вся орава дравшихся оставила свое занятие и устремилась за ним. На бетоне остались кататься, нещадно лягая, кусая и тузя друг друга, только лишь генерал-академик и Советник народа.

Все семеро обезоруженных виновников «торжества» напряженно стояли поодаль, готовые в любой момент включиться в схватку за главный приз. Азарт борьбы охватил даже ранее индифферентного ко всему доцента Бирмана. Трюкач и Пташка-Клерибелл с трудом удерживали его на месте. Возникло позиционное равновесие.

И тут Нэнси воскликнула:

— Смотрите! Смотрите! — Она отпустила рукав Сэма. — Вон туда! Это они... они пришли за нами!..

Остальные шестеро, как по команде, задрали головы, разглядывая происходящее в синей бездне неба.

— «Ковчег»... — выговорил Сэм Бирман. — Вот он «Ковчег» Аббата Ди Маури...

— Нет, — возразил ему Клайд. — Теперь уже не «Ковчег». «Хару-Мамбуру»...

— Чего? — не понял Шишел.

— Потом... — отмахнулся Клайд.

Даррен меж тем достиг перил ограждения и, широко размахнувшись, словно гранату метнул проклятую реликвию в белый свет как в копеечку. Посверкивая на лету, Кольцо описало красивую дугу и кануло в сумеречном ущелье Вест-стрит.

В нескольких километрах оттуда, перед экраном установленного в палате телевизора, Бонифация Мелканяка чуть было снова не хватил кондратий.

Вся куча преследователей, мгновенно забыв про самого Даррена, вцепилась в перила, чуть не своротив их, и секунд пять-шесть всматривалась в бездну. Затем, не говоря худого слова, вся компания кинулась в двери аварийного спуска. Даррен последовал за ними, огрев на ходу Советника Георгиу по удачно подставленному темени взятыми в замок кулакам. Выпроставшийся из объятий противника, генерал-академик ломанул следом, взяв старт прямо с четверенок. Ошалевший Советник народа не замедлил вскочить на ноги и, гигантским нетопырем ткнувшись пару раз в предметы, для того не предназначенные, рванулся наконец в оставшуюся сиротливо отверстой дверь. Вместе со всей одичавшей оравой он обрушился двумя этажами ниже на почти уже одолевших нелегкий подъем людей Каттарузы во главе с Фаем Адриатикой. Полузатоптанные мафиози были еще совершенно не в курсе случившегося, но уже чисто рефлекторно кинулись вслед пробежавшей по ним орде и настигли ее еще дюжиной этажей ниже — там, где проход закупорила бестолковая команда Маноло, а уж вся эта очумевшая лавина, словно бурная река щепки, подхватила и понесла с собой начавших было где-то на двадцатом этаже отчаянную схватку с людьми Ложного Учения послушников монастыря Желтого Камня... Все. Только семеро остались смотреть в небо на крыше стовосьмиэтажной башни.

— Приготовьтесь, док, — сказал Шаленый. — Не потеряйте ваши бумажки. Как ценный кадр полезете в Корабль первым.

— Я не полезу никуда, — тихо ответил Сэм Бирман. — Мне некуда бежать из этого Мира. Здесь моя семья, мое дело... И я не преступил ни одного закона...

В другое время и в другом месте его слова только рассмешили бы Шишела. Но он уже знал, что означает эта кроткая решимость тихого доцента. Тихо, непривычно тихо он сказал:

— Тогда прощайте, Сэм.

— Прощайте, Дмитрий, — также тихо ответил Сэм.

Это вовсе не походило на многим из старшего поколения Малой Колонии хорошо знакомый аэрокосмический налет. Вовсе нет. Это походило на что-то метеорологическое, на мираж: словно в высоком, еще только начавшем хмуриться простершимся вдоль горизонта тучами небе на город начала набегать волна. Сперва еще трудноразличимая, на дрожание воздуха в отчаянной дали похожая, она с каждым мигмом становилась все более и более ощутимой, темной, плоской громадой, стремительно заполнявшей собою пространство.

— «Лапута»... — зачарованно произнес диспетчер. — Гулливеровская «Лапута» — вот что это мне напоминает...

— Не «Лапута»... — тихо — больше для себя — сказал Стивен, — «Хару Мамбуру»...

— Они уже над городом, — доложил, преодолев оцепенение, диспетчер. — Резко сбрасывают скорость... — И уже сверх уставных требований, от себя, добавил: — Она страшно громадная... Как крейсер... Как целый астероид, черт побери!

— Если сейчас у какого-нибудь идиота хватит ума выпалить по этой штуке, — глухо сказал генерал Химмельблау, — то мы можем остаться без Столицы...

По-над крышами, башнями и шпилями города, и впрямь все замедляя и замедляя свой стремительный бег, плыл опрокинутый, словно отраженный в невероятной величины вниз повернутом зеркале, какой-то индустриальный, сюрреалистический ландшафт. Непривычные, словно из адским пламенем обожженного металла, но явно рукотворные плоскости, башни, перекрытия, нагромождения каких-то конструкций — и все это, плотно скомпонованное, втиснутое одно в другое и неимоверно громадное и сложное, — все это плыло все медленнее и медленнее, словно невидимым морозом схватываемое, стремилось к тому, чтобы окончательно замереть, остановиться в какой-то магической точке... Все остановилось...

И стало ясно видно, что меньше чем в полусотне метров над крышей-площадкой Пугачев-башни разверзся люк.

Из люка, прямо на головы колготившегося на крыше народа, полезла, как доложил дежурный наблюдатель с вертолета, «какая-то сложного вида длинная хреновина».

И еще из люка раздался хорошо знакомый Клайду голос Принцессы Фесты.

— Сюда! Сюда, капитан Клайд! — кричала она. — Цепляйтесь за лестницу и давайте сюда...

— Это?! — обалдело-вопросительно заорал Гарик. — Вот это — лестница?! По ней — забираться?! Да они там...

— Прощайте, — почти неслышно повторил Сэм и отступил назад. Поднял руку в прощальном жесте...

Шишел, не говоря худого слова, сосчитал про себя до четырех с половиной — на большее не было времени — и с неожиданной для его комплекции легкостью и сноровкой подпрыгнул, ухватился за металлическую конструкцию, нависшую над головами сгрудившихся на крыше жуликов, и быстро полез вверх, к люку. Клайд посадил сначала Энни, затем Нэнси и полез вверх сам, стараясь не наступать на пальцы следующего за ним Уолта. В арьергарде торопливо карабкался онемевший от всего происходящего Гарик.

— Уходят... Уходят они от нас... Вместе с добычей... — с досадой крикнул Стивен, не отрывая от глаз мощного бинокля. Примерно то же, что видел он, показывали сразу несколько мониторов в зале Центра управления: беглецы — все шестеро, один за другим — исчезали во чреве Чужого Корабля.

— Да пошли они все к чертовой бабушке! — прервал его изливания капитан Остин. — Камень, Камень-то куда они зафитилили? Немедленно сомкнуть окружение! — заорал он в микрофон. — Всем — носом в землю и искать! Никого через оцепление не выпускать без обыска!.. Чтобы ни одна вошь...

Но тут до кого-то в полузамершей было толпе, опоясывавшей Пугачев-башню, до кого-то дошел смысл происшедшего там — на верхотуре, — видно, трансляция событий по ТВ сделала свое дело, — и горланящая орда, смяв обалдевшее ограждение, кинулась к подножию башни. Вторая такая же орда выкатилась из здания им навстречу...

То, что люди Папы Джанфранко сей же момент сцепились с командой Сапожника-Маноло, а люди Черной и Янтарной Веры тоже не упускали случая свести счеты друг с другом, прошло почти незамеченным на фоне воцарившегося всеобщего бедлама.

— Передайте коменданту, что пора вводить в город войска, — устало распорядился в трубку генерал Диммер.

Шишел, словно замороженный, застыл на четвереньках над обрезом люка и смотрел на происходящие внизу дела. Занятие это прервала Принцесса Феста, за ворот оттащив его от края и толкнув вслед остальным, уходящим в глубь туннеля-коридора. Люк сомкнулся, словно диафрагма старинного фотоаппарата. На мгновение Шишелу показалось, что наступила тьма хоть глаз выколи.

Но это было не так: вдоль стен туннеля тянулись слабо светящиеся надписи и стрелы-указатели, нанесенные, верно, уже теперешним экипажем Корабля. Из каких-то непонятого назначения щелей и отверстий сочился приглушенный — янтарный, черт побери, — свет. Так что сориентироваться в этом — словно гигантским червем в стальной скале проточенном — лабиринте было все-таки возможно.

Двое из команды Корабля в поблескивающих фольгированных гермокостюмах бежали первыми, указывая путь. Ее высочество Феста подгоняла запоздавших сзади. Всего, как прикинул Шишел, они проделали по петляющим проходам путь километра в три-четыре. Явно приделанные в новые времена — вполне современные — приборы и механизмы встречались иногда на этом пути, а иногда — и что-то вовсе уж непонятное. Временами пол начинал плыть под ногами, временами судорожная вибрация сотрясала нутро Корабля.

К финишу они добрались, достигнув довольно вместительного помещения, в котором сходилась несколько туннелей сразу. Бог его ведает, чем служила эта пещера для Предтечей, а нанятые Свободным Лесным Народом специалисты превратили ее в главный пульт управления Кораблем. Огромный стереозэкран, занимавший более половины площади стен, открывал сейчас панораму Столицы с высоты башни, над которой завис Корабль. В креслах перед разными секторами пульта напряженно замерло еще пять или шесть человек команды — все в гермокостюмах с откинутыми шлемами.

— Занимайте вот эти кресла, — скомандовала принцесса и протянула руку к Шишелу: — Давайте сюда Набор.

Шишел покорно вытянул из недр своей шгормовки и протянул ее высочеству пакет с обоими воссоединившимися наконец частями Симметричного Набора. Феста вытряхнула их в углубление под сетью каких-то хитроумных вырезов в металле древней стены отсека-пещеры.

Все филигранные летали Симметричного Набора почти без всякого усилия вошли в прорези каменного «пульта» и словно слились с ним, став всего лишь металлическим платиновым узором на его полированной поверхности. Только гнездо, предназначенное для Камня, осталось пустым.

— Надо уходить!.. — еле переводя дух, сипло выдавил из себя Шишел. — Как можно дальше...

— Особо далеко мы не уйдем теперь — без Камня... — так же тяжело дыша и сипя, успокоил его Клайд.

— Как так — без Камня! — воскликнула Принцесса Феста.

Впервые Клайд увидел на ее лице растерянность.

— П-почему без Камня? — озадаченно спросил Гарик. — К-камень — вот он...

Он раскрыл ладонь, и перед всеми сгрудившимися вокруг него предстала Скрижаль Дурной Вести. Все остолбенели.

— А что же ты тогда этому черту отдал? — недоуменно спросил Шишел.

— Я его п-подменил, к-конечно, — как о чем-то само собой разумеющемся сказал Гарик.

— Так ведь было-то всего шесть подменных Камней! — схватил Трюкача за грудки Шишел. — ШЕСТЬ!!! Седьмой-то откуда взялся?! — Он тряхнул Гарика так, что тот чуть не выронил чертову реликвию под ноги собравшимся.

— Так я же в-все время вам хотел рассказать, — взвыл Гарик, — а вы мне только и велели все время, что заткнуться... И потом... В общем, в Храме Желтого Камня я его стырил... Когда насчет Энни там был... Эти м-монахи — дикий народ... Никакой сигнализации...

— Ни хрена я не понимаю... — раздраженно перебил его Шишел. — Откуда в Храме этом Желтом подменный Камень-то? С чего ему там взяться?

И вдруг, запнувшись на полуслове, выкатил на Гарика настолько осатанелые зрачки, что тот даже заикаться перестал.

— Это... — прохрипел Шишел. — Это... Так ты стащил из Храма подменный Перстень адмирала Шайна?

— Самого Святого Шайна? — поразила Принцесса Феста.

И взяла истинный Перстень с ладони Трюкача.

— И как же ты его там нашел? — осведомился Уолт. — Они же его должны были бы хранить как зеницу ока...

— Должны бы были, если бы у них крыша в порядке была. А так ведь тронутые они все там... Я им, понимаешь, баки забиваю про свое раскаяние, да про то, как от мирской сей юдоли в монастырь монахом без вреда для себя перебраться, а экскурсовод этот их — так словно майская роза расцвел и повел меня музей ихний смотреть... Трудовой и боевой славы...

— Музей? — поразила Энни.

Гарик скривился, силясь выразить свою мысль поточнее:

— Ну музей не музей, а так: ну, мощи там у них выставлены всяких деятелей... Причиндалы всякие ритуальные... И Шайна там портрет и вещи его выставлены... Он же и Пестрой Вере в святых числится, а для Янтарного Храма — в мучениках... А которые за Ложное Учение, так те и вовсе...

— Бога ради, давай по существу! — очень убедительным тоном попросил Шишел...

— А я как Камушек-то увидел, так на него глаз и положил... — торопливо продолжил Гарик. — Сначала подумал, честно признаюсь... Сначала я к этой... к твоей Шишел затее прицепом думал пристроиться, но потом испугался... Да так и — таскал с тех пор как...

— Он что у них, так вот на блюдечке и лежал? — осведомился Шишел. — А поп-то, тот, что тебя по монастырю таскал, он-то что, слепой был или с придурью, что тебе так вот и позволил?..

— Да я, понимаете, — уточнил Трюкач, — ветошью прикинулся — все больше ахал и охал и вопросы задавал идиотские...

— Это у тебя хорошо получается, — заметил Шишел. — Просто здорово...

— А потом отстал и заблудился вроде, пока этот поп еще с парой блаженных — вроде

того, которого я из себя изображал, — языком чесал... Ну и рванул в музей этот, а там уж... И вообще — дикий они народ: ни тебе запоров, ни сигнализации... Так — видимость одна... — заключил Трюкач.

Шишел грохнулся в свое противоперегрузочное кресло и только и вздохнул:

— Большая ты зараза, Гарик, если вдуматься...

— Стартовая готовность, — скомандовала Феста и вставила Камень в мерцающее гнездо. — Приготовиться к Скачку.

Все кинулись по местам.

Последний раз взглянул Дмитрий Шаленый на раскинувшуюся внизу панораму Столицы Малой Колонии. Странное и чем-то смешное смешение храмов и портовых складов, небоскребов и монументов, трущоб и дворцов, утопающих в зелени парков, заводских корпусов и кладбищ — все это стало проваливаться вниз, дернулось, накренилось и поползло в сторону.

«Прощай...» — подумал Шаленый, словно расставался с кем-то близким.

Громада Корабля бесшумно скользнула куда-то вбок и вверх. Сухим ветром подхваченным листом плавно вымахнула в далекое небо. Корабль словно ушел в другую плоскость. Стал еле заметен. Совсем исчез.

Потом полыхнуло.

Солнце померкло.

По всему городу в окнах полетели стекла. Огромной дугой в небе среди бела дня повис сполох северного сияния.

— Это Скачок! — заорал диспетчер. — Прямо из атмосферы... Скачок, задави меня господи!..

— Итак, — констатировал капитан Остин, — в результате принятых мер преступная банда скрылась в неизвестном направлении. Растаяла в просторах Галактики... Унося большие суммы выкупа. Камень потерян. Нам — крышка. По полной программе и при всех аксельбантах — крышка...

— Вряд ли нас сразу кастрируют, — задумчиво утешил его федеральный следователь. — В конце концов, даже в пьяном бреду никто не смог бы предположить, что в распоряжении этой компании окажется действующий звездолет...

— От этой компании я порядком устал... — Капитан Остин отошел от окна, не удостоив вниманием всяческие остаточные явления Скачка, разворачивавшиеся в небесах Малой Колонии. — И от этой катавасии вообще, — добавил он.

Он нагнулся и достал из ящика стола шутовскую каменную фигурку и поставил на стол перед собой. Достал из кармана какую-то бумажную мелочь и, щелкнув зажигалкой, разжег ее на получившемся маленьком алтаре.

— И все-таки жаль, — добавил он, глядя, как отражается в тусклом стекле пламя, пожирающее кредитки. — Жаль, что мы не встретимся с ними больше... Ей-богу, я буду скучать без этих лихих ребят. Больше чем без очередного звания...

Стивен подошел к нему и молча добавил свои пять баксов к жертве Линнлин-Данну — Странному Богу Разлук.

— Не думаю, что это навсегда, — сказал он. — Это слишком лихая компания, чтобы с нею не встретиться снова...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

БОРИС ИВАНОВ начал публиковаться в конце 80-х годов, «стартовав» коротким рассказом «Путешествие белой мыши» и мини-триллером «Репортаж», сразу замеченными любителями фантастики, да и критикой. Его повесть «Один к одному» стала одним из победителей престижного интернетовского конкурса «Арт-Тенёта».

В своих повестях и романах, многие из которых написаны «в дуэте» с Юрием Щербатых, Иванов словно взялся доказать, что «классическая», «твердая» SF, основу которой составляет, по его словам, «магическая триада»: тайна + крепкий сюжет + мечта жива и не думает уступать своих позиций ни «новым волнам», ни новейшим интеллектуальным изыскам. Впрочем, границы жанра не были для Иванова рубиконом, «который не перейдешь»: причудливо смешаны фэнтези и детектив в вышедшей в 1996 году «Обители монстров», а появившийся следом «13-й дож Эбисс-Айл» — не что иное, как одно из первых в отечественной SF успешных «погружений в виртуальность». Писатель не боится бродить по «чужим территориям», по «ничейной земле» и возвращается из таких походов с удачей.

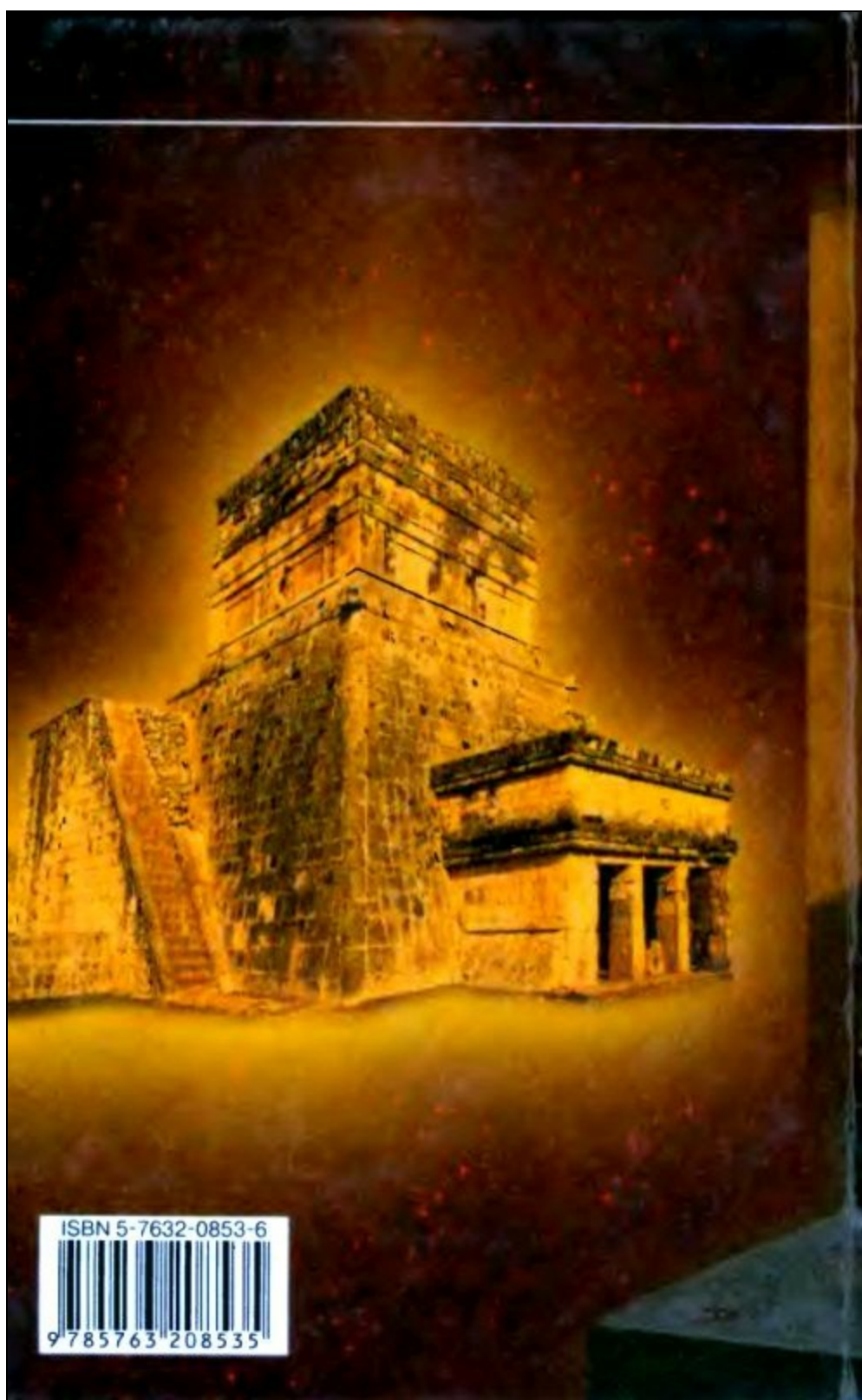
Но ближе всего фантастике Иванова древние как мир и такие же неисчерпаемые сопредельные просторы детектива и плутовского романа, никогда не теряющие своей привлекательности для читателя.

Наверное, все это — и фантастика, и детектив, и авантюра — отражение какой-то грани личной судьбы автора — ученого-биолога, которого эта судьба задалась сделать свидетелем как можно большего количества актов трагикомедии нашего века: она отправляла его погостить к друзьям в Восточную Европу в августе 68-го, когда по ней покатались гусеницы советских танков, и преподавать в университете небольшой африканской страны именно тогда, когда после двадцати лет «прогрессивной» диктатуры местное воинство решило менять политический курс путем военного переворота. И уж конечно, август 91-го и октябрь 93-го встретить ему пришлось командированным в Белокаменную.

В фантастике Борис Иванов присутствует не только как «генератор текстов». Он президентствует в воронежском творческом клубе «Созвездие», вместе с Василием Щепетневым и молодыми фантастами из разных концов СНГ издает электронный «фантастический журнал» «RARAAVIS» («Редкая птица»), адрес которого в Интернете (<http://www/vm.ru/press/ga-gaavis>) хорошо известен любителям «сетевой фантастики». А до этого был еще «Оберон» — «фэнзин», на свой манер освещавший жизнь современного «фэндома». Иванов часто пишет о фантастике и в «большой прессе». Его статьи появлялись на страницах газет и журналов, в том числе — американского «Локуса», немецких «Черепков Вавилона» и французской «Желтой подводной лодки».

Но ни критиком, ни политиком от литературы, ни пророком Борис Иванов стать не стремится.

«Хотя я пишу о том, что будет, или может случиться, я — не пророк, — говорит он в своем интервью. — Фиговый из меня пророк. Я — просто шарманщик. Стою на углу и накручиваю старенький инструмент, чтобы вам не так плохо было идти по нынешнему ненастью. А на плече у меня — попугай. Он вытаскивает из коробки билетки с вашей судьбой. Хотите — погадаю?»

ISBN 5-7632-0853-6

9 785763 208535